

ISSN 2079-6021 (Print)

ISSN 2619-029X (Online)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

CURRENT ISSUES IN PHILOLOGY AND PEDAGOGICAL LINGUISTICS

№3 2023

ВЛАДИКАВКАЗ
VLADIKAVKAZ

ISSN 2079-6021 (Print)
ISSN 2619-029X (Online)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

№3 2023

Научный журнал

[https://doi.org/ 10.29025/2079-6021-2023-3](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3)

<http://philjournal.ru>

Тематический выпуск

ЛИНГВИСТИКА XXI ВЕКА: НАПРАВЛЕНИЯ, МЕТОДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Приглашенный редактор

*доктор филологических наук, профессор
Элла Анатольевна Китинина*

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-75316 от 15.03.2019 г.

Издание имеет регистрацию в международном центре стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN 2079-6021 от 10.05.2010 г.)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ Эл ФС77-72568 от 04.04.2018 г.

Издание имеет регистрацию в международном центре стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN 2619-029X от 31.05.2018 г.)

Основан в 2000 году

Учредитель: ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ КОСТА ЛЕВАНОВИЧА ХЕТАГУРОВА»

Главный редактор

Тамерьян Татьяна Юльевна,
доктор филологических наук,
профессор
(Владикавказ, Российская Федерация)
E-mail: tamertu@mail.ru

Заместитель главного редактора

Воркачев Сергей Григорьевич,
доктор филологических наук,
профессор
(Краснодар, Российская Федерация)
E-mail: svork@mail.ru

Ответственный секретарь

Кусаева Елена Эльбрусевна,
кандидат филологических наук,
специалист отдела внешних связей
(Владикавказ, Российская Федерация)
E-mail: lena_kusaeva@mail.ru

ISSN 2079-6021 (Print) ISSN 2619-029X (Online)

© ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», 2023.

Члены редакционной коллегии

Абрамовских Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор (Самара, Российская Федерация).

Алимурадов Олег Алимурадович, доктор филологических наук, профессор (Пятигорск, Российская Федерация).

Бирюкова Евгения Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Москва, Российская Федерация).

Бредихин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Ставрополь, Российская Федерация).

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор (Екатеринбург, Российская Федерация).

Викулова Лариса Георгиевна, доктор филологических наук, профессор (Москва, Российская Федерация).

Гусман Тирадо, Рафаэль, доктор филологических наук, профессор (Гранада, Испания).

Иванова Ирина Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Ставрополь, Российская Федерация).

Кислицына Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент (Симферополь, Россия).

Кравченко Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор (Иркутск, Российская Федерация).

Кузнецова Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Меликян Вадим Юрьевич, доктор филологических наук, профессор (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Меркулова Майя Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор (Москва, Российская Федерация).

Мишатина Наталья Львовна, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Молнар Ангелика, Assoc. Prof. Dr. habil. (Дебрецен, Венгрия).

Радченко Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (Москва, Российская Федерация).

Семьян Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, профессор (Челябинск, Российская Федерация).

Сенько Елена Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Владикавказ, Российская Федерация).

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор (Донецк, Донецкая Народная Республика).

Томеллери, Витторио Спрингфилд, Prof. Dr. habil. (Турин, Италия).

У Яньцю, кандидат исторических наук (Шаосин, Китайская Народная Республика).

Холиков Алексей Александрович, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия).

Черняк Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор (Екатеринбург, Российская Федерация).

Шевченко Вячеслав Дмитриевич, PhD (Кошице, Словацкая Республика), доктор филологических наук, доцент (Самара, Российская Федерация).

Штулайтерова Алена, Prof. PhD, (Банска Быстрица, Словацкая Республика).

Члены редакционного совета

Желтухина Марина Ростиславовна, доктор филологических наук, профессор (Волгоград, Российская Федерация).

Илсон Роберт Фредерик, PhD, профессор (Лондон, Великобритания).

Ирисханова Ольга Камалудиновна, доктор филологических наук, профессор (Москва, Российская Федерация).

Киклевич Александр Константинович, доктор филологических наук, профессор (Ольштын, Республика Польша).

Король Андрей Дмитриевич, доктор педагогических наук, профессор (Минск, Республика Беларусь).

Коули Стивен Джеррард, Prof. PhD, профессор, Южно-Датский Университет (Оденсе, Дания).

Леонтович Ольга Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор (Волгоград, Российская Федерация).

Слышкин Геннадий Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор (Москва, Российская Федерация).

Ченки Алан Джозеф, Prof. PhD (Амстердам, Нидерланды; Москва, Российская Федерация).

Шаклеин Виктор Михайлович, доктор филологических наук, профессор (Москва, Российская Федерация).

АФФ&ПЛ

основан в 2000 г.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОЛОГИИ
И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**
Научный журнал

ISSN: 2079-6021 (Print) ISSN: 2619-029X (Online)

4 выпуска в год

Языки: русский, английский, немецкий.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Журнал зарегистрирован в Международном реестре CrossRef.

Журнал включен в каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, ROAD (Directory of Open Access Scholarly Resources), WorldCat.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), Electronic Journal Library Cyberleninka, Российской государственной библиотеки, ORES, The British Library.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования, DOAJ, Academic Resource Index Research Bib, Google Scholar, Scilit, BASE, EBSCO.

Подписной индекс издания – E35192.

Website: <http://philjournal.ru>.

Электронный адрес: philproblem@mail.ru.

Цели и тематика

Журнал «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики» издается с 2000 г. и является периодически рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по тематике и авторам публикаций.

Цель журнала – предоставить возможность научному сообществу в нашей стране и за рубежом представить результаты своих оригинальных исследований в активно разрабатываемых гуманитарных областях современной науки, интегрирующей филологическое знание, привлечь внимание к перспективным и актуальным направлениям филологической науки и методологии

Задачи журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными филологами, а также специалистами смежных областей;
- представлять результаты научных исследований и конструктивные идеи развития филологических наук, а также инновационных методов их преподавания, актуальных для российского и международного научного сообщества;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области филологических исследований, разрабатываемых как в России, странах СНГ, так и в дальнем зарубежье, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных филологических проблем междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие языка, культуры, сознания и коммуникации.

Журнал публикует статьи, отражающие новейшие научные взгляды, значимые результаты и достижения фундаментальных, теоретико-прикладных и междисциплинарных исследований в области филологических наук: теории языка, сопоставительной лингвистики, лингвокультурологии и психолингвистики, социолингвистики, когнитивной и коммуникативной лингвистики, лингвистики текста, дискурсологии, медиалингвистики, политической лингвистики, литературоведения (теории и истории литературы, поэтики), лингвометодики и лингводидактики.

Основные рубрики журнала: Лингвотеоретические исследования, коммуникативные и дискурсивные исследования, концептологические и лингвокультурологические исследования, семантико-грамматические лингвокогнитивные исследования, исследования лингвистики текста, литературоведческие исследования, методологические основы преподавания филологических дисциплин.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: Руководство для авторов (philjournal.ru).

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ (Филологические науки): 5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.3. – Теория литературы; 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России; 5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (Германские языки); 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* Этические принципы журнала (philjournal.ru).

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://philjournal.ru/>. Электронный адрес: philproblem@mail.ru.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ
№ 3. 2023

СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-75316 от 15.03.2019 г.

Литературный редактор **Л. Х. Тургиева**
Компьютерная верстка **Е. В. Осипова**

Дата выхода в свет 25.09.2023.

Подписано в печать 25.09.2023. Лицензия ЛР № 020218.

Формат бумаги 60x84 ¹/₈. Бум. офс. Гарнитура шрифта «Times».

Печать на ризографе. Усл.п.л. 31,15. Уч.-изд.л. 30,49.

Тираж 100 экз. Заказ № 22. Свободная цена.

Адрес издателя и редакции: ФГБОУ ВО «СОГУ»
362025, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46.

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре ФГБОУ ВО «СОГУ»,
362025, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46.

ISSN 2079-6021 (Print)
ISSN 2619-029X (Online)

CURRENT ISSUES IN PHILOLOGY AND PEDAGOGICAL LINGUISTICS

№3 2023

Scientific journal

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3>
<http://philjournal.ru>

Thematic Issue LINGUISTICS OF THE XXI CENTURY: DIRECTIONS, METHODS, DEVELOPMENT PRO-SPECTS

Guest Editor

Prof. Dr. habil. Ella A. Kitanina

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) ПИ № ФС 77-75316 of March, 15, 2019.

It is also registered by the International centre standard numbering of serials
(International standard Serial Numbering – ISSN 2079-6021 of May, 10, 2010).

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) ЭЛ ФС77 – 72568 of April, 4, 2018).

It is also registered by the International centre standard numbering of serials
(International standard Serial Numbering – ISSN 2619-029X of May 31, 2018).

Founded in 2000

Founder: FEDERAL PUBLIC BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«KHETAGUROV NORTH OSSETIAN STATE UNIVERSITY» (NOSU)

Editor-in-Chief <i>Tatiana Yu. Tameryan,</i> Prof. Dr. habil. (Vladikavkaz, Russian Federation) E-mail: tamertu@mail.ru	Deputy Editor-in-Chief <i>Sergey G. Vorkachev,</i> Prof. Dr. habil. (Krasnodar, Russian Federation) E-mail: svork@kubstu.ru	Executive secretary <i>Elena E. Kusaeva,</i> PhD, External Department Expert (Vladikavkaz, Russian Federation) E-mail: lena_kusaeva@mail.ru
--	--	--

ISSN 2079-6021 (Print) ISSN 2619-029X (Online)
© Khetagurov North Ossetian State University, 2023.

Editorial Board

- Elena V. Abramovskih*, Prof. Dr. habil. (Samara, Russian Federation).
Oleg A. Alimuradov, Prof. Dr. habil. (Pyatigorsk, Russian Federation).
Evgeniya V. Biryukova, Prof. Dr. habil. (Moscow, Russian Federation).
Sergey N. Bredikhin, Prof. Dr. habil. (Stavropol, Russian Federation).
Eduard V. Budaev, Prof. Dr. habil. (Ekaterinburg, Russian Federation).
Maria A. Chernyak, Prof. Dr. habil. (St. Petersburg, Russian Federation).
Anatoly P. Chudinov, Prof. Dr. habil. (Ekaterinburg, Russian Federation).
Irina N. Ivanova, Prof. Dr. habil. (Stavropol, Russian Federation).
Raphael Guzman Tirado, Prof. Dr. habil. (Granada, Spain).
Alexey A. Kholikov, Prof. Dr. habil. (Moscow, Russian Federation).
Natalia N. Kislitsyna, Prof. Dr. habil. (Simferopol, Russian Federation).
Alexander V. Kravchenko, Prof. Dr. habil. (Irkutsk, Russian Federation).
Anna V. Kuznetsova, Prof. Dr. habil. (Rostov-on-Don, Russian Federation).
Vadim Yu. Melikyan, Prof. Dr. habil. (Rostov-on-Don, Russian Federation).
Mayya G. Merkulova, Prof. Dr. habil. (Moscow, Russian Federation).
Natalia L. Mishatina, Prof. Dr. habil. (St. Petersburg, Russian Federation).
Angelika Molnar, Assoc. Prof. Dr. habil. (Debrecen, Hungary).
Oleg A. Radchenko, Prof. Dr. habil. (Moscow, Russian Federation).
Tatyana F. Semyan, Prof. Dr. habil. (Chelyabinsk, Russian Federation).
Viacheslav D. Shevchenko, PhD (Kosice, Slovak Republic), Prof. Dr. habil. (Samara, Russian Federation).
Elena V. Senko, Prof. Dr. habil. (Vladikavkaz, Russian Federation).
Alena Stulajterova, Prof. PhD (Banska Bystrica, Slovak Republic).
Vyacheslav I. Terkulov, Prof. Dr. habil. (Donetsk, Donetsk People's Republic).
Vittorio S. Tomelleri, Prof. Dr. habil. (Turin, Italy; St. Petersburg, Russian Federation).
Larisa G. Vikulova, Prof. Dr. habil. (Moscow, Russian Federation).
Wu Yanqiu, PhD, Associate Professor and Head of the Russian department, Zhejiang Yuexiu University (Shaoxing, China).

Editorial Council

- Alan J. Cienki*, Prof. PhD (Amsterdam, Netherlands; Moscow, Russian Federation).
Stephen J. Cowley, Prof. PhD (Odense, Denmark).
Robert Frederick. Ilson, PhD, Professor (London, UK).
Olga K. Iriskhanova, Prof. Dr. habil. (Moscow, Russian Federation).
Aleksander K. Kiklewicz, Prof. Dr. habil. (Republic of Poland).
Andrey D. Korol, Prof. Dr. habil. (Minsk, Republic of Belarus).
Olga A. Leontovich, Prof. Dr. habil. (Volgograd, Russian Federation).
Victor M. Shaklein, Prof. Dr. habil. (Moscow, Russian Federation).
Gennady G. Slyshkin, Prof. Dr. habil. (Moscow, Russian Federation).
Marina R. Zheltukhina, Prof. Dr. habil. (Volgograd, Russian Federation).

CIP & PL

ISSN: 2079-6021 (Print) ISSN: 2619-029X (Online)

4 issues per year

Languages: Russian, English, German

Included in Higher Attestation Commission List.

Registered in the International Register CrossRef.

Indexed/abstracted in Russian Science Citation Index, DOAJ, Academic Resource Index Research Bib, BASE Google Scholar, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, ROAD (Directory of Open Access Scholarly Resources), Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, Russian State Library, ORES, Scientific Electronic Library eLibrary.ru, RSCI Russian Scientific Electronic Library, The British Library, EBSCO.

Subscription index is E35192.

Website: <http://philjournal.ru>.

E-mail: philproblem@mail.ru.

Aims and Scope

The scientific reviewed journal “**Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics**” has been published since 2000. The journal is included into the list of the leading reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal is to provide an opportunity for the scientific community in our country and abroad to present the results of their original research in the actively developed humanitarian areas of modern science, integrating philological knowledge, to draw attention to promising and relevant areas of philological science and methodology.

The scope of the journal:

- to promote scientific exchange and collaboration among the Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- to present the results of scientific research and constructive ideas for the development of the philological sciences, as well as innovative methods of teaching them that are relevant to the Russian and to the international scientific community;
- to acquaint readers with the latest trends and theories in the field of philological research, developed both in Russia and abroad and with their practical application;
- to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- to cover scholarly activities of the Russian and international academia;
- to publish the results of original scientific research on a wide range of actual philological problems of an interdisciplinary nature, revealing the interaction of language, culture, consciousness and communication.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation. The journal publishes articles that reflect the latest scientific views, relevant results and achievements of fundamental, theoretical, applied and interdisciplinary research in the field of philological sciences: theory of language, comparative linguistics, cultural linguistics and psycholinguistics, cognitive and communicative linguistics, text linguistics, discourse studies, media linguistics, political linguistics, literary studies (theory and history of literature, poetics), methodology and didactics of teaching philological disciplines.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) Publication ethics (philjournal.ru)

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access is available at <http://philjournal.ru>.

E-mail: philproblem@mail.ru.

Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics

No 3

2023

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), a certificate of registration ПИ № ФС 77-75316 of March' 15, 2019.

Review Editor L.Kh. Turgieva

Computer Layout E.V. Osipova

Release date 25.09.2023.

Signed to print 25.09.2023. License LR No. 020218.

Paper size 60x84 ¹/₈. Office paper The font type «Times».

Printing on risograph. C.pr.sh. 31,15. Registration sheet 30,49.

Circulation 100 copies. Order number 22. Free price.

Address of the publisher and editorial office: Federal Public Budgetary Educational Institution of Higher Education «Khetagurov North Ossetian State University» (NOSU) 362025, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, 44-46 Vatutin Street

Printed in the publishing and printing center of FPBEI HE «NOSU» 362025, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, 44-46 Vatutin Street

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие приглашенного редактора.....	14
--	----

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Бредихина Ю.И. Контаминационные механизмы формирования общего иллокутивно-пространства.....	18
Тисленкова И.А. Преувеличение в коммуникативной демонстративности: прагматические и языковые аспекты.....	29

НОВОЕ В ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Большакова М.Г. Стратегии и приемы перевода международно-правовых документов	42
Воронина Л.В. Реализация семантики цели в русском политическом дискурсе (коммуникативно-прагматический аспект).....	54
Евтугова Н.Н., Новикова Е.В. Прагматические особенности англоязычной экологической рекламы.....	65
Литвишко О.М. Исследование англоязычных юридических текстов с позиций дискурсивной комплексологии	76
Пугоева А.О., Манаенко Г.Н. Когнитивный стиль как основа алгоритмизации вербально-когнитивной деятельности в академическом дискурсе.....	91

НОВЫЕ СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Лингвокультурный код в блазонировании национальной геральдики.....	102
Матюшина Н.В. Визуальные средства современной ономастики (на материале эргонимов г. Москвы).....	117

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

Кудряшов И.А., Туранова А.Ю. Читательское отождествление с образом персонажа: механизмы интегративного подхода.....	133
Молнар А. Развенчание языка церкви Л. Н. Толстым в романе «Воскресение».....	145
Чукарькова О.В., Алпатов В.В. Лингвостилистические средства репрезентации мотивов и образов в англоязычной православной гимнографии: когнитивный аспект.....	157

НОВОЕ В ЖАНРОЛОГИИ: ЛИНГВИСТИКА ПОЛИМОДАЛЬНОСТИ

Муругова Е.В., Вербоватая Ю.В. Прагматическая архитектура стендап-комедии: образ актера, фактор адресата, интерактивность.....	172
--	-----

НОВЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ МЕТОДЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- Галеева А.И., Гумовская Г.Н.** Словосочетания с грамматической метафорой: анализ освоения навыка употребления..... 183
- Холиков А.А., Филатов А.В.** Перспективы развития теоретико-прикладного литературоведения в системе высшего образования: историко-методологический и дидактический аспекты..... 192

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Гусман Т.Р.** Эколингвистический подход к преодолению языкового дисбаланса в Испании (на примере языковой ситуации в России)..... 207
- Малекани К.В.** Родные языки и преподавание английского как иностранного: кейс-исследование..... 221
- Томеллери В.С.** Об алфавитной реформе в Осетии: Г. В. Баев versus Г. А. Дзагуров.... 239
- Шарапова Т.Н., Федорова М.А.** Влияние англо-американских заимствований на современное состояние французского языка во франкоговорящем пространстве..... 251

РЕЦЕНЗИИ

- Воркачев С.Г.** Рецензия на монографию В. И. Карасика «Языковое преобразование реальности»..... 259
- Милованова М.С.** Рецензия на монографию С.Г. Воркачева «В чаще символов: образ в языке и культуре»..... 264

CONTENTS

Guest Editor's Foreword	14
--------------------------------------	----

MODERN APPROACHES TO COMMUNICATION IN LINGUISTICS

Bredikhina Yu.I. Contamination Mechanisms of a Common Illocutionary Space Forming.....	18
Tislenkova I.A. Overstatement in Communicative Demonstrativeness: Pragmatic and Linguistic Aspects.....	29

NEW IN DISCOURSE STUDIES

Bolshakova M.G. Strategies and Techniques of the Translation of International Law Documents.....	42
Voronina L.V. Implementation of Purpose Semantics in the Russian Political Discourse (Communicative and Pragmatic Aspect).....	54
Evtugova N.N., Novikova E.V. Pragmatic Features of English Ecological Advertisement.....	65
Litvishko O.M. The Research of Legal Discourse Based on Discourse Complexology.....	76
Pugoeva A.O., Manaenko G.N. Cognitive Style as the Basis for Algorithmization of Verbal-Cognitive Activity in Academic Discourse.....	91

NEW SEMIOTIC APPROACHES IN LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Linguistic and Cultural Code in Blazing of National Heraldry.....	102
Matyushina N.V. Visual Means of Modern Onomastics (on the Material of Moscow Ergonyms).....	117

NEW TRENDS IN TEXT LINGUISTICS STUDIES

Kudryashov I.A., Turanova A.Yu. Reader's Identification with the Character's Image: Integrative Approach Mechanisms.....	133
Molnár A. Destruction of Church Language by Leo Tolstoy in the "Resurrection" Novel.....	145
Chukarkova O.V., Alpatov V.V. The Linguistic and Stylistic Means of Representation of Motives and Images in English-Language Orthodox Hymnography: Cognitive Aspect.....	157

NEW IN GENROLOGY: LINGUISTICS OF POLYMODALITY

Murugova E.V., Verbovataya Yu.V. Pragmatic Architectonics of Stand-Up Comedy: Actor's Image, Addressee's Factor, Interactivity.....	172
--	-----

NEW APPLIED METHODS OF PHILOLOGICAL RESEARCH

Galeyeva A.I., Gumovskaya G.N. Grammatical Metaphor Constructions: Acquisition Analysis	183
--	-----

Kholikov A.A., Filatov A.V. Prospects for the Development of Theoretical and Practical Literary Studies in the Higher Education System: Historical, Methodological and Didactic Aspects..... 192

LANGUAGE POLICY: HISTORY AND MODERNITY

Guzmán T.R. Ecolinguistic Approach to Overcoming the Linguistic Inequality in Spain (by the Example of the Language Situation in Russia)..... 207

Malekani C.W. Mother Tongues and Teaching English as a Foreign Language: A Case Study. 221

Tomelleri V.S. On the Script Reform in Ossetia: G.V. Baev vs. G.A. Dzagurov..... 239

Sharapova T.N., Fedorova M.A. The Influence of Anglo-American Borrowings on the Current State of the French Language in French-Speaking Countries..... 251

REVIEWS

Vorkachev S.G. Review of the Monograph “Linguistic Transformation of Reality” by V.I. Karasik..... 259

Milovanova M.S. Review of the Monograph by S.G. Vorkachev” Deep into Symbols: an Image in Language and Culture” 264

Предисловие выпускающего редактора

Managing Editor's Foreword

Актуальность тематики данного выпуска журнала диктуется теми обстоятельствами, что лингвистика XXI столетия развивается на основе теоретических направлений, каждое из которых, реализуя свои задачи, фокусируется на различных областях филологического анализа, вместе с тем на настоящем этапе аккумулирует идеи, исходящие из других областей академического знания, взаимодействующих в рамках новых научных направлений. Данные тенденции подтверждаются изысканиями в тематическом выпуске «Лингвистика XXI века: направления, методы, перспективы развития», свидетельствующими не только об интересе к изучению пересекающихся областей знания посредством поиска новых методов соприкосновения между теоретическими парадигмами, но кроме того демонстрируют тенденции к ослаблению некоторых строгих дихотомий, разработанных в рамках традиционных теорий, открывая таким образом возможности для междисциплинарного сближения.

Цель выпуска журнала состоит в том, чтобы обеспечить форум для обсуждения новых аспектов, плоскостей и перспектив для дальнейших разработок текущих лингвистических, литературоведческих и методологических концепций, сфокусировать внимание научного сообщества на перспективности их актуализации и стремлении наметить конструктивные аспекты для внутринаучной коллаборации.

Рубрики выпуска в зеркале многопланового филологического ландшафта отражают общие тенденции современных исследований. Статьи, представленные в данном выпуске журнала, характеризует то, что авторы:

- используют текущую доступность крупных корпусов и новых аналитических инструментов для исследования структуры актуальных лингвистических знаний;
- задействуют весь спектр экспериментальных инструментов для исследования языка как ментального феномена (в дополнение к его культурным, социологическим и историческим характеристикам);
- включают лингвистическую теорию в более широкие рамки человеческого общения;
- максимизируют междисциплинарный вклад в научную среду;
- предоставляют наработки, относящиеся к конкретному языку, что является уникальным преимуществом языкознания XXI столетия.

Вследствие этого исследователи объективируют потенциальные возможности лингвистики в многомерном изучении языков как систем знаков и структур и одновременно когнитивные потенции в ходе вербальной коммуникации. Фокусируется внимание на контекстуализированном значении как коммуникативном качестве, которое больше не принадлежит исключительно лингвистической системе и более не изучается только с точки зрения значения знака / структуры.

С учетом инновационных подходов авторами подчеркивается, что нелингвистические системы значений используются наравне с лингвистическими. Чтобы объяснить, как язык и лингвистическое содержание сочетаются с ситуационным, реляционным и эмоциональным содержанием, широко используется междисциплинарная перспектива, поскольку выявить закономерности вербальной коммуникации – значит проанализировать совокупность коммуникативных эффектов.

В первом разделе выпуска «Современные подходы к языковой коммуникации» отстаивается конструктивная важность самопрезентации и самооценки коммуникативной компетентности в обеспече-

нии достоверных показателей дискурсивной самоэффективности в конкретных условиях (в частности, в потоке оперативной информации институционального дискурса), подчеркивается первостепенная роль, которую в институциональных условиях играют представления о компетентности, специфичные для конкретной предметной области.

В статье Ю.И. Бредихиной анализируются процессы управления развитием пограничного дискурса социальной работы в терминах перераспределяющихся ролей агента и клиента, а также неявного присутствия конвенционализирующего «третичного агента». Делается вывод о том, что хеджирование является ключевым механизмом достижения иллюкутивного единства в данном типе общения.

И.А. Тисленкова фокусируется на прагматической специфике средств аттрактивного вербального поведения респондента телевизионного интервью, использующего преувеличение как свойство коммуникативной демонстративности. Автор приходит к заключению, что в основе эмоциональных пропозиций в реактивных репликах респондента лежит мироощущение манипулятивной языковой личности, разыгрывающей заранее продуманную стратегическую роль перед интервьюером и целевой аудиторией.

Во втором разделе *«Новое в дискурсивных исследованиях»* демонстрируется, что гибридный подход к анализу дискурса добавляет новые измерения к языковедческому анализу, дает возможность выйти за рамки предложения и сконцентрироваться на выявлении лингвистических и экстралингвистических закономерностей контекстуального использования языка, в том числе на материале институциональной дискурсивной деятельности и в переводческой практике.

Перевод деклараций саммитов БРИКС с английского языка на русский язык является объектом исследования М.Г. Большаковой. Устанавливается, что переводческие стратегии сосредотачиваются на нейтрализации зазоров между терминосистемами этих языков, а важный принцип в деятельности переводчика – учет междисциплинарности, который позволяет достичь релевантной эквивалентности.

Методы конверсационного и дискурс-анализа на релевантной основе задействуются Л.В. Ворониной при выявлении коммуникативной архитектоники пропозиций, которые имплицитно содержат содержание «цель». На материале фрагментов интервью российских политиков автор публикации системно анализирует топикализацию, сегментацию текста, контраст, а также лексико-грамматические средства, способствующие выдвигению смысла «цель».

Когнитивно-дискурсивная парадигма трактуется как методологическая установка, релевантная для исследования экологической видео- и банерной рекламы на английском языке. Эта методология обеспечивает конструктивный инструментарий для многомерного анализа типа информирования целевой аудитории о текущей экологической ситуации и ее прогнозах, интересном факте, а также языковых средств, частотных в соответствующих рекламных сообщениях – игры слов, рифмы, символики цветообозначения, аллюзии (Н.Н. Евтугова, Е.В. Новикова).

О.М. Литвишко разрабатывает исследовательскую концепцию, которая базируется на трех моделях взаимодействия в рамках определенного типа дискурса: язык – коммуникант, язык – язык, язык – дискурс. Определяя перспективы изучения юридических текстов на английском языке, автор статьи выдвигает и предлагает оригинальные доказательства гипотезы, согласно которой методологические приемы дискурсивной комплексологии оказываются релевантными при анализе не только межъязыковых, но и внутриязыковых сопоставлений в контексте профессиональных дискурсов.

В исследовании О.А. Пугоевой и Г.Н. Манаенко на материале микроконтекстов из коллективной монографии *«Введение в синергетику перевода»*, являющейся образцом академического дискурса, систематизируются базовые характеристики когнитивного стиля участников интерпретативной деятельности. Используя методы дискурсивно-модусного и конверсационного анализа, авторы публикации определяют иллюкутивную готовность продуцентов к порождению и вербализации, а реципиентов к апперцепции и интерпретации «якорных» концептов как маркеров когнитивного стиля и элементов структурирования познавательной и коммуникативной активности.

В третьем разделе *«Новые семиотические подходы в лингвокультурологии»* выявляется специфика визуализации культурно значимых объектов, бессознательно и непреднамеренно воплощающих базовые идеи национальной концептосферы, которые кодируют символическое и эмблематическое содержание и порождают неоднозначные эмоциональные реакции представителей социума, в том числе с учетом возрастного фактора.

В статье С.Г. Воркачева и Е.А. Воркачевой дефинируются основные концепции (лингво)культурного кода как набора символов с различным смысловым содержанием, в частности, в государственной ге-

ральдике. Сам герб трактуется в качестве эмблемы с опознавательной-различительной, удостоверительной функцией обозначения конкретной страны. Анализируя словесные описания изображения герба, блазон, многих стран, авторы приходят к заключению, что единицами культурного кода национальной геральдики выступают власть, суверенитет, единство, сила и мощь нации, идеал мира, социальный оптимизм, идея прогресса, надежда.

Применяя методы сплошной выборки и опроса респондентов, Н.В. Матюшина классифицирует и анализирует московские эргонимы. Разработана анкета с фотографиями различных эргонимов, которая сопровождается комментариями об эмоциональном восприятии информантами различных способов визуализации, используемых в столичных вывесках и слоганах.

В четвертом разделе «*Новые тенденции в исследовании лингвистики текста*» представлены публикации, в которых авторы, сосредоточившись на том, как создание и интерпретация художественных и религиозных повествований формирует ценностный ландшафт для адресата, выявляют специфику совместного процесса создания смысла: точно так же, как при диалогическом взаимодействии лицом к лицу, читатель сотрудничает с авторской точкой зрения, эксплицируя и генерируя смысловое содержание текста.

В статье И.А. Кудряшова и А.Ю. Турановой предлагается комплексный взгляд на когнитивные и прагматические механизмы читательского отождествления с образом рассказчика от первого лица и персонажей, о которых ведется повествование. На материале романа Б.Ю. Поплавского «Аполлон Безобразов» анализируется имплицативный потенциал дейктических средств и видовых частных значений глагольных предикатов.

Авторская идиостилика является предметом изучения в исследовании А. Молнар. Используя приемы лингвопоэтического и нарратологического анализа, автор статьи предлагает комплексное исследование романа Л.Н. Толстого «Воскресение» в терминах поэтических приемов, природных и звуковых мотивов, метафор, которые воссоздают контраст между закрытым пространством властных инстанций и открытым простором поиска онтологии веры.

На уникальной образной семантике лингвостилистических средств также сосредотачивают свое исследовательское внимание О.В. Чукарькова и В.В. Алпатов. На материале оригинальных канонов и акафистов (гимнографических текстов) на английском языке авторы публикации делают вывод о том, что наиболее частотным средством воссоздания образов и мотивов выступает усиленная эпитетами и антитезой концептуальная метафора воды, природных и световых явлений, борьбы и битвы, конкретного типа здания.

Пятый раздел «*Новое в жанрологии: лингвистика полиmodalности*» представлен публикацией Е.В. Муруговой и Ю.В. Вербатовой, в которой прослеживаются дискурсивные манипуляции с системой языка, осуществляемые комиком-актером, выступающим в стиле «стендап», с целью оказать юмористическое воздействие на зрителя. Между участниками взаимодействия создаются условия для интенсивного обмена жизненным опытом, что приводит к спонтанному проявлению эмоциональных реакций аудитории, оптимальной концентрации внимания зрителей, их доброжелательному отношению к образу комика, который начинает испытывать меньшее давление со стороны адресата, обеспечивает насыщенное смехом шоу.

В шестом разделе «*Новые прикладные методы филологических исследований*» системно анализируются историко-методологический и дидактический аспекты преподавания академического письма на английском языке и литературоведения в высших учебных заведениях с точки зрения формирования профессиональных компетенций студентов.

А.И. Галеева и Г.Н. Гумовская фокусируются на особенностях формирования студенческих навыков включения грамматической метафоры в сложные номинативные словосочетания. Выявляются соответствующие модели, представляющие определенную трудность для русскоговорящих студентов в ходе освоения английского языка для академических целей.

В исследовании А.А. Холикова и А.В. Филатова содержится теоретико-прикладное обоснование усвоения студентами литературоведческих текстов в аспекте реализации аргументативных средств, композиции и языковой специфики. Выявленные особенности указанных текстов трактуются как жанровый «канон» выпускных квалификационных работ. В заключении публикации авторы приглашают заинтересованных лиц к диалогу относительно поднятой проблематики.

В седьмом разделе «*Языковая политика: история и современность*» язык, нация и государство рассматриваются как элементы, взаимосвязь которых прослеживается в трех измерениях: 1) язык – наци-

ональное государство; 2) нация – язык и государство; 3) государство – нация и язык. Звучит мысль о том, что эти взаимосвязи отражают ментальные и социальные факты, создаваемые людьми, живущими в определенном геополитическом обществе в определенные периоды истории, для целей внутригруппового общения, являются маркерами самооценки и групповой идентичности.

В статье К. В. Малекани дается оригинальная оценка эффективности использования родных языков в преподавании английского языка как иностранного в демократической Республике Конго. С опорой на метод статистического анализа проведено экспериментальное исследование, доказывающее релевантность транслингвистического подхода в процессе преподавания английского языка студентам-бакалаврам конголезских университетов.

В репринте публикации Т.Р. Гусмана, предпринятом с целью расширения читательской аудитории за счет интереса к исследуемой тематике, анализируются деструктивные процессы в языковой ситуации в Испании, связанные с дискредитацией статуса испанского языка как связующего звена страны. Дается компаративный анализ языковой политики в Испании и России как, соответственно, разбалансированного и сбалансированного феноменов.

В.С. Томеллери анализирует языковую ситуацию в Осетии, связанную с введением алфавита на основе латиницы (1923-1938 гг.). В статье прослеживается контрастность споров между сторонниками (в лице Г.В. Баева) и противниками (в лице Г.А. Дзагурова) этого нововведения, который имел культурно-идеологическую основу.

Отправной точкой исследования Т.Н. Шараповой и М.А. Федоровой становятся англо-американские заимствования во французском языке, которые подвергаются ассимиляции. Авторы публикации приходят к заключению, что лексическая ассимиляция англицизмов без адаптации к системе французского языка предстает наиболее частотным явлением во Франции и Канаде.

В разделе «Рецензии» содержится анализ монографий классиков современной лингвистики – С.Г. Воркачева «В чаще символов: образ в языке и культуре» (М.С. Милованова) и В.И. Карасика «Языковое преобразование реальности» (С.Г. Воркачев), отмечается оригинальность подходов к процессам реинтеграции и слияния ранее выделившихся направлений познания мира и человека.

В рецензии М.С. Миловановой звучит мысль о том, что в новом исследовании С.Г. Воркачева – на материале национальных культур стран бывшего СССР, испаноязычных, англо-, франко- и португалоязычных стран – дешифруется аксиологическое символическое содержание слов-концептов, которые фиксируют идеи государственности и патриотизма. Указывается, что монография многомерно отражает авторское видение феноменов метафоры и символа, которые до сих пор не поддаются однозначной лингвистической интерпретации.

В рецензии С.Г. Воркачева научная деятельность В.И. Карасика трактуется, в том числе, как последующая детализация концепций Н.Д. Арутюновой и Ю.С. Степанова. Исследование В.И. Карасика закладывает теоретические основы такого синкретичного научного направления, как аксиологическая лингвоарратология, знаменующая гармоничный стык между языкознанием и литературоведением.

Подборка статей тематического выпуска журнала подтверждает эффективность конвергенции лингвистики с другими научными дисциплинами и методологический плюрализм для раскрытия сущности явлений реальной действительности и описания картин современного мира.

Э.А. Китанина

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

MODERN APPROACHES TO COMMUNICATION IN LINGUISTICS

Оригинальная статья

УДК 81'42 + 81'272

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-18-28>

Контаминационные механизмы
формирования общего иллокутивного пространства

Ю.И. Бредихина

Ставропольский государственный педагогический институт;
355029, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Ленина, 417 А;

ORCID ID: 0000-0002-0743-865X;

Web of Science Researcher ID: IAM-7941-2023;

e-mail: bredichinajulia@yandex.ru

Резюме: Настоящее исследование представляет собой попытку анализа основных механизмов контаминации персональных и институциональных компонентов в процессе формирования общего иллокутивного пространства контркоммуникантов в условиях пограничного общения дискурса социальной работы. Основой создания общей сферы целеполагания выступает не только намерение агентов и клиентов обеспечить реализацию доминантной цели, но и наличие конвенционализирующего «третичного агента» (*tertiarius agens*), способствующего постоянному сравнению собственных коммуникативных действий с модельными образцами. В рамках описания стратегий и тактик консолидации на основе дискурсивно-модусного анализа выявляются не только ключевые речеактовые характеристики гармонизации общения, но и интерпретативный потенциал не соответствующих ситуации нормированного семиозиса вербализаторов персональных элементов иллокуции. Для формирования картотеки избран наиболее репрезентативный с точки зрения постоянной смены регистра кодирования пограничный дискурс социальной работы.

В результате анализа был определен перечень наиболее эффективных речевых актов прямой и скрытой реализации доступа к управлению векторами развития дискурса: комиссивы, промисивы, декларативы, метакоммуникативные фатические маркеры, а также менасивы с модифицированной иллокуцией в функции каузативов. Контаминация иллокутивных пространств происходит на основе условной институциональности при априорном принятии критерия «уравнивания» агентов и клиентов. Агент-клиентское взаимодействие реализуется в сходных стратегиях и тактиках интимизации ключевых ценностей, а гармонизация достигается снижением конфликтности при трансформации привычной функциональной нагрузки. Регулятивный потенциал *tertiarius agens*, обеспечиваемый наличием прототекстов конвенционализации, способствует снижению интимизационной энтропии посредством создания синергического вектора целеполагания и трансформации иллокуции контркоммуниканта.

Ключевые слова: пограничный дискурс, институциональные и персональные компоненты, коллективная иллокуция, речеактовая специфика, дискурс социальной работы, *tertiariiis agens*, интимизационная энтропия.

Для цитирования: Бредихина Ю.И. Контаминационные механизмы формирования общего иллокутивного пространства. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 18–28. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-18-28>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-18-28>

Contamination Mechanisms of a Common Illocutionary Space Forming

Yulia I. Bredikhina

Stavropol State Pedagogical Institute University;
417 A Lenin Str., Stavropol, Russian Federation, 355017;
¹ORCID ID: 0000-0002-0743-865X;
Web of Science Researcher ID: IAM-7941-2023;
e-mail: bredichinajulia@yandex.ru

Abstract: The study analyzes the main contamination mechanisms of personal and institutional components in the process of forming a common illocutionary space of counter-communicators in the conditions of borderline communication of social work discourse. The basis for creating a common sphere of goal-setting is not only the intention of agents and clients to ensure the realization of the dominant goal, but also the presence of a conventionalizing “tertiary agent” (*tertiariiis agens*), which contributes to the constant comparison of their own communicative actions with model samples. As part of the description of the strategies and tactics of consolidation, based on the discursive-modus analysis, not only the key speech-actual characteristics of the harmonization of communication are revealed, but also the interpretive potential of verbalizers of personal illocution elements that do not correspond to the situation of normalized semiosis. For the formation of the card index, the most representative, in terms of the constant change of the coding register, the borderline discourse of social work was chosen.

The result of the analysis is a list of the most effective speech acts of direct and hidden implementation of access to the control of discourse development vectors: commissives, promises, declaratives, metacommunicative phatic markers, as well as menasives with a modified illocution as causatives. The contamination of illocutionary spaces occurs on the basis of conditional institutionality with a priori acceptance of the criterion of “equalizing” agents and clients. Agent-client interaction is implemented in similar strategies and tactics for initiating key values; harmonization is achieved by reducing conflict potential during the transformation of the usual functional load. The regulatory potential of *tertiariiis agens*, provided by the presence of conventionalization prototexts, contributes to the reduction of intimation entropy by creating a synergistic goal-setting vector and transforming the countercommunicator’s illocution.

Keywords: borderline discourse, institutional and personal components, collective illocution, speech act specificity, social work discourse, *tertiariiis agens*, intimation entropy.

For citation: Bredikhina Yu.I. Contamination Mechanisms of a Common Illocutionary Space Forming. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 18–28. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-18-28> (In Russ.).

Введение

В современном обществе дискурсивные практики представляют собой весьма разноректорный перечень коммуникативных и реальных действий, определяемых лингвистическими, паралингвистическими и внелингвистическими контекстами. Стандартное членение дискурсов на личностно-ориенти-

рованные и статусно-ориентированные, даже с последующей градацией первых на бытовые и бытийные, а вторых на конситуативно соотносимые с определенной сферой деятельности человека [1], не дает ответа на вопрос о механизмах конвергенции критериальных признаков институциональности и персональности. Ключевой характеристикой успешности современного коммуникативного взаимодействия даже в условиях норм и правил интеракции в рамках того или иного социального института является интимизация исходных целей каждого из участников коммуникации и создание общего пространства для решения не только коммуникативной, но и актуальной задачи. Таким образом, возникает необходимость привлечения стратегий и тактик как манифестации социумных, так и актуализации личностных ролевых функций и оценок.

Каждый из видов дискурса, детерминируемый необходимостью достижения определенной цели не только в коммуникативном пространстве, но и в действительности, т.е. осуществлением действия с предсказуемым результатом по изменению социальной реальности, предполагает поиск общего решения даже в ситуации диаметрально противоположной иллюкуции [2]. В случае решения общей проблемы каждый из коммуникантов должен не только выделить те ключевые моменты, которые препятствуют достижению цели в конкретной ситуации, т.е. определить значимые и релевантные аспекты, подлежащие обсуждению, но и согласовать их с таковыми для коммуникативного «антагониста». Паттерны коммуникативного действия в условиях ограничений, накладываемых социальным институтом, в данной ситуации модифицируются и превращаются в область пересечения индивидуальных и общепризнанных когнитивно-коммуникативных моделей, обеспечивая необходимое для достижения целей пространство консолидации коммуникативных и когнитивных усилий всех участников коммуникации с учетом предписаний, вербализованных в прототекстах «третичного агента».

Цель статьи

Основной целью настоящего исследования является анализ механизмов параллельного проникновения в дискурсивное пространство отдельных характеристик институциональности и персональной ориентированности (конвенционализации и интимизации), а также описание роли «третичного агента» (*tertiaris agens*) коммуникации в сдерживании интимизационной энтропии как тенденции к стиранию доминирующей роли агента в управлении развитием дискурса при использовании кооперативных стратегий в отдельных видах социальной коммуникации. В процессе реализации основной цели по выявлению ключевых форм стратагемно-тактического варьирования иллюкутивных пространств в их вербализации осуществляется анализ речеактового состава высказываний. Анализу в данном исследовании подвергается пограничный дискурс социальной работы с населением, как наиболее репрезентативный в аспекте создания конвергентных областей иллюкутивно-перлокутивного соответствия.

Обзор литературы

В рамках исследований специфики дискурсивных практик наблюдается методологическая поливалентность, каждый из подходов (коммуникативно-функциональный, структурно-синтаксический, структурно-стилистический, социопрагматический и т.д.) детерминирован конкретным фокусом на тех или иных критериальных признаках, которыми должно обладать коммуникативное действие для отнесения его к тому или иному типу дискурсивной интеракции [3: 202-203]. На основании избранного при анализе дискурса подхода некоторые авторы приходят к мнению о необходимости не только формального [4], но и топикального разделения видов дискурса на основании ключевых сфер профессионального взаимодействия, которые и будут определять степень влияния квалификации агента или клиента коммуникации на формы манифестации актуальной роли [5].

Исходным постулатом к изучению динамической структуры и полимодального характера дискурсивных практик в реальном взаимодействии послужили труды коллектива российских авторов, рассматривающих процессы концептуализации различных компонентов смысловой иерархии (от индивидуальных, этнонациональных и культурных, до общецивилизационных) в их вербализации в различных аспектах политического дискурса [6].

В предыдущих работах мы уже не раз обращались к проблеме маркирования актуальной коммуникативной роли значимостью содержательных компонентов высказывания в потоке оперативной информации институционального дискурса [7]. Однако исчерпывающего перечня стратегий и тактик управления развитием дискурса и способов достижения четвертого интенционально-морального уровня коммуникативного действия, как обеспечивающего удовлетворение коммуникативных и реальных потребностей участников коммуникации [8], так и не было получено.

Из вышесказанного следует, что широта охвата дискурсивных исследований и устоявшаяся аксиома о дискурсивном пространстве как области перетекания и взаимовлияния иллокутивных, локутивных и перлокутивных актов, безусловно, дает возможность рассматривать реальное социально значимое взаимодействие как попытку «приведения к общему знаменателю» когнитивно-коммуникативных моделей всех участников коммуникации. Ввиду этого в нашей статье мы представим результаты анализа механизмов контаминации аксиологических компонентов, детерминированных как индивидуальной ценностно-ориентационной системой агентов и клиентов, так и доминантными целями сохранения социального института во взаимодействии субъектов общения через призму «третичного агента».

Методы исследования

В исследовании для анализа стратегий манифестации статусных и актуальных коммуникативных ролей использовался комплекс методов, включающих приемы критического дискурс-анализа, направленного на выявление маркеров контроля за развитием коммуникации, интерпретационного анализа, позволяющего определить прямые и ассоциативные компоненты гармонизации и конфликтивизации в процессе демонстрации неактуальной роли. Наиболее востребованным оказался метод дискурсивно-модусного анализа микроконтекстов, который призван показать корреляции мыслительных процессов того или иного участника коммуникации моментанно при его иллокутивной и локутивной готовности к вербализации «желаемого» и наиболее эффективных приемов актуализации значимости (релевантности) события для каждого из коммуникантов в конкретной ситуации общения [9: 7]. Присутствие *tertiarius agens* определяется на основе контекстуального анализа элементов вербального хеджирования как ключевого приема перенесения ответственности за конфликтивизацию коммуникации [10] и смещения акцентного ядра на сохранение статуса и функций социального института.

Результаты и дискуссии

Рассмотрение феномена контаминированности персональных и институциональных характеристик дискурсивных практик социального взаимодействия на первый взгляд не имеет смысла, так как обеспечение социальных гарантий класса клиентов оформляется строго регламентированными коммуникативными действиями, сопровождающими конвенционализированную последовательность реальных действий. Таким образом, рассматриваемый нами дискурс социальной работы с населением как особый подвид профессионального дискурса отвечает всем критериальным признакам институциональной коммуникации – инициального целеполагания с прогнозируемой полной реализацией иллокуции и наличия двух эксплицированных сторон, представляющих преимущественно одновекторные статусно-ролевые отношения (субъект – объект). В части участников коммуникативно-деятельностного процесса дискурса социальной работы не возникает вопросов – интеракция происходит именно в рамках действий представителей двух классов (агентов и клиентов), при этом агентское участие носит в общем виде реквестивный и инъюнктивный характер. Выделение же исходной иллокуции и необходимости вербализовать её также не вызывает затруднений, при этом инициация коммуникативных и реальных действий осуществляется именно клиентом. Однако приобретение доминантной иллокутивной целью клиента статуса разделенной и необходимость перформативности в самом широком смысле как «овеществления» объекта волеизъявления придает указанному выше однонаправленному вектору синергичный характер. Агент и клиент коммуникативного процесса «объединяют» свои усилия в достижении доминантной цели, что осуществляется на базе области объединения сфер целеполагания и использования определенных стратегий и тактик гармонизации коммуникации и резонирования релевантности (объединения пертинентных аспектов всех видов информации в общее поле). Схематически данный процесс можно представить следующим образом:

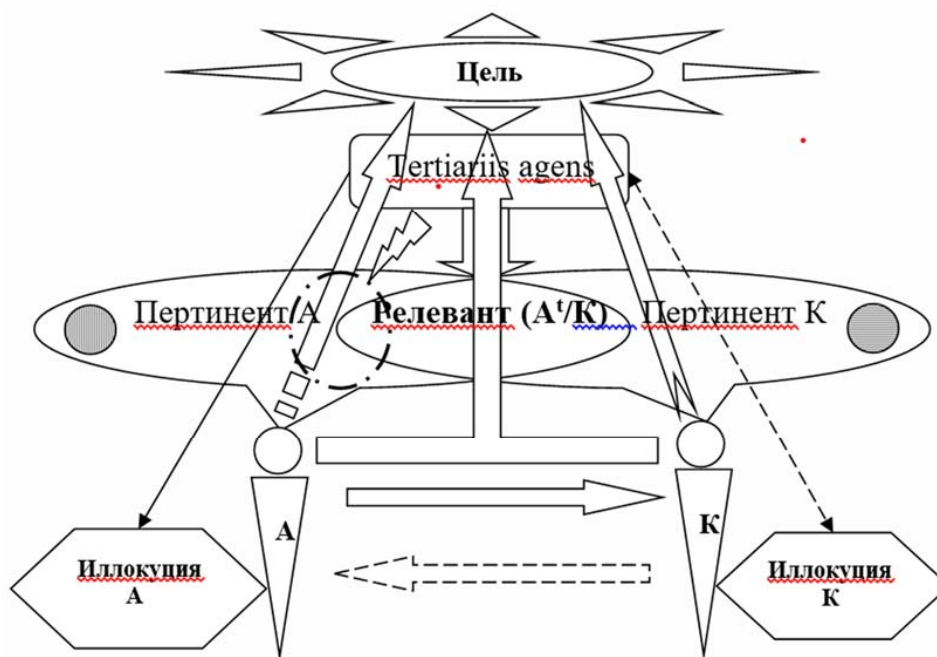

Рис. 1. Схема контаминации иллокутивных целей
в процессе создания релевантного пространства перлокуции

Fig. 1. Scheme of illocution contamination within relevant perlocution space generation

Как наглядно продемонстрировано на схеме, интенциональная направленность агента как сотрудника служб на достижение общей цели будет обязательно опосредоваться конвенционализированными паттернами коммуникативного и реального поведения, детерминированными инструктивными и модерирующими функциями «третичного агента». Эти функции реализуются не только в прямом взаимодействии персонализированного представителя надзирающих органов, но и в самих прототекстах, обеспечивающих институциональность и конвенциональность реальных и коммуникативных действий. Стремление же к достижению максимально возможной степени иллокутивно-перлокутивного соответствия для клиента не является регламентированным, но при этом ограничивается тем же влиянием *tertiarius agens*, но уже в рамках менасивов. Преодоление границ, накладываемых конвенциями реализации желаемого, как со стороны «вынужденной» патернизации представителя класса агентов, так и со стороны социумного обезличенного «третичного агента», обеспечивает двунаправленная связь (в условиях реального социального действия) иллокутивных целей клиента и примарной задачи по удовлетворению их *tertiarius agens*, а также формирование области релевантного пересечения личностных значимостей двух эксплицитных участников коммуникации. В данном случае решающую роль играет широта фоновых знаний и аргументативной компетенции коммуникантов, а также возможность их постоянного обращения к не персонализированному пространству «третичного агента» в поисках конвенций, позволяющих расширить собственную область пертinentности. Такой критерий как «осведомленность» закономерно зависит от возрастных и социальных характеристик, но не демонстрирует корреляции с гендерными особенностями, что было доказано множеством психо- и социолингвистических исследований на материале различных лингвокультур [11: 234-235] в рамках пограничных дискурсивных практик.

Главная цель социальной интеракции состоит в обеспечении интересов класса клиентов (граждан) на основе следования агентами определенным паттернам (схемам коммуникативного и реального действия), которые, однако, характеризуются динамичностью по причине реактивного взаимодействия с изменяющимся иллокутивным пространством клиентской базы. Внедрение персонально-ориентированных компонентов носит весьма противоречивый характер, поскольку осуществляется в рамках конвенционализации на нормативном уровне:

1. Социальное обслуживание основывается на **соблюдении прав человека и уважении достоинства личности** <...> 2. Социальное обслуживание осуществляется также на следующих принципах:

1) **равный, свободный доступ** граждан к социальному обслуживанию <...> 2) **адресность** предоставления социальных услуг; 3) **приближенность поставщиков социальных услуг...**¹

Исходные максимы персональной ориентации, манифестируемые в аксиологической системе *tertiarii agens*, детерминируют определенный тип интерпретации агентом социальной коммуникации собственных компонентов пертинентности, т.е. предполагают соподчинение иллюкутивных целей агента вербализованным иллюкуциям клиента. При этом институциональные компоненты сохранения функционирования социального института накладывают определенные ограничения на внедрение пертинентной значимости агента в общее пространство релевантности, что значительно сужает тройственную область пересечения иллюкутивных целей и существенно ограничивает способы гармонизации коммуникации.

Таким образом, в пограничном дискурсе социальной работы наблюдается интенциональная направленность на создание общего пространства получения делиберативного решения коммуникативной и реальной задачи. Однако данный аспект нормирования в форме имплицитной вариативности, безусловно, может способствовать повышению интимизационной энтропии и размежеванию пространств пертинентности. Но компоненты «прогнозируемость» и «аппроксимация» в значении не только локальной близости агентов к клиентам, но и сближения ценностно-ориентационных пространств способствуют растягиванию области коллективной релевантности. В то же время акцентуация «равенства» клиентов в широком дискурсивном контексте может быть интерпретирована как «уравнивание» актуальных ролей участников коммуникации в аспекте получения доступа к управлению развитием дискурса, условной вариативности последовательности шагов в обеспечении решения реальной задачи.

Следует отметить, что полярные области, содержащие личностные значимые компоненты, создают параллельные векторы стратегического варьирования коммуникации, которые в стандартном институциональном типе дискурса не пересекаются и достижение результативности общения обеспечивается лишь вертикальным контекстом. В пограничном дискурсе социального взаимодействия возможность смены актантных характеристик коммуникантов предполагает также возможность использования сходных речевых тактик получения доступа к управлению дискурсом. Одной из наиболее эффективных и часто встречающихся стратегий является консолидация [12]. Зачастую консолидация иллюкутивных областей в процессе вербализации представляет собой не просто постоянное добавление персонально значимых оперативных компонентов *ad hoc*, но и попытку на основе повышения степени эмотивности и эмпатийности высказывания гармонизировать коммуникацию и привести пертинентные компоненты «к общему знаменателю» релевантности. Однако данный процесс не может превращаться в бесконечное растягивание коллективного аксиологического пространства смысла (наподобие «нанизывания» формантов в агглютинативных языках для модификации и постепенной конкретизации лексико-грамматического значения) [13: 84].

Синергия векторов развития дискурса при консолидации предполагает взаимовлияние на основе резонанса иллюкутивных пространств коммуникантов, что может быть достигнуто только в рамках синхронизации речевых тактик и использования сходных средств вербализации персональных компонентов. Стратегия консолидации обеспечивается в условиях незримого присутствия *tertiarii agens* в основном тактикой хеджирования, что дает возможность конвенционализировать каждый из компонентов, имеющих индивидуальное значение, и придать ему статус коллективной значимости. В качестве языковых средств реализации хеджа как агенты, так и клиенты прибегают к специфическим маркерам аппроксимации, т.е. ухода от абсолютной трактовки того или иного утверждения, содержащегося в протекстах «третьего агента», но сохраняя отсылку именно к ним.

Специалист социальной службы: *В любом случае, можно даже просто обратиться к перечню документов, которые Вы должны предоставить для оформления единовременной выплаты. Вы же перед приходом могли выйти на сайт Комитета, там этот перечень висит... Можно же меня постоянно не дергать... и ссылка на приказ министерства тоже дана... Ну да ладно, тем более сейчас пересмотр идет и сайт меняется*².

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Доступно по: <https://dszn.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-62-src-1601452813.7723.pdf>. Ссылка активна на 22.05.2023. Federal Law of 28 December 2013 No. 442-FZ «On the bases of social services for citizens in the Russian Federation». Available at: <https://dszn.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-62-src-1601452813.7723.pdf>. Accessed May 22, 2023.

² Личный архив исследователя Ю.И. Бредихиной. Доступно по: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmYBN6mODA>. Ссылка активна на 02.06.2023. Personal archive of researchers Y.I. Bredikhina. Available at: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmYBN6mODA>. Accessed May 22, 2023.

В приведенном примере отсылки не содержат прямой номинации прототекстов «третичного агента» не в рамках тактики умолчания, но для обеспечения синергетического взаимодействия в «уравнении» компетентностных характеристик агента и клиента. Комиссивная форма, обязывающая совершить действия в объективной реальности (предоставить документы), в данном случае призвана уравновесить персональные компоненты с институциональными и обеспечить соблюдение нормативных требований к коммуникативным действиям реквестивного характера. Финализирующая фраза агента коммуникации гармонизирует общение и компенсирует конвенциональные компоненты посредством уступительного метакоммуникативного маркера *ну да ладно* и дальнейшей конкретизации имплицитного компенсатора за «излишнюю» институционализацию. Определить речеактовую принадлежность выраженного подобным образом слияния персональных эмотивных и институциональных оперативных компонентов можно как вторичную конвергенцию декларатива и экспрессива [14].

Следует указать, что доминантной целью хеджирования в высказываниях, призванных повысить коллективную значимость того или иного компонента, является своего рода «страхование» эпистемической ответственности коммуниканта за неверность пропозиции, т.е. соответствия аллюзивных аргументативных персональных элементов объективной реальности описываемого события [15]. Достигается это внедрением компонентов с семантикой сомнения, например, в случае подкрепления исходной позиции обращения о повышении размера пенсионных выплат, степень эпистемической ответственности размывается в общем пространстве релевантности за счет тактики делигирования, реализуемой вводными конструкциями, маркирующими неуверенность.

Заявитель: *Насколько я знаю, уже было объявлено о повышении на четыре процента выплат по социальной пенсии для нуждающихся граждан.*

Специалист социальной службы: *Я тоже слышал о такой мере в новостях, однако никаких изменений в схему расчетов выплат ни на федеральном, ни на краевом уровне ещё не внесено, поэтому начисления проходят в прежнем режиме... Как только эти сведения подтвердятся, я сразу же сообщу Вам, и мы произведем перерасчёт...³*

Кроме того, можно выделить в высказывании представителя агентов лексемы, вербализующие персональные компоненты относительной ценности оперативной информации. Так, даже в условиях недостоверности и минимальном уровне авторитетности источника, не входящего в пространство прототекстов *tertiarius agens*, участники коммуникации номинируют информационную составляющую как *сведения*, избегая формулировки *слухи*. Данная вербализация дополнительно подкрепляет возможность пропозиционного соответствия и наряду с частицей *ещё* (*не внесены*) сохраняет объем потенциального вхождения персональных компонентов в коллективное пространство с последующей конвенционализацией «третичным агентом».

Ещё одним средством достижения резонанса пертинентных пространств служит особая форма построения высказывания как косвенного согласия (*conventionally indirect agreement*), что зачастую характеризует дискурс социальной работы. При подобной актуализации персональных компонентов в ткани институционального дискурса для контркоммуниканта предоставляется широкое поле реактивной интенсификации собственных элементов иллюкуции, а функциональные ограничения создаются в минимальном объеме.

Следующие примеры достаточно ярко представляют фатико-инвигативные акты в реализации стратегии хеджирования в косвенной сослагательной форме.

Заявитель: *Я думаю, может быть лично Вы могли бы помочь мне с продвижением моего заявления. В любом случае рука руку моет и я смогу Вам пригодиться, при оформлении и расчёте налоговых вычетов, – мы то с Вами в соседних организациях работаем...*

Специалист социальной службы: *Может быть удастся что-то решить, при условии, если Вы предоставите выписку МСЭ... Только её оформить нужно будет числом не позже конца сентября, так что уже пора пошевелиться. А по поводу вычета, прямо интересное предложение, у меня как раз ситуация с процентами по ипотеке.⁴*

³ Личный архив исследователя Ю.И. Бредихиной. Доступно по: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmYBN6mODA>. Ссылка активна на 02.06.2023. Personal archive of researchers Y.I. Bredikhina. Available at: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmYBN6mODA>. Accessed May 22, 2023.

⁴ Личный архив исследователя Ю.И. Бредихиной. Доступно по: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmYBN6mODA>. Ссылка активна на 02.06.2023. Personal archive of researchers Y.I. Bredikhina. Available at: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmYBN6mODA>. Accessed May 22, 2023.

Сослагательные формы наряду с комиссивами (обещаниями помочь в решении вопросов, интересующих контркоммуниканта) усиливают эпистемическую ответственность, однако, на фоне псевдодекларирования и заверения в помощи, область релевантности значительно расширяется. Внесение нерелевантной ситуации общения информации о возможностях клиента формирует общие бифуркационные точки иллюкуции внетематически ассоциированные с эмотивными и ценностными ориентирами, не контролируемые *tertiariiis agens*. Также немаловажной в аспекте формирования областей пересечения персональных пространств контркоммуникантов представляется манифестация социальной роли клиента, которая не соответствует его актуальной коммуникативной роли в анализируемом дискурсе социальной работы. На основе не относящейся к ситуации общения фразы *мы то с Вами в соседних организациях работаем* клиент стремится получить доступ к управлению развитием дискурса и обеспечить базис открытой манипуляции иллюкутивной сферой агента. Также данное высказывание способствует относительному уравниванию актуальных ролей в рамках неаргументированной демонстрации достаточного уровня компетенции клиента.

Одной из наиболее действенных тактик достижения необходимого консенсуса в условиях пограничного общения является, казалось бы, примарно конфликтогенная угроза, реализуемая в рамках речевых актов менасивов. Синтонный гармонизирующий характер данная тактика приобретает в дискурсе социальной работы по причине того, что сами менасивные коммуникативные действия, совершаемые чаще всего клиентом, не интерпретируются агентом в качестве его интенции [16: 423]. Как продуцент менасивного высказывания, так и его реципиент видят в прямой угрозе даже не предупреждение или декларацию, но всегда каузацию, т.е. некий коммуникативный акт побуждения к осуществлению действий в объективной реальности, направленных на достижение целей, которые являются в аспекте контроля «третичного агента» доминантой в деятельности органов социальной защиты. Клиент же, прибегающий к такого рода тактике обеспечения доступа к управлению дискурсом и уравниванию актуальных ролей, зачастую ссылается именно на персонализированных представителей класса агентов, совмещающих в себе для «некомпетентного» клиента агента и *tertiariiis agens*.

Специалист социальной службы: *К сожалению, я не смогу принять у Вас пакет документов на оформление ежемесячной выплаты, Вы же не предоставили сведения об отсутствии задолженностей по коммунальным платежам.*

Заявитель: *Так у вас на стенде даже в перечне этого нет,.. и вообще, что мне по всем инстанциям бегать что ли и в «Водоканал», и в «Электросети», может ещё и в управляющую зайти, взять справку. Что я за дворника не задолжал ничего... Я в таком случае, наверное, поближе найду, к Вашему начальнику отдела, в каком он кабинете?!*

Специалист социальной службы: *Можете зайти, если хотите, только Вам он то же самое скажет. Не надо мне угрожать тут, действительно, зайдите лучше в УК, подача справки предусматривает именно такую форму за последние полгода... у них есть вся информация по Вашим оплатам.⁵*

В вышеприведенном контексте в рамках реактивного эмотива, выраженного констатацией факта отсутствия требуемого документа в перечне, в сочетании с квестивом клиент использует менасив не для экспликации собственного намерения обжаловать решение агента, а для побуждения его к решению возникшей в ходе коммуникации проблемы. При этом сам вектор интерпретации его угрозы имплицитно задается манифестацией «некомпетентности» (упоминание статусной роли персонализированного представителя «третичного агента» без конкретизации – отсутствие фамилии *к Вашему начальнику отдела*).

Нивелировка менасивного компонента достигается в последующем высказывании агента не только прямым отводом, но и прогностической стратегией предложенного решения проблемы, которое обозначается в предшествующей фразе клиента. Повтор квестива в сослагательной форме в реактивном директиве с оценивающим компонентом *зайдите лучше в УК* не просто отвечает главному требованию скрытой гармонизации суггестивного акта (исходная иллюкуция как бы принадлежит клиенту), но и модифицирует потенциальный конфликтоген в синтон. Гармонизации способствует и последующая аргументация со скрытой ссылкой на регулирующие нормы *tertiariiis agens* – *предусматривает именно такую форму*. В данном случае сам горизонтальный контекст предлагает векторы консолидации эксплицитных (находящихся в непосредственном взаимодействии) коммуникантов для достижения примарной задачи инкоативного этапа совместной реализации финальной цели.

⁵ Личный архив исследователя Ю.И. Бредихиной. Доступно по: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmyBN6mODA>. Ссылка активна на 02.06.2023. Personal archive of researchers Y.I. Bredikhina. Available at: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmyBN6mODA>. Accessed May 22, 2023.

Выводы

Таким образом, на основе анализа конвенционализированных паттернов коммуникативного и реального действия, вербализованных в прототекстах, определяющих ценностную систему *tertiarii agents* как обезличенного модератора пограничного дискурса, выявлены условия и механизмы снижения интимизационной энтропии и роль контаминации персональных и институциональных компонентов в создании коммуникативной базы для принятия общего решения социально значимой задачи.

Было проведено исследование глубинных способов экспликации пертинентных и релевантных областей через призму нормированной интерпретации, направленное на выявление и описание принципов перформатизации желаемого в процессе дискурсопорождения. Анализ основан на новом дискурсивно-модусном подходе к формированию высказываний пограничной коммуникации как динамичному, вариативному, коллективно-значимому феномену, который включает в себя не только интерпретацию когнитивной, оперативной и эмотивной информации, но и детерминируется прямой созависимостью с уровнем компетентности коммуникантов. Актуальные роли агента и клиента в управлении развитием дискурса при этом перераспределяются и в условиях использования стратегий консолидации и кооперации, реализуемых тактиками хеджирования, произвольно изменяют фокус иллюкутивно-перлокутивного соответствия. Коммуникативно-деятельностная ситуация, определяющая индивидуальный выбор каждой из эксплицитных сторон наиболее релевантных стратегий и тактик включения в коллективное пространство релевантности лично значимых компонентов, способствует снижению энтропии, либо посредством создания синергичного вектора целеполагания, либо, наоборот, трансформации иллюкуции контркоммуниканта. Среда условной институциональности, основанная на инициальной «приближенности» к клиенту и конвенционализации «уравнивания» агентов и клиентов, непосредственно влияет на использование участниками пограничной коммуникации сходных стратегий и тактик для интимизации ключевых ценностей и обеспечения совместного выполнения коммуникативной задачи с параллельной гармонизацией общения и снижением конфликтности во взаимодействии.

Ключевым приемом достижения единства иллюкуции в рассматриваемом виде дискурса является хеджирование различных типов, сюда включаются как прямые, так и аллюзивные отсылки к прототекстам *tertiarii agents*, действующие наряду с внетематическими ассоциатами в форме комиссивов, промисивов, декларативов и метакоммуникативных фатических маркеров. В пограничном виде дискурса социальной работы наблюдается модификация не только иллюкутивных пространств, но и функциональных областей стратегемо-тактического варьирования прямых угроз, менасивы выступают в качестве каузативов, которые ведут к реализации наиболее эффективных способов достижения общих целей трихотомии (агент-клиент-*tertiarii agents*) в реальном взаимодействии.

Список литературы

1. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Дискурс и его типология в российской лингвистике. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019; 3: 14-21. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-3-14-21>.
2. Алифанова О.Г. Вариант коммуникативной ситуации согласие как модель успешного коммуникативного взаимодействия. *Педагогическое образование в России*. 2015; 10: 103-109. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/variant-kommunikativnoy-situatsii-soglasie-kak-model-uspeshnogo-kommunikativnogo-vzaimodeystviya?ysclid=1h7fj1t7fk304162607>. Ссылка активна на 15.05.2023.
3. Imatova M.K. The Concept of Discourse in Modern Linguistics. *Current Issues and Prospects for the Development of Scientific Research*. 2022; 105: 200-205. <http://dx.doi.org/10.51582/interconf.19-20.04.2022.019>.
4. Болдонова И.С. Межличностный диалог: устный и письменный дискурсы. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*. 2009; 6 (3): 120-124. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhlichnostnyy-dialog-ustnyy-i-pismennyy-diskursy?ysclid=1h7jpn7b657968921>. Ссылка активна на 15.05.2023.
5. Litvishko O.M., Shiryaeva T.A., Tikhonova E.V., Kosycheva M.A. Professional Discourse: The Verbal and Visual Semiosis Interplay. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2022; 8 (1): 19-40. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-1-0-2>.
6. Tameryan T.Y., Zheltukhina M.R., Anikejeva I.G., Arkhipenko N.A., Soboleva E.I., Skuybedina O.N. Language explication of the conceptualized meanings in ethno-cultural and socio-political aspects of discourse. *OPTION*. 2020; 36 (26 Special Edition): 456-475. Доступно по: <https://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/article/view/31725/32987>. Ссылка активна на 15.05.2023.

7. Бредихин С.Н., Бредихина Ю.И. Прото-роли в актуализации компонентов значения в ноэматике высказывания (на материале пограничного дискурса социальной работы). *Когнитивные исследования языка*. 2018; 34; 357-360.
8. Bredikhin S., Bredikhina Yu., Serebriakova S., Marchenko T. Levels of communication act: functional communicative features of social work institutional discourse. *SHS Web of Conferences*. 2018; 50: 01022. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001022>.
9. Абдельхамид С.А., Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И. Речевые акты и русский текстопорождающий дискурс. *Русистика*. 2023; 21 (1): 7-17. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-7-17>.
10. Svetaylov B.V. Use of hedges in Russian-language and Turkish scientific articles on economics in the aspect of the implementation of the Neo-Gricean principles. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023; 4 (40). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.33>.
11. Duchovicova J., Kozarova N., Kurajda L., Bajrami B., Baghana J. Uroven sluchovej analyzy, syntezy a aktivna slovna zasoba a ich mezipohlavny context. *XLinguae*. 2019; 20 (4): 229-238. <https://doi.org/10.18355/XL.2019.12.04.20>.
12. Volkov Y.G., Vereshchagina A.V., Uzunov V.V., Meskhi B.B., Kartashevich E.V. Social consolidation and models of innovative development of Russian regions: the discourse space of sociological research. *Revista ESPACIOS*. 2020; 41 (40): 7. Доступно по: <https://revistaespacios.com/a20v41n40/a20v41n40p07.pdf>. Ссылка активна на 24.05.2023.
13. Suvorova E. The principles of inference in discourse comprehension. *XLinguae*. 2020; 13 (2): 78-91. <https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.02.06>.
14. Edwards D., Fasulo A. "To be honest": Sequential uses of honesty phrases in talk-in-interaction. *Research on Language and Social Interaction*. 2006; 39 (4): 343-376. http://dx.doi.org/10.1207/s15327973rli-si3904_1.
15. Vlasyan G.R. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*. 2018; 39: 685-690. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.98>.
16. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации. *Russian Journal of Linguistics*. 2020; 24 (2): 419-448. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448>.

References

1. Vorkachev SG, Vorkacheva EA. Discourse and Its Typology in Russian Linguistics. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2019; 3: 14-21. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-3-14-21>. (In Russ.).
2. Alifanova OG. Communicative Situation of Agreement as a Model of Successful Communication. *Pedagogical Education in Russia*. 2015; 10: 103-109. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/variant-kommunikativnoy-situatsii-soglasie-kak-model-uspeshnogo-kommunikativnogo-vzaimodeystviya?ysclid=lh7fj1t7fk304162607>. Accessed May 15, 2023. (In Russ.).
3. Imatova MK. The Concept of Discourse in Modern Linguistics. *Current Issues and Prospects for the Development of Scientific Research*. 2022; 105: 200-205. <http://dx.doi.org/10.51582/interconf.19-20.04.2022.019>. (In Eng.).
4. Boldonova IS. Interpersonal Dialogue: Oral and Written Discourses. *Vestnik of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University*. 2009; 6 (3): 120-124. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhlichnostnyy-dialog-ustnyy-i-pismenny-diskursy?ysclid=lh7jnp7b657968921>. Accessed May 15, 2023. (In Russ.).
5. Litvishko OM, Shiryayeva TA, Tikhonova EV, Kosycheva MA. Professional Discourse: The Verbal and Visual Semiosis Interplay. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2022; 8 (1): 19-40. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-1-0-2>. (In Eng.).
6. Tameryan TY, Zheltukhina MR, Anikejeva IG, Arkhipenko NA, Soboleva EI, Skuybedina ON. Language Explication of the Conceptualized Meanings in Ethno-Cultural and Socio-Political Aspects of Discourse. *OPTION*. 2020; 36 (26 Special Edition): 456-475. Available at: <https://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/article/view/31725/32987>. Accessed May 15, 2023. (In Eng.).
7. Bredikhin SN, Bredikhina YuI. Proto-Roles in the Meaning Components Actualization in the Utterance Noematic Structure (Based on the Borderline Social Work Discourse). *Cognitive Studies of Language*. 2018; 34: 357-360. (In Russ.).

8. Bredikhin S, Bredikhina Yu, Serebriakova S, Marchenko T. Levels of communication act: functional communicative features of social work institutional discourse. *SHS Web of Conferences*. 2018; 50: 01022. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001022>. (In Eng.).
9. Abdelhamid SA, Alefirenko NF, Chumak-Zhun II. Speech Acts and Russian Text-Generating Discourse. *Russian Language Studies*. 2023; 21 (1): 7-17. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-7-17>. (In Russ.).
10. Svetaylov BV. Use of Hedges in Russian-Language and Turkish Scientific Articles on Economics in the Aspect of the Implementation of the Neo-Gricean Principles. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023; 4 (40). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.33>. (In Eng.).
11. Duchovicova J, Kozarova N, Kurajda L, Bajrami B, Baghana J. Level of Auditory Analysis, Synthesis and Active Vocabulary and Their Intergender Context. *XLinguae*. 2019; 20 (4): 229-238. <https://doi.org/10.18355/XL.2019.12.04.20>. (In Slov.).
12. Volkov YG, Vereshchagina AV, Uzunov VV, Meskhi BB, Kartashevich EV. Social Consolidation and Models of Innovative Development of Russian Regions: the Discourse Space of Sociological Research. *Revista ESPACIOS*. 2020; 41 (40):7. Available at: <https://revistaespacios.com/a20v41n40/a20v41n40p07.pdf>. Accessed May 24, 2023. (In Eng.).
13. Suvorova E. The Principles of Inference in Discourse Comprehension. *XLinguae*. 2020; 13 (2): 78-91. <https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.02.06>. (In Eng.).
14. Edwards D, Fasulo A. “To Be Honest”: Sequential Uses of Honesty Phrases in Talk-In-Interaction. *Research on Language and Social Interaction*. 2006; 39 (4): 343-376. http://dx.doi.org/10.1207/s15327973rlsi3904_1.
15. Vlasyan GR. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*. 2018; 39: 685-690. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.98>. (In Eng.).
16. Romanov A, Novoselova O. Discursive Realization of Threat in Pre-Election Communication. *Russian Journal of Linguistics*. 2020; 24 (2): 419-448. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448>.

История статьи:

Получена: 27.07.2023

Принята: 09.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 27.07.2023

Accepted: 09.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторе:

Бредихина Юлия Игоревна, ассистент кафедры русского, родных языков и лингводидактики, Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Российская Федерация; *e-mail*: bredichinajulia@yandex.ru.

Bionote:

Yulia I. Bredikhina, Instructor, Stavropol State Pedagogical Institute University, Department of Russian, Native Languages and Linguistics; Stavropol, Russian Federation; *e-mail*: bredichinajulia@yandex.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Оригинальная статья

УДК 81'42+81'23

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-29-41>

**Преувеличение в коммуникативной демонстративности:
прагматические и языковые аспекты**

И.А. Тисленкова

Волгоградский государственный технический университет;
400005, Российская Федерация, Волгоград, проспект им. В.И. Ленина, д. 28;

ORCID ID: 0000-0002-7202-2773;

Web of Science Researcher ID: AAW-1688-2021;

e-mail: tislenkova@bk.ru

Резюме: Преувеличение играет ведущую роль в организации современного феномена коммуникативной демонстративности, выделяет и транслирует значимую информацию о продуценте речевого высказывания.

Цель исследования состоит в выявлении и описании свойств и средств актуализации преувеличения. Используются междисциплинарный подход и метод психолингвистического анализа речевой продукции коммуникантов. Материалом для анализа стали высказывания участников телевизионных интервью 2013–2022 годов. Устанавливается, что в настоящее время преувеличение, свойство коммуникативной демонстративности, повсеместно используется как средство аттрактивного вербального поведения говорящих, вызванное необходимостью получения признания окружающими самобытности личности продуцента речи и ее закрепления в сознании реципиентов. Подчеркивается, что семантической основой преувеличения является выражение мироощущения манипулятивной языковой личности. Демонстративное преувеличение, употребляемое для выделения значимого посыла, имеет произвольный, намеренный и периодичный типы, выполняет экспрессивную, конативную, эстетическую, прагматическую, денотативную и контактную функции. Исследование показывает, что преувеличение в коммуникативной демонстративности реализуется в речевых стратегиях хвастовства, драматизации, напускного сетования, комплимента, похвалы, осуждения, унижения как способа самопродвижения, переоценки и двойной переоценки, состоящей из сочетания наречия «абсолютно», «совершенно» и прилагательного. Выявляются языковые средства актуализации преувеличения: гипербола, гиперболическая форма тропов (метафоры, эпитета, сравнения), фразеологические обороты, превосходная степень прилагательного, эмоционально-маркированные глаголы, семантические и грамматические суперлативы, передающие максимальную степень качества, интенсификаторы «очень», «совсем», восклицательные предложения, усеченные цитаты, модифицированные поговорки и императивные предложения. Полученные результаты могут быть использованы в курсе семиотики и психолингвистики.

Ключевые слова: преувеличение, коммуникативная демонстративность, самопрезентация, гипербола, двойная переоценка, дискурс, языковая личность.

Для цитирования: Тисленкова И.А. Преувеличение в коммуникативной демонстративности: прагматические и языковые аспекты. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 29–41. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-29-41>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-29-41>

Overstatement in Communicative Demonstrativeness: Pragmatic and Linguistic Aspects

Irina A. Tislenkova

Volgograd State Technical University;
28 Lenin Avenue, Volgograd, Russian Federation, 400005;
ORCID ID: 0000-0002-7202-2773;
Web of Science Researcher ID: AAW-1688-2021;
e-mail: tislenkova@bk.ru

Abstract: Overstatement plays the leading role organizing the phenomenon of communicative demonstrativeness by highlighting and translating meaningful information about the producer of the utterance. The purpose of the study is to identify and describe the properties and means of overstatement actualization. An interdisciplinary approach and the method of psycholinguistic analysis of the communicants' speech output are used. The material for the analysis was the statements of the participants from the 2013-2022 television interviews. It is established that at present overstatement, the property of communicative demonstrativeness, is widely used as a means of the speakers' attractive verbal behavior, caused by the need to obtain recognition of the personality identity that the speech producer presents from other people and its consolidation in the consciousness of the recipients. It is emphasized that the semantic basis of overstatement is the expression of the worldview possessed by a manipulative linguistic personality. Demonstrative overstatement, used to highlight a significant message, may have involuntary, intentional and periodic types and perform expressive, conative, aesthetic, pragmatic, denotative and contact functions. The study shows that overstatement in communicative demonstrativeness is realized in speech strategies of bragging, dramatization, false complaint, compliment, praise, condemnation, and humiliation as a way of self-promotion, over-evaluation and double over-evaluation, consisting of the adverb «absolutely» and an adjective. The linguistic means of actualization of overstatement are revealed: hyperbole, hyperbolic form of tropes (metaphors, epithets, comparisons), phraseological units, superlative adjectives, emotionally marked verbs, semantic and grammatical superlatives conveying the maximum degree of quality, intensifiers «very», «quite», exclamation sentences, shortened quotations, modified sayings and imperative suggestions. The results obtained can be used in the course of semiotics and psycholinguistics.

Keywords: overstatement, communicative demonstrativeness, self-presentation, hyperbole, double over-evaluation, discourse, linguistic personality.

For citation: Tislenkova IA. Overstatement in Communicative Demonstrativeness: Pragmatic and Linguistic Aspects. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 29–41. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-29-41> (In Russ.).

Введение

Современное высокотехнологичное, стремительно развивающееся общество предъявляет повышенные требования к качествам индивида. Для человека в число конкурентных преимуществ в настоящее время входят гибкие навыки, креативность, стремление к успеху, активность и способность к эффективной самопрезентации. Чтобы продемонстрировать свои успехи и удовлетворить базовые психологические потребности в мире социального соревнования, коммуниканты используют управление производимым впечатлением посредством преувеличения, одного из ведущих свойств демонстративной тональности общения.

Информационная эпоха значительно изменила такую характеристику речи, как конвенциональность. Под влиянием социально-культурных изменений произошло перепрограммирование характеристик коммуникации с появлением новых социальных мотивов поведения. Лингвисты фиксируют тенденцию дискурсов века компьютеризированной индустрии к глобальному господству коммуникативной демонстративности с отходом от национально-культурных этических традиций взаимодействия [1: 58].

Гипотезой исследования является положение о том, что преувеличение играет ведущую роль в организации феномена коммуникативной демонстративности, выделяя и транслируя важную информацию о продуcente высказывания.

Цель исследования – установить и охарактеризовать основные свойства и средства выражения преувеличения как центрального компонента демонстративной тональности общения.

Методы исследования. В процессе работы использовались междисциплинарный подход и метод психолингвистического анализа речевой продукции коммуникантов.

Материалом для анализа преувеличения стали высказывания участников телевизионных интервью 2013–2022 годов длительностью 420 минут, общим объёмом 72 000 слов.

Остановимся подробнее на сущности и способах объективации категории коммуникативной демонстративной тональности – преувеличения.

Обзор литературы

1. Коммуникативная тональность общения

Современная лингвистика занимается активным изучением коммуникативных категорий на протяжении последних двадцати лет [2: 5]. В соответствии с этим научный интерес представляет анализ и описание категориальных признаков феномена коммуникативной категории демонстративности.

Определение коммуникативной категории изменялось и дополнялось по мере её изучения разными исследователями с течением времени. И. А. Стернин и К. М. Шилихина определяют её как обобщённое коммуникативное понятие, упорядочивающее знания человека о правилах общения [3: 34]. О.А. Кобрина отмечает в данной категории ориентацию только на процесс коммуникации. М.В. Шаманова описывает способность коммуникативной категории к упорядочиванию концептов в концептосфере языковой личности, их вхождению в единую концептосферу, объединению с другими зонами национальной концептосферы, а также определению основных характеристик национального коммуникативного поведения народа. В 2010 году Н. Н. Панченко даёт определение коммуникативной категории как «единства структурно организованного коммуникативно-значимого содержания и комплекса лингвистических и паралингвистических средств его выражения» [4: 7].

Е. П. Карзенкова трактует данную категорию как виртуальный план речевого жанра, образовавшийся в условиях стандартного речевого взаимодействия. В исследовании Е. Н. Мехониной мы находим данные о том, что это система языковых, речевых и текстовых средств речевой реализации социально значимого взаимодействия [5: 154]. Коммуникативные категории в работе Е. П. Буториной – это пары, включающие значение релевантного признака ситуации общения и коммуникативную единицу для его выражения. Наконец, в недавней научной статье М. К. Вильчик рассматривает коммуникативные категории в качестве структур с культурно-обусловленными знаниями, правилами, прескрипциями и релевантными установками языковых средств [6: 281].

Согласно положениям Дж. Лакофф о гештальте, под которым автор понимает схему организации разнообразного опыта говорящего, включающую мысли, эмоции, двигательный и речевой стереотип и сочетающую в себе фреймы, схемы и сценарии, мы рассматриваем коммуникативную категорию как коммуникативную гештальт структуру, реализующуюся в языковых средствах [7].

Коммуникативные категории существуют наряду с концептами, нормами и принципами организации социального взаимодействия в коммуникативном сознании личности, делая возможным весь процесс её коммуникативной деятельности. Данные ментальные конструкторы находят проявление в любом типе речи, независимо от её функционально-стилевой принадлежности, используются произвольно, без предварительного обучения, охватывая социально-прагматические свойства ситуаций вербального взаимодействия, их ситуативность. Функцией коммуникативных категорий является обеспечение общения людей по принятым в обществе правилам [8].

В своем содержании коммуникативная категория имеет разноуровневые вербальные и невербальные средства для выражения ментальных стереотипов, набора суждений, моделей поведения в определённых ситуациях и правил вербального взаимодействия: нуклеарные элементы, которые объединяются в понятие, и второстепенные элементы, связанные с главными. К ведущим средствам выражения коммуникативной категории относятся эксплицитные семантические средства, к периферийным – лексико-грамматические средства и паралингвистические знаки.

Коммуникативная категория задается обобщающим семантическим признаком, который соотносится с характеристиками типичной ситуации общения, существующими в памяти коммуниканта, иденти-

фицируются им в процессе взаимодействия, воздействуют на его выбор коммуникативных и языковых единиц в соответствии с принятыми для общения в определённой сфере нормами для осуществления двустороннего процесса порождения текста.

Коммуникативные категории являются открытой системой, которая отвечает за реализацию механизмов и правил речевой деятельности.

Анализ коммуникативных категорий даёт возможность выявить закономерности употребления языковых единиц в коммуникации [9].

Обзор научной литературы по данной теме показывает наличие около 30 проведенных исследований коммуникативных категорий. Г. Р. Шамьенова (2000), Т. В. Ларина (2003) изучали социально-этическую категорию вежливости, представляющую собой коммуникативно-прагматическое поле, структура которого определяется особенностью гипертактик вежливости, их интенсивностью воздействия на слушателя и набором мотивов, способствующих определенной градации вежливости. С. А. Недобух (2002) занималась многоуровневой категорией персональности с несколькими способами выражения значений. Н. С. Миланчук (2005) исследовала лингвопрагматическую категорию некатегоричности высказывания и представила её как результат коммуникативной тактики сотрудничества, с сохранением интересов адресата и адресанта речи. В. В. Дементьев (2006) рассмотрел особенности категории не прямой коммуникации. В. Б. Кашкин (2007) описал категорию авторитетности в виде прямого словесного или фразового названия авторитетного источника и косвенного указания посредством оценки, сравнения, отсылки к литературному произведению, научной работе, историческим событиям. О. В. Эпштейн (2008) проанализировала такие категории политического дискурса, как агональность, агрессивность, идеологичность и театральность. В работе М. В. Шамановой (2009) систематизируются коммуникативные концепты, вербальные и невербальные средства, национально специфические когнитивные признаки категории общения. С. С. Тахтарова (2010) выявила митигативные прескрипции и мейотические знаки смягчения как коммуникативной категории, использующиеся с целью повышения эффективности коммуникативного контакта [10].

В течение следующего десятилетия лингвисты всесторонне исследуют такие коммуникативные категории: достоверность (2010), эвфемия (2010), пейоративность (2010), дружба (2011), речевой выбор (2011), игра (2012), вежливость (2013), недосказанность (2013), намёк (2014), враждебность (2015), чуждость (2015), официальность (2016), инакость (2018), деструктивность (2019), косвенность (2020), эгоцентризм (2021), справедливость (2021), слухи (2021), толерантность [11].

В настоящем исследовании в центре внимания находится коммуникативная категория демонстративности и её ведущее свойство преувеличение.

Коммуникативная демонстративность как структурно-образующая коммуникативная категория спектрального типа – тональность организует процесс современного общения, выполняя функцию самопроявления и средства воздействия на реципиента [12].

На основе принципа бинарной оппозиции ядерными компонентами данной коммуникативной категории нам видятся: преувеличение – представление чего-то более важным или драматичным, чем в реальности, акцентированность – вычленение личностного положительного или отрицательного свойства с целью его закрепления в сознании адресата и самопрезентация – демонстрация коммуникантом имеющихся успехов и достижений [13; 14; 15].

2. Преувеличение в структуре демонстративной тональности

Американский психолог, специалист в области межличностного общения и психологии эмоций П. Экман указывает, что время от времени коммуникант преувеличивает из практических соображений. Порой имеет место благородная ложь, когда сказать правду может быть хуже, чем скрыть ее, а иногда придание большей значимости фактам помогает компенсировать отсутствие фактов, серость или спасти ситуацию [16].

Н. Н. Панченко говорит о том, что в содержание термина преувеличение, входят признаки: «актёрство», «обманчивое впечатление» и «лицемерие» [4]. Таким образом, понятия «обман» и «преувеличение» являются пересекающимися по параметру «неискренность, приводящая к заблуждению».

Преувеличение – это представление чего-то более значимым или драматичным, чем есть на самом деле. Преувеличивать значит изображать большим, более существенным и важным, чем есть в действительности [17]. Эта форма неискренней коммуникации изучается в лингвистике, психолингвистике, философии и психологии методами структурного и логического анализа.

В последнее время, как отмечают исследователи, наблюдается проникновение в русские мировоззренческие установки чуждых культурных норм путём заимствования единиц речи, выражаемых ими концептов и способов самоподачи, что меняет традиционный стереотип вербального поведения людей [18].

Преувеличение является манипулятивной стратегией коммуникативной демонстративности, используемой для выделения положительных свойств говорящего. С помощью аггравации продуцент сознательно конструирует желаемый образ себя. Ассертивы, выраженные преувеличением, эффективно выражают нефакты и внушают слушателю уверенность в правдивости высказывания адресанта.

Стилистические возможности средств преувеличения состоят в умышленной гиперболизации для создания интриги или формирования интереса к своей личности, путем эмоционального воздействия на адресата через имеющийся у него жизненный опыт и отношение к какой-либо ситуации.

Представленные средства преувеличения по существу являются аффективными. С помощью них коммуниканты транслируют собственные действия и качества в подчеркнuto экспрессивной форме.

Перлокутивной целью введения в заблуждение посредством преувеличения являются три основных компонента: утаить от реципиента истинное намерение, убедить в правдивости демонстрируемой интенции или скрыть оба стремления [19].

В зависимости от причины, преувеличение делится на три типа:

Тип 1. Непроизвольное преувеличение, спонтанно порожаемое в процессе говорения с озвучиванием своей внутренней речи.

Тип 2. Намеренное преувеличение.

Этот вид неискреннего дискурса коммуникант подготавливает заранее, рассматривает различные его исходы, неоднократно корректирует перед его представлением адресату. Происходит рассогласование между функционированием языкового сознания при подготовке высказывания и его актуализацией. Факт предварительной работы умалчивается, и основной целью адресанта становится имитация естественного общения. Он выступает режиссёром акта коммуникации, формирует «правильное» понимание информации остальными участниками.

Тип 3. Периодичное преувеличение имеет место при возникновении коммуникативной необходимости произвести немедленное изменение в сознании своего собеседника [20].

Преувеличение обладает набором следующих составляющих: говорящий, реципиент, транслируемая преувеличенная информация, контакт, код и контекст. В соответствии с этим преувеличение может выполнять разнообразные функции:

1. Экспрессивную, описывающую качества говорящего, его оценку себя и содержания сообщения. В этом случае отправитель преувеличивает осознанно, в связи со сложившимися обстоятельствами.

2. Конативную, характеризующуюся направленностью на получение похвалы адресата.

3. Эстетическую, выражающуюся в отношении говорящего к звуковому и словесному оформлению своего высказывания.

4. Прагматическую, реализующуюся посредством коммуникативного намерения адресанта приукрашивать личные достижения.

5. Функцию толкования смысла с помощью кода, обеспечивающего выгодной для говорящего интерпретацией сообщения реципиентом.

6. Денотативную, соотносённую с темой высказывания.

7. Контактную, налаживающую взаимодействие через гипертрофированную похвалу, восхищение, притворство и лицемерие [21].

Результаты и дискуссия

Говорящий формулирует сообщение о себе в зависимости от собственных интересов, с учётом которых он предпочитает стратегию и модель поведения, которая обеспечит ему достижение цели [22; 23]. По мнению Н. Н. Панченко, преувеличение, как проявление неискренности, может выражаться лексико-синтаксическими средствами, коммуникативным действием и эмоциональной реакцией [23].

Говорящие, имеющие активную жизненную позицию и позитивную самооценку, часто преувеличивают свою значимость, степень богатства внутреннего мира, уникальности, индивидуальности, свои заслуги, приписывая себе качества, которыми в реальности обладают на среднем уровне. В процессе коммуникации они демонстрируют компетентность, показывают свое превосходство, проявляют хвастовство [24: 57]. Например,

(1) Моя мечта рухнула – работать в театре на Таганке. Сейчас я понимаю, что судьба распорядилась так неспроста, потому что неизвестно, выдержал бы я тот *поток любви* и ту *славу, которая бы на меня обрушилась*, если бы я в самом деле играл на Таганке, потому что *люди меня на руках носили бы*¹.

В примере (1) актер говорит о себе как об уникальном актере с помощью таких средств преувеличения, как гиперболическая метафора (поток любви), фразеологический оборот, содержащий экспрессивный глагол (обрушилась слава) и фразеологизм (носить на руках), приписывая себе способность к достижению наивысшего успеха и получению одобрения всех зрителей.

Речевая стратегия преувеличения может быть выражена с помощью экспрессивов, эмотивов и беабитивов, интенсифицирующих показываемые чувства [25]. Например,

(2) И тогда я задаю *совсем страшный вопрос*: А мы можем это узнать? Это один из *убийственных вопросов*, с которым *человечество справиться не может*. И вот я вам сообщаю, что *вы меня можете в горящее масло опускать*, и я все равно не отвечу на этот вопрос².

В отрывке речи (2) учёная в области нейронауки бравитует тем, что она занимается изучением сложнейшей проблемы программируемости человеческого сознания. Преувеличение актуализируется гиперболой (человечество справиться не может, в горящее масло опускать), превосходной степенью прилагательного «страшный», усиленного наречием «совсем» и эмоциональным эпитетом (убийственный вопрос).

(3) Я действительно импульсивный человек. Это как пружина, которую я *очень терплю сто лет*³.

Преувеличение, реализуемое гиперболой (сто лет) и интенсификатором «очень» в высказывании шоумена (3), демонстрирует его повышенную эмоциональность и стремление к соучастию в жизни окружающих, чему он придает большое значение.

Примером коммуникативных действий преувеличения могут служить хвастовство и драматизация. Например,

(4) У меня был *огромный успех* с красивыми женщинами⁴.

(5) Мы играли с Витей «Авас» в *гробовой тишине*. В *такой тишине, которой даже в «Матросской тишине» не бывает*⁵.

В примере (5) актер Р. Карцев с помощью рассматриваемой категории коммуникативной демонстративности рассказывает о том, что он показывал на сцене необыкновенные миниатюры, не похожие ни на кого другого. Преувеличение выражено гиперболической метафорой (гробовая тишина) и сравнением.

Хвастовство, ориентированное на умаление качеств реципиента и повышение статуса адресанта, бывает эксплицитное и имплицитное. Эксплицитное хвастовство – это автореферентное утверждение, в котором личность преувеличенно заостряет внимание слушателя исключительно на собственных успехах, преимуществах и потенциале, в нескольких высказываниях используя комплекс средств: противопоставление (у меня – у тебя), сравнение, эпитеты, гиперболу и восклицательные предложения. Например,

(6) Джигурда – *гений*. *Гений! Ему все можно*⁶.

¹ Джигурда: Легенда. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=z6FGAd3okjc&t=21s>. Ссылка активна на 15.06.2023. Dzhigurda: Legend. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=z6FGAd3okjc&t=21s>. Accessed June 15, 2023. (In Russ.).

² Татьяна Черниговская. Линия жизни / Телеканал Культура 03.11.2018. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=YN6Ezh46Qjw&t=1s>. Ссылка активна на 15.06.2023. Tatiana Chernihiv. Lifeline / Kultura TV Channel 03.11.2018. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=YN6Ezh46Qjw&t=1s>. Accessed June 15, 2023. (In Russ.).

³ Гоген Солнцев. Эксклюзивное интервью. Фрик без маски 09.11.2020. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=nRDLo4kkp3c&t=1s>. Ссылка активна на 15.06.2023. Gauguin Solntsev. Exclusive interview. Freak without a mask 09.11.2020. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=nRDLo4kkp3c&t=1s>. Accessed June 15, 2023. (In Russ.).

⁴ Роман Карцев. Линия жизни / Телеканал Культура 03.10.2018. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=kLU1uGZrwag>. Ссылка активна на 15.06.2023. Roman Kartsev. Lifeline / TV Channel Culture 03.10.2018. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=kLU1uGZrwag>. Accessed June 15, 2023. (In Russ.).

⁵ Там же.

⁶ Джигурда: Легенда. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=z6FGAd3okjc&t=21s>. Ссылка активна на 15.06.2023. Dzhigurda: Legend. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=z6FGAd3okjc&t=21s>. Accessed June 15, 2023. (In Russ.).

(7) *А какие друзья у меня были! Изумительные друзья!*⁷

Имплицитное хвастовство реализуется в виде напускного неудовольствия, сетования на вынужденность ситуации, которая, однако, играет положительную роль в жизни говорящего. Преувеличение актуализируется в этом случае отклонением от норм вербального поведения, гиперболой, усеченной цитатой «такова моя доля» (И. Гёте «Такова уж моя доля огорчать тех, кому я обязан дарить радость»), модифицированной поговоркой «что поделаешь» или риторическим вопросом-клише. Например,

(8) После моего удачного монолога меня пригласил к себе на разговор А. Райкин. *Я чуть не умер*⁸.

В примере (8) Роман Карцев описывает свой первый успех в качестве артиста эстрады. Коммуникант использует гиперболу для описания необыкновенного чувства радости, когда его талант заметил знаменитый режиссер театра «Сатирикон» Аркадий Райкин.

(9) Билан: У меня такое впечатление, что, когда не включишь программу «Привет, Андрей», всегда сидит Филипп и все время у него бенефис, что в принципе, конечно, хорошо.

Басков: Bravo! Bravo! (аплодирует).

Филипп: *Такова моя доля* быть главным сегодня на эстраде. *Что я могу поделать?*⁹.

Необходимо разграничивать позитивное и негативное преувеличение. Ю. Б. Кузьменкова и Т. В. Ларина рассматривают речевые действия с использованием средств преувеличения для выражения комплимента, похвалы, благодарности собеседнику как способ самовосхваления: «Я хочу, чтобы ты заметил, насколько я воспитан» [26; 27]. Например,

(10) Я просто хочу сказать, что *ты потрясающий певец, ты потрясающий вокалист. Ты положил на алтарь сцены всю свою жизнь, всю свою любовь. Ты положил самое главное. Это преданность своей публике. Я могу сказать только одно: Киркоров был, есть и будет выдающимся певцом современности*¹⁰.

На совместном с Ф. Киркоровым концерте певец Н. Басков произносит слова восхищения мастерством коллеги, прибегая к преувеличению, выраженному прилагательными, передающими максимальную степень качества (потрясающий, выдающийся), гиперболизированной фразеологической единицей «положил на алтарь сцены», речевым штампом «был, есть и будет» с целью продемонстрировать свою компетентность – оценить уровень профессионализма Киркорова.

Прямой комплимент высказывается, как правило, в форме утверждения, косвенный – в виде вопросительного предложения или сравнения [28: 186-187]. Комплимент обозначается лексическими единицами с положительной коннотацией, а также фразами нейтрального характера, в которых присутствует метафора, основанная на переносе положительных представлений о явлениях данной лингвокультуры: нравственные и этические идеалы из концептуальных сфер дружбы, красоты, добродетели и т. д., всего того, что одобряемо обществом. Средства преувеличения положительных намерений, делающие высказывание менее резким, принадлежат модусу вежливости [29].

Преувеличение, реализуемое гиперболизированными отрицательными эпитетами, императивными предложениями с глаголами в значении «устранить», «выгнать», «уничтожить» и дерогативами, употребляют доминантные коммуникативные личности для выражения негативной оценки или принижения достоинства реципиента с целью возвышения над ним. Собеседнику навязываются умаляющие его характеристики.

Всё нелестно сказанное реципиенту понимается говорящим как превозношение себя, подчеркивание своего более высокого социального или иного статуса. Например,

⁷ Михаил Козаков. Линия жизни / Телеканал Культура 30.10.2017. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=XTaQy2oNtlk&t=1s>. Ссылка активна на 15.06.2023. Mikhail Kozakov. Lifeline / TV Channel Culture 30.10.2017. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=XTaQy2oNtlk&t=1s>. Accessed June 15, 2023. (In Russ.).

⁸ Роман Карцев. Линия жизни / Телеканал Культура 03.10.2018. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=kLU1uGZrwag> Ссылка активна на 15.06.2023. Roman Kartsev. Lifeline / TV Channel Culture 03.10.2018. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=kLU1uGZrwag>. Accessed June 15, 2023. (In Russ.).

⁹ Привет, Андрей! Песня года. 50 лет вместе. 3.12.2022. Доступно по: <https://my.mail.ru/mail>. Ссылка активна на 15.06.2023. Hello, Andrey! Song of the Year. 50 years together. 3.12.2023. Available at: <https://my.mail.ru/mail>. Accessed June 15, 2022. (In Russ.).

¹⁰ Ф. Киркоров - Н. Басков - Про сволочь, императора и банкет. 23.02.2013. Доступно по: https://www.youtube.com/watch?v=i-jabMHC_vQ&t=2s. Ссылка активна на 15.06.2023. F. Kirkorov - N. Baskov - About the bastard, the emperor and the banquet. 23.02.2013. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=i-jabMHC_vQ&t=2s. Accessed June 15, 2023. (In Russ.).

(11) Киркоров: А так вообще я не вижу соперников.

Басков: Я какой тебе соперник? *Я – твоя счастливая старость*. Ты же сам сказал, чтобы я о тебе заботился.¹¹

(12) Собчак: Я прошу вас не комментировать мои сообщения моим избирателям. Держите себя в руках.

Жириновский: *Отвратительная баба! Черная грязь! Грязная ведьма! Уберите её отсюда!*¹²

Важной характеристикой общения является стремление к получению одобрения собеседника [30]. Преувеличение определяет характер речевого взаимодействия, направленного на самовыдвижение адресанта. Средства преувеличения отрицательных интенций, обозначающие безапелляционность речевых действий говорящего, оформляют вербальное поведение в модусе агрессивности [29].

Еще одним приёмом преувеличения в коммуникативной демонстративности является переоценка, которая строится на употреблении эмоционально маркированных глаголов и прилагательных (ненавидеть, обожать, до смерти желать, потрясающий, великолепный), клишированных фраз (я убью тебя = я сильно рассержусь), наречий-интенсификаторов (действительно, просто), семантических и грамматических суперлативов (чудесный, ужасный, жуткий, добрейший) используемых вместо нейтральных лексических единиц. Например,

(13) Киркоров: Обожаю тебя!

Басков: Но меня *обожает вся страна!*¹³

(14) Вы знаете, я *жуткая* кофейница. Я не могу начать день без кофе¹⁴.

Преувеличивают как положительные, так и отрицательные эмоции, причём пользуются также техникой двойной переоценки, состоящей из сочетания наречия «абсолютно», «совершенно» и прилагательного¹⁵. Например,

(15) И на следующий день меня берут на работу, на студию Горького редактором. *Чудные* были у меня редакторы на этой студии – пятибабье: Шукшина, Хуциева, Ростоцкова, Егорова и Герасимова. Это были *совершенно замечательные* женщины и у нас была *абсолютно замечательная* команда!¹⁶

Посредством преувеличения одной из главных характеристик демонстративной тональности говорящий проецирует собственные эмоции и убеждения на других людей, добивается к себе внимания и признания своего превосходства.

Заключение

Таким образом, в настоящее время преувеличение, свойство коммуникативной демонстративности, повсеместно используется как средство аттрактивного вербального поведения говорящих, вызванное необходимостью получения признания окружающими самобытности личности продуцента речи и ее закрепления в сознании реципиентов.

¹¹ Привет, Андрей! Песня года. 50 лет вместе. 3.12.2022. Доступно по: <https://my.mail.ru/mail>. Ссылка активна на 15.06.2023. Hello, Andrey! Song of the Year. 50 years together. 3.12.2022. Available at: <https://my.mail.ru/mail>. Accessed June 15, 2023. (In Russ.).

¹² Дебаты у Соловьева. Скандал. Полный выпуск. 28. 02. 2018. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=OCWwUCeuX1I&t=12s>. Ссылка активна на 15.06.2023. Solovyov's debates. Scandal. Full issue. 28. 02. 2018. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=OCWwUCeuX1I&t=12s>. Accessed June 15, 2023. (In Russ.).

¹³ Ф. Киркоров - Н. Басков- Про сволочь, императора и банкет. 23.02.2013. Доступно по: https://www.youtube.com/watch?v=i-jabMHC_vQ&t=2s. Ссылка активна на 15.06.2023. F. Kirkorov - N. Baskov - About the bastard, the emperor and the banquet. 23.02.2013. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=i-jabMHC_vQ&t=2s. Accessed June 15, 2023. (In Russ.).

¹⁴ Алла Гербер. Линия жизни / Телеканал Культура. 04.2021. Доступно по: https://www.youtube.com/watch?v=jURam_k533U&t=382s. Ссылка активна на 15.06.2023. Alla Gerber. Lifeline / Kultura TV Channel. 04.2021. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=jURam_k533U&t=382s. Accessed June 15, 2023. (In Russ.).

¹⁵ Клюев Е.В. Речевая коммуникация: Коммуникативные стратегии. Коммуникативные тактики. Успешность речевого взаимодействия: Учеб. пособие для ун-тов и ин-тов. М.: Приор, 1998: 224. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000572472>. Ссылка активна на 02.07.2023. Klyuev EV. Speech communication: Communication strategies. Communication tactics. The success of speech interaction: A textbook for students and in-tov. M.: Prior, 1998: 224. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000572472>. Accessed July 2, 2023 (In Russ.).

¹⁶ Алла Гербер. Линия жизни / Телеканал Культура. 04.2021. Доступно по: https://www.youtube.com/watch?v=jURam_k533U&t=382s. Ссылка активна на 15.06.2023. Alla Gerber. Lifeline / Kultura TV Channel. 04.2021. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=jURam_k533U&t=382s. Accessed June 15, 2023. (In Russ.).

Семантической основой преувеличения является выражение мироощущения манипулятивной языковой личности. На пропозициональном уровне преувеличение связано с произнесением эмоциональных пропозиций и придачей им видимости истинных. Приукрашивая сообщение ради собственной пользы, коммуникант преподносит преувеличенные чувства и самооценку как правдивые и таким образом разыгрывает роль перед реципиентом. Преувеличение включает в себя неистинность, так как представлять что-либо в более или менее привлекательном виде – значит изменять факты.

Демонстративное преувеличение, употребляемое для выделения значимого посыла, имеет непровольный, намеренный и периодичный типы, выполняет экспрессивную, конативную, эстетическую, прагматическую, денотативную и контактную функции.

Преувеличение в коммуникативной демонстративности реализуется в речевых стратегиях хвастовства, драматизации, напускного сетования, комплимента, похвалы, осуждения, унижения как способа самопродвижения, переоценки и двойной переоценки, состоящей из сочетания наречия «абсолютно», «совершенно» и прилагательного.

Преувеличение актуализируется гиперболой, гиперболической формой тропов (метафоры, эпитета, сравнения), фразеологическими оборотами, превосходной степенью прилагательного, эмоционально-маркированными глаголами, семантическими и грамматическими суперлативами, передающими максимальную степень качества, интенсификаторами «очень», «совсем», восклицательными предложениями, усеченными цитатами, модифицированными поговорками и императивными предложениями.

Список литературы

1. Синельникова Л.Н. Признаки дискурсивной матрицы гуманитарного пространства нового века. *Политическая лингвистика*. 2009; 29: 56-68. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-diskursivnoy-matritsy-gumanitarnogo-prostranstva-novogo-veka>. Ссылка активна на 02.07.2023.

2. Кислякова Е.Ю. Коммуникативная категория инакости: монография. Волгоград: ВГСПУ «Перемена»; 2018. Доступно по: <https://avtoref.mgou.ru/new/d212.155.04/Kislyakova/avtoref.pdf>. Ссылка активна на 02.07.2023.

3. Ли Ж. Семантика концепта «толерантность» и способы его лексической репрезентации в русском языке. *Лингвокультурология*. 2007;1:104-114. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-kontsept-a-tolerantnost-i-sposoby-ego-leksicheskoy-reprezentatsii-v-russkom-yazyke>. Ссылка активна на 02.07.2023.

4. Панченко Н.Н. Когнитивные категории «истинность» и «достоверность»: общее и различное. *Знание. Понимание. Умение*. 2009; 1: 132-136. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-kategorii-istinnost-i-dostovernost-obshee-i-razlichnoe>. Ссылка активна на 02.07.2023.

5. Мехонина Е.Н. Коммуникативно-речевая категория враждебности. *Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки*. 2015; 18 (215): 27: 149-158. Доступно по: <https://unid.bsu.edu.ru/upload/iblock/651/Bulletin%20September%202027.pdf#page=149>. Ссылка активна на 02.07.2023.

6. Вильчик М.К. Статус коммуникативной категории эгоцентризма в американской лингвокультуре. *Современные исследования социальных проблем*. 2021; 13 (3): 274-292. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-kommunikativnoy-kategorii-egotsentrizma-v-amerikanskoy-lingvokulture>. Ссылка активна на 02.07.2023.

7. Лакофф Д. Когнитивное моделирование. Язык и интеллект. М.: Прогресс; 1996: 143-182.

8. Корнеева А.В. Коммуникативное поведение и коммуникативное сознание как механизмы межкультурного взаимодействия. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017; 15 (4): 78-86. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-povedenie-i-kommunikativnoe-soznanie-kak-mehanizmy-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya>. Ссылка активна на 02.07.2023.

9. Нестерова Т.В. Прагматические транспозиции вопросительных высказываний в повседневной коммуникации. *Русский язык за рубежом*. 2021;1:52-63. Доступно по: https://web.archive.org/web/20210319221318id_/http://journal.pushkin.institute/wp-content/uploads/2021/03/52__RUSS_2021_01_block.pdf. Ссылка активна на 02.07.2023.

10. Тахтарова С.С. Пропозициональное смягчение и языковые средства его реализации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2009; 1 (9): 166-169. Доступно по: <https://vestnik.volsu.ru/issue/2009-1-9/166-169>. Ссылка активна на 02.07.2023.

но по: <https://cyberleninka.ru/article/n/propozitsionalnoe-smyagchenie-i-yazykovye-sredstva-ego-realizatsii>. Ссылка активна на 02.07.2023.

11. Биюмена А. А. Толерантность: критерии, структура, функции, типы. *Sciences of Europe*. 2021; 79-3 (20-22). Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-kriterii-struktura-funksii-tipy>. Ссылка активна на 02.07.2023.

12. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2021; 1: 14-31. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sovremennogo-diskursa>. Ссылка активна на 02.07.2023.

13. Hart W., Cease Ch.K., Lambert J.T., Garrison K. Designing one's authentic identity: Self-proclaimed authentic people report self-presentation agendas to seem authentic to audiences // *Personality and Individual Differences*. 2023; 201:111941. Доступно по: <https://www.researchgate.net/DOI/10.1016/j.paid.2022.111941>. Ссылка активна на 02.07.2023.

14. Тисленкова И.А. Языковые средства актуализации высокого уровня профессионализма говорящего в нарративном интервью (на материале английского языка). *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2021; 8 (161): 146-152. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-aktualizatsii-vysokogo-urovnya-professionalizma-govoryaschego-v-narrativnom-intervyu-na-materiale-angliyskogo>. Ссылка активна на 02.07.2023.

15. Тисленкова И.А. Теоретические основы идентификации уровня профессионализма говорящего по речевым характеристикам в кадровом интервью. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2022; 8 (3): 148-159. Доступно по: <https://lingua.amursu.ru/about-journal/volumes/2022/3/2022-3-13/>. Ссылка активна на 02.07.2023.

16. Экман П. Психология лжи: обмани меня, если сможешь. Санкт-Петербург: Питер, 2016: 302. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004409871>. Ссылка активна на 02.07.2023.

17. Власова Е.В. Преувеличение в политическом дискурсе (на материале современных британских и американских газет). *Язык и культура в глобальном мире*. 2022: 444-451. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereotsenka-v-politicheskom-diskurse-na-materiale-britanskih-i-amerikanskih-gazetnyh-statey>. Ссылка активна на 02.07.2023.

18. Ключина А.М. Стилистические средства выражения семантики крайности в русском языке: теоретический обзор. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022;15 (10): 3187-3193. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskie-sredstva-vyrazheniya-semantiki-kraynosti-v-russkom-yazyke-teoreticheskij-obzor>. Ссылка активна на 02.07.2023

19. Башкатов С.А., Гайнуллина С.М. Характеристика феномена лжи в отечественной и зарубежной психологии. *Психология. Психофизиология*. 2020; 13 (3): 5-16. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-fenomena-lzhi-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-psihologii>. Ссылка активна на 02.07.2023.

20. Борисенко Ю.И. Гипербола: лингвистический статус и структурные типы. *Сборник научных трудов SWORLD*. 2012: 27(1):49-53. Доступно по: <https://scholar.sfu-kras.ru/publication/17731855>. Ссылка активна на 02.07.2023.

21. Андрухина Н.В. Нарушение пропозиций в неискреннем дискурсе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018; 4-1 (82): 52-56. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-propozitsiy-v-neiskrennem-diskurse>. Ссылка активна на 02.07.2023.

22. Бердиев З. Гипербола как литературное средство выразительности и стилистический прием. *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*. 2022; 2 (26): 732-736. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/giperbola-kak-literaturnoe-sredstvo-vyrazitelnosti-i-stilisticheskij-priem>. Ссылка активна на 02.07.2023.

23. Панченко Н.Н. Правда и искренность в экологичной/неэкологичной коммуникации. *Научный диалог*. 2012; 12: 124-135. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravda-i-iskrennost-v-ekologichnoy-neekologichnoy-kommunikatsii/viewer>. Ссылка активна на 02.07.2023.

24. Gao W., Jianhua Wei, Yu Li, Dongxue Wang, Lele Fang. Motivations for social network site use and users' well-being: mediation of perceived social support, positive self-presentation and honest self-presentation // *Aslib Journal of Information Management*. 2023; 75 (1): 171-191. Доступно по: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/AJIM-08-2021-0224/full/html>. Ссылка активна на 02.07.2023.

25. Чиглинцева Д.В. Неискренний дискурс: особенности функционирования. *Актуальные проблемы лингвистики: Взгляд молодых исследователей*. 2018; 3: 155-160. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32475022>. Ссылка активна на 02.07.2023.
26. Кузьменкова Ю.Б. Стратегии речевого поведения в англоязычной среде. М.: «Первое сентября», 2005; 17: 58-62. Доступно по: <https://publications.hse.ru/books/82221437>. Ссылка активна на 02.07.2023.
27. Ларина Т.В. Коммуникативная категория вежливости: межкультурный аспект. *Коммуникативное поведение*. 2003; 17: 116-133. Доступно по: https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/comm-behavior/comm-behavior_2003-2.pdf. Ссылка активна на 02.07.2023.
28. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Лки, 2008: 284. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003503493>. Ссылка активна на 02.07.2023.
29. Ruzimbaevna U.D. Hyperbole as a Stylistic Device. *Texas Journal of Multidisciplinary Studies*. 2022; 7: 327-329. Доступно по: <https://zienjournals.com/index.php/tjm/article/view/1398>. Ссылка активна на 02.07.2023.
30. de Mendoza Ibáñez F.J.R. Understanding figures of speech: Dependency relations and organizational patterns // *Language & Communication*. 2020; 71: 16-38. Доступно по: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0271530919302800>. Ссылка активна на 02.07.2023.

References

1. Sinelnikova LN. Signs of the Discursive Matrix of the Humanitarian Space of the New Century. *Political Linguistics*. 2009; 29: 56-68. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-diskursivnoy-matritsy-gumanitarnogo-prostranstva-novogo-veka>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
2. Kislyakova EYu. The Communicative Category of Otherness. Volgograd: «Peremena»; 2018. Available at: <https://avtoref.mgou.ru/new/d212.155.04/Kislyakova/avtoref.pdf>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
3. Li Zh. Semantics of the Concept of “Tolerance” And Ways of Its Lexical Representation in the Russian Language. *Linguaculturology*. 2007; 1:104-114. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-kontsepta-tolerantnost-i-sposoby-ego-leksicheskoy-reprezentatsii-v-russkom-yazyke>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
4. Panchenko NN. Cognitive Categories “Truth” And “Reliability”: General and Different. *Knowledge. Understanding. Ability*. 2009; 1: 132-136. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-kategorii-istinnost-i-dostovernost-obschee-i-razlichnoe>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
5. Mekhonina EN. The Communicative-Speech Category of Hostility. *Scientific Bulletin. Humanities Series*. 2015; 18 (215): 27: 149-158. Available at: <https://unid.bsu.edu.ru/upload/iblock/651/Bulletin%20September%2027.pdf#page=149>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
6. Vilchik MK. The Status of the Communicative Category of Egocentrism in American Linguaculture. *Modern Studies of Social Problems*. 2021; 13 (3): 274-292. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-kommunikativnoy-kategorii-egotsentrizma-v-amerikanskoy-lingvokulture>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
7. Lakoff D. Cognitive Modeling. Language and Intelligence. Moscow: Progress; 1996: 143-182. (In Russ.).
8. Korneeva AV. Communicative Behavior and Communicative Consciousness as Mechanisms of Intercultural Interaction. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2017; 15 (4): 78-86. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-povedenie-i-kommunikativnoe-soznanie-kak-mehanizmy-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
9. Nesterova TV. Pragmatic Transpositions of Interrogative Statements in Everyday Communication. *Russian Language Abroad*. 2021; 1:52-63. Available at: https://web.archive.org/web/20210319221318id_/http://journal.pushkin.institute/wp-content/uploads/2021/03/52__RUSS_2021_01_block.pdf. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
10. Takhtarova SS. Propositional Mitigation and Linguistic Means of Its Implementation. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*. 2009; 1 (9): 166-169. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/propozitsionalnoe-smyagchenie-i-yazykovye-sredstva-ego-realizatsii>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
11. Biyumena AA. Tolerance: Criteria, Structure, Functions, Types. *Sciences of Europe*. 2021; 79-3 (20-22). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-kriterii-struktura-funktsii-tipy>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).

12. Karasik VI, Slyshkin GG. Trends in the Development of Modern Discourse. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*. 2021; 1: 14-31. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sovremennogo-diskursa>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
13. Hart W, Cease ChK, Lambert JT, Garrison K. Designing One's Authentic Identity: Self-Proclaimed Authentic People Report Self-Presentation Agendas To Seem Authentic To Audiences. *Personality and Individual Differences*. 2023; 201:111941. Available at: <https://www.researchgate.net> DOI: 10.1016/j.paid.2022.111941. Accessed June 2, 2023 (In Eng.).
14. Tislenkova IA. Linguistic Means of Actualizing the High Level of Professionalism of the Speaker in a Narrative Interview (Based on the Material of the English Language). *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. 2021; 8 (161): 146-152. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-aktualizatsii-vysokogo-urovnya-professionalizma-govoryaschego-v-narrativnom-intervyu-na-materiale-angliyskogo>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
15. Tislenkova IA. Theoretical Foundations for Identifying the Level of Professionalism of the Speaker by Speech Characteristics in a Personnel Interview. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2022; 8 (3): 148-159. Available at: <https://lingua.amursu.ru/about-journal/volumes/2022/3/2022-3-13/>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
16. Ekman P. Psychology of Lying: Deceive Me If You Can. St. Petersburg: Peter, 2016: 302. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004409871>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
17. Vlasova EV. Exaggeration in Political Discourse (Based On the Material of Modern British and American Newspapers). *Language and Culture in the Global World*. 2022: 444-451. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereotsenka-v-politicheskom-diskurse-na-materiale-britanskih-i-amerikanskih-gazetnyh-statey>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
18. Klyushina AM. Stylistic Means of Expressing the Semantics of the Extreme in the Russian Language: A Theoretical Review. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2022; 15(10): 3187-3193. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskie-sredstva-vyrazheniya-semantiki-kraynosti-v-russkom-yazyke-teoreticheskiy-obzor>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
19. Bashkatov SA, Gaynullina SM. Characteristics of the Phenomenon of Lies in Domestic and Foreign Psychology. *Psychology. Psychophysiology*. 2020; 13 (3): 5-16. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-fenomena-lzhi-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-psihologii>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
20. Borisenko YuI. Hyperbole: Linguistic Status and Structural Types. *Collection of Scientific Papers SWORLD*. 2012; 27(1):49-53. Available at: <https://scholar.sfu-kras.ru/publication/17731855>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
21. Andryukhina NV. Violation of Propositions in Insincere Discourse. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*. 2018; 4-1 (82): 52-56. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-propozitsiy-v-neiskrennem-diskurse>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
22. Berdiev Z. Hyperbole as a Literary Means of Expression and Stylistic Device. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*. 2022; 2 (26): 732-736. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/giperbola-kak-literaturnoe-sredstvo-vyrazitelnosti-i-stilisticheskiy-priem>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
23. Panchenko NN. Truth and sincerity in eco-friendly/non-ecological communication. *Scientific dialogue*. 2012; 12: 124-135. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravda-i-iskrennost-v-ekologichnoy-neekologichnoy-kommunikatsii/viewer>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
24. Gao W, Jianhua Wei, Yu Li, Dongxue Wang, Lele Fang. Motivations for Social Network Site Use and Users' Well-Being: Mediation of Perceived Social Support, Positive Self-Presentation and Honest Self-Presentation. *Aslib Journal of Information Management*. 2023; 75 (1): 171-191. Available at: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/AJIM-08-2021-0224/full/html>. Accessed June 2, 2023. (In Eng.).
25. Chiglintseva DV. Insincere Discourse: Features of Functioning. *Actual Problems of Linguistics: the View of Young Researchers: Collection of Articles. Issue 3. Chelyabinsk: Encyclopedia*, 2018: 155-160. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32475022>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
26. Kuzmenkova YuB. Strategies of Speech Behavior in the English-Speaking Environment. Moscow: «The first of September», 2005; 17: 58-62. Available at: <https://publications.hse.ru/books/82221437>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).
27. Larina TV. The Communicative Category of Politeness: The Intercultural Aspect. *Communicative*

Behavior. 2003; 17: 116-133. Available at: https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/comm-behavior/comm-behavior_2003-2.pdf. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).

28. Issers OS. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. Ed. Moscow: Lki, 2008: 284. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003503493>. Accessed June 2, 2023. (In Russ.).

29. Ruzimbaevna UD. Hyperbole as a Stylistic Device. *Texas Journal of Multidisciplinary Studies*. 2022; 7: 327-329. Available at: <https://zienjournals.com/index.php/tjm/article/view/1398>. Accessed June 2, 2023. (In Eng.).

30. de Mendoza Ibáñez F.J.R. Understanding Figures of Speech: Dependency Relations and Organizational Patterns. *Language & Communication*. 2020; 71: 16-38. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0271530919302800>. Accessed June 2, 2023. (In Eng.).

История статьи:

Получена: 14.07.2023

Принята: 07.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 14.07.2023

Accepted: 07.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторе:

Тисленкова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки», Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Российская Федерация; *e-mail*: tislenkova@bk.ru.

Bionote:

Irina A. Tislenkova, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Foreign languages, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation; *e-mail*: tislenkova@bk.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

НОВОЕ В ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

NEW IN DISCOURSE STUDIES

Оригинальная статья

УДК 81'25:347.961.4

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-42-53>

Стратегии и приемы перевода международно-правовых документов

М.Г. Большакова

Севастопольский государственный университет;
299053, Российская Федерация, Севастополь, ул. Университетская, 33;

ORCID ID: 0000-0001-9757-0162; Web of Science Researcher ID:

ADJ-3556-2022; Scopus Author ID: 57222616194;

e-mail: marie-mary@yandex.ru

Резюме: В статье рассматриваются актуальные вопросы перевода текстов международно-правовых документов в языковой паре английский-русский языки. Определяются стратегии перевода, отвечающие основным принципам перевода, следование которым позволяет достичь точности при переводе специальных юридических текстов. В работе используются такие методы исследования, как контекстуальный анализ, описательный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, дефиниционный анализ, дистрибутивный анализ. Выявляются факторы, затрудняющие перевод юридических текстов, среди которых пополнение юридической терминосистемы терминами-неологизмами, насыщенность текстов специализированной юридической терминологией и терминологией смежных областей знания. Устанавливается важность владения переводчиком специализированными знаниями, высоким уровнем переводческой и лингвокультурной компетенции, что поможет избежать искажения смысла и нарушения логики изложения при переводе с английского на русский язык. Выявляются переводческие приемы, используемые при переводе юридических текстов, выбор которых детерминирован проанализированными принципами и стратегиями перевода. Материалом исследования выступают англоязычные тексты деклараций саммитов международной организации БРИКС и их официальные переводные русскоязычные версии. В результате проведенного исследования установлено, что принципы перевода документов международно-правовой тематики соответствуют классическим принципам перевода, поскольку требуют от переводчика хорошего понимания содержания текста, высокого уровня владения языком оригинала и языком перевода, сохранения в переводе коммуникативного намерения автора. Научная новизна исследования заключается в выявлении еще одного принципа перевода, на который следует ориентироваться переводчику при выборе стратегии и приемов перевода международно-правовых текстов, в частности, принципа междисциплинарности. Автор также выявляет главные переводческие приемы, использование которых позволяет достичь эквивалентности и адекватности при переводе юридических текстов. Исследование вносит вклад в развитие теории и практики перевода, профессионально-ориентированного перевода, специального перевода. В перспективе планируется провести сравнительные исследования, направленные на выявление принципов, стратегий и приемов перевода юридических текстов, относящихся к сферам гражданского и уголовного права.

Ключевые слова: юридический текст, принципы перевода, стратегии перевода, переводческие трансформации, английский язык, неологизм.

Для цитирования: Большакова М.Г. Стратегии и приемы перевода международно-правовых документов. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 42–53. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-42-53>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-42-53>

Strategies and Techniques of the Translation of International Law Documents

Mariya G. Bolshakova

Sevastopol State University;

33 Universitetskaya Str., Sevastopol, Russian Federation, 299053;

ORCID ID: 0000-0001-9757-0162; Web of Science Researcher ID:

ADJ-3556-2022; Scopus Author ID: 57222616194;

e-mail: marie-mary@yandex.ru

Abstract: The article deals with the issue of international legal documents translation from English into Russian. Translation strategies are identified which allow achieving accuracy in the translation of legal texts. The paper uses such research methods as contextual analysis, descriptive analysis, comparative analysis, definition analysis, distributive analysis. The factors that complicate the translation of legal texts are identified, including replenishment of the legal terminology system with neologisms and abundance of specialized legal terminology and terminology of related fields of knowledge. It is pointed out that the translator must possess specialized knowledge, as well as a high level of translation and linguacultural competence, which will help to avoid distortion of meaning and violation of the logic when translating from English into Russian. The author identifies the translation techniques used in the translation of legal texts, the choice of which is determined by the analyzed principles and strategies. The research material is the English-language texts of the declarations of BRICS summits and their official translated Russian-language versions. As a result of the research, it was found that the principles of translation of international legal documents correspond to the classical principles of translation, since they require the translator to have a good understanding of the text content, a high level of proficiency in both the source and target languages, preservation of the author's communicative intention in translation. The scientific novelty of the research lies in the identification of another principle of translation, which a translator should focus on when choosing strategies and techniques for translating international legal texts, in particular, the principle of interdisciplinarity. The author also identifies the main translation techniques, the use of which allows to achieve equivalence and adequacy in translation of legal texts. The research contributes to the development of the theory and practice of translation in general and specialized translation, in particular. In the future, it is planned to conduct comparative studies aimed at identifying the principles, strategies and techniques of translating civil and criminal law documents.

Keywords: legal text, principles of translation, translation strategies, translation transformations, English, neologism.

For citation: Bolshakova M.G. Strategies and Techniques of the Translation of International Law Documents. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 42–53. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-42-53> (In Russ.).

Введение

Осуществление международных контактов в торгово-экономической и политико-правовой сферах неизбежно связано с использованием английского языка, поскольку на сегодняшний день английский язык остается языком профессионального взаимодействия в международном масштабе, доминируя в политике, экономике, технологической, информационной, образовательной, культурной и научной сферах. Право в данном контексте не является исключением, что приводит к «англизации» [1: 105]

мирового правового пространства, при этом в условиях «дифференциации юридических дисциплин» наблюдается «появление специфических терминологических подсистем, которые обслуживают отдельные юридические дисциплины и их подязыки» [2: 260]. Стремительное развитие информационных технологий, появление новых способов взаимодействия в экономике и общественно-политической жизни способствуют пополнению англоязычной юридической терминосистемы новыми единицами. Тем не менее перевод терминов, обозначающих новые явления в общественно-политической жизни и неизбежно отражающихся в языке, которые регулярно используются в англоязычных документах, затруднен ввиду отсутствия в языке перевода не только соответствующих терминологических единиц, но зачастую и соответствующих понятий, вербализуемых ими, что требует привлечения различных техник и способов перевода, использования лексико-грамматических трансформаций, вариативного употребления лексических и синтаксических средств.

Действительно, нельзя не отметить, что язык незамедлительно отражает новейшие общественно-политические и социально-экономические явления, прокладывая путь новым словам в русском языке и внося изменения в лексикон в различных сферах жизни. Как отмечают многие исследователи, для любой современной терминологии характерно постоянное обновление лексического состава [3], а в случае юридической терминологии, как подчеркивает С.Н. Куракина, «создание неологизмов <...> является одним из эффективных способов борьбы с полисемией в юридической терминологии» [4: 104], что в конечном итоге способствует достижению эквивалентности в процессе переводческой деятельности в языковой паре английский-русский языки. В данной связи необходимо отдельно подчеркнуть, что перевод юридического текста требует учета ряда принципов и использования определенных стратегий, следование которым позволит достичь эквивалентности и адекватности.

Цель статьи

Настоящее исследование нацелено на определение принципов перевода международно-правовых документов, которые детерминируют стратегии и приемы, используемые при переводе профессиональных юридических текстов, относящихся к сфере международного права, способствуя достижению эквивалентности и адекватности перевода.

Обзор литературы

Проблема перевода юридических текстов является достаточно актуальной в современной лингвистике [5; 6] и лингводидактике [7; 8]. Важными критериями качества перевода, по мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей, является достижение эквивалентности и адекватности при переводе, что при работе с международно-правовыми текстами представляет особую значимость, т.к. искажение смысла и нарушение логики изложения может иметь серьезные последствия, затрагивающие интересы отдельных лиц и целых государств.

Эквивалентность и адекватность перевода, являясь тесно связанными, однако не синонимичными понятиями, достаточно детально проанализированы в работах Л.С. Бархударова [9], В.Н. Комиссарова [10], Л.К. Латышева [11], Я.И. Ретцкера [12], Дж. Катфорда [13], К. Райса [14], М. Снелла-Хорнби [15], Г. Фермеера [14]. В современном языкознании эквивалентность и адекватность изучается на материале различных типов дискурса [16; 17], чаще всего художественного [17; 18], при этом исследуются культурологические [18], жанрово-стилистические [19], словообразовательные [20], когнитивные [21] аспекты перевода. Ниже приведем мнения исследователей по поводу сущности и соотношения категорий эквивалентности и адекватности.

Вне зависимости от типа дискурса или языка исследования, достижение эквивалентности перевода способствует сохранению равенства всех видов информации, представленной в языке оригинала и языке перевода, а именно, содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной [22: 183], а адекватность перевода подразумевает выбор наиболее подходящей для целей перевода стратегии, которая детерминирована соблюдением определенных принципов.

Учитывая тот факт, что перевод на русский язык англоязычных юридических документов, например, в сфере договорного права, означает, что переводчики осуществляют перевод текстов по правовым и экономическим вопросам, практическая переводческая деятельность, по мнению Дж. Джозефа, представляет собой практику, которая находится «на стыке юридической теории, теории языка и теории перевода» [23: 14] с элементами экономики.

Таким образом, одним из важных принципов юридического перевода выступает междисциплинарность, поскольку, с одной стороны, необходимо соблюдение языковых норм языка перевода наряду с

сохранением стиля и прагматических особенностей юридического текста, с другой стороны, знание понятийной системы права и смежных дисциплин как в языке оригинала, так и в языке перевода [24: 23].

Примером данного принципа в действии применительно к международно-правовой сфере являются исследования, выполненные О.М. Литвишко и Е.В. Милетовой на материале текстов конвенций Международной организации труда [25; 26; 27], в которых авторы указывают предметные сферы, к которым относятся проанализированные ими термины в зависимости от тематической отнесенности конвенции, в частности, такие сферы, как Economics, Education, Environment, Medicine, Political Science, Social Science, Trade Unions, а также определяют сферу их употребления, которая не ограничивается специфическими отраслями права, в частности, Civil Law, Criminal Law, International Law, Labour Law, но включает также такие сферы, как Aviation, Business, Diplomacy, Economy, Electronics, General English, Insurance, International Relations, Management, Military, Politics, Production, Public Relations, Telecommunications.

Таким образом, перевод юридических текстов подразумевает гораздо большее, чем простое использование соответствующих терминов. Переводчик во всех деталях должен понимать содержание переводимого текста и его коммуникативное намерение, а также в совершенстве владеть как языком оригинала, так и языком перевода, соответственно, будет стремиться к достижению функциональной эквивалентности [28], т.е. подберет в языке перевода такую лексему, которая выполняет функцию, аналогичную данной лексеме в языке оригинала. Данный принцип продемонстрирован при переводе лексемы *be subject to* в исследовании М.Г. Большаковой и Н.С. Руденко [29: 38-39].

Немаловажным, на наш взгляд, является тот факт, что специфика юридических текстов обусловлена зависимостью от исторически сложившихся традиций, поэтому при переводе необходимо учитывать различия между системами права, отражающиеся в профессиональном юридическом дискурсе языка оригинала и языка перевода, что актуализирует лингвокультурную компетенцию переводчика. Выбор способа перевода с учетом данной компетенции представлен в исследовании терминологических лакун в сфере уголовного права [30].

Не меньшую значимость представляет понимание того, что перевод юридических текстов является видом специального перевода, поскольку требует знаний профессиональной юридической сферы. Представляется, что данный факт обуславливает определенные требования, предъявляемые к переводчику в сфере профессиональной юридической коммуникации.

Таким образом, переводчик должен обладать хорошим знанием профессионального тезауруса, знакомым и автору исходного текста, и получателю переводного; он должен владеть профессиональными знаниями данной профессиональной сферы; иметь высокий уровень общего интеллектуального развития; иметь высокий уровень переводческой компетенции применительно к сфере профессиональной коммуникации. Иными словами, от переводчика требуется высокий уровень знания языка оригинала, равно как и языка перевода, а также способность осуществлять перевод иноязычного профессионально-ориентированного текста на родной язык и обратно [31: 155].

Полагаем, что обозначенные выше принципы перевода являются определяющими при выборе стратегии и приемов перевода текстов, относящихся к сфере международного права.

Не менее важным при выборе стратегии перевода является учет направленности стратегии либо на язык перевода, либо на язык оригинала. По мнению Т.Е. Ракшиной, в первом случае осуществляется ассимиляция в язык перевода терминов, функционирующих в правовой системе языка оригинала. При выборе второй стратегии термины сохраняют семантическое содержание и представляются в форме, максимально близкой к исходной [32: 175]. Определенный интерес в данном контексте представляет подход Л. Вентути, который вводит в научный оборот понятия, отражающие культурно-обусловленные стратегии перевода: стратегия форенизации (освоения, адаптации) направлена на поиск эквивалентов, ориентированных на язык оригинала, и адаптацию в языке перевода и соответствующей лингвокультуре элементов языка оригинала. Доместикация, напротив, фокусируется на эквивалентах, ориентированных на язык перевода, с последующей адаптацией оригинального текста к чужой лингвокультуре [33: 58-59].

Методы и материал исследования

Методология исследования базируется на следующих методах:

- контекстуальный анализ – направлен на выявление особенностей функционирования лексем в профессионально-ориентированном контексте;
- сравнительный анализ – используется для сопоставления двух профессиональных языков;

- дефиниционный анализ – ставит целью выявления семантических признаков лексем, вызывающих трудности при переводе;

- дистрибутивный анализ – представляет целесообразность в выявлении специфики функционирования лексем в определенном контексте и их сочетаемости.

Материалом исследования выступают тексты трех деклараций, принятых по результатам работы саммитов организации БРИКС, одним из членов которой является Российская Федерация. В целях настоящего исследования нами были отобраны тексты трех деклараций указанной международной организации, размещенные на Информационном портале БРИКС имеющие официальные версии переводов на русский язык: eThekwin Declaration, Fortaleza Declaration, Goa Declaration¹ – Этеквинская декларация, Форталезская декларация, декларация Гоа.²

Предлагаемое исследование проведено на материале английского и русского языков.

Результаты и дискуссия

В результате проведенного анализа материала исследования авторам удалось выявить наиболее характерные для данного вида документов стратегии и приемы перевода, которые, как будет продемонстрировано на примерах, обусловлены вышеуказанными принципами перевода.

Итак, перейдем к анализу материала исследования.

Пример (1) взят из текста Этеквинской декларации на английском и русском языках.

(1) *In June 2012, in our meeting in Los Cabos, we tasked our Finance Ministers and Central Bank Governors to explore the construction of a financial safety net through the creation of a Contingent Reserve Arrangement (CRA) among BRICS countries.*³

*В июне 2012 года на нашей встрече в Лос-Кабосе мы поручили министрам финансов и управляющим центральных банков изучить возможность создания финансовой «страховочной сетки» путем выработки соглашения между странами БРИКС о валютном резерве для использования в чрезвычайных обстоятельствах.*⁴

В примере (1) содержится прием приращения смысла без опоры на оригинал: фраза *to explore the construction* переведена как *изучить возможность создания* – в языке оригинала отсутствует лексема *возможность*. Помимо этого, мы встречаем прием калькирования англоязычного термина *a financial safety net – финансовая «страховочная сетка»* с сохранением избыточности оригинала, поскольку сам термин *safety net* в финансовом метаязыке понимается как *система обеспечения стабильности финансовой системы*, при этом в переводном варианте данный термин взят в кавычки. Полагаем, что кавычки указывают на прием метафорического переноса – данный термин используется в переносном значении *меры поддержки* по аналогии со страховочной сеткой, используемой в цирке во время выступлений воздушных гимнастов. Прием калькирования указывает на направленность стратегии на язык оригинала, поскольку оригинальный термин представлен в максимально близкой к исходной форме.

Также внимания заслуживает перевод фразы, содержащей аббревиатуру *CRA (Contingent Reserve Arrangement)*. Сам перевод термина не является эквивалентным соответствием, т.к. есть конвенциональный эквивалент – *Пул условных валютных резервов*,⁵ в котором компонент *contingent* имеет однословное соответствие – *условный*. В тексте на английском языке название предлагаемого соглашения представлено с заглавной буквы в сопровождении аббревиатуры, что, полагаем, необходимо для дальнейшего использования в тексте документа, тогда как в переводе на русский язык аббревиатура отсутствует. По нашему мнению, это объясняется тем, что лексема *contingent* не может быть переведена одним словом, соответственно, не существует односложного варианта на русском языке, который мог

¹ Documents. BRICS information portal. Available at: <http://infobrics.org/documents/>. Accessed July 25, 2023.

² Документы. Информационный портал БРИКС. Доступно по: <http://infobrics.org/>. Ссылка активна на 25.07.2023.

³ eThekwin Declaration (Durban, RSA, March 27, 2013). BRICS information portal. Available at <http://infobrics.org/document/15/>. Accessed July 25, 2023.

⁴ Этеквинская декларация и Этеквинский план действий (ЮАР, г. Дурбан, 27 марта 2013 года). Информационный портал БРИКС. Доступно по: <http://infobrics.org/document/15/>. Ссылка активна на 25.07.2023.

⁵ Contingent Reserve Arrangement. Интернет-система двуязычных словарей Мультитран. Доступно по: <https://www.multitrans.com/m.exe?s=Contingent+Reserve+Arrangement&l1=2&l2=1>. Ссылка активна на 25.07.2023 / Contingent Reserve Arrangement. Internet-system of bilingual dictionaries Multitrans. Available at: <https://www.multitrans.com/m.exe?s=Contingent+Reserve+Arrangement&l1=2&l2=1>. Accessed July 25, 2023.

бы стать частью эквивалентной аббревиатуры. Перевод термина *contingent* требует пояснения, что демонстрирует использование такого приема лексической трансформации, как смысловое развитие – прилагательное *contingent* в юридическом языке имеет значение *случайный, возможный, условный, зависящий от обстоятельств*,⁶ при этом компонент значения *чрезвычайные обстоятельства* отсутствует.

Не меньший исследовательский интерес представляет еще один пример использования приема лексической трансформации, в данном случае конкретизации: лексема *reserve* переведена как *валютный резерв*, тогда как в тексте оригинала компонент значения *валютный* не представлен. По нашему мнению, такое уточнение демонстрирует высокий уровень развития лингвокультурной компетенции переводчика – переводчик обладает фоновыми знаниями об организации БРИКС, в частности, знаниями об отсутствии единой валюты в рамках организации. Соответственно, вариант перевода *валютный резерв* подразумевает наличие запасов иностранной для всех государств-членов БРИКС валюты, используемой в международных расчетах. В целом адекватность перевода демонстрирует принцип междисциплинарности – переводчик умело оперирует терминами, относящимися к сфере международных отношений, а также сферы финансов.

В следующем примере анализ выполнен на материале текста Форталезской декларации на двух языках – английском как языке оригинала и русском как языке перевода.

(2) *We, the leaders of the Federative Republic of Brazil, the Russian Federation, the Republic of India, the People's Republic of China and the Republic of South Africa, met in Fortaleza, Brazil, on 15 July 2014 at the Sixth BRICS Summit. To inaugurate the second cycle of BRICS Summits, the theme chosen for our discussions was "Inclusive Growth: Sustainable Solutions", in keeping with the inclusive macroeconomic and social policies carried out by our governments and the imperative to address challenges to humankind posed by the need to simultaneously achieve growth, inclusiveness, protection and preservation.*⁷

*Мы, руководители Федеративной Республики Бразилия, Российской Федерации, Республики Индия, Китайской Народной Республики и Южно-Африканской Республики, собрались в Форталезе, Бразилия, 15 июля 2014 года на шестой саммит БРИКС. Открывая второй цикл саммитов БРИКС, мы выбрали темой наших дискуссий тему «Инклюзивный рост: устойчивые решения» – в соответствии с инклюзивной макроэкономической и социальной политикой, проводимой нашими правительствами и с учетом настоятельной необходимости реагирования на вызовы, с которыми сталкивается человечество, пытаюсь одновременно обеспечить рост, инклюзивность, защиту и сохранение.*⁸

Пример (2), помимо случаев лексических и грамматических трансформаций (замена страдательного залога в языке оригинала *the theme chosen ...* действительным в языке перевода *мы выбрали...*; замена множественного числа *social policies* единственным *социальная политика*; одновременное использование комплексной лексико-грамматической трансформации – приемов смыслового развития, добавления, опущения, генерализации: *the imperative to address challenges to humankind posed by the need to simultaneously achieve growth – с учетом настоятельной необходимости реагирования на вызовы, с которыми сталкивается человечество, пытаюсь одновременно обеспечить рост*; замена инфинитивного оборота *to inaugurate* деепричастным *открывая*; замена глагольной формы *to address* на существительное *реагирование*), содержит стратегию форенизации при переводе лексемы *inclusive* и производной от нее формы имени существительного *inclusiveness*. В русском варианте текста используется прием транслитерации – вариант перевода представляет собой калькированную версию: *инклюзивный, инклюзивность*.

Достижение функциональной эквивалентности путем подбора переводчиком именно тех лексико-грамматических средств, которые выполняют в нем ту же роль, что и в языке оригинала, демонстрирует высокую переводческую и лингвистическую компетенцию переводчика.

⁶ Мамулян А.С., Кашкин С.Ю. Англо-русский полный юридический словарь. М.: Эксмо; 2005: 816. Доступно по: <https://archive.org/details/B-001-001-734/page/490/mode/2up>. Ссылка активна на 25.07.2023 / Mamulyan AS, Kashkin SY. Complete English-Russian Legal Dictionary. Moscow: Eksmo, 2005: 816. Available at: <https://archive.org/details/B-001-001-734/page/490/mode/2up>. Accessed July 25, 2023.

⁷ Fortaleza Declaration Fortaleza (Brasília, Brazil, July 15, 2014). BRICS information portal. Available at: <http://infobrics.org/document/20/>. Accessed July 25, 2023.

⁸ Форталезская Декларация (Бразилия, г.Форталеза, 15 июля 2014 года). Информационный портал БРИКС. Доступно по: <http://infobrics.org/document/20/>. Ссылка активна на 25.07.2023.

Анализ в примере (3) проведен на материале текста декларации, принятой по результатам саммита БРИКС в Гоа и его перевода, размещенного на Информационном портале БРИКС.

(3) *In order to reach out and enrich our understanding and engagement with fellow developing and emerging economies, we will hold an Outreach Summit of BRICS Leaders with the Leaders of BIMSTEC member countries – Bay of Bengal Initiative for Multi-Sectoral Technical and Economic Cooperation comprising of Bangladesh, Bhutan, India, Myanmar, Nepal, Sri Lanka and Thailand.*⁹

*В целях развития внешних связей и углубления нашего взаимопонимания и сотрудничества с партнерами из числа государств развивающегося мира и стран с формирующейся рыночной экономикой мы проводим саммит руководителей стран БРИКС и лидеров государств – членов БИМСТЕК (Инициатива многовекторного технического и экономического сотрудничества Бенгальского залива, в которую входят Бангладеш, Бутан, Индия, Мьянма, Непал, Таиланд и Шри-Ланка) в формате «аутрич».*¹⁰

В примере (3) фиксируем серию лексико-грамматических трансформаций в переводе следующих фрагментов: *fellow developing and emerging economies (партнеры из числа государств развивающегося мира и стран с формирующейся рыночной экономикой)* – приемы конкретизации, пояснения, изменение порядка слов, *Multi-Sectoral (многовекторный)* – прием лексической замены. Ряд терминов (*to reach out, outreach*) отсутствует в языке перевода, поэтому для их перевода переводчик использует лексико-грамматические трансформации, такие как замена глагольной формы именем существительным и прием пояснения при переводе глагола *to reach out*, предлагая такой вариант перевода, как *развитие внешних связей*, прием транслитерации и прием добавления при переводе существительного *outreach – Саммит в формате «аутрич»*.

Особый интерес вызывает интерпретация акронима *BIMSTEC*. С одной стороны, переводчик использует вариант побуквенной транслитерации акронима (*BIMSTEC – БИМСТЕК*), с другой стороны, сопровождает его переводом пояснения, которое также присутствует в языке оригинала. Однако, если акроним на английском языке представляется возможным объяснить, прочитав пояснение к нему, т.к. первые буквы, образующие акроним, выделены полужирным шрифтом, то на русском языке расшифровать его нельзя. Кроме того, учитывая тот факт, что переводной вариант пояснения акронима содержит слова, которые начинаются с букв, не совпадающих с буквами, входящими в акроним, выделение полужирным шрифтом первых букв в варианте на русском языке намеренно отсутствует.

Заключение

Проведенный анализ текстов деклараций саммитов БРИКС, относящихся к международно-правовым документам, позволил нам сформулировать следующие выводы:

1. Принципы перевода международно-правовых документов в целом соответствуют общим принципам перевода, поскольку от переводчика требуется глубокое знание языка оригинала, языка перевода, знания профессиональной юридической области, высокий уровень переводческой и лингвокультурной компетенции.

2. Специфическим принципом перевода международно-правовых текстов является принцип междисциплинарности, т.к. данные тексты содержат большое количество лексических единиц, относящихся к смежным областям знания.

3. Важным при выборе стратегии перевода является учет ее направленности на язык оригинала, т.к. это позволяет сохранить коммуникативное намерение автора текста, а также воспроизвести общее впечатление, производимое текстом на языке оригинала.

4. Наиболее эффективными приемами перевода являются следующие: грамматические трансформации (замена множественного числа единственным, замена страдательного залога действительным, замена глагольной формы именем существительным, изменение порядка слов), транслитерация, калькирование, смысловое развитие, конкретизация, генерализация, добавление, опущение. Их использование при переводе международно-правовых текстов обеспечивает должный уровень эквивалентности и наибольшую адекватность текста на языке перевода.

Полагаем, что дальнейший анализ с привлечением большего по объему материала исследования позволит уточнить полученные результаты, а также выявить другие эффективные стратегии и приемы перевода международно-правовых документов с английского на русский язык.

⁹ Goa Declaration. BRICS information portal. Available at: <http://infobrics.org/files/pdf/97.pdf>. Accessed July 25, 2023.

¹⁰ Декларация ГОА. Информационный портал БРИКС. Доступно по: <http://infobrics.org/document/86/>. Ссылка активна на 25.07.2023.

Список литературы

1. Ягья В.С., Блинова Н.В. Английский язык как фактор мировой политики. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия. Политология. Социология. Психология. Право. Международные отношения*. 2007;6(4):102-107. Доступно по: http://vestnik.spbu.ru/pdf07/s06/s06v4_07_S.pdf. Ссылка активна на 25.07.2023.
2. Кондратьев П.Б. Проблема несовпадения смыслового объема юридических терминов и их эквивалентов в русском и английском языках права. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019; 2(27): 260-263. Доступно по: <https://landrailbgz.ru/wp-content/uploads/2023/04/BGZ-2019-2.pdf>. Ссылка активна на 25.07.2023.
3. Королева Е.В., Сенченко Е.А. Неологизмы терминологического поля «правоохранительная деятельность» в русском и английском языках. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2018;4(9). Доступно по: <https://sfk-mn.ru/PDF/14FLSK418.pdf>. Ссылка активна на 25.07.2023.
4. Куракина С.Н. Образование семантических неологизмов как способ реализации принципа концептуальной автономии права Евросоюза. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014; 6(36): 104-106. Доступно по: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2014_6-2_29.pdf. Ссылка активна на 25.07.2023.
5. Khizhnyak S.P. Proper Names in the legal terminology of the English language. *International Journal for the Semiotics of Law*. 2020;3(33):543-558. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09683-z>.
6. Alontseva N.V., Ermishin Y.A. Special aspects of working with the lexical level of legal discourse texts in the English and Russian languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2018;2(9):365-378. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-2-365-378>.
7. Чикнаверова К.Г., Воевода Е.В. Диaparонимы в текстах по специальности как потенциальные причины ошибок на лексико-семантическом уровне при обучении иностранному языку для специальных целей. *Вестник Томского государственного университета*. 2021;471:205-214. <https://doi.org/10.17223/15617793/471/24>.
8. Левитан К.М., Югова М.А. Некоторые вопросы дидактики юридического перевода. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2019;4:60-72. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2019.4.6>.
9. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения; 1975. Доступно по: http://lib.yusu.am/open_books/293730.pdf. Ссылка активна на 25.07.2023.
10. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высш. шк.; 1990. Доступно по: http://library.lgaki.info:404/2017/Комиссаров%20В_Теория%20перевода.pdf. Ссылка активна на 25.07.2023.
11. Латышев Л.К., Северова Н.Ю. Современные проблемы общей теории перевода. *Вестник Брянского государственного университета*. 2017; 1(31):297-301. Доступно по: http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2017_1.pdf. Ссылка активна на 25.07.2023.
12. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения; 1974. Доступно по: https://vk.com/doc102776148_489947698?hash=IVwwgPIJINoeuLlu8RBUfsHVGnJBrXxHnrRgSbM7rac. Ссылка активна на 25.07.2023.
13. Catford J.C. A linguistic theory of translation. An essay in applied linguistics. Oxford: Oxford University Press; 1965. Доступно по: <https://archive.org/details/J.C.CatfordALinguisticTheoryOfTranslationOxfordUniv.Press1965>. Ссылка активна на 25.07.2023.
14. Reiß K., Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen, 1984. <https://doi.org/10.1515/9783111351919>.
15. Snell-Hornby M. Übersetzen, Sprache, Kultur. Übersetzungswissenschaft. Eine Neuorientierung. Tübingen, 1994: 9-29. <https://doi.org/10.1515/infodaf-1987-145-680>.
16. Popova O.I., Volkova I.D., Fadeeva M.Yu. Localization and internationalization of texts of the media discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2021;3(20):45-54. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.4>.
17. Серебрякова С.В., Милостивая А.И. Поэтическая трансляция как герменевтический диалог переводчика с исходным текстом (опыт интерпретации разновременных переводов «Казачьей колыбельной песни» М.Ю. Лермонтова). *Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание*. 2023;3(22):97–107. Доступно по: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.9>.
18. Трегубова Ю.А. Национально-маркированная лексика в современной американской художественной литературе: особенности и возможности перевода на русский язык. *Научный результат. Во-*

просы теоретической и прикладной лингвистики. 2020;1(6):108-118. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-10>.

19. Yessentemirova A.M., Urazaeva K.B., Petkova S. Genre features rendering of W. Wordsworth's sonnet in Russian translations: accuracy criteria. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023; 7(16): 1240-1251. Доступно по: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/150832>. Ссылка активна на 25.07.2023.

20. Аль-Фоади Р.А., Зарытовская В.Н., Аль-Рознамачи Р.Х. Словообразовательная мотивация в русском и арабском языках и ее роль в достижении переводческой эквивалентности. *Вестник Российской государственной академии дружбы народов. Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021; 3(12): 652-668. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-652-668>.

21. Рябцева Н.К. Когнитивные доминанты, лингвоспецифичность коммуникации и проблемы перевода. *Научный диалог*. 2021;8:87-111. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-87-111>.

22. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО; 2001: 224. Доступно по: <https://pma.knigogid.ru/books/1156898-vvedenie-v-perevodovedenie/toread>. Ссылка активна на 25.07.2023.

23. Joseph J.E. Indeterminacy, translation and the law. In: M. Morris (ed.). *Translation and the law*. John Benjamins Publishing Company; 1995:13-26. Доступно по: https://books.google.ru/books?id=MW5I-AAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. Ссылка активна на 25.07.2023.

24. Хижняк С.П. Юридический перевод как вид специального перевода. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2022; 3: 20-30. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2022.3.2>.

25. Литвишко О. М. Структурные особенности биграмм-коллокаций в международных юридических документах. *Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание*. 2019;2(18):37-47. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.4>.

26. Литвишко О.М., Милетова Е.В. Социокогнитивное моделирование дискурса гражданского права: лексико-семантический аспект. *Когнитивные исследования языка*. 2019;37:770-775. Доступно по: <https://nnov.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/266828046>. Ссылка активна на 25.07.2023.

27. Litvishko O., Miletova E. Structural peculiarities of terminological system of international law (based on ILO conventions). *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2019; LVIII – SCTCMG: 2324-2335. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.268>.

28. Лутеро Т. Языковые средства достижения функциональной эквивалентности при переводе художественного диалога (на примере итало-русских переводов романов А. Барикко). *Научный диалог*. 2017;6:59-71. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-6-59-71>.

29. Большакова М.Г., Руденко Н.С. Лексические трансформации при переводе юридической лексики. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2023;2(49):35-44. Доступно по: https://api-mag.kursku.ru/api/v1/get_pdf/4897/. Ссылка активна на 25.07.2023.

30. Айвазян Н.Б., Гарамян А.В., Литвишко О.М. Терминологические лакуны в контексте дигитализации англоязычной терминосистемы уголовного права. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022; 2: 43-53. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-43-53>.

31. Кондрашова Н.В. Принципы профессиональной коммуникации и некоторые аспекты обучения специальному переводу. *Проблемы современного педагогического образования*. 2021; 1(72): 153-156. Доступно по: <https://gra.cfuv.ru/attachments/article/5212/Выпуск%2072%20часть%201,%202021%20год.pdf>. Ссылка активна на 25.07.2023.

32. Ракшина Т.Е. Стратегии перевода юридических текстов. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022; 12(4): 174-177. Доступно по: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2023/02/Rakshina5.pdf>. Ссылка активна на 25.07.2023.

33. Крашенинникова Н.А., Егорова Н.В., Крашенинникова Е.И. Форенизация и доместикация в переводе текстов туристской направленности. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2022;2:56-66. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2022.2.5>.

References

1. Yagya VS, Blinova NV. English language as a factor of world politics. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy. Political Science. Social Studies. Psychology. Law. International Relations*. 2007; 6(4): 102-107. Available at: http://vestnik.spbu.ru/pdf07/s06/s06v4_07_S.pdf. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).
2. Kondratev PB. Problem of mismatch of the semantic scope of legal terms and their equivalents in Russian and English languages of law. *Baltic Humanitarian Journal*. 2019;2(27):260-263. Available at: <https://landrailbgz.ru/wp-content/uploads/2023/04/BGZ-2019-2.pdf>. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).
3. Koroleva EV, Senchenko EA. Neologisms of the terminology field “law enforcement” in Russian and English. *World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2018; 4(9). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/14FLSK418.pdf>. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).
4. Kurakina SN. The formation of semantic neologisms as a method for realizing the principle of conceptual autonomy of the European Union law. *Philology. Theory and Practice*. 2014;6(36):104-106. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2014_6-2_29.pdf. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).
5. Khizhnyak SP. Proper Names in the legal terminology of the English language. *International Journal for the Semiotics of Law*. 2020; 3(33):543-558. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09683-z>. (In Eng.).
6. Alontseva NV, Ermishin YA. Special aspects of working with the lexical level of legal discourse texts in the English and Russian languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2018;2(9):365-378. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-2-365-378>. (In Eng.).
7. Chiknaverova KG, Voevoda EV. Diaparonyms in ESP texts as potential causes of lexical and semantic errors in FLSP teaching. *Tomsk State University Journal*. 2021; 471: 205-214. <https://doi.org/10.17223/15617793/471/24>. (In Russ.).
8. Levitan KM, Yugova MA. Some issues of legal translation didactics. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2019;4:60-72. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2019.4.6>. (In Russ.).
9. Barkhudarov LS. Language and translation. Issues of general and partial theory of translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1975. Available at: http://lib.y-su.am/open_books/293730.pdf. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).
10. Komissarov VN. Theory of translation. Moscow.: Vysshaya shkola; 1990. Available at: http://library.lgaki.info:404/2017/Комиссаров%20В_Теория%20перевода.pdf. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).
11. Latyshev LK, Severova NY. Modern problems of general translation theory. *The Bryansk State University Herald*. 2017; 1(31): 297-301. Available at: http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2017_1.pdf. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).
12. Retsker YI. Theory of translation and translation practice. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1974. Available at: https://vk.com/doc102776148_489947698?hash=IVwwgPIJINoeuLIu8RBUFsHVGn-jBrXxHarRgSbM7rac. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).
13. Catford JC. A linguistic theory of translation. An essay in applied linguistics. Oxford: Oxford University Press; 1965. Available at: <https://archive.org/details/J.C.CatfordALinguisticTheoryOfTranslationOxfordUniv.Press1965>. Accessed July 25, 2023. (In Eng.).
14. Reiß K, Vermeer HJ. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen, 1984. <https://doi.org/10.1515/9783111351919>. (In Germ.).
15. Snell-Hornby M. Übersetzen, Sprache, Kultur. Übersetzungswissenschaft. Eine Neuorientierung. Tübingen, 1994:9-29. <https://doi.org/10.1515/infodaf-1987-145-680>. (In Germ.).
16. Popova OI, Volkova ID, Fadeeva MYu. Localization and internationalization of texts of the media discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2021;3(20):45-54. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.4>. (In Eng.).
17. Serebriakova SV, Milostivaya AI. Poetic translation as a hermeneutic dialogue of a translator with the source text (on the analysis of multi-temporal translations of M.Yu. Lermontov’s “Cossack cradle song”). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2023;3(22):97-107. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.9>. (In Russ.).
18. Tregubova YuA. Nationally-marked vocabulary in contemporary American fiction: features and possibilities of translation into Russian. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2020;1(6):108-118. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-10>. (In Russ.).
19. Yessentemirova AM, Urazaeva KB, Petkova S. Genre features rendering of W. Wordsworth’s sonnet in Russian translations: accuracy criteria. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*.

es. 2023; 7(16): 1240-1251. Available at: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/150832>. Accessed July 25, 2023. (In Eng.).

20. Al-Foadi RA, Zarytovskaya VN, Al-Roznamachi RH. Motivation of word formation in Russian and Arabic languages and its role in achieving translation equivalence. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2021; 3(12): 652-668. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-652-668>. (In Russ.).

21. Riabtseva NK. Cognitive Dominants, Language-Specific Communication and Translation Problems. *Nauchnyi Dialog*. 2021;8:87-111. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-87-111>. (In Russ.).

22. Vinogradov VS. Introduction into translation studies (general and lexical issues). Moscow: Institute of general secondary education of Russian Academy of Education Publishing; 2001. Available at: <https://pma.knigogid.ru/books/1156898-vvedenie-v-perevodovedenie/toread>. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).

23. Joseph JE. Indeterminacy, translation and the law. In: M. Morris (ed.). *Translation and the law*. John Benjamins Publishing Company; 1995: 13-26. Available at: https://books.google.ru/books?id=MW5IAAAAQ-BAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. Accessed July 25, 2023. (In Eng.).

24. Khizhnyak SP. Legal translation as a type of special translation. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2022;3:20-30. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2022.3.2>. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).

25. Litvishko OM. Structural peculiarities of bigram-collocations in legal English. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2019; 2(18): 37-47. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.4>. (In Russ.).

26. Litvishko OM, Miletova EV. Socio-cognitive modeling of the discourse of civil law: lexical-semantic aspect. *Cognitive Studies of Language*. 2019; 37: 770-775. Available at: <https://nnov.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/266828046>. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).

27. Litvishko O, Miletova E. Structural peculiarities of terminological system of international law (based on ILO conventions). *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2019; LVIII – SCTCMG: 2324-2335. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.268>. (In Eng.).

28. Luterо T. Linguistic means of achieving functional equivalence in translation of literary dialogue (by example of Italian-Russian translations of novels by A. Baricco). *Nauchnyi Dialog*. 2017;6:59-71. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-6-59-71>. (In Russ.).

29. Bolshakova MG, Rudenko NS. Lexical transformations in translation of legal terms. *Theory of Language and Cross-Cultural Communication*. 2023; 2(49): 35-44. Available at: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4897/. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).

30. Ayvazyan NB, Garamyan AV, Litvishko OM. Terminological gaps in the context of digitalization of English-language terminological system of criminal law. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2022;2:43-53. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-43-53>. (In Russ.).

31. Kondrashova NV. Principles of professional communication and some aspects of teaching special translation. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2021;1(72):153-156. Available at: <https://gpa.cfuv.ru/attachments/article/5212/Выпуск%2072%20часть%201,%202021%20год.pdf>. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).

32. Rakshina TE. Strategies for translating legal texts. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022; 12(4):174-177. Available at: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2023/02/Rakshina5.pdf>. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).

33. Krasheninnikova NA, Egorova NV, Krasheninnikova EI. Forenization and domestication in tourism text translation. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2022; 2: 56-66. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2022.2.5>. (In Russ.).

История статьи:

Получена: 20.07.2023

Принята: 01.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 20.07.2023

Accepted: 01.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторе:

Большакова Мария Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация; *e-mail*: marie-mary@yandex.ru.

Bionote:

Mariya G. Bolshakova, PhD (Pedagogy), Assistant Professor, Department “Theory and Practice of Translation”, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation; *e-mail*: marie-mary@yandex.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Оригинальная статья

УДК 81'44+811.161.1

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-54-64>

Реализация семантики цели в русском политическом дискурсе
(коммуникативно-прагматический аспект)

Л.В. Воронина

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Рязанский филиал;
390043, Российская Федерация, Рязань, ул. 1-я Красная, д. 18;

ORCID ID: 0000-0002-4333-6685;

Web of Science Researcher ID: AHC-1930-2022;

e-mail: lv-voronina@mail.ru

Резюме: Настоящая статья посвящена вопросам коммуникативно-прагматического выдвигания смысла «цель» в текстовых единицах, функционирующих в современном русском политическом дискурсе. На основе анализа языкового материала (фрагментов интервью с российскими политиками, выделенными методом сплошной выборки) с привлечением методов конверсационного и дискурс-анализа было исследовано более 4 000 примеров. Метод лингвистической аргументации использовался при сопоставлении способов реализации коммуникативной цели продуцентами на вербальном уровне; методы лингвистического наблюдения применялись при выявлении специфики коммуникативного и прагматического слоев семантики текстовых единиц. На основе когнитивно-дискурсивного, прагматического и коммуникативного подходов к объекту исследования были выявлены способы коммуникативной организации пропозиционального слоя семантики текстовой единицы, сообщающей о цели, в числе которых топиализация, сегментация текста, контраст, обеспечиваемый корпусом просодических средств, а также репертуар лексико-грамматических средств, организованных по принципу прагматической значимости, включая расчлененные способы сообщения о цели (антецедентно-анафорические комплексы). Описаны направления актуализации прагматического компонента семантики текстовой единицы в соответствии с компонентами ее семантической структуры. Исследовано взаимодействие пропозиционального и прагматического слоев семантики текстовой единицы на предмет коммуникативно-прагматического выдвигания смысла «цель». Представлены лингвистические маркеры, употребляющиеся в дискурсивной форме интервью с политическими лидерами. Предложено определение понятия текстовых единиц с семантикой цели с учетом выполняемых ими функций.

Ключевые слова: текстовая единица, семантика цели, прагматический компонент, пропозициональный слой семантики, коммуникативное выдвигание.

Для цитирования: Воронина Л.В. Реализация семантики цели в русском политическом дискурсе (коммуникативно-прагматический аспект).

Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. №3. С. 54–64. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-54-64>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-54-64>

**Implementation of Purpose Semantics in the Russian Political Discourse
(Communicative and Pragmatic Aspect)**

Lyubov V. Voronina

The Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

18, 1st Krasnaya Str., Ryazan, Russian Federation, 390043;

ORCID ID: 0000-0002-4333-6685;

Web of Science Researcher ID: AHC-1930-2022;

e-mail: lv-voronina@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the issues of communicative and pragmatic implementation of purpose semantics in the modern Russian political discourse. . 4,000 examples of research material, i.e. interview fragments with Russian politicians, selected by continuous sampling method, were analyzed on the basis of the conversational and discourse analysis. The method of linguistic argumentation was used when comparing the ways to implement a communicative goal by the producers at the verbal level; the methods of linguistic observation were used to identify the specificity of communicative and pragmatic layers of text units semantics.

On the basis of cognitive and discursive, pragmatic and communicative approaches to the object of research, the ways of propositional structuring such purpose semantics in a text as topicalization, segmentation, contrast provided by the body of prosodic means, as well as a set of lexical and grammatical means built on the principle of pragmatic significance, including dissected ways of communicating the goal (antecedent-anaphoric complexes) were identified. The interaction of the propositional and pragmatic layers of the text that verbalize the semantics of the goal was investigated. Linguistic markers used in political leaders discursive form of interviews were presented. Linguistic markers used in the political leaders discourse in the genre of interview were presented. The definition of text units with purpose semantics, taking into account the functions performed by them, is proposed.

Keywords: text unit, purpose semantics, pragmatic component, propositional level of semantics, communicative foregrounding.

For citation: Voronina LV. Implementation of Purpose Semantics in the Russian Political Discourse (Communicative and Pragmatic Aspect). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 54–64. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-54-64> (In Russ.).

Введение

Семантика цели получает свою языковую реализацию в текстовых единицах – различных по форме и функциям компонентах текста, функционально ориентированных на «организацию речевой текстовой формы общения, накопление и передачу информации» [1: 66-67], демонстрирующих разную степень актуализации смысла «цель» в современном языковом коммуникативном пространстве.

В жанре политического интервью, предполагающего более или менее спонтанную коммуникацию, экспликация событий, осознаваемых как целевые, имеет свои особенности, обусловленные значительным влиянием прагматических факторов, в числе которых условия осуществления коммуникативного акта, индивидуальные особенности коммуникантов, системы пресуппозициональных знаний участников общения, обеспечивающие распознавание коммуникативных намерений субъектов речи. Поэтому наряду с собственно лингвистическими маркерами коммуникативных интенций не меньшую роль играет актуальный для целевой семантики модальный план, формируемый говорящим в процессе интеракции, позволяющий не только продуцировать суждение, но и выделять смысл «цель» на фоне других смысловых компонентов высказывания при его экспликации в речи. Текстовая единица, сообщающая о цели, получает таким образом особое выдвигание по сравнению с другими компонентами текста.

Цель статьи

Цель статьи – выявить способы коммуникативно-прагматического выдвижения смысла «цель» в текстовых единицах, функционирующих в современном русском политическом дискурсе; установить особенности взаимодействия пропозиционального и прагматического слоев семантики текстовых единиц, сообщающих о цели.

Обзор литературы

Понятие «текстовая единица» на сегодняшний день в современной лингвистике выступает неоднозначным в первую очередь в связи со стремлением многих исследователей к «всестороннему описанию единицы устной и письменной форм речевого произведения любого жанра и функциональной принадлежности» [2: 1], а потому требует комментариев применительно к объекту исследования настоящей научной работы.

Широко распространённое традиционное понимание текстовых единиц, или единиц текста, в связи с его композиционным членением на абзацы, параграфы, главы и др. [3: 14–15; 4] или в их соответствии уровням языковой системы – в терминологии Л.Г. Бабенко «малых», «несобственно-текстовых единиц»¹, – имеет отношение в первую очередь к структурной организации текста и, следовательно, предполагает установление исключительно лингвистических корреляций. Данный ракурс лежит в плоскости статичного подхода к анализу текста и, безусловно, не учитывает его трактовку как «формы коммуникации» [5: 110], «коммуникативной системы речевых знаков» [6: 5], «многокомпонентной и многомерной функциональной единицы языка» [7: 270], то есть игнорирует динамический аспект текстовых исследований, когда «взаимодействие единиц текста в новом сочетании способно проявить новое смысловое и функциональное значение» [8: 386].

В нашем понимании текстовые единицы – это функционально обогащенные компоненты текста, способные не только выражать семантику, но и, будучи включенными в процесс коммуникации, изменять ее – расширять или, напротив, редуцировать.

Связанные с процессами порождения и экспликации, текстовые единицы предполагают исследование с точки зрения релевантности их содержания суждениям, а суждений в свою очередь референтам ситуаций, осознаваемым как целевые. Получая свою реализацию в речи, текстовые единицы оказываются включенными в гибкий и неоднозначный процесс коммуникации, обусловленный особенностями восприятия и декодирования сообщения реципиентом, успешность которого [декодирования] определяется не только наличием лингвистических показателей семантики, но допускает использование нетипичных средств ее выражения, включая имплицатуры.

Методы и материал исследования

Исследование проводилось на основе когнитивно-дискурсивного, коммуникативного и прагматического подходов к анализу фактического (языкового) материала – фрагментам интервью с российскими политическими лидерами. Методом сплошной выборки было выделено свыше 4 000 примеров. Валидность полученных в ходе исследования результатов и выводов обеспечил комплекс общенаучных и собственно лингвистических методов, в числе которых разговорный и дискурс-анализ, лингвистическое наблюдение и описание, общепилологическая аргументация.

Результаты и дискуссия

1. Информемы цели. Способы коммуникативного выдвижения смысла «цель» (уровень пропозиции)

Различение семантики и прагматики – языкового и социального значений [9: 385] – лежит в основе дифференциации текстовых единиц, предложенной Н.С. Болотновой на основании коммуникативно-деятельностного критерия [5: 253] и в отношении единиц с семантикой цели предполагает выделение двух видов – информем и прагмем цели, причем в первом случае, сообщая о **желаемом антиципированном** действии, процессе или состоянии – именно в данной плоскости разворачивается семантика

¹ Методы исследования и анализа текста. Словарь-справочник. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011: 108. Доступно по: https://text_analysis.academic.ru/43/%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B_%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%D0%B0_%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D1%8B%D0%B5. Ссылка активна на 05.05.2023. Methods of research and text analysis. Dictionary reference. Nazran: Pilgrim LLC; 2011: 108. Available at: https://text_analysis.academic.ru/43/%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B_%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%D0%B0_%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D1%8B%D0%B5. Accessed May 5, 2023. (In Russ.).

цели, – текстовые единицы выполняют исключительно интеллектуальную функцию: в современном русском политическом дискурсе она обуславливает тематическую стратификацию текстовых единиц в соответствии с основными направлениями внутренней и внешней политики, проводимой РФ. Так, информемы цели, сообщая о желаемых потенциальных результатах в сфере безопасности и спорта, в области здравоохранения и образования, экономики и культуры, коммуникативно организуются таким образом, чтобы подчеркнуть актуальность содержания цели (пропозициональный слой семантики текстовой единицы) без привлечения дополнительных модусных средств.

Репертуар «упаковочных» явлений (термин У.Л. Чейфа [10: 279], [11]) на сегодняшний день представляется открытым. В его составе лингвистические и паралингвистические средства, обеспечивающие контрастность, перспективизацию и другие способы коммуникативной организации смысла высказывания.

Выдвижение целевого компонента связано с перераспределением вниманием адресата [12: 5] и традиционно оформляется посредством топиализации, сегментации текста, а также контраста (установить последний позволяет конверс-анализ видеоформата фрагментов политического дискурса):

*Для предотвращения повторения такой ситуации и в целях недопущения военно-биологической деятельности... требуются решительные меры по укреплению режима Конвенции²; Они решили, что суверенитет будут укреплять за счёт отмены всего русского и всего неукраинского. **Чтобы герои были только украинские**³...*

Наблюдения показывают, что референтом цели может выступать как целостное действие, состояние, процесс, так и его часть. Такие цели – дискретные – предполагают актуализацию сегмента (повышение тона, пауза), который и представляется субъекту желаемым. Чаще всего выдвигается компонент со значением признака ситуации цели:

...Подача материала будет интересной, талантливой, содержательной, и все граждане наших стран смогут этим пользоваться, для того чтобы лучше понимать друг друга⁴...

Важно подчеркнуть, что дискретный характер цели нередко коррелирует с таким же характером ресурсов в рамках семантической структуры текстовой единицы. Однако указанная корреляция не является обязательной и регулярной: несмотря на достаточно обширный фактический языковой материал, нам не удалось установить более или менее отчетливые закономерности соответствий актуализации сегментов в компонентах семантической структуры текстовой единицы за исключением одной: если корреляция очевидна, то актуализация определенной семы в компоненте «Ресурсы» предполагает актуализацию того же порядка семы в компоненте «Цель»:

Вы действительно ищете внешнеполитические вызовы, чтобы оправдать тем самым внутренние проблемы?⁵

Частотность использования лингвистических способов повторной номинации события – антецедентно-анафорических комплексов с семантикой цели – в жанре политического интервью обуславливается не только подчеркнутой акцентацией денотата, но и возможностью для субъекта речи выбрать «правильную» с его точки зрения «упаковку» референта: будь то цель или какой-то иной частный каузатив (иногда антецедент является общим для нескольких смыслов, как в примере ниже):

² МИД РФ: Москва инициирует встречи по военно-биологической деятельности США на Украине. Доступно по: <https://tass.ru/politika/14758513>. Ссылка активна на 05.05.2023. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: Moscow initiates meetings on US military biological activities in Ukraine. Available at: <https://tass.ru/politika/14758513>. Accessed May 5, 2023. (In Russ.).

³ Интервью С.В. Лаврова Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь. Доступно по: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1819293/ Ссылка активна на 12.06.2023. Interview with S.V. Lavrov of the National State Television and Radio Company of the Republic of Belarus. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1819293/ Accessed June 12, 2023. (In Russ.).

⁴ Новости. Внешнеэкономсвязи, политика. Доступно по: http://alco.polpred.com/news/?ns=1&page=7&person_id=10132§or=3. Ссылка активна на 12.06.2023. News. Foreign economic relations, politics. Available at: http://alco.polpred.com/news/?ns=1&page=7&person_id=10132§or=3. Accessed June 12, 2023. (In Russ.).

⁵ Стенограмма: Владимир Путин дал интервью австрийскому телеканалу ORF. Доступно по: <https://rg.ru/2018/06/04/stenogramma-vladimir-putin-dal-interviu-avstrijskomu-telekanalu-orf.html>. Ссылка активна 12.07.2023. Transcript: Vladimir Putin gave an interview to the Austrian TV channel ORF. Available at: <https://rg.ru/2018/06/04/stenogramma-vladimir-putin-dal-interviu-avstrijskomu-telekanalu-orf.html>. Accessed July 12, 2023. (In Russ.).

*Будут ли созданы совместные предприятия? Я этого не исключаю. Но для этого нужно окончательно договориться*⁶.

Выбор референциального средства – редуцированных именных групп (типа *с этой целью*), предложно-падежных конструкций с анафорическими местоимениями (*для этого*) или именных группы (лексические повторы) – является демонстрацией лингвистической выделенности смысла «цель» по сравнению с другими компонентами смысла высказывания и одновременно выступает показателем фиксации сознания субъекта речи на ситуации цели.

Коммуникативное усиление предполагает максимально развернутое сообщение о цели. С точки зрения принципа приоритета, устанавливающего зависимость между грамматической формой и прагматической значимостью, текстовые единицы с семантикой цели, эквивалентные простым независимым предложениям с квалификаторами *цель, задача* и под., демонстрируют актуальный уровень коммуникативной значимости денотата в сравнении, например, с бессюзными синтаксическими конструкциями:

*А Российская Федерация ставит перед собой цель ускоренного, опережающего развития регионов Сибири*⁷ vs ...*Мы рассчитываем предложить конкретные меры, направленные на создание условий для повышения инвестиционной активности в реальном секторе экономики*⁸...

Подчеркнем, что коммуникативное выделение пропозиционального слоя семантики текстовой единицы осуществляется без привлечения модальных средств и предполагает исключительно коммуникативные конфигурации денотата.

2. Прагмемы цели. Способы актуализации прагматического слоя семантики текстовой единицы с семантикой цели (уровень прагматики)

Прагмемы цели в современном политическом дискурсе представлены «обладающими прагматическим эффектом» [5: 260] стилями. Именно они обеспечивают выразительность, эмоциональность, оценочность информации о целях действий субъекта.

Включение прагматического компонента в семантику текстовой единицы коммуникативно обусловлено [13: 49] и осуществляется известным набором средств – оценочными лексемами, фразеологизмами, разностилевой лексикой (часто разговорной, просторечной), изобразительно-выразительными средствами, приемами экспрессивного синтаксиса и т.д.

Вышесказанное означает очевидно большую функциональную нагруженность прагмем цели в сравнении с информемами: они способны не просто сообщать о цели, но и предъявлять целевой референт под разными углами зрения – усиливать его (пример 1) или дополнять (пример 2), контрастировать с ним (пример 3):

1) *Мы... будем работать с Саудовской Аравией и с другими нашими партнёрами и друзьями в арабском мире, с тем чтобы нивелировать, свести к нулю попытки дестабилизации на рынке*⁹; 2) *Поэтому мы и вышли на эти национальные проекты с тем, чтобы изменить структуру экономики и подтолкнуть развитие на собственной базе*¹⁰;

3) Андрей Ванденко: *А, да? С кем воевать собираемся?*

⁶ Интервью Д. А. Медведева. Доступно по: <https://ria.ru/20100516/235066098.html?ria=uuda8rb2n5rbkbu7p7mi5kt0m9k3fnnl>. Ссылка активна на 19.06.2023. Interview with D. A. Medvedev. Available at: <https://ria.ru/20100516/235066098.html?ria=uuda8rb2n5rbkbu7p7mi5kt0m9k3fnnl>. Accessed June 19, 2023. (In Russ.).

⁷ Интервью В. В. Путина южнокорейской газете KBS. Доступно по: <http://special.kremlin.ru/catalog/countries/KR/events/19603>. Ссылка активна на 11.06.2023. Interview with D. A. Medvedev. Available at: <http://special.kremlin.ru/catalog/countries/KR/events/19603>. Accessed June 11, 2023. (In Russ.).

⁸ Интервью информационному агентству «РИА Новости». Доступно по: <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/12/events/18338>. Ссылка активна на 11.06.2023. Interview to the news agency «RIA Novosti». Available at: <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/12/events/18338/>. Accessed June 11, 2023. (In Russ.).

⁹ Интервью В.В. Путина телеканалам Al Arabiya, Sky News Arabia и RT Arabic. Доступно по: <http://kremlin.ru/events/president/news/61792>. Ссылка активна на 19.06.2023. Interview with V.V. Putin to Al Arabiya, Sky News Arabia and RT Arabic TV channels. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/61792>. Accessed June 19, 2023. (In Russ.).

¹⁰ Стенограмма интервью Владимира Путина для ТАСС | В России | Политика | Аргументы и Факты. Доступно по: https://aif.ru/politics/russia/stenogramma_intervyu_vladimira_putina_dlya_tass. Ссылка активна на 19.06.2023. Transcript of Vladimir Putin's interview for TASS | In Russia | Politics | Arguments and Facts. Available at: https://aif.ru/politics/russia/stenogramma_intervyu_vladimira_putina_dlya_tass. Accessed June 19, 2023. (In Russ.).

Владимир Путин: *Мы не собираемся ни с кем воевать. Мы собираемся создать условия для того, чтобы никто не думал с нами воевать*¹¹...

Актуализация прагматического компонента семантики текстовой единицы осуществляется в нескольких направлениях и локализуется в соответствующих компонентах ее семантической структуры:

- 1) цель → субъект;
- 2) цель → бенефактор;
- 3) цель → действие.

Актуализация первого направления «Цель → субъект» обусловлена, во-первых, позицией семантического субъекта конструкции (лингвистический аспект) и, во-вторых, его аксиологическими установками как личности со своими индивидуально-психологическими особенностями и системой ценностей (прагматика). Выше сказанное позволяет дифференцировать цели позитивные и негативные (1), значимые и незначимые (2), исключительные и тривиальные (3), достижимые и недостижимые (4) и установить в качестве основного способа актуализации прагматического слоя семантики текстовой единицы включение оценочных лексем:

1) *Можно и нужно... понять, что является главным для того, чтобы обеспечить нам такое **прорывное** развитие*¹²... ; 2) *Да и **основная** цель их авторов осталась прежней – продолжать демонизировать Россию*¹³... ; 3) *Запад... поощрял такой подход и концептуальное видение украинского государства, **лишь бы только делать «больно»**, как они считали, создавать угрозы, выводить из равновесия Российскую Федерацию*¹⁴... ; 4) *На следующем этапе... нам потребовалось направить эту систему на какие-то **реальные** цели*¹⁵.

В рамках политического дискурса текстовые единицы с семантикой цели выступают яркой иллюстрацией действия известного принципа психологической поляризации «свой» – «чужой» [14: 244], когда «свои» цели принимаются и выступают привлекательными, а чужие, напротив, отвергаются или носят негативный характер:

*Даже в условиях раскручивания санкционного маховика vs Запад делал все, чтобы эти **материальные факты становились все более и более угрожающими для России***² в отношении России **выступаем за объединительный характер** глобальных природоохранных сюжетов¹.

С другой стороны, дихотомия «свой» – «чужой» реализуется в позиции субъекта цели – и это собственно семантический аспект функционирования текстовой единицы, связанный с установлением релевантности позиций логического субъекта и субъекта речи: их совпадение однозначно направляет содержание цели текстовой единицы в плоскость «своих», позитивно окрашенных целей:

*Мы, разумеется, проводим очень большой комплекс мероприятий, направленных на обеспечение безопасности проведения Олимпийских игр*¹⁶.

¹¹ Там же.

¹² Стенограмма прямой линии с В.В. Путиным. Доступно по: <https://www.kp.ru/daily/26992/4052814/> Ссылка активна 07.06.2023. Transcript of a direct line with V.V. Putin. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26992/4052814/> Accessed June 7, 2023. (In Russ.).

¹³ Интервью В.В. Путина газете «Коррьере делла Сера». Доступно по: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60912>. Ссылка активна 07.06.2023. Interview with V.V. Putin to the Corriere della Sera newspaper. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60912>. Accessed June 7, 2023. (In Russ.).

¹⁴ Интервью С. В. Лаврова Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь. Доступно по: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1819293/. Ссылка активна на 07.06.2023. Interview with S. V. Lavrov to the National State Television and Radio Company of the Republic of Belarus. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1819293/ Accessed June 7, 2023. (In Russ.).

¹⁵ Расширенное заседание рабочей группы по формированию системы «Открытое правительство». Доступно по: <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/75/events/14773>. Ссылка активна на 12.07.2023. Expanded meeting of the working group on the formation of the «Open Government» system. Available at: <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/75/events/14773>. Accessed July 12, 2023. (In Russ.).

¹⁶ Путин дал интервью агентству «Ассошиэйтед Пресс» и Первому каналу. Доступно по: <https://rg.ru/2013/09/04/intervue.html>. Ссылка активна на 07.06.2023. Putin gave an interview to the Associated Press and Channel One. Available at: <https://rg.ru/2013/09/04/intervue.html>. Accessed June 7, 2023. (In Russ.).

Несовпадение позиций субъекта речи и цели требует проверки высказывания на истинность, когда *de re* высказывание помещается в плоскость «приписываемой» семантическому субъекту цели:

*Б. Джонсон... держится за власть ради того, чтобы всячески приподнимать свою политическую карьеру*¹⁷...

Направление актуализации прагматического компонента текстовой единицы «Цель → бенефактор» предполагает установление лица (группы лиц), в интересах которого (которых) совершаются действия. В этой связи выделение целей личных, корпоративных, общечеловеческих (глобальных) осуществляется также включением соответствующих лексем – *наша цель, общая цель, личная цель, национальная цель* и т.д. Кроме того, с позиций лингвистического функционализма представляется немаловажным установить релевантность позиций субъекта цели, бенефактора и агенса: их взаимодействие определяет выдвижение семантики цели в ракурсе достижимости провозглашенной цели (рисунок 1).

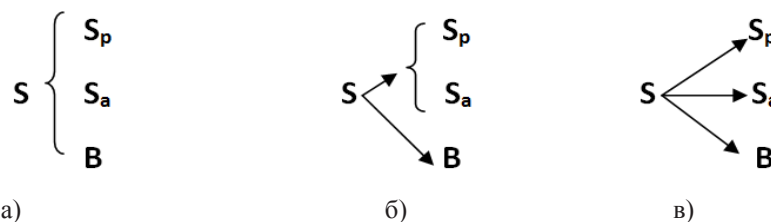

Рис. 1. Варианты позиций комплекса семантического субъекта конструкций с семантикой цели: *S* – субъект семантический, *S_p* – субъект цели, *S_a* – субъект действия, *B* – бенефактор.

Fig. 1. Alternative positions of the semantic subject complex in the constructions with the purpose semantics: *S* – semantic subject, *S_p* – purpose subject, *S_a* – agent, *B* – benefactor.

Вариант 1 (рисунок 1а) предполагает совмещение всех трех позиций в ситуации принципиальной достижимости цели и готовности субъекта действовать самостоятельно в своих интересах (автореференция):

*Мы собрались, встретились для того, чтобы найти пути улучшения наших отношений, а не разрушать их окончательно.*¹⁸

Вариант 2 (рисунок 1б) – альтернатива выделения позиции бенефактора относительно агенса и субъекта цели – ставит под вопрос значимость цели для ее исполнителя, а следовательно, и достижимость цели:

*Потому что если мы позволим себе проявить слабость, показать свой страх, то значит мы будем способствовать этим террористам в достижении их целей*¹⁹.

Вариант 3 (рисунок 1в) описывает ситуацию, когда все три позиции субъекта разобщены: формулирует цель один субъект, выполняет второй, а заинтересованность проявляет третий. Ситуация характеризуется неоднозначностью относительно ценности цели для ее бенефактора:

*...Почему вы не поощрите свои СМИ работать на украинской стороне, чтобы было видно, какой ущерб там наносится гражданам и гражданской инфраструктуре*²⁰.

¹⁷ Выступление и ответы на вопросы СМИ С. В. Лаврова по итогам заседания СМД «Группы двадцати». Доступно по: https://mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1821243/. Ссылка активна на 07.06.2023. Sergey Lavrov's speech and answers to media questions following the G20 Ministerial Council meeting. Available at: https://mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1821243/ Accessed June 7, 2023. (In Russ.).

¹⁸ Путин назвал способ улучшить отношения с США. Доступно по: <https://rg.ru/2018/07/17/putin-nazval-sposob-uluchshit-otnosheniia-s-ssha.html>. Ссылка активна на 07.06.2023. Putin called a way to improve relations with the United States. Available at: <https://rg.ru/2018/07/17/putin-nazval-sposob-uluchshit-otnosheniia-s-ssha.html>. Accessed June 7, 2023. (In Russ.).

¹⁹ Интервью российским и иностранным СМИ. Доступно по: <http://kremlin.ru/events/president/news/20080>. Ссылка активна на 07.07.2023. Interviews with Russian and foreign media. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/20080>. Accessed July 7, 2023. (In Russ.).

²⁰ Интервью С. В. Лаврова телеканалу «Аль-Джазира». Доступно по: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1802485/. Ссылка активна на 12.06.2023. Interview with S.V. Lavrov to the Al-Jazeera TV channel. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1802485/. Accessed June 12, 2023. (In Russ.).

Третье направление актуализация прагматического компонента семантики текстовой единицы «Цель → действие» локализуется в компоненте «Ресурсы» и определяет степень интенциональности текстовой единицы, сообщающей о цели, в целом.

Готовность субъекта действовать обнаруживается лексическими маркерами и измеряется в довольно широком диапазоне:

- от максимальной степени интенциональности:

Приложим максимум усилий, чтобы убедить партнёров найти компромиссы и выйти на взаимоприемлемые развязки к Санкт-Петербуржскому саммиту «двадцатки»²¹;

- до нуля:

Нет предмета для обсуждений. Кто-то что-то выдумывает, я не знаю, может, это вброс, связанный с тем, чтобы вообще ограничить любое военно-техническое сотрудничество с Ираном²².

Релевантность целей и ресурсов может быть оценена не только с точки зрения принципиальной достижимости цели: спектр коммуникативных установок субъекта при провозглашении цели представляется более широким. В их числе:

1) противопоставление ресурсов и целей в ситуациях их нерелевантности:

- ресурсы_{pos} ↔ цель_{neg};

Очевидно, что они использовали встречу «Группы двадцати» не для тех целей, ради которых создавалась этот формат²³;

- ресурсы_{neg} ↔ цель_{pos};

Просто нам дали понять, что это не самое удобное время для таких мероприятий, вот и всё²⁴;

2) логическое соответствие ресурсов и целей:

- ресурсы_{pos} → цель_{pos};

У нас есть собственные финансовые ресурсы для того, чтобы обеспечить работу научно-технологических центров и самого производства²⁵;

- ресурсы_{neg} → цель_{pos};

Люди страдали у нас, десятилетиями там жили семьи военных, не имея нормальных условий для проживания, в том числе для своих детей²⁶.

В дискурсивной перспективе представленные выше выдвижения целевого сегмента конструкции находят выражения в полной парадигме параметра «+/- positive» риторических отношений цели (Purpose), устанавливаемых между двумя дискурсивными единицами в рамках локальной структуры дискурсивного фрагмента.

В однокомпонентных конструкциях, сообщающих о цели, информация о ресурсах может передаваться через оценочные лексемы, включенные в компонент «Цель». Они значительно расширяют целе-

²¹ Интервью информационному агентству «РИА Новости». Доступно по: <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/12/events/18338>. Ссылка активна на 07.07.2023. Interview to the news agency «RIA Novosti». Available at: <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/12/events/18338>. Accessed July 7, 2023. (In Russ.).

²² Путин: РФ может вести сотрудничество в космосе, но категорически против его милитаризации. Доступно по: <https://tass.ru/politika/11644743>. Ссылка активна на 12.06.2023. Putin: Russia can cooperate in space, but is categorically against its militarization. Available at: <https://tass.ru/politika/11644743>. Accessed June 12, 2023. (In Russ.).

²³ Выступление и ответы на вопросы СМИ С.В. Лаврова по итогам заседания СМИД «Группы двадцати». Доступно по: https://www.mid.ru/ru/press_service/vizity-ministra/1821243/ ссылка активна на 07.07.2023. Sergey Lavrov's speech and answers to media questions following the G20 Ministerial Council meeting. Available at: https://www.mid.ru/ru/press_service/vizity-ministra/1821243/ Accessed July 7, 2023. (In Russ.).

²⁴ Интервью Владимира Путина МИА «Россия сегодня» и информагентству IANS. Доступно по: <http://kremlin.ru/events/president/news/45832>. Ссылка активна на 07.07.2023. Vladimir Putin's interview with Rossiya Segodnya and news agency IANS. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/45832>. Accessed July 7, 2023. (In Russ.).

²⁵ В.В. Путин ответил на вопросы журналистов. Доступно по: <http://kremlin.ru/events/president/news/70170>. Ссылка активна на 07.07.2023. V. V. Putin answered journalists' questions. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/70170>. Accessed July 7, 2023. (In Russ.).

²⁶ О чем говорил Владимир Путин в интервью американской телекомпании NBC. Доступно по: <https://rg.ru/2021/06/14/o-chem-govoril-vladimir-putin-v-interviu-amerikanskoj-telekompanii-nbc.html>. Ссылка активна на 07.07.2023. What Vladimir Putin said in an interview with the American television company NBC. Available at: <https://rg.ru/2021/06/14/o-chem-govoril-vladimir-putin-v-interviu-amerikanskoj-telekompanii-nbc.html>. Accessed July 7, 2023. (In Russ.).

вую семантику текстовой единицы, **не прямо** указывая на характер необходимых действий (пример 1) или предполагаемый их результат (пример 2):

1) *Но, когда они садятся за стол переговоров, это очень жёсткие люди, очень прагматичные, и чего-то получить от них – это, знаете, сложная задача²⁷*; 2) *А Российская Федерация ставит перед собой цель ускоренного, опережающего развития регионов Сибири, особенно Восточной Сибири, Дальнего Востока²⁸*.

Вышесказанное позволяет утверждать активность прагмем цели и их безусловную частотность по сравнению с информемами, обусловленную в том числе и жанрово: «результатирующий» (термин А. А. Кибрика) характер политического интервью предполагает сложное взаимодействие между коммуникативными интенциями субъектов интеракции в первую очередь в связи с прагматическими установками интервьюируемого на захват внимания, убеждение и агитацию максимально широкой аудитории, так как «предназначение политического дискурса – внушение прогнозируемых оценок и/или действий адресату» [15: 203].

С другой стороны, актуальность прагмем цели определяется мультикодностью медиадискурса, связанной с привлечением экстрем- и паралингвистических средств коммуникации и обеспечиваемой серьезным репертуаром средств, ориентированных на достижение поставленных целей.

Заключение

Текстовые единицы с семантикой цели, функционирующие в естественном формате дискурса политических элит, выполняют не только функцию информирования об основных направлениях внутри- и внешнеполитической деятельности страны, но и решают задачи, связанные с речевым воздействием на реципиентов в аспекте убеждения и агитации.

Текстовые единицы с семантикой цели сообщают о желаемых антиципированных результатах – действиях, состояниях, процессах, которые представляются субъекту речи значимыми и, следовательно, предполагают коммуникативное усиление (уровень денотата) и прагматическое выдвижение (уровень прагматики).

Структурно соотносимые с уровнями языковой системы текстовые единицы с семантикой цели обладают разной степенью функциональности и прагматической важности. Квалификаторы цели (*цель, задача*), целевые реляторы (*в целях, с целью*) демонстрируют высокий уровень выполнения интеллектуальной функции, обеспечивая открытость коммуникативного намерения субъекта речи максимально точно репрезентовать референт типичными для целевой семантики лексико-грамматическими средствами, в то время как коммуникативная организация смысла высказывания обеспечивает коммуникативное усиление целевого значения на фоне других смыслов высказывания в целом. Его средствами выступают контраст, перспективизация, фокус осознанности и прагматический принцип приоритета, каждый из которых обладает комплексом лингвистических и паралингвистических средств, обеспечивающих коммуникативную выделенность цели.

Актуализация прагматического компонента текстовой единицы осуществляется на фоне выполнения ею интеллектуальной функции, связанной с сообщением о событии цели, и выражается в выдвижении целевой семантики в соответствии с прагматическими установками субъекта на сообщение цели в разных ракурсах: с точки зрения ее утверждения / отрицания, ценности / неактуальности, исключительности / тривиальности, достижимости / недостижимости и др. – и в разных направлениях в соответствии с семантической структурой текстовой единицы и с учетом специфики диалогически ориентированного коммуникативного взаимодействия.

²⁷ Новости. Внешэкономсвязи, политика. Доступно по: http://alco.polpred.com/news/?ns=1&page=7&person_id=10132§or=3. Ссылка активна на 07.07.2023. News. Foreign economic relations, politics. Available at: http://alco.polpred.com/news/?ns=1&page=7&person_id=10132§or=3. Accessed July 7, 2023. (In Russ.).

²⁸ Олег Сыромолотов: планируются новые контакты спецслужб России и США. Интервью южнокорейской телерадиокомпании KBS. Доступно по: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19603>. Ссылка активна на 11.07.2023. Oleg Syromolotov: new contacts between Russian and US intelligence services are planned. Interview with the South Korean television and radio company KBS. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19603>. Accessed July 11, 2023. (In Russ.).

Список литературы

1. Пискунова С.В. Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста). Москва; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина; 2002.
2. Яркина Л.П. Методика определения структурно-семантических единиц учебных текстов в целях преподавания научной речи иностранцам. *Russian Linguistic Bulletin*. 2022; 7 (35): 1-4. <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.35.15>.
3. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос; 2003.
4. Семенов Л.П., Могилевцева С.Э. О когнитивном весе текстовой единицы дайджеста (на примере английского текста Евангелия). *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2018; 3 (80): 145-147. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kognitivnom-ve-se-tekstovoy-edinitsy-daydzhesta-na-primere-angliyskogo-teksta-evangeliya/viewer>. Ссылка активна на 12.07.2023.
5. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Флинта; 2021.
6. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М.: Наука; 1987.
7. Кваскова Л.В. Текст как «внутренняя» и «внешняя» функциональная единица языка. *Преподаватель XXI век*. 2022; 1: 269-276. Доступно по: <http://prepodavatel-xxi.ru/sites/default/files/269276.pdf>. Ссылка активна на 12.07.2023.
8. Тугушева А.В., Пискунова С.В. Классификация текстовых единиц с семантикой обращения в системе русского языка. *Неофилология*. 2021; 27 (7): 382-392. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-384-392>.
9. Чернявская В.Е. Социальное значение в зеркале политической корректности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. язык и литература*. 2021; 2 (18): 382-399. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.208>.
10. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике*. М.: Прогресс; 1982: 276-315.
11. Chafe W. Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: The University of Chicago Press; 1994.
12. Богоявленская Ю.В. Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен. *Вестник Тоского государственного университета. Филология*. 2018; 50: 5-16. <https://doi.org/10.17223/19986645/55/1>.
13. Шпильная Н.Н. Прагматические варианты диалогического текста как языковой единицы. *Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание*. 2021; 2 (20): 47-56. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.5>.
14. ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ; 2013.
15. Суханов Ю.Ю. Политический дискурс как объект лингвистического анализа. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2018; 1: 200-212. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212>.

References

1. Piskunova SV. Secrets of Poetic Speech (Grammatical Form and Semantics of the Text). Moscow; Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin; 2002. (In Russ.).
2. Yarkina LP. Methodology for Determining the Structural and Semantic Units of Educational Texts for Teaching Scientific Speech to Foreigners. *Russian Linguistic Bulletin*. 2022; 7(35): 1-4. <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.35.15>.
3. Valgina NS. Text Theory. Moscow: Logos; 2003. (In Russ.).
4. Semenenko LP, Mogilevtseva SE. On The Cognitive Value of the Textual Unit of a Digest (With Illustrations from the English Version of the New Testament). *Scientific notes of Orel State University*. 2018; 3 (80): 145-147. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kognitivnom-ve-se-tekstovoy-edinitsy-daydzhesta-na-primere-angliyskogo-teksta-evangeliya/viewer>. Accessed July 12, 2023. (In Russ.).
5. Bolotnova NS. Philological Analysis of the Text. Moscow: Flinta; 2021. (In Russ.).
6. Sidorov EV. Problems of Speech System. Moscow: Nauka; 1987. (In Russ.).
7. Kvaskova LV. Text as an «Inner» and «Outer» Functional Unit of Language. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. 2022; 1: 269-276. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2022-1-269-276>.

8. Tugusheva AV, Piskunova SV. Classification of Text Units with the Semantics of References in Russian Language System. *Neophilology*. 2021; 27 (7): 384-392. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-384-392>.
9. Chernyavskaya VE. Social Meaning in the Mirror of Political Correctness. *Bulletin of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021; 2 (18): 382-399. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.208>.
10. Chafe W. Given, Contrast, Certainty, Subject, Topics and Point of View. *New In Foreign Linguistics. Issue XI. Modern Syntactic Theories in American Linguistics*. Moscow: Progress; 1982: 276-315. (In Russ.).
11. Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago: The University of Chicago Press; 1994. (In Eng.).
12. Bogoyavlenskaya YV. Parcellation as a Cognitive and Semiotic Phenomenon. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2018. 55. 5–16. [10.17223/19986645/55/1](https://doi.org/10.17223/19986645/55/1). 2018; 50: 5-16. <https://doi.org/10.17223/19986645/55/1>.
13. Shpilnaya NN. Pragmatic Options of the Dialogical Text as a Language Unit. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2021; 2 (20): 47-56. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.5>.
14. van Dijk T. Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication. Moscow: LIBROKOM; 2013. (In Russ.).
15. Sukhanov YuYu. Political Discourse as an Object of Linguistic Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2018; 1: 200-212. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212>.

История статьи:

Получена: 25.07.2023

Принята: 16.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 25.07.2023

Accepted: 16.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторе:

Воронина Любовь Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Российская Федерация; *e-mail*: lv-voronina@mail.ru.

Bionote:

Lyubov V. Voronina, PhD in Philology, Assistant Professor, The Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan, Russian Federation; *e-mail*: lv-voronina@mail.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Оригинальная статья

УДК 81'114.4+ 81.133

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-65-75>

Прагматические особенности англоязычной экологической рекламы

*Н.Н. Евтугова¹, Е.В. Новикова²

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского;
644077, Российская Федерация, Омск, пр. Мира, 55А;

²Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина;
644008, Российская Федерация, Омск, Институтская площадь, 1;

¹ORCID ID: 0000-0002-2238-4653; ²ORCID ID: 0000-0001-6760-7462;

¹Web of Science Researcher ID: HDO-7298-2022;

²Web of Science Researcher: HFZ-8237-2022;

*e-mail: natane2005@mail.ru

Резюме: Данная работа посвящена исследованию англоязычной экологической рекламы в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. Актуальность работы обусловлена пристальным вниманием всего мира к проблемам экологии и поиску их решений посредством формирования экологического сознания населения. Одним из способов воздействия на поведение общества является социальная реклама. Целью статьи является выявление способов реализации прагматической установки текстов англоязычного экологического рекламного дискурса. Работа выполнена в рамках междисциплинарного подхода с использованием методов дискурсивного, контекстуального и семантического анализа, элементов интерпретации. Материалом исследования являются англоязычные тексты баннерной и видеорекламы, размещенные в сети Интернет на сайтах «Greenpeace», «World Wide Fund for Nature» в количестве 202 примеров.

Авторы статьи считают, что основными стратегиями, реализуемыми в англоязычной экологической рекламе, являются стратегия управления критичностью восприятия и фрустрационная стратегия. Когнитивно-дискурсивная модель экологической рекламы включает в себя обязательных участников – субъект (от чьего лица подается материал, субъект эксплицируется наряду с человеком посредством персонификации животного и предмета), объект (актуальная проблемная экологическая тематика) и предикат. Тип информирования как факультативный участник когнитивно-дискурсивной модели в экологической рекламе позволяет донести до адресата следующие виды информации: о текущей экологической обстановке, сообщение об интересном факте, экологическое прогнозирование. По мнению авторов, характерными языковыми средствами, представленными в экологической рекламе, являются игра слов, рифма, символика цветообозначений, аллюзии. Данные средства в сочетании с аудиовизуальными эффектами позволяют сделать экологическую рекламу запоминающейся и оказать нужное воздействие на адресата.

Ключевые слова: экологический дискурс, социальная реклама, экологическая реклама, прагматические установки, стратегии, тактики, экоцентризм.

Для цитирования: Евтугова Н.Н., Новикова Е.В. Прагматические особенности англоязычной экологической рекламы. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 65–75. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-65-75>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-65-75>

Pragmatic Features of English Ecological Advertisement

*Nataliya N. Evtugova¹, Elena V. Novikova²,

¹Dostoevsky Omsk State University;

55 Mir Avenue, Omsk, Russian Federation, 644077;

²Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin;

1 Institutskaya Square, Omsk, Russian Federation, 644008;

¹ORCID ID: 0000-0002-2238-4653; ²ORCID ID: 0000-0001-6760-7462;

¹Web of Science Researcher ID: HDO-7298-2022;

²Web of Science Researcher ID: HFZ-8237-2022;

*e-mail: natane2005@mail.ru

Abstract: This article is devoted to the study of English ecological advertisement within the cognitive and discursive paradigm. The relevance of the study is due to the close attention of the whole world to environmental problems and the search for their solutions through the formation of the ecological consciousness of the population. One of the ways to influence the behavior of society is social advertising. The purpose of the article is to identify ways to implement the pragmatic setting of the English ecological advertisement texts. The article was carried out within the framework of an interdisciplinary approach using the methods of discursive, contextual and semantic analysis, elements of interpretation. The material of the study is the English texts of banner and video advertisements posted on the Internet on the sites “Greenpeace”, “World Wide Fund for Nature” in the amount of 202 examples. The authors of the article believe that the main strategies implemented in English ecological advertisement are the strategy of managing the criticality of perception and the frustration strategy. The cognitive and discursive model of ecological advertisement will include obligatory participants, i.e. the subject (on whose behalf the material is presented), the subject (explicated along with the person through the personification of the animal and the object), the object (the current problematic environmental topics) and the predicate. The type of informing as an optional member of the cognitive and discursive model in ecological advertisement allows you to convey to the addressee information about the current environmental situation, a message about an interesting fact, environmental forecasting. According to the authors, the characteristic linguistic means presented in environmental advertising are wordplay, rhyme, symbolism of color terms, and allusions. These tools, combined with audiovisual effects, make ecological advertisement memorable and have the right impact on the addressee.

Keywords: ecological discourse, social advertising, ecological advertisement, pragmatic attitudes, strategies, tactics, ecocentrism.

For citation: Evtugova N.N., Novikova E.V. Pragmatic Features of English Ecological Advertisement. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 65–75. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-65-75> (In Russ.).

Введение

Формирование экологического сознания людей является приоритетной задачей современного общества. Огромным потенциалом обладают различные медиапроекты, направленные на изменение поведения социума в отношении окружающего мира. Реклама, актуализирующая значимость экологических проблем, является особой разновидностью социальной рекламы. Рекламные баннеры, видеоролики, аудиореклама создаются различными организациями с целью привлечения внимания общественности к глобальным проблемам экологии, к пагубному влиянию современного общества на окружающую среду. Следует отметить, что экологическую рекламу можно отнести и к коммерческой, когда речь идет о рекламе экологической политики фирм, концернов, предприятий. Данная реклама отличается от социальной прежде всего тем, что ее целью является привлечение потребителей, то есть увеличение при-

были производителей. В рамках нашей работы в качестве материала исследования выбраны примеры социальной рекламы.

Следует четко понимать, что социальная реклама и коммерческая принципиально отличаются. В.В. Ильина называет несколько отличий, которые, прежде всего, обусловлены различными целями и задачами рекламных сообщений. Различна также и аудитория, на которую рассчитана реклама. Основное предназначение социальной рекламы – это привлечение внимания широкой общественности к тому или иному явлению общественной жизни или проблеме. Характер социальной рекламы по большей части является благотворительным [1: 59].

Важным пунктом в изучении социальной рекламы является определение ее функций и исследование их отличий от функций в коммерческой рекламе. К функциям социальной рекламы относятся: сигнальная, информационная, нормативная, эстетическая, регулятивная, посредническая, стабилизирующая [2: 205].

Главной целью социальной рекламы является изменение отношения общества к значимым общественным явлениям и проблемам, поэтому целевые аудитории коммерческой и социальной рекламы варьируются. Если коммерческая реклама направлена на определенного потребителя (гендерно обусловленного, по возрасту обусловленного и т.д.), то социальная реклама рассчитана на активную часть всего общества. Заказчиками социальной рекламы могут выступать государство, некоммерческие или общественные организации, а размещение должно быть преимущественно бесплатным. Под некоммерческой организацией понимается организация, целью которой является привлечение внимания населения к социальным и общественно значимым проблемам (здравоохранение и здоровый образ жизни, помощь бедным, защита окружающей среды и т.д.). В нашем исследовании мы обращаемся именно к социальной экологической рекламе.

Цель статьи

Целью нашей работы является выявление способов реализации прагматической установки текстов англоязычного экологического рекламного дискурса, а также языковых средств, позволяющих в сочетании с аудиовизуальными эффектами, оказать необходимое воздействие на адресата.

Обзор литературы

Теоретическую основу данного исследования формируют базовые положения теории дискурса, рекламного текста, речевых стратегий и тактик (Т.А. Ван Дейк, В.И. Карасик, Д.С. Скнарев, В.Н. Васькина, М.С. Коверина и др.) [3; 4; 5; 6; 7]. Особый интерес для нашей работы представили научные публикации, в которых затрагиваются проблемы социальной рекламы, в том числе и экологической (М.В. Терских, Г.А. Мирошниченко, Е.Н. Ежова, Koçuyiğit M., Mühlhäusler P. and Peace A.) [8; 9; 10; 11; 12; 13]. Следует отметить, что внимание зарубежных исследователей так называемого «зеленого» дискурса сфокусировано в основном на изучении коммерческой экологической рекламы и ее эффективности (Chan, R. Y. K., Liu S. and Liu X.) [14; 15]. Появляются и междисциплинарные работы, посвященные, например, изучению восприятия и интерпретации экологической рекламы адресатом [16].

Рассмотрение всех дефиниций такого многомерного понятия как «дискурс» не входит в задачи нашего исследования. Суммируя различные определения дискурса, М.Л. Макаров выделяет основные составляющие, с помощью которых определяется дискурс: формальная (дискурс как образование выше уровня предложения), функциональная (дискурс как речь во всех ее проявлениях), ситуативная (прагматическая) интерпретации [17: 68]. Применительно к данной работе приоритетным является определение, данное Т.А. Ван Дейком, согласно которому дискурс представляет собой коммуникативное явление, которое кроме текстовой составляющей включает различные экстралингвистические факторы, необходимые для понимания текста [3].

Рекламный дискурс имеет ряд особенностей. Его цель – побудить к деятельности, при этом даже простое информирование или напоминание, содержащиеся в рекламном обращении, в конечном итоге направлены на побуждение к действию [17]. В теории маркетинга реклама рассматривается как один из видов маркетинговой коммуникации, «как особым образом организованный дискурс», который при помощи разнообразных языковых средств и маркетинговых приемов позволяет достичь определенные стратегические и тактические цели [5: 22].

С точки зрения функциональной лингвосинергетики «рекламный дискурс представляет собой сложную открытую нелинейную систему смыслов, постоянно взаимодействующую с внешней средой – языковой системой, сознанием участников дискурса (потенциальных потребителей услуг и товаров),

а также коммуникативной ситуацией, на фоне которой происходит развертывание дискурса» [18: 475]. Удачное соединение всех аудиовизуальных средств (картинки, звукового сопровождения, образа) и языковых средств способствует эффективности рекламы [19]. Все эти компоненты воспринимаются нами как единое целое, могут относиться к различной тематике и не иметь четкой структуры. Рекламный текст представляет собой «совокупность аудиовизуальных средств в произвольной комбинации (с допустимым отсутствием какого-либо элемента), направленных на реципиента в целях оказания запланированного воздействия, прямо или косвенно связанного с объектом рекламирования» [19: 76]. Подчеркивая неразрывность и комплексность компонентов рекламного дискурса, Т.Б. Колышкина говорит о социальном, психологическом, прагматическом контексте и контексте рекламного носителя как обязательных его категориях [20: 35].

Рекламный дискурс исследуется и с позиций его влияния на реципиента. К исследованию стратегий и тактик социальной рекламы обращаются в своих работах М.В. Терских и Г.А. Мирошниченко. Первый автор приходит к выводу, что для данного вида рекламы базовой является фрустрационная стратегия [8; 9, 10]. Мы полагаем, что экологическая реклама в разных лингвокультурах имеет свою специфику, которая проявляется именно в особенностях применяемых стратегий и способах их реализации. Так, исследуя экологический рекламный дискурс ФРГ, А.В. Зайцева выделяет следующие стратегии: стратегию дискредитирования и стратегию популяризации [21].

Следует также отметить, что в стратегиях экологического рекламного дискурса находят отражение два подхода к определению экологического сознания – антропоцентрический и эоцентрический. То есть рекламная стратегия может ставить в центр картины мира человека (антропоцентрический подход) или базироваться на идее равноправного сосуществования человека и природы (эоцентрический подход) [21: 29].

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили англоязычные тексты баннерной рекламы и видеороликов, размещенные в сети Интернет преимущественно на сайтах «Greenpeace»¹, «World Wide Fund for Nature»² в количестве 202 примеров. Анализ материала проводился на основе классификаций стратегий социальной, в том числе экологической рекламы. В работе применен междисциплинарный подход с использованием методов дискурсивного, контекстуального и семантического анализа, элементов интерпретации.

Результаты и дискуссия

Когнитивно-дискурсивный анализ социальной, а именно экологической рекламы, представляет собой комплексное исследование, в рамках которого на материале английского языка выявляются обязательные составляющие рекламного экологического дискурса, взаимодействующие семиотические системы, так как социальная реклама представляет собой часто аудиовизуальную продукцию или креализованный текст. Также проводится анализ пропозиций, присутствующих в рекламных текстах и способы их экспликации с помощью языковых средств, воздействующих на адресата. В комплексное исследование входит и выявление стратегий и тактик, реализуемых в экологической англоязычной рекламе.

Рекламный экологический дискурс, а именно сам продукт – реклама, представляет собой чаще всего поликодовый текст, где все компоненты направлены на реализацию единой цели, а именно побуждение адресата выстроить правильную экологическую позицию, воздействуя на его экологическое сознание. Особенностью данного вида дискурса является краткость текста, наличие визуального образа, аудиосопровождение, например, музыка. Когнитивная модель рекламного дискурса включает в себя обязательные составляющие, это субъект (от чьего лица идет репрезентация рекламы), объект (тематика), предикат и тип информирования.

В качестве субъекта в экологической рекламе может выступать человек, что говорит об антропоцентричности данного вида дискурса. При этом в баннерной и видеорекламе текст не всегда произносится, а может быть представлен в виде печатного текста, чтобы визуализировать информацию, так как визуальное восприятие считается самым значимым для человека.

Также обращение к реципиенту в экологической рекламе могут репрезентировать животные или неодушевленные предметы. Прием персонификации используется для усиления эффекта, а также это

¹ Greenpeace International. Available at: <https://www.greenpeace.org.au/>. Accessed August 7, 2023.

² World Wide Fund for Nature. Available at: <https://www.wwf.eu/>. Accessed August 7, 2023.

способ показать мнение второй стороны, взаимодействующей с человеком, то есть проявление эгоцентрического подхода. Один из примеров: «*Your amusement or my life*» (*Ваше развлечение или моя жизнь*). Реклама посвящена борьбе с жестоким обращением с животными (здесь и далее перевод авторов). На картинке изображен лев в гриме клоуна и с цирковой тумбой. Обращение к адресату от лица животного придает эмоциональность предложению, тем самым помогая достичь большего прагматического эффекта.

Персонафикация неодушевленного предмета встречается чаще, чем персонафикация животных. Обычно повествование происходит от лица старых ненужных вещей, мусора, подлежащего переработке. Один из таких примеров: «*I want to be a bench. Recycle me*» (*Я хочу стать скамейкой. Переработайте меня*). На картинке изображена пластиковая бутылка, стоящая рядом со скамейкой. Просьба от лица самой бутылки должна побудить людей к более ответственной переработке и утилизации мусора.

Объект как участник рекламного экологического дискурса представляет собой тематическую сферу, охватываемую данным видом рекламы. В экологической рекламе тематика сводится к защите животных, остановке глобального потепления и вырубке лесов, переработке мусора, рекомендации использования экопродукции. Самыми часто используемыми в англоязычных экологических рекламных текстах были слова-маркеры: *global warming, ecosystem, pollution, deforestation, climate change, nature, environment, earth, waste, recycle*. Примеры употребления: «*Global warming is leaving many homeless*» (*Глобальное потепление оставляет многих без дома*) «*Leave your trace in the world. Use eco-friendly vehicle to restore natural ecosystem*» (*Оставьте след в мире. Используйте экологически чистый автомобиль для восстановления естественной экосистемы*); «*You can help. Stop global warming*» (*Вы можете помочь. Остановите глобальное потепление*); «*Back to nature. Save the future*» (*Вернитесь к природе. Спасите будущее*) и другие.

На основе исследуемого материала в экологической рекламе можно выделить три типа предикатов: 1) необходимость (то, что нужно сделать); 2) возможность (то, что можно сделать); 3) просьба.

При первом типе побуждения в рекламном сообщении обычно содержится призыв к действию. Например: «*Go green! Save Earth. Save environment*» (*Будьте «зелеными»! Сохраните Землю. Сохраните окружающую среду*). В данном примере отсутствует подлежащее, а на первом месте стоит сказуемое в повелительном наклонении, что характерно для побудительных предложений. Автор не использует никаких слов и конструкций для смягчения тональности высказывания.

Второй тип побуждения выражается в более мягкой форме с предложением варианта правильного действия. «*Before they chop you can stop! Help fight deforestation*» (*Прежде чем они начнут рубить, вы можете остановиться! Помогите бороться с вырубкой лесов!*). В этом рекламном сообщении модальный глагол *can* выражает высокую степень вероятности и уверенности, но он не так категоричен, как, например, глагол *must*, за счет этого высказывание смягчается. Кроме этого, автор употребил глагол *help*, что тоже смягчает фразу, хотя его можно и опустить.

Третий тип побуждения – это просьба с маркерами выражения стратегии вежливости. «*You can't make this stuff. So please use only what you need*» (*Вы не можете создать это. Поэтому, пожалуйста, используйте только то, что вам нужно*). Эта реклама посвящена сохранению водных ресурсов. Автор использует слово *please*, чтобы смягчить просьбу и проявить вежливое отношение к адресату.

В экологической англоязычной рекламе можно выделить три типа информирования в рекламном экологическом дискурсе, два из которых коррелируют с темпоральным показателем: информирование о текущей экологической обстановке и экологическое прогнозирование. Третий тип – интересный факт или отсылка к чему-то.

Рассмотрим первый тип – сообщение информации, актуальной на данный момент времени. Например: «*One tree is cut every second to become paper*» (*Каждую секунду для производства бумаги вырубается одно дерево*). В рекламном сообщении автор дает информацию с конкретными цифрами статистики. Как правило, наличие точных данных вызывает большее доверие у адресата. В этом есть и эмоциональная составляющая – цифры, обычно, шокируют людей или, как минимум, удивляют, что только помогает достичь желаемого воздействия.

Вторым типом информирования является экологическое прогнозирование – предсказание возможного изменения состояния экосистем, определение последствий деятельности человека. Примером такого типа можно считать следующий рекламный текст: «*It is not a matter of if there will be an oil spill, it's when*» (*Вопрос не в том, произойдет ли разлив нефти, а в том, когда это произойдет*). Текст сообще-

ния сопровождается изображением песочных часов, где в верхней части находится нефтяная платформа и сама нефть, а снизу чистая вода, льды и обитатели Арктики. Как песок пересыпается через горловину часов, так и нефть просачивается и попадает в воду, что символизирует неизбежность такого исхода.

Третий тип информирования – использование интересных фактов или отсылка к чему-то для привлечения внимания к проблеме. «*A third of people in The United States believe in Santa Claus. A third of people in the United States don't believe in climate change*» (*Треть жителей США верят в Санта-Клауса. Треть жителей США не верят в изменение климата*). Реклама посвящена проблеме изменения климата. Такое противопоставление людей, верящих в выдуманного персонажа, и людей, не верящих в существующую доказанную проблему, помогает посмотреть на ситуацию с другой стороны и заставляет людей задуматься.

Текст является главным смыслообразующим элементом в реализации целей рекламного дискурса, но другие семиотические системы способствуют лучшему восприятию и пониманию рекламы. В экологической рекламе взаимодействуют различные семиотические системы. Примером использования графических средств является реклама с фотографией маленького мальчика и фразой от его лица: «*When I grow up, I want to be a dad*» (*Когда я вырасту, я хочу стать папой*). Реклама посвящена проблеме изменения климата. Текст с каждой строкой становится все менее разборчивым, символизируя тем самым таяние полярных льдов и неопределенность будущего. Мальчик говорит о том, кем хочет стать, но его будущее находится под угрозой. Изменение климата уже влияет на наши жизни, если продолжать игнорировать эту проблему, уже у нынешних детей будущего может не быть.

Особенность рекламного дискурса заключается в кратком тексте, поэтому большую роль играет картинка или видеоряд. В рекламе «*One Earth. One family*» (*Одна Земля. Одна семья*) текст сопровождается картинкой с множеством обнимающихся человечков, которые вместе образуют планету. Обнимающиеся человечки символизируют дружбу, сплоченность, единомышленников. Для большинства людей семья – это ценность, и ассоциирование себя с другими людьми как с членами семьи помогает сплотиться вокруг проблемы сохранения окружающей среды.

Тексты песен, музыка в экологической рекламе также могут являться смыслообразующим элементом, аллюзией на известные произведения, вызывающей в сознании реципиента определенные ассоциации. В примере авторы берут за основу текст песни Луи Армстронга «*What a wonderful world*», немного изменяя текст под выбранную проблематику: «*I see plastics of green, red straws too, I see them boom for me and you, And I think for myself is it a wonderful world?*» Знакомый мотив сразу всплывает в голове и привлекает внимание. Строчки сопровождаются изображениями животных и природы, но все состоит из пластика. Вариант возможного перевода: «*Я вижу зеленый пластик и красные соломинки, вижу, как они разрушают жизнь твою и мою, и я думаю про себя: это ли прекрасный мир?*» Еще один пример отсылает нас к фильму «Челюсти». Реклама очень похожа на постер фильма и посвящена проблеме промысла акульих плавников. Акула изображена жертвой, а катер, надвигающийся на нее, – охотником. Вместо «*Jaws*» написано слово «*Laws*». А ниже приводится статистика: «*Люди убивают 11400 акул в час. Акулы убивают 12 человек в год. Монстры*». Происходит ломка стереотипов, хищником оказывается не акула, а человек, и статистика это подтверждает. Автор не называет кого-то конкретными монстрами, а дает возможность задуматься о том, кто все-таки предоставляет большую опасность.

Среди языковых средств, используемых в экологической рекламе, можно выделить игру слов, рифму, символику цвета, стилистические приемы и средства выразительности. Эти языковые средства присутствуют во многих видах рекламы [22]. Игра слов – одно из самых популярных языковых средств в рекламном дискурсе, например, «*Plastic surgery*». Дословный перевод словосочетания «пластическая хирургия», но в данном случае игра слов строится на схожем звучании *surge* (волна) и *surgery* (операция, хирургия). Фразу сопровождает изображение игрушек морских животных, запутавшихся в пластике, плавающем в океане. Следующий пример игры слов: «*Say no to tobacco*». Здесь сочетаются слова *tomb* (гробница, могила) и *tobacco* (табак). Такой игрой слов автор передает губительное влияние табачного дыма на человека и окружающую среду. Еще один пример: «*Don't let the Holidays go to waste*». *Go to waste* имеет значение «пропадать зря, впустую», но здесь *waste* имеет свое основное значение «мусор, отходы», возможный перевод может звучать так: «*Не дайте праздникам стать источником отходов*». Автор обращается к проблеме выбрасывания продуктов питания. В праздники эта проблема становится особенно актуальной, когда люди покупают и готовят много еды, но не съедают ее и выбрасывают.

Следующее языковое средство, к которому часто прибегают авторы экологической рекламы, – рифма. Примеры: «*Let's move towards green to keep the planet clean*» (Давайте становиться более «зелеными», чтобы сохранить планету чистой), «*No plastic. It's fantastic!*» (Никакого пластика. Это фантастика!), «*No excuse for single use*» (Нет прощения одноразовому применению), «*Butterfly? Bye-bye*» (Бабочка? Пока-пока), «*Flamingo? I don't think so*» (Фламинго? Я так не думаю), «*Polar bear? Getting rare*» (Полярный медведь? Становится редкостью), «*Penguin? Think again*» (Пингвин? Подумай еще раз). При помощи рифмы автор делает свое сообщение более выразительным и запоминающимся, донося до адресата нужный смысл при помощи небольшого количества слов.

Символика цвета в рекламном тексте отражена не только визуально, но и лексически. В экологических рекламных текстах преобладают лексемы цветообозначения «голубой» и «зеленый». Особенности словообразования в английском языке – отсутствие аффиксов при переходе из одной части речи в другую делают возможным передавать цветовую символику через существительные и глагольные лексемы, например: «*Let's move towards green to keep the planet clean*» (Давайте становиться более зелеными, чтобы сохранить планету чистой), «*Lights off. Green on*» (Выключи свет. Включи зеленый.), «*Relationship between blue and green is evergreen. We need to save more blue to remain green*» (Отношения между «синим» и «зеленым» вечные. Мы должны беречь больше «синего», чтобы сохранить «зеленое»); «*Green is nature's favorite clothing*» (Зеленый – любимая одежда природы), «*Go green! Save earth. Save environment*» (Будьте зелеными! Сохраните Землю. Сохраните окружающую среду). Исходя из примеров, можно сказать, что «зеленый» символизирует растительность, природу в целом, а «голубой» – воду, небо.

В своих текстах авторы рекламы обращаются к разным стилистическим приемам и средствам выразительности. Например, следующий рекламный текст содержит большое количество оценочных эпитетов: «*Sleeping activists, clueless tree huggers, unsung water savers, low-energy lovers who like to set the mood, any mood, eco-warriors face-planting in sustainable cotton, a bin made of recycled bottles to recycle your bottles, turning you in a recycling star, whoa... To all of you out there doing good without even realizing it. We salute you, accidental environmentalists*» (Спящие активисты, несведущие защитники деревьев, невоспетые спасатели воды, любители низкого энергопотребления, которые любят создавать настроение, любое настроение, эко-воины, зарывшиеся лицом в экологичный хлопок, мусорное ведро из переработанных бутылок, чтобы перерабатывать ваши бутылки, превращает вас в звезду вторичной переработки, вау... Мы приветствуем вас, случайные защитники окружающей среды).

«*Be the part of solution, not the part of pollution*» (Будь частью решения, а не частью загрязнения) – пример антитезы. В данном рекламном слогане присутствует контекстуальное противопоставление слов «solution» и «pollution».

В рекламе «*Don't pack the blue planet with polythene. Say no to plastic*» (Не упаковывайте голубую планету в полиэтилен. Скажите «нет» пластику) «the blue planet» используется перифраз, под «голубой планетой» подразумевается Земля.

Примерами параллелизма можно считать следующие фразы: «*One Earth. One family*» (Одна Земля. Одна семья), «*Save earth. Save environment*» (Сохраните Землю. Сохраните окружающую среду). Еще один прием, используемый авторами, – риторический вопрос: «*What if nature returns everything we throw away during holidays?*» (Что, если природа вернет все, что мы выбрасываем во время праздников?); «*Just when will you start recycling?*» (Когда вы начнете перерабатывать?); «*Is there an end to our insatiable progress?*» (Есть ли конец нашему ненасытному прогрессу?).

Все языковые средства, используемые в экологической рекламе, служат реализации определенных коммуникативных стратегий и их тактик, используемых авторами рекламы. Практический материал показал, что в данном виде социальной рекламы как поликодовом тексте реализуется комплекс коммуникативных стратегий и тактик, что позволяет говорить о синергетическом эффекте воздействия на адресата. Стратегия управления критичностью восприятия реализуется в тактике создания доверия к реципиенту. Во многих экологических рекламных текстах присутствует актуальная статистика от заслуживающих доверие организаций, демонстрируемая визуально в цифрах и вербально или подтвержденные научные знания и факты, например, «*Chemicals from rotten batteries leak into the ground and contaminate soil and water. It takes about 100 years for the battery to be completely decomposed, hence it's very important to recycle them.*» (Химические вещества из использованных батареек просачиваются в почву и загрязняют ее и воду. Требуется около 100 лет, чтобы батарея полностью разложилась, поэтому так важно ее утилизировать.)

Тактика провоцирования эмоций реализуется вербально, невербально и в комплексном виде. Как было упомянуто выше, авторы экологической рекламы прибегают к приему персонификации, чтобы показать реакцию, ощущения, переживания другой стороны – животных, природы на действия человека. Очень усиливают эффект реализации данной тактики визуальные образы в сочетании с текстом.

Фрустрационная стратегия присутствует в 60% примеров экологической рекламы, выбранной для данного исследования. Она реализуется через такие тактики как нагнетание отрицательных эмоций (визуальный ряд с возможными последствиями экологических катастроф), подмену фактов художественными образами (изображение кораблей в виде акул, преследующих этих хищников и убивающих их), провоцирование психологического дискомфорта, использование оппозиции прошлое – настоящее – будущее, например, «*It is not a matter of if there will be an oil spill, it's when*» (*Вопрос не о том, произойдет ли разлив нефти, а в том, когда это произойдет*).

Выводы

Экологическая реклама представляет собой актуальный объект лингвистического исследования, рассматриваемый в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. В статье рассматриваются прагматические особенности экологической рекламы, а именно комплекс вербальных и невербальных коммуникативных средств, используемых авторами рекламы и особенности восприятия данной рекламы реципиентами – социумом. В когнитивно-дискурсивной модели создания экологической рекламы на материале английского языка выделяют обязательных участников рекламного социального дискурса, а именно субъект (человек и персонификации животных и неодушевленных предметов, связанных с экологической проблематикой), объект (репрезентированная тематика экологических проблем), предикат (выделяемые пропозиции необходимости, возможности, просьбы). Факультативной составляющей когнитивно-дискурсивной модели являются типы информированности, коррелирующие с темпоральным показателем.

Особенностью рекламного дискурса является краткость вербальной составляющей – рекламного текста и перераспределение прагматической функции на другие семиотические системы. Так, в экологической рекламе большую роль играет визуализация вербального контента через креализованный текст, графические средства вербальной составляющей и аудитивный компонент как смыслообразующие аллюзии, воздействующие на сознание реципиента.

Среди используемых языковых средств в экологической рекламе можно выделить игру слов, в частности, с символикой цветообозначения – аналитические формы словообразования в английском языке с лексемами *green* и *blue*, рифму, эпитеты, параллелизмы.

Социальная экологическая реклама включает в себя комплекс стратегий и реализующих их тактик. К главным стратегиям можно отнести стратегию управления критичностью восприятия и фрустрационную стратегию, в комплексе реализующих интенции авторов этой рекламы посредством разнообразных тактик. Статистический анализ фактического материала показал преобладание антропоцентрического подхода (164 примера), и всего 38 примеров экоцентрического.

Фрустрационная стратегия преобладает, как и во всей остальной социальной рекламе (60%), при этом визуально опасность грозит в основном отдельным видам животных, лесам, запасам воды и планете в целом, а вот человек представлен только в 16 примерах (картинки человека с пластиковым пакетом на голове, запутавшегося и тонущего в пластике и т.д.).

Следует отметить, что в рассмотренных примерах экологической рекламы преобладают призывы общего характера, репрезентированные посредством лексем *save*, *protect*, а вот конкретных рекомендаций, как нужно действовать, очень мало (в нашей выборке всего 26 примеров), хотя, на наш взгляд, именно данный вид рекламного обращения мог бы в действительности повлиять на поведение людей.

Список литературы

1. Ильина В.В. Особенности современной российской социальной рекламы. *Коммуникология: электронный научный журнал*. 2019; 4 (2): 56-72. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-gossiyskoj-sotsialnoj-reklamy>. Ссылка активна на 14.08.2023.
2. Дыкин Р.В., Кажикин А.А. Социальная реклама. *Реклама: теория и практика*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета; 2011: 202-232. Доступно по: <https://elibrary.ru/tquaqj>. Ссылка активна на 14.08.2023.

3. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: Издательство БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ; 2000: 308. Доступно по: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/kognitivnye_nauki/jazyk_poznanie_kommunikacija/17-1-0-1547. Ссылка активна на 14.08.2023.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена; 2002: 477. Доступно по: http://library.lgaki.info:404/2019/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BA_%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9.pdf. Ссылка активна на 14.08.2023.
5. Скарнев Д.С., Музыкант Е.В. Создание образа в рекламных текстах на рынке недвижимости. *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2020; 25(2): 367–373. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-367-373>.
6. Василина В.Н. Понятия стратегии и тактики в прагмалингвистике. *Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология*. 2006; 1 (21): 28–37. Доступно по: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/9949>. Ссылка активна на 14.08.2023.
7. Коверина М.С. К проблеме определения речевой (коммуникативной) стратегии. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование*. 2013; 1(10): 104–109. Доступно по: <https://elibrary.ru/qcugcd>. Ссылка активна на 14.08.2023.
8. Терских М. В. Реализация стратегий коммуникативного воздействия в текстах социальной рекламы *Научный диалог*. 2020; 5: 146—157. <http://dx.doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-146-157>.
9. Терских М.В. Типология стратегий коммуникативного воздействия в дискурсе социальной рекламы. *Научный диалог*. 2020; 4: 164—175. <http://dx.doi.org/10.24224/2227-1295-2020-4-164-175>.
10. Мирошниченко Г.А. Коммуникативная стратегия вербального убеждения в российской телевизионной рекламе. *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2018; 23 (2): 215—223. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-2-215-223>.
11. Ежова Е.Н. Рекламная коммуникация как ресурс формирования экологического сознания. *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2020; 3 (37): 28–34. <http://dx.doi.org/10.24411/2070-0695-2020-10304>.
12. Koçyiğit M. New Communication Strategies and the Future of Advertising Narration. *Handbook of Research on Narrative Advertising*. Hershey: IGI Global, 2019: 333—340. Available at: https://www.researchgate.net/publication/336412502_New_Communication_Strategies_and_the_Future_of_Advertising_Narration. Accessed August 07, 2023.
13. Mühlhäusler P., Peace A. Environmental discourses. *Annu. Rev. Anthropol.* 2006; 35: 457–479. <http://dx.doi.org/10.1146/35.081705.123203>.
14. Chan, R. Y. K. Consumer responses to environmental advertising in China. *Mark. Intell. Plan.* 2004; 22: 427–437. <http://dx.doi.org/10.1108/02634500410542789>.
15. Liu S and Liu X Culture and Green Advertising Preference: A Comparative and Critical Discursive Analysis. *Front. Psychol.* 2020. <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01944>.
16. Natália Aparecida Campos, Guilherme Malafaia, Lucas Benites Doretto, Ivana Felipe Rosa, Rafael Henrique Nóbrega, Aline Sueli de Lima Rodrigues What do environmental advertisers Say and how does the public understand them? Contributions to education for sustainability. *Case Studies in Chemical and Environmental Engineering*. Vol. 4, December 2021, 100160. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666016421000827>. Accessed August 07, 2023.
17. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Изд-во Тверского унта; 1998: 200. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000564593>. Ссылка активна на 14.08.2023.
18. Храменко Д.С. Понятие рекламного дискурса в современной лингвистике. *Научный альманах*. 2016; 10-1(24): 473-476. <http://dx.doi.org/10.17117/na.2016.10.01.473>.
19. Тюрина С. Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст. *Вестник Ивановского государственного энергетического университета*. 2009; 1: 75-77. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatiyah-reklamnyy-diskurs-i-reklamnyy-tekst>. Ссылка активна на 07.08.2023.
20. Колышкина Т.Б. Модель анализа дискурса и рекламного дискурса. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2010; 1: 34-36. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15180119>. Ссылка активна на 07.08.2023.
21. Зайцева А.В. Коммуникативные стратегии экологического дискурса ФРГ. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2013; 4(25): 244-250. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21098209>. Ссылка активна на 07.08.2023.

22. Терских М.В., Зайцева О.А. Идеологические и культурные коды в аспекте формирования прокативного рекламного контента (на примере рекламы Benetton). *Актуальные проблемы филологии и лингвистики*. 2023; 1: 225–237. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-225-237>.

References

1. Ilyina VV. Features of Modern Russian Social Advertising. *Communicology: Electronic Scientific Journal*. 2019; 4(2): 56-72. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rossiyskoy-sotsialnoy-reklamy>. Accessed August 14, 2023. (In Russ.).
2. Dykin RV, Kazhikin AA. Social Advertisement. Advertising: Theory and Practice. Voronezh: Voronezh State University Publishing House; 2011: 202-232. Available at: <https://elibrary.ru/tqyajj>. Accessed August 14, 2023. (In Russ.).
3. Van Dyck TA. Language. Cognition. Communication. Blagoveshchensk; 2000: 308. Available at: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/kognitivnye_nauki/jazyk_poznanie_kommunikacija/17-1-0-1547. Accessed August 14, 2023. (In Russ.).
4. Karasik VI. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena; 2002: 477. Available at: http://library.lgaki.info:404/2019/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BA_%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9.pdf. Accessed August 14, 2023. (In Russ.).
5. Sknarev DS, Musician EV. Creating an Image in Advertising Texts in the Real Estate Market. *Bulletin of RUDN University. Series: Literary criticism. Journalism*. 2020; 25(2): 367–373. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-367-373>. (In Russ.).
6. Vasilina VN. Concepts of Strategy and Tactics in Pragmalinguistics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Series I. Philology*. 2006; 1 (21):28–37. Available at: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/9949>. Accessed August 14, 2023. (In Russ.).
7. Koverina MS. On the Problem of Determining the Speech (Communicative) Strategy. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philological education*. 2013; 1(10): 104-109. Available at: <https://elibrary.ru/qcugcd>. Accessed August 14, 2023. (In Russ.).
8. Terskikh MV. Realization of Communicative Influence Strategies in the Texts of Social Advertising. *Scientific Dialogue*. 2020; 5: 146-157. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-146-157>. (In Russ.).
9. Terskikh MV. Typology of Communicative Influence Strategies in the Social Advertising Discourse. *Scientific Dialogue*. 2020; 4: 164-175. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-4-164-175>. (In Russ.).
10. Miroshnichenko GA. Communicative Strategy of Verbal Persuasion in Russian Television Advertising. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. 2018; 23(2): 215-223. (In Russ.).
11. Ezhova EN. Advertising Communication as a Resource for the Ecological Consciousness Formation. *Sign: Problematic Field Of Media Education*. 2020; 3(37):28–34. <https://doi.org/10.24411/2070-0695-2020-10304>. (In Russ.).
12. Koçyiğit M. New Communication Strategies and the Future of Advertising Narration. *Handbook of Research on Narrative Advertising*. Hershey: IGI Global, 2019: 333—340. Available at: https://www.researchgate.net/publication/336412502_New_Communication_Strategies_and_the_Future_of_Advertising_Narration. Accessed August 07, 2023.
13. Mühlhäusler P, Peace A. Environmental Discourses. *Annu. Rev. Anthropol*. 2006; 35: 457–479. <http://dx.doi.org/10.1146/35.081705.123203>
14. Chan RYK. Consumer Responses to Environmental Advertising in China. *Mark. Intell. Plan*. 2004; 22: 427–437. <http://dx.doi.org/10.1108/02634500410542789>.
15. Liu S and Liu X Culture and Green Advertising Preference: A Comparative and Critical Discursive Analysis. *Front. Psychol*. 2020. <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01944>.
16. Natália Aparecida Campos, Guilherme Malafaia, Lucas Benites Doretto, Ivana Felipe Rosa, Rafael Henrique Nóbrega, Aline Sueli de Lima Rodrigues. What Do Environmental Advertisers Say and How does the Public Understand Them? Contributions to Education for Sustainability. *Case Studies in Chemical and Environmental Engineering*. Volume 4, December 2021, 100160. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666016421000827>. Accessed August 07, 2023.
17. Makarov ML. Interpretive Analysis of Discourse in a Small Group. Tver: Publishing House of Tver University; 1998: 200. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000564593>. Accessed August 7, 2023. (In Russ.).

18. Khramchenko DS. The Concept of Advertising Discourse in Modern Linguistics. *Scientific Almanac*. 2016; 10-1(24): 473-476. <https://doi.org/10.17117/na.2016.10.01.473>. (In Russ.).
19. Tyurina SYu. On the Concepts of Advertising Discourse and Advertising Text. *Bulletin of the Ivanovo State Power Engineering University*. 2009; 1: 75-77. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatiyah-reklamnyy-diskurs-i-reklamnyy-tekst>. Accessed August 7, 2023. (In Russ.).
20. Kolyshkina TB. Model of Discourse Analysis and Advertising Discourse. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2010; 1:34-36. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15180119>. Accessed August 7, 2023. (In Russ.).
21. Zaitseva AV. Communicative Strategies of the German Ecological Discourse. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*. 2013; 4(25): 244-250. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21098209>. Accessed August 7, 2023. (In Russ.).
22. Terskikh MV, Zaitseva OA. Ideological and Cultural Codes in Terms of the Formation of Provocative Advertising Content (On the Example of Benetton Advertising). *Actual Problems of Philology and Linguistics*. 2023; 1: 225–237. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-225-237>.

История статьи:

Получена: 18.07.2023

Принята: 13.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 18.07.2023

Accepted: 13.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторах:

Евтугова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Российская Федерация; *e-mail*: natane2005@mail.ru.

Новикова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, Омск, Российская Федерация; *e-mail*: evl.novikova@omgau.org.

Bionotes:

Nataliya N. Evtugova, PhD in Philology, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation; *e-mail*: natane2005@mail.ru.

Elena V. Novikova, PhD in Philology, Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Omsk, Russian Federation; *e-mail*: evl.novikova@omgau.org.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Оригинальная статья

УДК 81'42:81'276.6

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-76-90>

Исследование англоязычных юридических текстов
с позиций дискурсивной комплексологии

О.М. Литвишко

Пятигорский государственный университет;
357532, Российская Федерация, Пятигорск, пр. Калинина, 9;
ORCID ID: 0000-0001-8430-8501; Web of Science Researcher ID:
ABC-9290-2020; Scopus Author ID: 57224895519;
e-mail: olitvishko@yandex.ru

Резюме: Настоящая статья посвящена изучению юридического дискурса с учетом новейших достижений актуального для современных междисциплинарных исследований направления – дискурсивной комплексологии. Актуализации данной теоретической парадигмы способствовал подход к изучению языков с позиций их сложности и разработка методик количественного измерения сложности текстов. На основе проведенного анализа подходов к исследованию языковой сложности и сложности текстов выдвигается предположение о возможной адаптации методологических приемов дискурсивной комплексологии к анализу не только межъязыковых, но также внутриязыковых сопоставлений, например, к анализу профессиональных типов дискурса. Установлено, что, по аналогии с существованием разного уровня сложности у разных языков, разные типы профессионального дискурса также могут характеризоваться разной степенью сложности. Научная новизна исследования заключается в проведении анализа юридического дискурса с позиций дискурсивной комплексологии. Учитывая сложную природу коммуникации в рамках юридического дискурса, автор применяет исследовательскую концепцию, которая описывает три модели взаимодействия в рамках определенного типа дискурса: «язык–коммуникант», «язык–язык», «язык–дискурс». На основе анализа материала исследования, а также с учетом теоретических наработок дискурсивной комплексологии автор разрабатывает предварительную классификацию параметров сложности юридического дискурса, которая включает фонетические, морфологические, синтаксические и лексико-семантические параметры. Делается вывод о том, что дальнейшее изучение юридического дискурса и других профессиональных типов дискурса с учетом новейших достижений дискурсивной комплексологии будет способствовать разработке типологии профессиональных типов дискурса с позиций их сложности, а также практическому применению полученных результатов в различных лингвопрагматических условиях.

Ключевые слова: дискурсивная комплексология, юридический дискурс, сложность текста, параметры сложности, предикторы сложности.

Для цитирования: Литвишко О.М. Исследование англоязычных юридических текстов с позиций дискурсивной комплексологии. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 76–90. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-76-90>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-76-90>

The Research of Legal Discourse Based on Discourse Complexology

Olga M. Litvishko

Pyatigorsk State University;

9 Kalinin Ave., Pyatigorsk, Russian Federation, 357532;

ORCID ID: 0000-0001-8430-8501; Web of Science Researcher ID:

ABC-9290-2020; Scopus Author ID: 57224895519;

e-mail: olitvishko@yandex.ru

Abstract: This article is devoted to the study of legal discourse, taking into account the latest achievements of the current paradigm of modern interdisciplinary research, i.e. discourse complexology. Emergence of this theoretical paradigm was facilitated by the research of languages from the standpoint of their complexity and the development of methods for quantifying the complexity of texts. Based on the analysis of approaches to the study of language complexity and text complexity, the author suggests a possible adaptation of methodological techniques of discourse complexology to the analysis of not only inter-linguistic, but also intra-linguistic comparisons, for example, to the analysis of professional types of discourse. It is stated that, by analogy with the existence of different levels of complexity among different languages, different types of professional discourse can also be characterized by different degrees of complexity. The scientific novelty of the research lies in initiating the analysis of legal discourse from the standpoint of discourse complexology. Considering the complex nature of communication within legal discourse, the author applies a research concept that describes three models of interaction within a certain type of discourse: “language–communicant”, “language–language”, “language–discourse”. Based on the analysis of the research material, as well as taking into account the theoretical developments of discourse complexology, the author develops a preliminary classification of the parameters of legal discourse complexity, which includes phonetic, morphological, syntactic and lexical and semantic parameters. It is concluded that further study of legal discourse and other professional types of discourse, taking into account the latest achievements of discourse complexology, will contribute to the development of a typology of professional types of discourse from the standpoint of their complexity, as well as the practical application of the results obtained in various linguistic and pragmatic conditions.

Keywords: discourse complexology, legal discourse, text complexity, discourse complexity, complexity parameters, complexity predictors.

For citation: Litvishko O.M. The Research of Legal Discourse Based on Discourse Complexology. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 76–90. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-76-90> (In Russ.).

Введение

Интенсивный технический прогресс, сопровождающийся ускорением процессов цифровизации и информатизации, привел к переизбытку информации. Действительно, современная эпоха характеризуется «информационным отравлением» (infoxication), «информационным ожирением» (infobesity), «информационным беспокойством» (information anxiety) [1: 11], что лишний раз доказывает, что сегодня мы испытываем информационную перегрузку, т.е. сталкиваемся с таким объемом информации, который превышает возможность ее обработать [2]. Не случайно, что научное сообщество постоянно находится в поиске новых способов обработки большого объема информации, чтобы человек научился быстрее извлекать из усложняющихся текстов нужную для себя информацию и предотвратить негативные последствия ее неполного понимания или абсолютного непонимания, сталкиваясь с этим в повседневной жизни.

Это является одной из целей создания и развития технологий автоматической обработки текстов, которые включают обработку документов (поиск, суммаризацию, классификацию, анализ тональности,

извлечение информации и т.д.), осуществление компьютерного анализа социальных сетей, анализ и синтез речи [3: 293].

Технологии автоматической обработки текста непосредственным образом связаны с теорией языковой сложности, которая в оценке текста оперирует такими его характеристиками, как трудность, понятность, читабельность, предлагая различные количественные инструменты, с помощью которых можно было бы измерить лексическую, синтаксическую или прагматическую сложность текста.

Сложность как характеристика языка в целом и текста в частности в последние годы вошла в число наиболее актуальных тем в междисциплинарной парадигме. Действительно, передовые исследования в области компьютерной лингвистики актуализировали изучение языков с точки зрения их простоты / сложности. Анализ сложности затрагивает не только сравнение по уровню сложности разных языков и их подсистем, но также изучение сложности в конкретном типе текстов как в межъязыковой сравнительной перспективе, например, на материале экзаменационных текстов на русском и английском языках [4], так и на уровне выявления внутриязыковой специфики текстов [5; 6; 7]. В целом научно-исследовательская проблематика имеющихся публикаций затрагивает вопросы языковой и текстовой сложности, при этом до сих пор не выработаны универсальные критерии, которые позволили бы каждой языковой системе занять свое место на шкале сложности. Кроме того, изучая сложность в сравнительной перспективе, большинство исследователей оставляют без внимания проблему внутриязыковой сложности, в частности, при сравнении разных типов дискурса. По мнению Дж. Джозефа, данная проблема связана с регистрами языка, то есть с различием между тем, что «Ф. Соссюр называл *langue*, т.е. система, и *parole*, использование системы» [8]. Полагаем, что профессиональные типы дискурса также могут быть исследованы с позиций их сложности, однако в данной связи представляется возможным использовать такое понятие, как сложность дискурса, подразумевая под ним не только лингвистические характеристики, но также весь комплекс экстралингвистических факторов, присущих тому или иному типу дискурса. Например, в рамках юридического дискурса следует отметить, что юридический английский язык обладает определенными особенностями, которые затрудняют его понимание для не-специалистов, т.к. например, «юридический синтаксис явно своеобразен как с точки зрения структуры, так и расположения основных элементов предложения» [9: 41]. При этом, как отмечают специалисты, данные особенности обеспечивают его простоту в профессиональном применении – они устраняют двусмысленность и неточность. Соблюдение правил поведения, знание регламента коммуникации в рамках определенных профессиональных ситуаций также может вызывать определенные трудности, в частности, у не-специалистов, тогда как профессиональные юристы знакомы с нормами поведения, принятыми в профессиональных ситуациях общения. Нельзя утверждать, что юридический английский язык обладает той же степенью сложности, что и литературный английский язык. В данной связи полагаем важным отметить, что речь идет о другом виде сложности, поэтому мы считаем, что систематические внутриязыковые расхождения должны рассматриваться согласно другим параметрам в отличие от межъязыкового сопоставления, что актуализирует тему предлагаемого исследования, в рамках которого предлагается новая модель анализа юридического дискурса.

Цель статьи

Настоящее исследование ставит целью теоретически обосновать возможность использования методологического инструментария дискурсивной комплексологии для анализа профессионального дискурса. Следует отдельно упомянуть, что в научной литературе присутствуют исследования, посвященные анализу академических текстов [4; 5; 6; 7], однако сложность как характеристика дискурса остается вне поля зрения исследователей. Несмотря на то, что сложность англоязычного юридического дискурса признана всеми практикующими юристами, ее преодоление часто решается путем упрощения языка (Plain English Movement [10; 11]) или с помощью переводческих трансформаций, в то время как, на наш взгляд, анализ сложности юридического дискурса требует всестороннего исследования с использованием новейших результатов ряда областей лингвистики, включая дискурсивный анализ, прагмалингвистику, социолингвистику, корпусные исследования, также ориентируясь на новейшие наработки дискурсивной комплексологии.

Обзор литературы

Взаимоотношения текста и дискурса являются предметом методологических дебатов в современной науке. Будучи самостоятельными категориями, текст и дискурс зачастую исследуются в рамках контрастирующих методологических подходов, став при этом предметом активного обсуждения не только в

лингвистике, но и современного гуманитарного научного знания в целом. Действительно, изучением текста и дискурса занимаются в философии, психолингвистике, политологии, социологии, литературоведении и других смежных областях знания. Тем не менее, вне зависимости от теоретической парадигмы, принципиально важным является разграничение понятий текста и дискурса по ряду признаков, с одной стороны, и их сближение ввиду наличия у них схожих характеристик – с другой. По мнению В.И. Карасика, и текст, и дискурс следует рассматривать с позиции языкового материала, подвергая анализу лексико-грамматическую «ткань текста» [12; 198], т.е. изучая с позиции правильности, полноты, логичности высказываний, входящих в данный текст, а также с точки зрения участников коммуникации [13: 1160].

Такое понимание корреляции текста и дискурса дает возможность исследовать тексты как часть какого-либо дискурса, при этом тексты, помимо таких характеристик, как связность, целостность, последовательность, могут характеризоваться разной степенью сложности, по-разному представленной на разных уровнях языка, что, в свою очередь, придает сложность функционально-прагматическим аспектам дискурса.

Юридический дискурс как объект исследования находится в фокусе представителей разных направлений современной лингвистики. Применяя комплексно-интегральный подход, ученые исследуют семантику [14], синтаксис [15] и прагматические особенности [16], его коммуникативные и когнитивные аспекты [17; 18]. В рамках дискурсивно-когнитивного подхода анализу подвергаются категории когерентности и интертекстуальности юридического дискурса [19], специфика юридической метафоры [20].

Тем не менее, несмотря на высокую востребованность юридического дискурса как объекта лингвистических исследований, на сегодняшний день отсутствуют работы, исследующие сложность юридического дискурса.

Дискурсивная комплексология представляет собой достаточно новую исследовательскую парадигму, приоритет в разработке которой принадлежит представителям научно-исследовательской лаборатории «Текстовая аналитика» Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия.

По мнению разработчиков, дискурсивная комплексология занимается параметризацией и созданием типологии сложности текстов, относящихся к различным жанрам, что в будущем позволит достичь более высокой точности при внутри- и межъязыковых сопоставлениях, не исключая автоматизацию подбора текстов в различных лингвопрагматических условиях [21].

Основой дискурсивной комплексологии выступает теория языковой сложности. По мнению многих исследователей, языковая сложность является объективным качеством языка [3: 285-287; 21: 318-321; 22: 103-105; 11: 86-88], рассчитываемым на основе внутренних языковых параметров, которые делятся на количественные и качественные. Наиболее распространенным мнением является мнение о существовании абсолютной и относительной сложности как качеств языковых единиц, таких как элементы, модели, конструкции. Хотя сторонников этого подхода довольно много, до сих пор нет ответа на вопрос, существует ли абсолютная языковая сложность, поскольку не существует независимого маркера или индекса, который мог бы измерить сложность любого языка. Кроме того, языки различаются по своим структурным и системным характеристикам, поэтому их можно оценивать согласно разным критериям. В то же время, при сравнении языковых систем в их восприятии одними и теми же носителями языка (например, не являющимися носителями обоих языков), определенные наборы параметров могут использоваться для измерения сложности единиц в обоих языках, что доказывает целесообразность такого подхода.

Другая позиция касается идеи системной (парадигматической) и структурной (синтагматической) сложности. Некоторые языковые элементы в одном языке могут быть более сложными, чем те же элементы в другом языке, что делает невозможным их сравнение, поскольку «компенсаторная гипотеза» еще не доказана [3: 285]. Учитывая, что в разных языках характер и качество отношений между языковыми единицами различны, универсального критерия для их измерения в разных языках не существует.

В целом языковая сложность исследовалась в рамках различных научных парадигм и методологических подходов, включая типологические и диахронические исследования, результатом чего стало не только появление большого количества исследований, посвященных сравнению двух или более языков на основе анализа определенного, иногда очень специфического параметра, или отслеживанию эволюции языков под влиянием различных социальных, культурных, технологических факторов, но также

выработка критериев оценки сложности в виде списков маркеров / предикторов сложности [3: 285-289; 22: 105-113].

Еще одним важным результатом многолетних исследований языковой сложности и сложности текста стала эволюция научных представлений о сложности как характеристике не только языка и текста, но и дискурса.

Итак, развиваясь на основе теории языковой сложности и сложности текста, дискурсивная комплексология прошла несколько этапов в процессе становления [21; 22] (Табл. 1).

Таблица 1. Этапы становления дискурсивной комплексологии
Table 1. Stages of Development of Discursive Complexology

Этап / период	Краткая характеристика	Основные результаты
Формирующий 1923-1935	На основе первой формулы сложности текста на английском языке (Б. Лайвли и С. Прессли) М. Фогель и К. Вошборн установили корреляцию предикторов сложности текста согласно выбранных ими критериев. Формула сложности М. Фогеля и К. Вошборна использовалась до начала XXI в.	- Адаптация способов оценки сложности, созданных на детской литературе, для других видов литературы; - включение в список предикторов сложности «плотности идей»; - введение скорости чтения в число предикторов; - включение 44 переменных в расчет сложности текста
Классический 1935-1953	Предприняты попытки разработать универсальные формулы читабельности на основе двух-трех предикторов ввиду отсутствия автоматизированной процедуры расчета переменных	Формулы Р. Флеша для работы со взрослыми, формулы Е. Дейла и Дж. Чолла для работы со школьниками
Период закрытых тестов 1953-1980-е	Закрытые тесты рассматривались как новый критерий сложности – по количеству правильных ответов можно вывести критерии восприятия текста. Появление компьютеров и начало их использования в автоматизированных подсчетах	Формулы включали большое количество предикторов, расчет сложности стали проводить на уровне текста, уровне предложения и уровне слова. Доказана возможность существования нелинейной связи между предикторами и критериями сложности
Структурно-когнитивный / когнитивный 1980-2000-е	Формулы читабельности подверглись критике, появились новые предикторы – концептуальная плотность текста, информационная нагрузка текста, тип и композиция текста. Текст был «погружён» в коммуникативную ситуацию	Две переменные были включены в исследования – ситуативный контекст, языковая личность читателя. Переход от текстовой комплексологии к дискурсивной комплексологии
Этап искусственного интеллекта 2000-е – по настоящее время	Разработка аналитических инструментов анализа сложности текста; валидация семантических, дискурсивных и когнитивных предикторов сложности	Открытие лексической связности как нового предиктора сложности. Критерии сложности должны учитывать категории реципиентов.

Итак, сложность является отдельной характеристикой, которая требует детального рассмотрения как на уровне всех языков, групп языков, так и отдельно взятого языка как системы, языкового уровня, языкового знака. Анализ сложности может быть качественным и количественным, учитывая тот факт, что за последние семьдесят лет было разработано около двухсот формул, базирующихся на ограниченном наборе переменных – лингвистических и качественных параметрах текста, а также константах – общих языковых параметрах [23]. Так, в зависимости от уровней языковой системы выделяют следующие предикторы сложности [3: 286-288; 22: 107-113; 23: 88-92] (Табл. 2).

Таблица 2. Классификация предикторов языковой сложности по уровням языка
 Table 2. Classification of Language Complexity Predictors by Language Levels

Фонетический	Морфологический	Синтаксический	Лексико-семантический
количество фонем, частота встречаемости маркированных фонем, тональные различия, супrasegmentные модели, максимальные кластеры согласных	объем флективной морфологии языка, специфика алломорфии и морфофонемных процессов, нерегулярность словоформ и словообразования, грамматически обусловленные семантические и прагматические различия	средняя длина простого, сложного предложения, средняя длина простого предложения в составе сложного, порядок слов, наличие специфических синтаксических конструкций, маркеры обвигатива	многозначные лексемы, омонимы, термины, разнообразие лексического состава языка, абстрактность слов, синонимия, полисемия, различия инклюзивных и эксклюзивных местоимений

Предлагаемое исследование представляет попытку адаптировать результаты новейших исследований в области дискурсивной комплексологии, в частности, опровергающих «догму равной сложности» языков [24: 7], к анализу профессионального дискурса. Полагаем, что так же, как разные языки характеризуются разной степенью сложности, разные типы профессионального дискурса в рамках одного языка могут иметь разную степень сложности. Анализ юридического дискурса с точки зрения сложности открывает новые возможности для сравнительного изучения различных типов профессионального дискурса. Мы считаем, что изучение факторов, вызывающих трудность в восприятии текстов, относящихся к юридическому дискурсу, может стать основой разработки системы показателей, позволяющих определить степень сложности конкретного типа профессионального дискурса.

Методы и материал исследования

Исследование выполнено на материале англоязычных текстов, относящихся к юридическому дискурсу и представляющих разные отрасли права – гражданское, уголовное, конституционное, международное, взятых из различных источников – судебных решений, международно-правовых документов, законов, материалов веб-сайтов государственных органов. Методом стратифицированной выборки нами было отобрано по одному тексту, представляющему каждую из указанных отраслей права, с целью продемонстрировать общую тенденцию, характерную для юридического дискурса в целом, вне зависимости от тематической отнесенности текстов. Данные тексты включают:

- 1) Гражданское право – образцы документов, размещенные на сайте Civil law self-help center¹;
- 2) Уголовное право – фрагменты-выдержки судебных решений, взятые из учебно-методического издания Criminal law: cases and materials²;
- 3) Конституционное право – Parliament act 1911³;
- 4) Международное право – Convention C138 – Minimum Age Convention⁴.

Кроме вышеуказанных документов, анализ экстралингвистических особенностей юридического дискурса потребовал привлечения других источников, содержащих детальную информацию о специфике поведения, регламенте процедур в профессиональной юридической коммуникации:

- 5) Civil law handbook for self-represented litigants⁵;

¹ Las Vegas Small Claims Forms. Available at: <https://www.civillawselfhelpcenter.org/forms/small-claims-forms/284-las-vegas-small-claims-forms>. Accessed August 1, 2023.

² Kaplan J., Weisberg R., Binder G. Criminal law: cases and materials. Frederick, MD: Aspen Publishing; 2021: 1216. Available at: https://books.google.ru/books?id=fRYcEAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbg_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. Accessed August 1, 2023.

³ Parliament act 1911. Legislation.Gov.UK. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/1-2/13/contents>. Accessed August 1, 2023.

⁴ Convention C138 – Minimum Age Convention, 1973. International Labour Organization. Conventions and Recommendations. Available at: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100::NO:12100:P12100_ILO_CODE:C138:NO. Accessed August 1, 2023.

⁵ Civil law handbook for self-represented litigants. Canadian Judicial Council. Available at: <https://cjc-ccm.ca/sites/default/files/documents/2021/Civil%20handbook%20-%20EN%20MASTER%20rev1%202021-06-03.pdf>. Accessed August 1, 2023.

6) Criminal law handbook for self-represented accused⁶.

Обобщив опыт предыдущих исследований особенностей юридического дискурса и языка права, проводимых нами в течение последних пяти лет [25; 26; 27], мы использовали исследовательскую концепцию, предложенную И.Н. Потеряхиной [28], поскольку она отражает сложную природу коммуникации в рамках юридического дискурса. Данная концепция включает три модели взаимодействия: взаимодействие на уровнях «язык–коммуникант», «язык–язык», «язык–дискурс».

Несмотря на то, что концепция была разработана автором применительно к анализу лингвоэкологических характеристик англоязычной виртуальной корпоративной коммуникации, мы склонны полагать, что в ее общем виде и с учетом некоторых незначительных дополнений и корректив она может быть успешно использована в процессе анализа всего комплекса языковых параметров, которые, как нам представляется, выступают факторами или предикторами языковой сложности юридического дискурса.

Решение поставленных задач потребовало также использования широкого спектра общенаучных и междисциплинарных методов в сочетании со специфическими лингвистическими. Такой синтез методов, по нашему мнению, является наиболее эффективным и продуктивным, поскольку позволяет провести комплексный лингвистический анализ материала исследования. Используемые нами методы включают:

- метод стратифицированной выборки – использовался для отбора текстов из банка источников, разделенных на тематические области в зависимости от отнесенности к определенной отрасли права; критерием отбора выступала принадлежность к конкретной сфере права;
- контент-анализ – применялся с целью отслеживания общей тенденции употребления определенных лексических единиц и синтаксических конструкций в исследуемых текстах;
- дискурсивный анализ – используя коммуникативный подход, были проанализированы лингвистические и экстралингвистические факторы, необходимые для понимания международно-правовых текстов в целом и их лексических, синтаксических и прагматических особенностей в частности;
- описательный метод – применялся для аналитического описания единиц, относящихся к разным уровням языка, выявлению их характеристик и признаков, а также классификационных критериев.

Результаты и дискуссия

Анализ материала исследования показал, что в рамках юридического дискурса можно выделить ряд параметров на разных уровнях языка, которые можно рассматривать как факторы языковой сложности данного типа профессионального дискурса.

Рассмотрим данные факторы на примерах.

Приводимый ниже пример – образец письма-требования (претензии) о взыскании задолженности, которое истец направляет ответчику по почте.

*My contact information is listed above. In the event this matter is not resolved to my satisfaction, or if I do not receive or accept an invitation to mediate, then I intend to file an action in Small Claims Court where I will also request that you pay the costs of suit associated with having the matter heard by the court. Please guide yourself accordingly.*⁷

В приведенном примере фиксируем использование стандартных фраз-клише: *my contact information is listed above; in the event ...; to my satisfaction; please guide yourself accordingly*.

Как отмечают исследователи [29], для юридического дискурса характерно использование речевых клише; данная особенность обусловлена влиянием латинского канцелярского стиля письменной речи, а также стремлением к формализации юридического языка вне зависимости от того, к какой отрасли права относится текст документа. Типичными особенностями юридической лексики также являются термины, профессионализмы, терминологизированные единицы, устойчивые юридические словосочетания, местоименные наречия, биномиальные фразы, заимствованные слова, архаизмы, абстрактные слова, что подтверждается приводимыми ниже примерами.

Так, например, в анализе уголовного дела об убийстве обвинение и совершенное преступление описаны следующим образом:

⁶ Criminal law handbook for self-represented accused. Canadian Judicial Council. Available at: <https://cjc-ccm.ca/sites/default/files/documents/2021/Criminal%20%20Handbook%20-%20EN%20MASTER%202021-10-19.pdf>. Accessed August 1, 2023.

⁷ Demand letter. Civil Law Self-Help Center. Available at: <https://www.civillawselfhelpcenter.org/images/small-claims/lasvegas/lv-demand-letter-fillable.pdf>. Accessed August 1, 2023.

*Jones was charged with second-degree murder, defined by the state law as “the intentional killing of another, not in immediate self-defense or in defense of another to save the other from imminent grievous bodily harm.”*⁸

В данном примере, помимо технических юридических терминов *second-degree murder*, *grievous bodily harm*, встречаем глагол *charge* в юридическом значении, в котором он чаще всего используется в страдательном залоге в обороте *be charged with (a crime)* – *предъявить обвинение (в совершении преступления)*.⁹ В общеупотребительном значении данный глагол означает *нагружать, вверять, наполнять, заряжать*,¹⁰ т.е. имеет достаточно много значений. Словарь Мультитран приводит более 200 профессиональных вариантов перевода данной лексемы на русский язык.¹¹

В другом примере лексема *charge* используется в форме существительного, однако, несмотря на тот факт, что пример взят из документа, также относящегося к сфере права, в данном случае, конституционного права, ее значение (*сбор, налог*) отличается от значения, в котором она используется в уголовном праве (*предъявлять обвинение*).

*A Money Bill means a Public Bill which in the opinion of the Speaker of the House of Commons contains only provisions dealing with all or any of the following subjects, namely, the imposition, repeal, remission, alteration, or regulation of taxation; the imposition for the payment of debt or other financial purposes of charges on the Consolidated Fund, [the National Loans Fund] or on money provided by Parliament, or the variation or repeal of any such charges...*¹²

Полагаем, что данный пример использования терминологизированной единицы можно рассматривать как фактор сложности профессионального дискурса, юридического, финансового, военного или любого другого, т.к. без знания того значения, в каком указанный термин употребляется в конкретном типе дискурса, невозможно правильно понять смысл профессионального текста.

Кроме того, в примере представлена еще одна важная особенность юридических текстов – частое использование абстрактных имен существительных – *imposition, repeal, remission, alteration, or regulation*.

Итак, с точки зрения лексического состава юридический дискурс содержит большое количество лексических единиц, которые могут представлять трудности в понимании не только для не-носителей английского языка, но также и для носителей не-профессионалов в сфере права. В данной связи следует отметить, что если для анализа стандартных дискурсивных маркеров успешно используются программные продукты [30], то для исследования совокупности лексических трудностей профессиональных типов дискурса таких разработок пока не существует.

На уровне синтаксиса юридический дискурс также обладает рядом особенностей, которые отражают влияние латинского канцелярского стиля. В частности, тенденция к использованию вводных конструкций, обособленных оборотов, простых распространенных предложений, множественных однородных членов, уточнений и пояснений, несколько уровней подчинительной связи, условные предложения – вот именно те характеристики, которые традиционно относят к юридическому синтаксису. Пример, взятый из текста Акта Парламента Великобритании, ярко демонстрирует сразу несколько синтаксических приемов:

Provided that the House of Commons may, if they think fit, on the passage of such a Bill through the House [in the second session,] suggest any further amendments without inserting the amendments in the Bill, and

⁸ Kaplan J., Weisberg R., Binder G. Criminal law: cases and materials. Frederick, MD: Aspen Publishing; 2021: 1216. Available at: https://books.google.ru/books?id=fRYcEAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. Accessed August 1, 2023.

⁹ Мамулян А.С., Кашкин С.Ю. Англо-русский полный юридический словарь. М.: Эксмо; 2005: 816. Доступно по: <https://archive.org/details/B-001-001-734/page/490/mode/2up>. Ссылка активна на 01.08.2023 / Mamulyan AS, Kashkin SY. Complete English-Russian Legal Dictionary. Moscow: Eksmo, 2005: 816. Available at: <https://archive.org/details/B-001-001-734/page/490/mode/2up>. Accessed August 1, 2023.

¹⁰ Charge. Интернет-система двуязычных словарей Мультитран. Доступно по: <https://www.multitrans.com/m.exe?s=charge&l1=2&l2=1>. Ссылка активна на 01.08.2023 / Charge. Internet-system of bilingual dictionaries Multitrans. Available at: <https://www.multitrans.com/m.exe?s=charge&l1=2&l2=1>. Accessed August 1, 2023.

¹¹ Там же.

¹² Parliament act 1911. Legislation.Gov.UK. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/1-2/13/section/1>. Accessed August 1, 2023.

*any such suggested amendments shall be considered by the House of Lords, and, if agreed to by that House, shall be treated as amendments made by the House of Lords and agreed to by the House of Commons; but the exercise of this power by the House of Commons shall not affect the operation of this section in the event of the Bill being rejected by the House of Lords.*¹³

На прагматическом уровне полагаем необходимым отметить, что лингвистические особенности юридического дискурса обусловлены нормативно-перформативной сущностью права, из чего следует, что язык активно используется в реализации функций права. В следующем примере, взятом из текста конвенции Международной организации труда, присутствуют языковые средства выражения перформативности [31; 32: 77-78], в частности, глагольные конструкции с модальным глаголом *shall* и глаголы-перформативы:

*The competent authority shall determine the activities in which employment or work may be permitted under paragraphs 1 and 2 of this Article and shall prescribe the number of hours during which and the conditions in which such employment or work may be undertaken.*¹⁴

Использование перформативов встречаем также в тексте, относящемся к сфере конституционного права:

*Any certificate of the Speaker of the House of Commons given under this Act shall be conclusive for all purposes, and shall not be questioned in any court of law.*¹⁵

Следующим этапом анализа стала адаптация исследовательской концепции, описывающей три модели взаимодействия, к анализу юридического дискурса. На уровне взаимодействия язык-коммуникант, предлагаем различать внутрипрофессиональную и межпрофессиональную коммуникацию [33: 23]. Если в процессе внутрипрофессиональной коммуникации использование профессионального юридического языка не вызывает затруднений у коммуникантов, то в случае межпрофессиональной коммуникации ее участники с большой долей вероятности могут столкнуться с проблемами в использовании специального языка из-за разницы в профессиональных интересах и навыках. Еще меньшая вероятность достижения успешной коммуникации будет наблюдаться в процессе общения профессионалов с не-профессионалами в сфере права, где весь спектр лексических, синтаксических, и прагматических параметров сложности может препятствовать пониманию и приводить к срыву коммуникации.

На уровне взаимодействия язык-язык представляется возможным проанализировать влияние других языков, которому юридический английский подвергался на протяжении всего своего развития, в частности, латинского и французского языков. Не случайно, что данное влияние представлено, прежде всего, на уровне лексики и грамматики юридического языка. Если носители английского языка могут испытывать затруднения из-за его сложности, непостижимости терминологии и чувствуют необходимость перевести его на более простой понятный язык, то не-носители английского языка сталкиваются с более серьезными трудностями, связанными с пониманием и обучением юридическому английскому языку.

В рамках взаимодействия язык-дискурс полагаем важным отметить специфику юридического дискурса, которая отражается в дискурсивных практиках: следование стереотипным моделям поведения, использование специфических языковых средств в стандартных коммуникативных ситуациях, осуществление разного рода действий в соответствии с типичной схемой, включая вербальные и невербальные средства коммуникации. Так, например, в справочных изданиях *Civil law handbook for self-represented litigants* и *Criminal law handbook for self-represented accused* присутствуют детальные рекомендации, которые регламентируют подготовку не-специалистов к судебному слушанию и связанные с этим действия, включая поведение во время заседания суда, например:

Do not try to contact the judge outside the courtroom. If you need to send any letters of information to the Court when you are not in a hearing, send it through the court staff. Make sure to send a copy of everything you

¹³ Parliament act 1911. Legislation.Gov.UK. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/1-2/13/section/2>. Accessed August 1, 2023.

¹⁴ Convention C138 – Minimum Age Convention, 1973. International Labour Organization. Conventions and Recommendations. Available at: <https://archive.ph/20120803220358/http://www.ilo.org/ilolex/cgi-lex/convde.pl?C138>. Accessed August 1, 2023.

¹⁵ Parliament act 1911. Legislation.Gov.UK. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/1-2/13/section/3>. Accessed August 1, 2023.

give to the court to the other parties or their lawyers. This is because the judge cannot communicate with one party alone – any communication from the judge to one party must be shared with all other parties.¹⁶

*Dos and Don'ts of cross examination*¹⁷

<i>Dos</i>	<i>Don'ts</i>
<ul style="list-style-type: none"> – <i>May ask leading questions.</i> – <i>In your questioning, move from general to specific.</i> – <i>Be clear and brief. Use simple language.</i> – <i>Listen to the answers given and note important ones.</i> – <i>Treat the witness with respect.</i> – <i>Ask only one question at a time.</i> – <i>Be precise with questions.</i> – <i>Ask questions that discredit their testimony, if it is not consistent with the position you are putting forward.</i> 	<ul style="list-style-type: none"> – <i>Argue with the witness.</i> – <i>Repeat a question asked during direct examination that may hurt your case.</i> – <i>Ask them to give their opinions, unless they are an expert witness.</i> – <i>Comment about their answer; you can do this during your closing statement.</i>

Вполне очевидно, что профессиональные юристы осведомлены о кодексе поведения в зале суда или во время допроса, они знают, как подготовить контракт и согласовать его с клиентом. Они обладают знанием специального языка, который может быть использован в различных профессиональных ситуациях, причем язык неизбежно зависит от типа коммуникативной ситуации. Однако в процессе коммуникации специалистов с не-специалистами требуется разъяснение всех процедур и стандартов поведения, что также можно рассматривать как факторы сложности юридического дискурса. По мнению сторонников дискурсивной комплексологии, такую взаимозависимость языка и дискурса следует понимать как комплексную характеристику дискурса, включающую не только сложность, но и «оценку когнитивных и лингвистических способностей лингвистической личности получателя текста, а также анализ коммуникативной ситуации» [21: 335].

Итак, на основе проведенного анализа предлагаем классификацию параметров сложности в юридическом дискурсе (Таб. 3), разработанную нами на основе классификации предикторов языковой сложности, представленной в Табл. 2. Полагаем, такая модель классификации будет способствовать большей утилитарности при написании соответствующих программных продуктов по выявлению параметров сложности и анализу их частотности и композиционной значимости. Предлагаемая классификация отражает предварительные результаты, поскольку некоторые уровни языка не были ранее исследованы в рамках применяемой исследовательской концепции (отмечены в таблице знаком «→»). Отдельного внимания в контексте предлагаемой концепции исследования заслуживает анализ прагматического уровня, который не вошел в классификацию ввиду отсутствия данных по всем трем моделям взаимодействия. Результаты по другим уровням, в частности, фонетическому, базируются на исследованиях других ученых [34], поскольку в нашей работе мы использовали примеры из письменного дискурса, и требуют уточнения ввиду различий в исследовательских подходах.

Таблица 3. Параметры сложности юридического дискурса

Table 3. Complexity Parameter of Legal Discourse

Уровень языка / модель взаимодействия	«язык – коммуникант»	«язык – язык»	«язык – дискурс»
Фонетический	интонация, паузация, мелодика речи, темп речи, логическое ударение	–	–

¹⁶ Civil law handbook for self-represented litigants. Canadian Judicial Council. Available at: <https://cjc-ccm.ca/sites/default/files/documents/2021/Civil%20handbook%20-%20EN%20MASTER%20rev1%202021-06-03.pdf>. Accessed August 1, 2023.

¹⁷ Criminal law handbook for self-represented accused. Canadian Judicial Council. Available at: <https://cjc-ccm.ca/sites/default/files/documents/2021/Criminal%20Handbook%20-%20EN%20MASTER%202021-10-19.pdf>. Accessed August 1, 2023.

Морфологический	–	продуктивность суффиксов, номинализация, конверсия	–
Синтаксический	несколько уровней подчинительной связи, вводные и обособленные конструкции, местоименные наречия в сочетании с определенными синтаксическими конструкциями, инверсия, инфинитивные и герундиальные обороты	бюрократические клише (из латинского и французского языков), синтаксический параллелизм, инверсия+условные предложения, лексические повторы	нарушение связности текста дискурсивные маркеры в определенных синтаксических конструкциях
Лексико-семантический	термины, профессионализмы, биномиальные / триниомальные фразы, устойчивые юридические словосочетания, архаизмы, местоименные наречия, терминологизированные единицы	заимствованные слова (из латинского и французского языков), бюрократические клише	средства выражения ритуальности, регламентированности и структурированности

Полагаем, что отсутствие данных по некоторым параметрам сложности открывает широкие перспективы исследования юридического дискурса в рамках предлагаемой концепции и с учетом достигнутых дискурсивной комплексологии. Мы убеждены, что дальнейший анализ каждой группы параметров выявит новые факторы / маркеры / предикторы, что, в свою очередь, будет способствовать разработке типологии профессиональных типов дискурса с позиций дискурсивной комплексологии.

Заключение

Изучение теоретических положений дискурсивной комплексологии и проведенный анализ материала исследования позволили сформулировать следующие выводы:

1. Дискурсивная комплексология является актуальным направлением внутриязыковых сопоставительных исследований, открывая новые возможности для исследования профессиональных типов дискурса.

2. Анализ юридического дискурса с учетом теоретических наработок дискурсивной комплексологии представляет большой исследовательский интерес ввиду наличия в данном типе профессионального дискурса большого количества трудностей лексического и синтаксического уровней языка как для носителей, так и для не-носителей английского языка, включая специалистов и не-специалистов.

3. Предварительная классификация параметров языковой сложности разработана на основе классификации предикторов языковой сложности и включает фонетические, морфологические, синтаксические и лексико-семантические параметры.

4. Адаптация исследовательской концепции, описывающей три модели взаимодействия, к анализу юридического дискурса актуализирует новые направления исследования юридического дискурса, включая модель взаимодействия язык–дискурс и анализ прагматических параметров в рамках моделей взаимодействия язык–коммуникант, язык–язык, язык–дискурс.

Список литературы

1. Труфанова Е.О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2019; 1(16): 4-21. <https://doi.org/10.17726/philIT.2019.1.16.1>.
2. Мозг в осаде. Что делать с информационной перегрузкой? Наука ТАСС. 22 марта 2022 г. Доступно по: <https://nauka.tass.ru/nauka/14141231?ysclid=ll8d7huwd5555367409>. Ссылка активна на 01.08.2023.
3. Solovyev V.D., Solnyshkina M.I., McNamara D.S. Computational linguistics and discourse complexology: paradigms and research methods. *Russian Journal of Linguistics*. 2022; 26(2): 275-316. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30161>.

4. Солнышкина М.И., Кисельников А.С. Параметры сложности экзаменационных текстов. *Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание*. 2015; 1(25): 99-107. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.11>.
5. Мартынова Е.В., Солнышкина М.И., Мерзлякова А.Ф., Гизатулина Д.Ю. Лексические параметры учебного текста (на материале текстов учебного корпуса русского языка). *Филология и культура*. 2020; 3(61): 72-80. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2020-61-3-72-80>.
6. Майер Р.В. Дидактическая сложность учебных текстов и ее оценка. Глазов: ГППИ; 2020. Доступно по: http://maier-gv.glazov.net/Mayer_monograph2020.pdf. Ссылка активна на 01.08.2023.
7. Казачкова М.Б., Галимова Х.Н. Сравнительный анализ сложности текстов учебников английского языка. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 2022; 4(4): 22-32. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2022-4-4-22-32>.
8. Joseph J.E. Why does language complexity resist measurement? *Frontiers in Communication*. 2021; 6: 624855. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2021.624855>.
9. Hiltunen R. The grammar and structure of legal texts. *The Oxford Handbook of Language and Law*. General eds. of Solan L.M., Tiersma P.M. Oxford University Press; 2012: 39-51. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199572120.013.0004>.
10. Tiersma P. The plain English movement. Available at: <http://www.languageandlaw.org/PLAINENGLISH.HTM>. Accessed August 1, 2023.
11. Williams Ch. Legal English and plain language: an update. *ESP Across Cultures*. 2011; 8: 139-151. Available at: <https://edipuglia.it/wp-content/uploads/ESP%202011/Williams.pdf>. Accessed August 1, 2023.
12. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена; 2002: 477. Доступно по: http://library.lgaki.info:404/2019/Карасик_Языковой.pdf. Ссылка активна на 01.08.2023.
13. Кулявина А.П. Соотношение понятий «текст» и «дискурс» как методологическая проблема. *Известия Самарского научного центра РАН*. 2015; 1(5): 1157-1161. Доступно по: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2015/2015_1_1157_1161.pdf. Ссылка активна на 01.08.2023.
14. Воронцова Ю.А., Галиева Д.А., Хорошко Е.Ю. Лексико-семантическая организация юридического дискурса. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022; 12(15): 3830-3836. <https://doi.org/10.30853/phil20220640>.
15. Чернышев А.В. Юридический дискурс и его основные характеристики. *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2016; 2(7): 22-28. Доступно по: <https://journals.kantiana.ru/slovo/3506/>. Ссылка активна на 01.08.2023.
16. Малиновская Т.Н., Менщикова Г.А. Особенности англоязычного юридического дискурса в когнитивно-прагматическом аспекте (на материале фильмов «Déjà vu», «The Judge»). *Филология и человек*. 2020; 2: 135-140. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2020\)2-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2020)2-11).
17. Авакова М.Л., Мосесова М.Э. Коммуникативные особенности англоязычного судебного дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022; 1: 61-71. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-1-61-71>.
18. Березовская А.В. Когнитивные основания синонимии в немецкоязычных правовых текстах на разных этапах формирования юридической терминосистемы. *Вестник Томского государственного университета*. 2022; 477: 5-20. <https://doi.org/10.17223/15617793/477/1>.
19. Власенко С.В. Правовые тексты в аспекте интра- и интертекстуальности. *Вестник Тверского государственного университета. Филология*. 2013; 5(24): 30-37. Доступно по: http://eprints.tversu.ru/3496/1/Вестник_ТвГУ_Серия_Филология_2013_24_Выпуск_5_С_30-37_.pdf. Ссылка активна на 01.08.2023.
20. Баландина И.Д., Москвитина Т.Н., Селютин А.А. Когнитивный подход к описанию юридического дискурса (на примере английского языка). *Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки*. 2020; 1(435): 21-28. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10103>.
21. Солнышкина М.И., Макнамара Д., Замалетдинов Р.Р. Обработка естественного языка и изучение сложности дискурса. *Russian Journal of Linguistics*. 2022; 2(26): 317-341. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30171>.
22. Бердичевский А. Языковая сложность (language complexity). *Вопросы языкознания*. 2012; 5: 101-124. Доступно по: <https://vja.ruslang.ru/tu/archive/2012-5/101-124>. Ссылка активна на 01.08.2023.

23. Солнышкина М.И., Кисельников А.С. Сложность текста: этапы изучения в отечественном прикладном языкознании. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2015; 6(38): 86-99. <https://doi.org/10.17223/19986645/38/7>.
24. Kortmann B., Szmrecsanyi B. Linguistic complexity: second language acquisition, indigenization, contact. Berlin: Walter de Gruyter; 2012: 270. Available at: https://books.google.ru/books?id=HcbmBQAAQBA-J&redir_esc=y. Accessed August 1, 2023.
25. Litvishko O.M., Manukyan M.R., Doctorevitch V.A., Miletova E.V., Grankina R.M. Functional and stylistic features of pronomial adverbs in the English-language legal discourse. *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap: Institute of Scientific Communications Conference*. Cham: Springer Nature, 2021; 198: 378-385. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_43.
26. Литвишко О.М., Большакова М.Г. Правовая концептосфера в аспекте популяризации юридического дискурса. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2022; 4(47): 200-210. Доступно по: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4658/. Ссылка активна на 01.08.2023.
27. Айвазян Н.Б., Гарамян А.В., Литвишко О.М. Терминологические лакуны в контексте дигитализации англоязычной терминосистемы уголовного права. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022; 2: 43-53. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-43-53>.
28. Потеряхина И.Н. Целостность текстов корпоративных сайтов как показатель лингвоэкологичности. *Когнитивные исследования языка*. 2016; 25: 853-858. <https://doi.org/10.20916/2071-9639-2016-25-853-858>.
29. Есина Ю.Ю., Семенова Э.В. Функционирование лексических единиц в структуре юридического текста (на материале английского языка). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019; 6(12): 142-145. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.29>.
30. Каменский М.В. Лингвистическая платформа GATE как среда автоматизированного анализа когнитивно-функциональных свойств дискурсных маркеров. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2014; 3(42): 234-237. Доступно по: <https://vestnikskfu.elpub.ru/jour/article/view/1604/1596>. Ссылка активна на 01.08.2023.
31. Мосесова М.Э., Ширяева Т.А. Вербализация перформативных единиц в англоязычных текстах международных конвенций: морфологический аспект. *Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание*. 2020; 5(19): 110-121. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.10>.
32. Мосесова М.Э. Текст международной конвенции как сфера вербализации категории перформативности (на материале английского языка). *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2019; 3: 75-83. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2019.3.8>.
33. Litvishko O.M., Shiryayeva T.A., Tikhonova E.V., Kosycheva M.A. Professional discourse: the verbal and visual semiosis interplay. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2022; 1(8): 19-40. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-1-0-2>.
34. Зарезина С.Н., Мойсеенко А.А. Интонационно-выразительные средства воздействия на адресата в адвокатском дискурсе. *Современные исследования социальных проблем*. 2018; 4-3(10): 41-53. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-3-41-53>.

References

1. Trufanova EO. Information oversaturation: key problems. *Philosophical Problems of IT and Cyberspace*. 2019; 1(16): 4-21. <https://doi.org/10.17726/philIT.2019.1.16.1>. (In Russ.).
2. The brain is under siege. What to do with information overload? Nauka TASS. March 22, 2022. Available at: <https://nauka.tass.ru/nauka/14141231?ysclid=ll8d7huwd5555367409>. Accessed August 1, 2023. (In Russ.).
3. Solovyev VD, Solnyshkina MI, McNamara DS. Computational linguistics and discourse complexity: paradigms and research methods. *Russian Journal of Linguistics*. 2022; 26(2): 275-316. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30161>. (In Eng.).
4. Solnyshkina MI, Kiselnikov AS. The indices of examination texts complexity. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2015; 1(25): 99-107. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.11>. (In Russ.).
5. Martynova EV, Solnyshkina MI, Merzlyakova AF, Gizatulina DY. Lexical parameters of the academic text (based on the texts of the academic corpus of the Russian language). *Philology and Culture*. 2020; 3(61): 72-80. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2020-61-3-72-80>. (In Russ.).
6. Mayer RV. Didactic complexity of academic texts and its evaluation. Glazov: GGPI; 2020. Available at: http://maier-rv.glazov.net/Mayer_monograph2020.pdf. Accessed July 25, 2023. (In Russ.).

7. Kazachkova MB, Galimova KN. Comparative Analysis of Text Complexity in English Textbooks. *Professional Discourse & Communication*. 2022; 4(4): 22-32. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2022-4-4-22-32>. (In Russ.)
8. Joseph JE. Why does language complexity resist measurement? *Frontiers in Communication*. 2021; 6: 624855. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2021.624855>. (In Eng.)
9. Hiltunen R. The grammar and structure of legal texts. *The Oxford Handbook of Language and Law*. General eds. of Solan LM, Tiersma PM. Oxford University Press; 2012: 39-51. <https://doi.org/10.1093/oxford-hb/9780199572120.013.0004>. (In Eng.)
10. Tiersma P. The plain English movement. Available at: <http://www.languageandlaw.org/PLAINENGLISH.HTM>. Accessed August 1, 2023. (In Eng.)
11. Williams Ch. Legal English and plain language: an update. *ESP Across Cultures*. 2011; 8: 139-151. Available at: <https://edipuglia.it/wp-content/uploads/ESP%202011/Williams.pdf>. Accessed August 1, 2023. (In Eng.)
12. Karasik VI. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena; 2002: 477. Available at: http://library.lgaki.info:404/2019/Карасик_Языковой.pdf. Accessed August 1, 2023. (In Russ.)
13. Kulyavina AP. Text – discourse correlation as a methodological proposition. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015; 1(5): 1157-1161. Available at: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2015/2015_1_1157_1161.pdf. Accessed August 1, 2023. (In Russ.)
14. Vorontsova YA, Galieva DA, Khoroshko EY. Lexico-semantic organization of legal discourse. *Philology. Theory and Practice*. 2022; 12(15): 3830-3836. <https://doi.org/10.30853/phil20220640>. (In Russ.)
15. Chernyshev AV. Legal discourse and its main characteristics. *Slovo.ru: Baltic Accent*. 2016; 2(7): 22-28. Available at: <https://journals.kantiana.ru/slovo/3506/>. Accessed August 1, 2023. (In Russ.)
16. Malinovskaya TN, Menschikova GA. The peculiarities of the English-language legal discourse in the cognitive-pragmatic aspect (based on the films “Déjà vu”, “The Judge”). *Philology and Man*. 2020; 2: 135-140. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2020\)2-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2020)2-11). (In Russ.)
17. Avakova ML, Mosesova ME. Communicative features of the English-language judicial discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2022; 1: 61-71. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-1-61-71>. (In Russ.)
18. Berezovskaya AV. Cognitive features of synonymy in German-language legal text at different stages of development of legal terminology in the system of law. *Tomsk State University Journal*. 2022; 477: 5-20. <https://doi.org/10.17223/15617793/477/1>. (In Russ.)
19. Vlasenko SV. Legal texts in the intra- and intertextual perspective. *Herald of Tver State University. Philology*. 2013; 5(24): 30-37. Available at: http://eprints.tversu.ru/3496/1/Вестник_ТвГУ_Серия_Филология_2013_24_Выпуск_5_С_30-37_.pdf. Accessed August 1, 2023. (In Russ.)
20. Balandina ID, Moskvitina TN, Selyutin AA. Cognitive approach to the description of judicial discourse (as exemplified in English). *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences*. 2020; 1(435): 21-28. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10103>. (In Russ.)
21. Solnyshkina MI, McNamara D, Zamaletdinov RR. Natural language processing and discourse complexity studies. *Russian Journal of Linguistics*. 2022; 2(26): 317-341. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30171>. (In Russ.)
22. Berdichevsky A. Language complexity. *Topics in the Study of Language*. 2012; 5: 101-124. Available at: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2012-5/101-124>. Accessed August 1, 2023. <https://doi.org/10.17223/19986645/38/7>. (In Russ.)
23. Solnyshkina MI, Kisel'nikov AS. Text complexity: study phases in Russian linguistics. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2015; 6(38): 86-99. <https://doi.org/10.17223/19986645/38/7>. (In Russ.)
24. Kortmann B, Szmrecsanyi B. Linguistic complexity: second language acquisition, indigenization, contact. Berlin: Walter de Gruyter; 2012: 270. Available at: https://books.google.ru/books?id=HcbmBQAAQBAJ&redir_esc=y. Accessed August 1, 2023. (In Eng.)
25. Litvishko OM, Manukyan MR, Doctorevitch VA, Miletova EV, Grankina RM. Functional and stylistic features of pronomial adverbs in the English-language legal discourse. *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap*: Institute of Scientific Communications Conference. Cham: Springer Nature, 2021; 198: 378-385. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_43. (In Eng.)

26. Litvishko OM, Bolshakova MG. Legal concept sphere in the context of legal discourse popularization. *Theory of Language and Cross-Cultural Communication*. 2022; 4(47): 200-210. Available at: https://api-mag.kursku.ru/api/v1/get_pdf/4658/. Accessed August 1, 2023. (In Russ.).
27. Ayvazyan NB, Garamyan AV, Litvishko OM. Terminological gaps in the context of digitalization of English-language terminological system of criminal law. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2022;2:43-53. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-43-53>. (In Russ.).
28. Poteryakhina IN. The integrity of corporate website texts as an indicator of linguo-ecological compatibility. *Cognitive Language Studies*. 2016; 25: 853-858. <https://doi.org/10.20916/2071-9639-2016-25-853-858>. (In Russ.).
29. Esina YY, Semenova EV. Lexical units functioning in juridical text structure (by the material of the English language). *Philology. Theory and Practice*. 2019; 6(12): 142-145. <https://doi.org/10.30853.filnauki.2019.6.29>. (In Russ.).
30. Kamensky MV. GATE as a linguistic platform for automated analysis of cognitive-functional properties of discourse markers. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2014;(3):234-237. Available at: <https://vestniksfu.elpub.ru/jour/article/view/1604/1596>. Accessed August 1, 2023. (In Russ.).
31. Mosesova ME, Shiryaeva TA. Verbalization of performative units in English texts of international conventions: morphological aspect. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2020; 5(19): 110-121. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.10>. (In Russ.).
32. Mosesova ME. Text of the international convention as a space of verbalized performativity (by the material of the English language). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2019; 3: 75-83. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2019.3.8>. (In Russ.).
33. Litvishko OM, Shiryaeva TA, Tikhonova EV, Kosycheva MA. Professional discourse: the verbal and visual semiosis interplay. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2022; 1(8): 19-40. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-1-0-2>. (In Eng.).
34. Zarezina SN, Moiseenko AA. Expressive intonation as a tool of influencing the addressee in advocacy discourse. *Russian Journal of Humanities*. 2018; 4-3(10): 41-53. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-3-41-53>. (In Russ.).

История статьи:

Получена: 21.07.2023

Принята: 08.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 21.07.2023

Accepted: 08.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторе:

Литвишко Ольга Михайловна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Пятигорский государственный университет, кафедра английского языка и профессиональной коммуникации, Пятигорск, Российская Федерация; *e-mail*: olitvishko@yandex.ru.

Bionote:

Olga M. Litvishko, PhD (Political Science), Associate Professor, Pyatigorsk State University, Department of English and Professional Communication, Pyatigorsk, Russian Federation; *e-mail*: olitvishko@yandex.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Оригинальная статья

УДК 81'367 + 81'372

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-91-101>**Когнитивный стиль как основа алгоритмизации
вербально-когнитивной деятельности в академическом дискурсе*****А.О. Пугоева¹, Г.Н. Манаенко²**¹Ингушский государственный университет;

386001, Российская Федерация, Магас, пр-т И.Б. Зязикова, 7;

²Северо-Кавказский федеральный университет;

355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;

¹ORCID ID: 0000-0002-3433-1014; ²ORCID ID: 0000-0002-7333-7742;¹Scopus Author ID: 57193752261; ²Scopus Author ID: 57200535049;* e-mail: pug.asya@yandex.ru

Резюме: Представленное исследование посвящено выявлению и анализу базовых характеристик когнитивного стиля участников генеративно-интерпретативной деятельности в рамках академического дискурса. Сам когнитивный стиль может быть определен как динамическая «схема действия», облегчающая структурирование коммуникативного процесса. Алгоритм создания и трансляции результатов дискурсивизации в научной коммуникации содержит гибкую последовательность когнитивных и вербальных действий по решению задач, детерминированных конситуативными и контекстуальными условиями.

В результате дискурсивно-модусного и конверсационного анализа авторы определяют иллюкативную готовность продуцентов к порождению и вербализации, а реципиентов к апперцепции и интерпретации «якорных» концептов как маркеров когнитивного стиля и элементов структурирования познавательной и коммуникативной активности. Эмпирическим материалом послужили микроконтексты из коллективной монографии «Введение в синергетику перевода», содержащие как маркеры генерации когнитивных компонентов, так и их трансляции и конвенционализации.

Анализ когнитивных стилей, объединяемых в академическом дискурсе в синергетическое единство, когнитивную стратегию, выявил доминирование противоположных характеристик шкалы Майерса–Бриггса: аналитизм, полнезависимость, гибкость фокусировки, рефлексивность, детализацию. Соответствие выявленным критериям предполагает применение мягких паттернов как компонентов динамических «схем действия», что обуславливает гибкость алгоритмов и модификацию последовательности актов когниции и вербализации. Авторы приходят к заключению, что потенциальная приемлемость когнитивных стилей различных участников академической коммуникации и адаптивные возможности стилевых характеристик позволяют создать когнитивную стратегию как общее направление генеративно-интерпретативной деятельности. Апперцептивный тип познавательной активности, «якорение» индивидуальных концептов в пространстве научной рецепции, возможность отсроченной гармонизации когнитивных стилей в ситуации «даунтайм» являются условиями выявления в тексте соответствий макропропозиции академического дискурса.

Ключевые слова: академический дискурс, когнитивный стиль, когнитивные стратегии, мягкие паттерны, алгоритмизация вербализации/интерпретации, ситуация «даунтайм», несенсорная эпистемологическая метапрограмма.

Для цитирования: Пугоева А.О., Манаенко Г.Н. Когнитивный стиль как основа алгоритмизации вербально-когнитивной деятельности в академическом дискурсе. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 91–101. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-91-101>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-91-101>

**Cognitive Style as the Basis for Algorithmization
of Verbal and Cognitive Activity in Academic Discourse**

*Asya O. Pugoeva¹, Gennadiy N. Manaenko²

¹Ingush State University;

7 Zyazikova Ave., Magas, Russian Federation, 386001;

²North-Caucasus Federal University;

1 Pushkin Str., Stavropol, Russian Federation, 355017;

¹ORCID ID: 0000-0002-3433-1014; ²ORCID ID: 0000-0002-7333-7742;

¹Scopus Author ID: 57193752261; ²Scopus Author ID: 57200535049;

* e-mail: pug.asya@yandex.ru

Abstract: The article specifies and analyzes the basic characteristics of the cognitive style in generative and interpretive activities of participants within the framework of academic discourse. The cognitive style itself can be defined as a dynamic “scheme of action” that facilitates the structuring of the communicative process. The algorithm for creating and translating the results of discursivization in scientific communication contains a flexible sequence of cognitive and verbal actions to solve problems determined by situational and contextual conditions.

As a result of discourse, modus and conversational analysis, the authors determine the illocutionary readiness of producers for generation and verbalization, and recipients for apperception and interpretation of “anchor” concepts as cognitive style markers and elements of structuring cognitive and communicative activity. The empirical material was microcontexts from the collective monograph “Introduction to the Synergetics of Translation”, containing both markers of the generation of cognitive components and their translation and conventionalization.

An analysis of cognitive styles that are combined in academic discourse into a synergistic unity, a cognitive strategy, revealed the dominance of the right-handed characteristics of the Myers-Briggs type indicator: analyticism, field independence, focusing flexibility, reflectivity, and detailing. Compliance with the identified criteria involves the use of soft patterns as components of dynamic “schemes of action”, which leads to the flexibility of algorithms and modification of the sequence of acts of cognition and verbalization. The authors conclude that the potential acceptability of the cognitive styles of various participants in academic communication and the adaptive possibilities of style characteristics make it possible to create a cognitive strategy as a general direction of generative- and interpretative activity. The apperceptive type of cognitive activity, the “anchoring” of individual concepts in the space of scientific reception, the possibility of delayed harmonization of cognitive styles in the “downtime” situation are the conditions for identifying correspondences of the academic discourse macroproposition in the text.

Keywords: academic discourse, cognitive style, cognitive strategies, soft patterns, verbalization / interpretation algorithmization, downtime situation, non-sensory epistemological metaprogram.

For citation: Pugoeva AO, Manaenko GN. Cognitive Style as the Basis for Algorithmization of Verbal and Cognitive Activity in Academic Discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 91–101. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-91-101> (In Russ.).

Введение

В современных междисциплинарных исследованиях все больший интерес вызывают институциональные дискурсивные пространства, которые нормируются не только в рамках экспликации статусно-ролевых отношений, но и «схемами действия» по инкодированию и интерпретации общего содержания [1: 86]. Подобные динамические «схемы действия», облегчающие выстраивание процессов когниции и их коммуникативного опредмечивания, можно назвать особым инструментом

алгоритмизации, который не просто содержит в себе определенную последовательность когнитивных и вербальных действий по решению коммуникативной задачи, но и связывает эту последовательность с констатирующими и контекстуальными детерминантами. Это алгоритмизированное порождение отнюдь не является жестко закрепленным паттерном, диктующим раз и навсегда способ взаимодействия с апперцептивно воспринимаемой информацией, он скорее является динамическим процессом генерации, категоризации, концептуализации и трансляции конструкторов рефлексивной реальности не только как результатов, но и как вербализованных механизмов, опредмеченных инструментов мышления [2: 122]. Именно на основе этой «индивидуальной интегральной системы» (термин Г. У. Олпорта) каждый из участников дискурсивного взаимодействия реализует собственные цели не только в аспекте изменения концептосферы, ценностно-ориентационного пространства и поведения других коммуникантов, но, прежде всего, своих собственных моделей, адаптирует их к новым условиям создания информационного потока. Эти адаптационные возможности алгоритмизированных действий и обеспечивают диспозициональный компонент когнитивного стиля. Возможность каждого из участников коммуникации в рассматриваемом нами академическом дискурсе к продуцированию, опредмечиванию, распределению и трансляции новых знаний определяются не только уровнем когнитивной компетенции, но и когнитивным стилем как ключевым фактором поддержания и развития способности усваивать и интимизировать концепты, когнитивной структурой личности [3: 21]. Индивидуальная специфика когнитивного стиля формирует и доминантные векторы мотивации к получению этих знаний, а также доминантные формы их концептуализации.

Наиболее репрезентативным пространством исследования скалярных областей когнитивного стиля и их функционального потенциала при структурировании когнитивных процессов является академический дискурс во всех его проявлениях (от дескриптивно-прескриптивного до генеративно-аргументативного). Функциональная вариативность когнитивных стилей обеспечивается необходимостью адаптации когнитивной компетенции к констатирующим компонентам дискурсопорождения и трансляции индивидуальных «схем действия» в общее пространство интерпретации.

Цель статьи

Главной целью настоящего исследования является анализ взаимозависимости форм вербализации (опредмечивания) индивидуальных компонентов значимости от предпочитаемых паттернов метапрограммы. В рамках общей цели решаются следующие задачи: 1) описание когнитивного стиля как алгоритма генеративно-интерпретативной деятельности, основанной на применении мягких паттернов; 2) определение эпистемологического несенсорного типа метапрограммы в качестве ключевого способа генерации нового знания; 3) анализ механизмов дискурсопорождения в состоянии «даунтайм» как основной формы апперцептивной когниции в академическом дискурсе.

Обзор литературы

Понятие «когнитивный стиль» было введено психологами в рамках изучения устойчивых схем оперирования информационными блоками, а также в качестве детерминанты исследовательских стратегий в индивидуальной теории личности. Хотя большинство исследователей сходятся во мнении о сохранности когнитивного стиля на протяжении долгого времени в условиях неизменяющихся дискурсивных практик [4], отдельные ученые всё же допускают констатирующую вариативность стилевых характеристик (особенно в плане стратегемо-тактического варьирования) [5]. Именно данный аспект адаптивности общего вектора когнитивного стиля интересует нас больше всего, поскольку актуализация генеративных потенциалов может проявляться только в рамках так называемых мягких паттернов, предполагающих максимальное соответствие величинам правого полюса скалярности Майерса–Бриггса [6].

Объединение концепции когнитивного стиля с теориями стратегий обучения придало новое звучание инструментальному аспекту данного феномена [7], а также дало возможность лингвистам говорить об алгоритмизации как определенной последовательности шагов в создании информационно-знаниевого континуума. Континуальность нарратива и непосредственность его становления в пространстве познания и интерпретации различных форм реальности формирует отношение к схематизации вербально-когнитивного действия как ключевого фактора, на основе которого некое сообщество коммуникантов способно распределительно когнитивные и информационные компоненты [8]. Более того, механизмы имплементации «якорных» компонентов когниции и генерации апперцептивно воспринимаемого знания рассматривались именно на материале текстов профессиональных дискурсов, обладающих генеративно-аргументативным характером, т.е. контекстов формирования и дефиниционного прояснения

новых лексем, призванных номинировать результаты мыслительной деятельности компетентного коммуниканта в той или иной области.

На основе этого следует, что рассмотрение когнитивных стилей и описание вариативных стратегий, их формирующих, в рамках тяготения мягких паттернов к полнезависимости, гибкому контролю, рефлексивности и широкому диапазону эквивалентности до сих пор не осуществлялось. Таким образом, на настоящий момент назрела насущная необходимость введения градуальных основ определения доминантного когнитивного стиля в сферу когнитивной лингвистики и дискурсологии, что позволит сформировать перечень базовых характеристик и условий алгоритмизации потенциально склонных к трансформациям интерпретативных действий и определить функциональные границы схематизации порождения и восприятия высказываний, созданных в когниокреативном формате.

Методы исследования

В качестве комплексной методологии, применяемой в данном исследовании, нами была избрана сложная форма взаимодействия дискурсивно-модусного и конверсационного анализа. Первый из них направлен на выявление иллокутивной готовности к порождению и вербализации «якорных» элементов в процессе создания текстов академической коммуникации, т.е. присущей определенному типу языковой личности нивелировать статические схемы когниции (снять стереотипы) и следовать нетривиальным формам при вербализации коммуникативных событий и компонентов нового знания [9: 12]. Второй способствует выявлению и последующему описанию корреляций дискурсивных структур с практикой академического взаимодействия и прайминг эффектами коммуникантов, что детерминирует применение мягких паттернов.

В качестве эмпирического материала для анализа нами была избрана монография коллектива авторов во главе с Л.В. Кушиной «Введение в синергетику перевода» [10], ключевыми параметрами, определяющими данный выбор явились соответствие текста основным критериям собственно научного стиля как пространства генерации когнитивных компонентов, а также учебно-научного как пространства их трансляции и конвенционализации. Таким образом, анализируемый текст должен быть результатом и инструментом генеративно-интерпретативной деятельности.

Результаты и дискуссии

Когнитивный стиль вне зависимости от его полярных доминант всегда призван создать для коммуниканта наиболее оптимальные, детерминированные требованиями социальной среды, компенсирующие области «некомпетентности», систематизированные относительно коррелирующих областей индивидуального и коллективного пространств, отвечающие требованиям индивидуализации (самоэкспликации) [11], паттерны смыслогенерации и интерпретации.

Потенциал самоэкспликации (не тривиальной, а аргументативной системной самопрезентации в рамках порождения собственных знаниевых компонентов) в академическом генеративно-аргументативном дискурсе тесно связан с реальным действием участника коммуникации, т.е. со степенью его вклада в создание апперцептивно воспринимаемого и служащего основанием для последующего порождения информационных компонентов смыслового содержания или топикальных когнитивных «якорей» конкретного вида дискурса. Можно с уверенностью утверждать, что максимальная степень категоризации ментальных конструкторов и их делимитация в аморфном пространстве исходной информации в рамках внесенсорного восприятия и интерпретации приводит к осознанной дифференциации и применению различных реактивных действий, т.е. созданию у коммуниканта особых мягких паттернов, проявляющих динамику своего приложения к информационному потоку в процессе рецепции и трансформации ключевых научных концептов. Сложные когнитивные процессы перманентного перетекания информационных компонентов в знаниевые и наоборот создают вербально-когнитивный континуум генеративно-интерпретативной деятельности, который в сочетании с архитектурными и композиторскими аспектами упорядочивания дискурсивного пространства определяет механизмы и способы применяемых вариативных стратегий и тактик коммуникантов, служащих для обработки, структурирования и актуализации значимых компонентов, определяющих и маркирующих индивидуальные особенности личности. Данные особенности и можно обозначить термином «когнитивный стиль» в его когнитивно-дискурсивном понимании [12: 72].

Рассмотрим некоторые параметры скалярных вариаций когнитивного стиля авторов, работающих в области когнитивного переводоведения, на основе традиционно выделяемых биполярных шкал механизмов когниции и экспликации когнитивных компонентов: холизм – аналитизм, полнезависимость –

полнезависимость, ригидность – гибкость (фокусировки), импульсивность – рефлексивность, аппроксимация – детализация, вербальность – образность [13: 421, 425]. Безусловно, приведенный выше перечень не является окончательным, но на основе данных параметров возможным представляется создание достаточно подробной карты когнитивного стиля конкретного коммуниканта с учетом необходимых и достаточных условий типизации, позволяющих отнести личность к классу представителей генеративно-аргументативного способа вербально-когнитивного действия.

Начнем с управляющего параметра. Мы определили его как образ-гештальт, возникаемый в сознании переводчика, который мы понимаем как комплексную категорию, своего рода психолингвистический коррелят концепта [10: 19].

Весьма интересным в данном микроконтексте является способ прояснения исходно понимаемого как амбивалентный (пассивно-активный) механизм интерпретации текстовой, апперцептивно воспринимаемой реальности – образ-гештальт. На основе генеративно-аргументативного приема интенсификации морфологического значения более точно определяется не только сам композит, но и ментальный конструкт, стоящий за ним. На первый план в данном случае выходит именно активная роль субъекта переводческой деятельности, как намеренно создающего образ текста для избрания адекватной стратегии и модели перевода, – формальная экспликация происходит с помощью избрания осознаваемого реципиентом на основе «чувства языка» страдательного причастия *возникаемый*. Данный путь соответствует тенденции академического дискурса избирать для вербализации стратегии, приближающиеся к полюсу полнезависимости, в процессе экспликации собственного опыта (познавательного опыта) в рамках нивелировки доминирующего перцептивного формата и дифференциации конкретизирующих признаков холистического восприятия.

Это означает, что в схематичности дальнейшего производства «якорных» топиков должна закрепляться сходная последовательность шагов генерации и вербализации, но мы наблюдаем обратный процесс – динамическую смену полюсов когнитивного стиля. Так, уже в дальнейшем прояснении автор изменяет анализ, подчеркиваемый в предшествующем контексте, на холизм, который, однако, не создает впечатление аморфности гипотетического конструкта, а лишь эксплицирует иерархическую организацию его многоуровневой структуры – *некое организованное целое*.

На основании такой быстрой смены полюсов когнитивного стиля можно сделать вывод о гибкости фокусировки на различных аспектах описываемого объекта исследования, что не только оказывается типичной характеристикой когнитивного стиля практически любого «квалифицированного» (обладающего достаточными фоновыми знаниями и навыками к продукции научного текста) продуцента в академическом дискурсе, но и подтверждает необходимость использования именно мягких паттернов (как нежестких алгоритмов) формирования понятий и их последующей вербализации. Кроме того, процесс генерации когнитивных компонентов «для других» актуализируется в сочетании формального и рефлексивного стилей, т.е. внимании как к структурно-семантическим, так и к семиотическим характеристикам вербализуемого «якорного» топика – *обретет в тексте свою языковую объективацию*.

...переводчик только тогда создаст эквивалентный текст, когда «увидит» его как некое организованное целое, представит, «образует» тот образ текста, который обретет в тексте свою языковую объективацию [10: 19].

В вышеприведенном микроконтексте прослеживается и ещё одно свойство специфического когнитивного стиля, а именно – ориентация на креационную деятельность в рамках контаминации вербального и образного полюсов. Зачастую такая дуальность подхода к познанию реализуется в академическом дискурсе посредством использования намеренной тавтологичности в языковой игре – *«образует» тот образ текста*. Постоянная рекурсия, т.е. отсылка к исходному тезису, обеспечивает логику развития дискурса и континуальность восприятия и интерпретации создаваемого теоретического продукта в процессе применения эпистемологического несенсорного типа метапрограммы. Каждый из коммуникантов опирается уже не на перцептивные основания, диктуемые ему вертикальным контекстом, но на эмпирический базис (фоновые знания, интимизируемый рефлексивный опыт, имманентно заданные принадлежностью к определенной лингвокультуре способы распредмечивания языковых форм и т.д.).

На основе использования именно собственных (индивидуально-личностных) когнитивных схем осуществляется создание комплексных образований (вербальных конструктов), которые позволяют не только актуализировать авторские компоненты, подлежащие трансляции, но и внедрить их в едином композите в коллективное пространство научного дискурса. Даже формальное применение для верба-

лизации большинства таких понятий композитов и их дефисное написание внешне напоминает традиционное фоно-графическое представление дуальных оппозиций. На уровне вербализации, т.е. решения именно коммуникативной задачи собственные модели как глубинные мотивы интимизации общего знания принято понимать как обусловленность субъективации создания и трансляции «якорных» концептов научного повествования не только психоэмоциональными характеристиками продуцента, но и аксиологическими и когнитивными основаниями ранее воспринятых в качестве модельных образцов представления информации. Соответствие стилевого и стратегического когнитивного моделирования дальнейшего восприятия имплицитно совместную работу по переходу созданного по «нетривиальной» модели номена, характерного для одного автора, в когнитивно-вербальное пространство коллективного авторства. Так, компоненты композита являющиеся категоризованными, большей частью избрируются в коллективном коде (*геиштальт* ограничивает расхождения в интерпретации всего понятия на основе понимания данного термина как обозначения пакетной формы хранения стереотипизированных действий), компоненты, маркирующие введение индивидуального когнитивного стиля, эксплицируются в коррелирующих, но не конвенционализированных кодах иной дискурсивной практики (*образ* обеспечивает наличие интерпретанты реального воплощения в языке конвенционализированного содержания родового понятия).

...образ-геиштальт как динамическая единица проходит через все <...> пространство... [10: 56].

Динамика алгоритма, перманентное изменение применяемых схем и конситуативно детерминированная последовательность необходимых шагов для осуществления «верной» интерпретации описываемых феноменов получает прямую экспликацию *динамическая единица*. Этот факт дополнительно подчеркивает лишь относительную устойчивость, т.е. предпочтительность, но не данность раз и навсегда способов решения когнитивных и коммуникативных задач. Следует сделать существенную оговорку – сама амфиболическая природа академического дискурса, синергия его процессуальности и результативности, диктует вариативность применения алгоритмов, а значит и намеренное применение мягких паттернов генеративно-интерпретативной деятельности.

Применение динамической «схемы действия» в академическом дискурсе закономерно приводит не просто к созданию новых вербальных компонентов, которые гармонично вписываются в пространство трансляции рефлексивных операций и мыслительных конструкций автора, но и к эффективному транспонированию их в ткань текста, предназначенного «для других». Таким образом, создается основа диалогического рецептивно-генеративного процесса, который ведет к появлению из нескольких когнитивных стилей, в том или ином аспекте различающихся у каждого из коммуникантов, единой «когнитивной траектории дискурсивизации» [14].

При создании когнитивной траектории, которая объединяет отдельные индивидуальные характеристики интерпретативной и когнитивной деятельности субъектов академического дискурса, выделение, актуализация, категоризация и концептуализация специфических значимых маркеров конкретизации аспектов объектов познания осуществляется на основе конситуативно заданной рецепции последовательности стимулов, которые ведут к постепенному увеличению дифференциальных признаков, а значит и усилению прагматической нагрузки, т.е. «якорению». Формирование таких «когнитивных якорей» в отличие от «эмоциональных» в стандартном психологическом понимании происходит не с аллюзивной отсылкой на перцептивные образы, а на апперцептивный рефлексивный когнитивный опыт, и способствует структурированию конкретных стимулов, инициирующих у коммуникантов определенные когнитивные реакции интерпретации и генерации собственного понимания на основе интимизации социумно значимых смыслов [15].

Превращение стиля в когнитивную стратегию, алгоритмизирующую когнитивно-коммуникативную деятельность каждого, вступающего в процесс порождения академического дискурса зависит от возможности модификации схем под определенный аспект рассмотрения научной проблемы. Формирование нового паттерна в когниции и вербализации требует некоторого периода, необходимого не только для изменения вектора фокусирования, но и заполнения когнитивного гэпа (англ. gap – глубокое расхождение), образующегося по причине индивидуальных несоответствий когнитивных стилей, обусловленных различными экстралингвистическими факторами (уровнем фоновых знаний, отстаиваемой позицией, мотивацией к коммуникации, иллюкутивными целями и т.п.). Это значит, что акт локуции в данных условиях оказывается в ситуации «даунтайма» – отсутствия возможности обращения к закрепленным схемам номинирования и ожидания, когда же будет предоставлен новый инструмента-

рий. Однако данное ожидание не есть пассивный процесс, он является постоянным поиском прямых и аллюзивных соответствий для понятия в языковой системе. Слияние различных механизмов интерпретации информации в постоянно довлеющей над дискурсивизацией ситуации когнитивного конфликта происходит при выходе коммуниканта на полюс гибкого контроля.

При тенденции к преобладанию в когнитивном стиле компонентов полюса широкого диапазона эквивалентности, коммуниканты в процессе академического общения в ситуации «даунтайм» имеют возможность при условии достаточно высокого уровня автоматизации когнитивных и коммуникативных паттернов достаточно легко и быстро классифицировать объекты описания как общие или индивидуальные, ориентируясь на их сходство с собственными категориальными основаниями. Например, индивидуальные характеристики в исследуемом нами тексте о специфическом феномене «образ-гештальт» даются в сфере конкретизации образных компонентов как индивидуальных, что соответствует сравнению содержания термина «образ» в отечественной лингвистике, а недифинированный компонент «гештальт» способствует переходу стилевых единиц в стратегические.

...образы формируются именно на фазе понимания, в связи с чем процесс возникновения образа-гештальта осуществляется в поле переводчика и порождает его индивидуально-образный дифференциальный смысл... [10: 57].

Индивидуальная образность, основанная в данном случае на применении особой модели формирования композита для номинирования ключевого понятия, а именно использование «этимологического переразложения» при дефисном написании наряду с варьированием кодовых систем двух компонентов сложного слова (русской и немецкой), соответствует классическому пониманию элитарной языковой личности субъекта академического дискурса. Применение когнитивных стратегий в амфиболических ситуациях в анализируемом нами тексте тяготеет к полюсу высокой толерантности к опыту, основанному на апперцептивном восприятии. Степень принятия «якорных» концептов конкретного дискурсивного продукта, которые формируют общую матрицу алгоритмизированной коммуникации в академическом дискурсе, для мягких паттернов всегда оказывается высокой, вне зависимости от уровня соответствия или даже противоречия индивидуальным представлениям контркоммуникантов. Очевидность появления тех или иных вербализаторов этих концептов также не основывается на простом эффекте праймирования.

Реализация прайма в условиях действия мягких паттернов порождения весьма сомнительна, поскольку сама коррелятивная и контаминационная природа стилевой синергии, формирующей общую траекторию для всех участников коммуникации, диктует нелинейность переходов и толерантность к смене как кодов, так и моделей вербализации «якорных» концептов. Осложненность подобных процессов когнитивно-коммуникативной активности подчеркивается практически в каждом исследовании, посвященном синергетической природе результатов текстоформирования. Так, создание анализируемого нами ментального конструкта «образа-гештальта» *...является динамическим процессом, неоднозначным, нелинейным, имеющим множество векторов развития, что приближает его к синергетическим процессам... [10: 57].*

Данная многовекторность и вариативность стилевых характеристик ведет к выработке инструментов познания, не ориентирующихся на жесткую когнитивную модель или на внедрение какой-то одной приоритетной модели вербализации, но учитывает не только имманентные пресуппозиции для развертывания рефлексивной активности, но и конситуативную детерминанту выявления пропозитивности. Именно по причине несенсорного типа восприятия и эпистемологического распрямления (структурно-функционального понимания) «якорные» концепты, созданные для структурирования конкретного дискурсивного события в академической коммуникации, требуют незакрепленного, а относительно свободного, но в то же время устойчивого в своих узловых точках алгоритма. Устойчивость ключевых позиций взаимодействующих когнитивных стилей подчинена главному коммуникативному принципу – потенциальной распрямляемости всеми участниками коммуникации.

Общепризнанным является не только факт понимания процесса вербализации как деятельности «для других» в аспекте обеспечения трансляции индивидуальных когнитивных решений, но и как деятельности «для себя» как инструментального пространства создания этого решения. Это предполагает, что генеративно-интерпретативные когнитивные процессы представляют собой «совместную деятельность коммуникантов при интерпретации семантики языкового выражения» [16: 56]. Основой для «коллективизации» такой деятельности служит «дискурсивная обусловленность <...> языкового выра-

жения» [16: 56], которая предполагает не только формальное объединение онтологических и мотивационных аспектов взаимодействия, но и обеспечение участников коммуникации векторами восприятия и интерпретации – некими «тропами» (когнитивные стили) и «магистральными путями» (когнитивные стратегии) на всей «территории взаимодействия».

Структуры когниции соотносятся с апперцептивно внедряемыми информационными структурами – микропропозициями дискурса, на основе которых уже выстраивается макропропозиция или «дайджест» общего контента академического дискурса [17]. Ведь субъект дискурсопорождения всегда оперирует теми компонентами и алгоритмами в своей когнитивно-коммуникативной деятельности, которые входят в резонанс с условиями конкретного контекста и конситуации [18: 8]. Каждый раз при следовании собственному когнитивному стилю, без привязки к жестко детерминированным сценариям академического дискурса, увеличивается количество пропозиций на основе в процессе инференции, т.е. интерпретации информации, полученной из горизонтального контекста с привлечением индивидуального «багажа». Равно как и в процессе дальнейшего опредмечивания собственных пропозиций, неэксплицированных в предтексте, – формулировании новых номинаций и аргументировании, создаются импликатуры академического дискурса как ментальные корреляты базовых номенов – «якорей». Выведение импликатур в поверхностных структурах на основе уже принятых алгоритмов позволяет различным когнитивным стилям в их синергетическом взаимодействии сформировать уже не просто стратегический тренд, но целую «технологию» генеративно-интерпретативной деятельности и интегрировать этот алгоритм в сценарии всех участников коммуникации.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного анализа текста коллективной монографии, обладающего контаминированными признаками собственно научного и учебно-научного стиля, а значит, реализующего два вида алгоритмизации академического дискурса – генеративно-интерпретативный и апперцептивно-трансляционный, можно сделать вывод о высокой степени схематичности дискурсивизации научного общения. Несмотря на создание общего пространства деривации и интерпретации смысла, академическая коммуникация характеризуется вариативным применением когнитивных стилей с доминированием правополярных характеристик, представленных как в традиционном перечне когнитивных стилей, так и в шкале Майерса–Бриггса.

Главными критериальными признаками как индивидуального когнитивного стиля, так и единой когнитивной стратегии академического дискурса следует признать аналитизм, полнезависимость, гибкость фокусировки, рефлексивность, детализацию. В качестве основы реализации индивидуально стилевых стратегий когниции и трансляции можно выделить флуктуации на оси вербальность – образность, что позволяет успешно внедрять индивидуальные компоненты в общие «схемы действия» в самом тексте. Образность, функционирующая в научном тексте как полярная характеристика когнитивного стиля, сближается по функциональным потенциям с «интеллектуальной экспрессивностью», не только маркирующей применение собственных гибких моделей, но и косвенно гармонизирующей отдельные когнитивные стили и дающей возможность каждому из участников научной коммуникации последовать за автором в распредмечивании содержания, и если не принять, то понять его точку зрения. Алгоритмы рецепции и интерпретации текстов академического дискурса представляют собой не жестко закрепленную последовательность шагов как некую технологию, но основываются на мягких паттернах.

В результате преодоления гэта в процессе отсроченного создания «якорных» концептов, которые формируют общую матрицу алгоритмизированной коммуникации в академическом дискурсе, продуценты и реципиенты прибегают к так называемой эпистемологической несенсорной метапрограмме в ситуации «даунтайм». Созданные в процессе применения индивидуальных когнитивных стилей коммуникантов «якорные» топики соотносятся с микропропозициями научного дискурса, в результате опредмечивания импликатур в структурах языка когнитивные стили в их синергетическом взаимодействии выстраивают макропропозицию академического дискурса как общую для всех участников научной коммуникации когнитивную траекторию.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Динамические «схемы действия» в порождении многомерного смысла. *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2013; 6(73): 84-88. Доступно по: <http://gsen.sfedu.ru/articles2013/issue6/6-18a.pdf>. Ссылка активна на 11.05.2023.
2. Аликаев Р.С., Бредихин С.Н. «Схемы действия» как маркер дискурсивности научного текста: формальная логика vs. герменевтика. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2015; 2(26): 121-127. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.17>.
3. Suharto, Wahyu W., Agus S., Saleh H. The Ability to Understand Concepts: Cognitive Style, Cognitive Structure, Learning Styles and Learning Motivation. *PENDIPA Journal of Science Education*. 2021; 5(1): 15-22. <http://dx.doi.org/10.33369/pendipa.5.1.15-22>.
4. Дудникова Т.А. Когнитивные стили и совладающее поведение. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2019; 3: 112-117. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-3-112-117>.
5. Ponce-Garcia E., Kennison S.M. Cognitive Style. *The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology*. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2013. <http://dx.doi.org/10.1002/9781118339893.wbecp081>.
6. Stein R., Swan A.B. Evaluating the validity of Myers-Briggs Type Indicator theory: A teaching tool and window into intuitive psychology. *Social and Personality Psychology Compass*. 2019; 13(2): 1-11. <https://doi.org/10.1111/spc3.12434>.
7. Livytska I. An exploration of discursal identity: The rhetoric of narrative writing. *XLinguae*. 2021; 14(2): 157-168. <https://doi.org/10.18355/XL.2021.14.02.12>.
8. Бредихин С.Н., Варганова Л.Р. Способы вербализации когнитивного начала в немецкоязычных текстах патентного права: оригинал vs. Перевод. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2017; 3(52): 51-56. <http://dx.doi.org/10.20916/1812-3228-2017-3-51-56>.
9. Алефиренко Н.Ф. Языковой образ: дискурсивно-модусный креатив. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2022; 8(4): 3-14. <http://dx.doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-1>.
10. Кушникова Л.В., Хайдарова И.Н., Назмутдинова С.С. и др. Введение в синергетику перевода. Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет; 2014. Доступно по: <https://elibr.pstu.ru/docview/1335>. Ссылка активна на 13.05.2023.
11. Shin J., Kim J., Kim M.-S., Son Y. Effects of cognitive appraisal styles and feedback types on feedback acceptance and motivation for challenge. *Educational Psychology*. 2020; 41(7): 1-20. <http://dx.doi.org/10.1080/01443410.2020.1725449>.
12. Геляева А.И., Пугоева А.О. Доминанты когнитивного стиля эгоцентрической языковой личности (на материале статей Александра Проханова в газете «Завтра»). *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2016; 3(23): 71-74. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/dominanty-kognitivnogo-stilya-egotsentricheskoy-yazykovoy-lichnosti-na-materiale-statey-aleksandra-prohanova-v-gazete-zavtra>. Ссылка активна на 13.05.2023.
13. Cassidy S. Learning Styles: An overview of theories, models, and measures. *Educational Psychology*. 2004; 24(4): 419-444. <http://dx.doi.org/10.1080/0144341042000228834>.
14. Плотникова С.Н., Серебренникова Е.Ф. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2013; 1(22): 183-188. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-traektoriya-diskursivizatsii-destinatziya-strategiya-tehnologiya>. Ссылка активна на 16.05.2023.
15. Stanovich K.E., Toplak M.E. Actively Open-Minded Thinking and Its Measurement. *Journal of Intelligence*. 2023; 11(2): 27. <http://dx.doi.org/10.3390/jintelligence11020027>.
16. Манаенко Г.Н. Высказывание как исходный языковой знак: когнитивно-дискурсивное обоснование. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018; 1(54): 56-66. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-1-56-66>.
17. Dijk van T.A., alter Kintsch W. Cognitive Psychology and Discourse: Recalling and Summarizing Stories. *Current Trends in Textlinguistics*. Berlin: Walter de Gruyter, 1978: 61-80. <https://doi.org/10.1515/9783110853759.61>.
18. Buffart H., Jacobs H. A Gestalt Theory Approach to Structure in Language. *Frontiers in Psychology*. 2021; 12: 1-25. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.649384>.

References

1. Bredikhin SN. Dynamic “Schemes of Action” in Generating a Many-sided Sense. *Humane, Social and Economic Sciences*. 2013; 6(73): 84-88. Available at: <http://gsen.sfedu.ru/articles2013/issue6/6-18a.pdf>. Accessed May 11, 2023. (In Russ.).
2. Alikaev RS, Bredikhin SN. “Schemes of Acting” as a Discourse Marker of a Scientific Text: Formal Logics vs. Hermeneutics. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2015; 2(26): 121-127. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.17>. (In Russ.).
3. Suharto, Wahyu W, Agus S, Saleh H. The Ability to Understand Concepts: Cognitive Style, Cognitive Structure, Learning Styles and Learning Motivation. *PENDIPA Journal of Science Education*. 2021; 5(1): 15-22. <http://dx.doi.org/10.33369/pendipa.5.1.15-22>. (In Eng.).
4. Dudnikova TA. Cognitive Styles and Coping Behaviour. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2019; 3: 112-117. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-3-112-117>. (In Russ.).
5. Ponce-Garcia E, Kennison SM. Cognitive Style. *The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology*. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2013. <http://dx.doi.org/10.1002/9781118339893.wbecp081>. (In Eng.).
6. Stein R., Swan A.B. Evaluating the validity of Myers-Briggs Type Indicator theory: A teaching tool and window into intuitive psychology. *Social and Personality Psychology Compass*. 2019; 13(2): 1-11. <https://doi.org/10.1111/spc3.12434>. (In Eng.).
7. Livytska I. An exploration of discursial identity: The rhetoric of narrative writing. *XLinguae*. 2021; 14(2): 157-168. <https://doi.org/10.18355/XL.2021.14.02.12>. (In Eng.).
8. Bredikhin SN, Vartanova LR. Ways of Cognitive Beginnings Verbalization in German Texts of a Patent Right: the Original vs. the Translation. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2017; 3(52): 51-56. <http://dx.doi.org/10.20916/1812-3228-2017-3-51-56>. (In Russ.).
9. Alefirenko NF. Language imagery: discursive and modus creative. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2022; 8(4): 3-14. <http://dx.doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-1>. (In Eng.).
10. Kushnina LV, Khaidarova IN, Nazmutdinova SS. etc. Introduction into the Synergetic of Translation. Perm: Perm State University, 2014. Available at: <https://elib.pstu.ru/docview/1335>. Accessed May 13, 2023. (In Russ.).
11. Shin J, Kim J, Kim M.-S, Son Y. Effects of cognitive appraisal styles and feedback types on feedback acceptance and motivation for challenge. *Educational Psychology*. 2020; 41(7): 1-20. <http://dx.doi.org/10.1080/01443410.2020.1725449>. (In Eng.).
12. Gelyaeva AI, Pugoeva AO. The Dominant Feature of Cognitive Style of Egocentric Linguistic Personality (Based on Articles by Alexander Prokhanov in the Newspaper “Tomorrow”). 2016; 3(23): 71-74. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dominanty-kognitivnogo-stilya-egotsentricheskoy-yazykovoy-lichnosti-na-materiale-statey-aleksandra-prohanova-v-gazete-zavtra>. Accessed May 13, 2023. (In Russ.).
13. Cassidy S. Learning Styles: An overview of theories, models, and measures. *Educational Psychology*. 2004; 24(4): 419-444. <http://dx.doi.org/10.1080/0144341042000228834>. (In Eng.).
14. Plotnikova SN, Serebrennikova EF. The cognitive trajectory of discursivization: destination, strategy, technology. *Vestnik of Irkutsk State Linguistic University*. 2013; 1(22): 183-188. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-traektoriya-diskursivizatsii-destinatsiya-strategiya-tehnologiya>. Accessed May 16, 2023. (In Russ.).
15. Stanovich KE, Toplak ME. Actively Open-Minded Thinking and Its Measurement. *Journal of Intelligence*. 2023; 11(2): 27. <http://dx.doi.org/10.3390/jintelligence11020027>. (In Eng.).
16. Manaenko GN. Utterance as the Initial Linguistic Sign: Cognitive Discursive Rationale. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2018; 1(54): 56-66. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-1-56-66>. (In Russ.).
17. Dijk van TA, alter Kintsch W. Cognitive Psychology and Discourse: Recalling and Summarizing Stories. *Current Trends in Textlinguistics*. Berlin: Walter de Gruyter, 1978: 61-80. <https://doi.org/10.1515/9783110853759.61>. (In Eng.).
18. Buffart H, Jacobs H. A Gestalt Theory Approach to Structure in Language. *Frontiers in Psychology*. 2021; 12: 1-25. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.649384>. (In Eng.).

История статьи:

Получена: 17.07.2023

Принята: 11.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 17.07.2023

Accepted: 11.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторах:

Пугоева Ася Османовна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка, Ингушский государственный университет, Магас, Российская Федерация; *e-mail*: pug.asya@yandex.ru.

Манаенко Геннадий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Гуманитарного института, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация; *e-mail*: manaenko@list.ru.

Bionotes:

Asya O. Pugoeva, PhD (Philology), Teaching Assistant, Ingush State University, Department of the Russian Language, Magas, Russian Federation; *e-mail*: pug.asya@yandex.ru.

Gennadiy N. Manaenko, Prof.Dr.habil. (Philology), North Caucasus Federal University, Institute for the Humanities, Department of the Russian Language, Stavropol, Russian Federation; *e-mail*: manaenko@list.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

НОВЫЕ СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

NEW SEMIOTIC APPROACHES IN LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

Оригинальная статья

УДК: 81'22 + 81'27

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-102-116>

Лингвокультурный код в блазонировании национальной геральдики

*С.Г. Воркачев¹, Е.А. Воркачева²

Кубанский государственный технологический университет;

350072, Российская Федерация, Краснодар, ул. Московская, д. 2;

¹ORCID ID: 0000-0002-6290-2582; ²ORCID ID: 0000-0002-8248-4832;

¹Web of Science Researcher ID: W-4122-2017;

¹Scopus Author ID: 56642838800;

*e-mail: svork@mail.ru

Резюме: Статья посвящена изучению специфики лингвокультурного кодирования национальной геральдики. Целью статьи является установление семантических и лингвокультурных характеристик смыслового образования «код культуры» и выявление функций его единиц – символов в вербальных описаниях национальной геральдики. Актуальность исследования обуславливается необходимостью понимания сущности и лингвокультурных особенностей вербализации символов национальной геральдики. Исследование проведено на материале блазонирования гербов республик бывшего СССР, государств бывших колоний Великобритании, Франции, Испании и Португалии, когда-то имевших общее совместное прошлое и общий язык межнационального общения. Новизна данного исследования заключается в том, что в нем объектом лингвистического описания впервые выступает блазонирование. Устанавливается, что лингвокультурный код от просто кода отличается бессознательностью и непреднамеренностью своего создания; от символа он «унаследовал» свойство парольности: владение этим кодом открывает для его «пользователей» доступ к определенной культуре. Лингвокультурный код определяется в самом общем виде как система образов, отправляющих к вербализованным концептам духовной культуры, это всегда набор символов какой-то определенной этнической либо национальной культуры, которые могут отсылать к различному смысловому содержанию. Исследование показало, что первичным в создании герба выступает словесное описание геральдического изображения – блазон, получаемый в результате блазонирования, состоящего в изъяснении символов, присутствующих на гербах. Автор пришел к выводу, что образное воплощение базовых лингвокультурных концептов национальной идеи в геральдике стран, объединенных общностью языка блазонирования, свидетельствует об использовании единиц самых различных культурных кодов, выделяемых по тематическому признаку. В геральдической символизации власти, суверенитета, единства нации, борьбы за независимость и положительных личностных качеств жителей страны используются единицы предметного, анима-

листоческого, растительного, астрономического, «оружейного» и хроматического культурных кодов. В исследовании используются методы семантического, семиотического и лингвокультурного анализа образов, символизирующих идеи национальной геральдики.

Ключевые слова: код, культурный код, знак, символ, антропологическая лингвистика, лингвокультура, национальная геральдика, герб, блазон, блазонирование.

Для цитирования: Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Лингвокультурный код в блазонировании национальной геральдики: *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 102–116. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-102-116>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-102-116>

Linguistic and Cultural Code in Blazing of National Heraldry

*Sergey G. Vorkachev¹, Elena A. Vorkacheva²

Kuban State Technological University;

2 Moskovskaya Str., Krasnodar, Russian Federation, 350072;

¹ORCID ID: 0000-0001-9141-9867; ²ORCID ID: 0000-0002-8248-4832;

¹Web of Science Researcher ID: L-2817-2017;

¹Scopus Author ID: 57191404821;

*e-mail: svork@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the linguocultural coding of national heraldry specifics. The purpose of the article is to establish the semantic and linguocultural characteristics of the concept “culture code” and to identify the functions of its units – symbols in verbal descriptions of national heraldry. The relevance of the study is determined by the need to understand the essence and lingocultural features of the verbalization of national heraldry symbols. The study was conducted on the material of blazoning of the coats of arms of the former USSR republics, the states of the former colonies of Great Britain, France, Spain and Portugal, which once had a common joint past and a common language of interethnic communication. The novelty of this study lies in the fact that for the first time blazonization is the object of a linguistic description. It is established that a linguocultural code differs from a simple code by the unconsciousness and unintentionality of its creation; it “inherited” the password property from the symbol: possession of this code opens access to a certain culture for its “users”. The linguocultural code is defined in the most general form as a system of images referring to the verbalized concepts of spiritual culture, it is always a set of symbols of a particular ethnic or national culture that can refer to different semantic content. The study showed that the in the creation of the coat of arms the verbal description of the heraldic image is primary – the blazon obtained as a result of blazoning, which consists in explaining the symbols present on the coats of arms. The author came to the conclusion that the figurative embodiment of the basic linguocultural concepts of the national idea in the heraldry of countries united by the common language of blazonization indicates the use of units of the most diverse cultural codes, distinguished by thematic feature. In the heraldic symbolization of power, sovereignty, unity of the nation, the struggle for independence and the positive personal qualities of the inhabitants of the country, units of subject, animalistic, plant, astronomical, “weaponry” and chromatic cultural codes are used. The study uses methods of semantic, semiotic and linguocultural analysis of images symbolizing the ideas of national heraldry.

Keywords: code, cultural code, sign, symbol, anthropological linguistics, linguistic culture, national heraldry, coat of arms, blazon, blazonization.

For citation: Vorkachev SG, Vorkacheva EA. Linguistic and Cultural Code in Blazing of National Heraldry. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 102–116. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-102-116> (In Russ.).

Введение

«Лингвокультурный код» (он же «код культуры») на сегодняшний день вполне актуальное понятие и весьма задействованный термин семиотики и антропологической лингвистики. «Лингвокультурный код» в логическом плане представляет собой смысловое расширение понятия «код» путем обогащения последнего новыми семантическими признаками и сужения области применения, поэтому прежде чем устанавливать какие-либо значимые свойства кода культурного, неплохо рассмотреть семантическое наполнение и лексическую эволюцию исходного смысла – слова «код» tout court.

Слово «код» было заимствовано в русский язык из французского в начале 20-го века¹, за столетие оно здесь полностью «натурализовалось» – в том числе обросло образными ассоциациями («Лоб потный, лысина, *штрих-код глубоких морщин* и рот-линия могли бы спокойно поменяться местами» – В. Кузнецов, НКРЯ) и по своему частотному рангу в речевом употреблении единиц русского лексикона заняло где-то срединное место². Его появление изначально было обусловлено поисками адекватного термина для развивающейся теории коммуникации и новых технологий связи, «второе дыхание» активному речевому употреблению лексемы «код», несомненно, дали информатика, компьютеризация и сегодняшняя «цифровизация» – распространение различных электронных бытовых «гаджетов» и приспособлений. Из области естественных и технических наук это слово «выплеснулось» в дискурс беллетристики, публицистики и бытовой речи, где оно утратило свою терминологическую определенность – его точный смысл размылся, оно стало «модным» и в какой-то степени «профанировалось». Возникло множество его сочетаний с самыми различными атрибутивными, генетивными и дефисными расширениями: *генетический, фенотипический, (нейро)психологический, правовой, цифровой, программный, условный, вредоносный, мистический, миметический, этический, эстетический, евангельский, звуковой, штриховой, наркотический, смысловой, социальный, личный, культурный коды; коды доступа, мышления, поведения, вселенной, судьбы, эпохи, Апокалипсиса, Моисея, да Винчи, Данте Алигьери, Библии, майя; дресс-, пин-, VIN-, QR-, спагетти-коды; код-шпион, промокод* и т.д. Появились даже такие производные от этого слова, как «кодировать» и «кодирование» – медицинские термины, обозначающие наукообразные методы суггестивной терапии для избавления от табачной, алкогольной и наркотической зависимости.

«Код» и «кодекс» в русском языке – этимологические дублиеты, поскольку французское заимствование *code* само производно от латинского *codex* «ствол, пень», «книга», «навощенная дощечка для письма», давшая в результате метонимического переноса значение написанного на ней текста³. Словарная статья «код» присутствует в словаре синонимов З.Е. Александровой со ссылкой «см. шифр»⁴, шифр отождествляется в первую очередь с тем же кодом, а затем с тайнописью, куда можно бы еще добавить устаревшее «тарабарский язык». В электронном словаре синонимов В.Н. Тришина в статье «код» приводятся уже 5 смысловых эквивалентов лексемы «код» – *адрес, шифр, штрих-код, радиокod, руткод*⁵, однако три последних лексических единицы этого ряда вряд ли являются собственно синонимами: это, скорее, гипонимы – имена разновидностей кода. Присутствие в синонимическом ряду лексемы *адрес* также представляется достаточно сомнительным, поскольку код – это главным образом часть адреса. В сводном же списке синонимов слова «код» по данным интернет-источников оказывается более двух десятков лексических единиц: *шифр, язык, менталитет, программа, алгоритм, принцип (способ) организации, ключ, пароль, норма, правило, команда, артикул, номенклатура, номер, индекс, позывные, адрес, аккаунт, форма записи, сборник условных сокращений, последовательность расположения материальных носителей наследственности (генов), комбинация, смысл*.

¹ Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2000. С. 137. Shansky NM, Bobrova TA. School etymological dictionary of the Russian language. The origin of words. M.: Bustard, 2000, p. 137.

² Шаров С.А. Частотный словарь русского языка. Доступно по: <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php>. Ссылка активна на 25.06.2023. Sharov SA. Frequency dictionary of the Russian language. Available at: <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php>. Accessed June 25, 2023.

³ Valpy FEJ. Etymological dictionary of the Latin language. L.: Valpy, 1828, p. 88.

⁴ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: ок. 9000 синонимических рядов. М.: Русский язык, 1986. С. 195. Alexandrova ZE. Russian Russian Dictionary of Synonyms: approx. 9000 synonymic series. Moscow: Russkiy yazyk, 1986, p. 195.

⁵ Тришин В.Н. Словарь синонимов. Доступно по: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-202-33.htm#zag-115500>. Ссылка активна на 25.06.2023. Trishin VN. Dictionary of synonyms. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-202-33.htm#zag-115500>. Accessed June 25, 2023.

В большинстве объяснительных словарей русского языка «код» и его ближайший синоним «шифр» получают практически одинаковое толкование: код – «система, список условных обозначений»⁶, «система условных знаков»⁷; шифр – «система (условных) знаков»⁸. Это толкование по существу совпадает с наиболее общим определением языка как «определенного класса знаковых систем»⁹. Признаком, отличающим код от шифра, выступает секретность последнего: шифр – «система знаков для *секретного* письма»¹⁰ «*секретное*, условное сочетание цифр или букв»¹¹. Соответственно, где есть секрет, там должен быть и *ключ* к нему: шифр – «система условных знаков для секретного письма, читаемого с помощью *ключа*»¹²; В то же самое время в лексикографии фиксируются случаи полной синонимизации кода и шифра, однако не за счет нейтрализации признака секретности последнего, а, скорее, напротив, за счет «контаминации» секретностью кода: код – «*секретное*, условное сочетание цифр или букв, дающее право доступа куда-либо или к чему-либо; *шифр, пароль*»¹³ Также можно отметить, что семиотической характеристикой и кода, и шифра по данным толковых словарей является конвенциональность как противоположность мотивированности: это почти всегда «система *условных* обозначений», «система *условных* знаков» или «список *условных* сокращений». В словарях советского периода встречается также толкование шифра как «условной азбуки для секретного письма»¹⁴, где шифр, очевидно, понимается не как система знаков, а как раз как система «не-знаков» – по Л. Ельмслеву фигур плана выражения, не обладающих планом содержания.

Помимо толковых лексикографических изданий «код» в первую очередь, конечно, представлен во множестве специальных, терминологических словарей и энциклопедий, содержащих определения терминов математики, логики, программирования, информатики, естествознания, геологии, медицины,

⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. С. 246; Ozhegov SI, Shvedova NYu. Russian Russian Dictionary Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: Azbukovnik, 1998, p. 246; Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2001. Т. 1. С. 682; Efremova TF. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formation: in 2. vol. M.: Russian language, 2001, vol. 1, p. 682; Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. С. 436. Kuznetsov SA. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: Norint, 1998, p. 436.

⁷ Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 2. С. 67. Russian Russian Dictionary: in 4 volumes. M.: Russian language, 1981-1984, vol. 2, p. 67.

⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. С. 280; Ozhegov SI, Shvedova NYu. Russian Russian Dictionary Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: Azbukovnik, 1998, p. 280; Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2001. Т. 2. С. 1016; Efremova TF. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formation: in 2. vol. M.: Russian language, 2001, vol. 2, p. 1016; Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. С. 1499; Kuznetsov SA. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: Norint, 1998, p. 1499; Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 4. С. 719. Russian Russian Dictionary: in 4 volumes. M.: Russian language, 1981-1984. Vol. 4, p. 719.

⁹ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 604; Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990, p. 604.

¹⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. С. 280; Ozhegov SI, Shvedova NYu. Russian Russian Dictionary Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: Azbukovnik, 1998, p. 280; Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2001. Т. 2. С. 1016; Efremova TF. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formation: in 2. vol. M.: Russian language, 2001, vol. 2, p. 1016; Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 4. С. 719. Russian Russian Dictionary: in 4 volumes. M.: Russian language, 1981-1984, vol. 4, p. 719.

¹¹ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. С. 1499. Kuznetsov SA. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: Norint, 1998, p. 1499.

¹² Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 4. С. 719. Russian Russian Dictionary: in 4 volumes. M.: Russian language, 1981-1984. Vol. 4, p. 719.

¹³ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. С. 436. Kuznetsov SA. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: Norint, 1998, p. 436.

¹⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. С. 829; Ozhegov SI. Dictionary of the Russian Language. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1953, p. 829; Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель-АСТ, 2000. Т. 4. С. 1347; Ushakov DN. Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. M.: Astrel-AST, 2000, vol. 4, p. 1347.

криминалистики, военного дела, истории, экономики, бизнеса, бухгалтерского дела, психологии, социологии, лингвистики, литературоведения, культурологии и пр. Присутствие понятия «код» в терминосистемах самых различных областей знания свидетельствует, как представляется, о его «зонтиковом» характере, присущем также и понятию «концепт»: оба они относятся к числу «понятий с расплывчатыми границами» [1: 113], дисциплинарные варианты которых объединены чертами «семейного сходства» [1: 111].

Наиболее распространенным терминологическим пониманием кода является его семантическое представление в форме совокупности знаков и системы правил представления заключенной в них информации¹⁵. Проще говоря, код – это система, вернее, две системы знаков и правила (алгоритм, программа) материального преобразования планов выражения составляющих их знаков при неизменности плана содержания последних, когда, например, при переводе с одного языка на другой кодом будет язык перевода вкупе с адекватными переводческими соответствиями. И если для кода эти правила могут находиться в «открытом доступе», то для шифра они, как правило, секретны и выступают в качестве ключа.

Цель статьи

Цель статьи – установление семантических и лингвокультурных характеристик смыслового образования «код культуры» и выявление функций его единиц – символов в вербальных описаниях национальной геральдики стран, объединенных общностью языка блазонирования: республик бывшего СССР, государств бывших колоний Великобритании, Франции, Испании и Португалии.

Обзор литературы

«Лингвокультурный код» на сегодняшний день – это еще одно «модное слово» в российской науке о языке, фигурирующее в изрядном количестве лингвистических работ. Изучаются его семиотические характеристики и культурно-языковые функции, этнокультурная специфика [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], формулируются его определения [9; 10], изучаются конкретные разновидности культурных кодов [11; 12; 13; 14; 15; 16], представляется их типология [17] и изучается роль культурных кодов в межкультурной коммуникации [18]. Тем не менее, коммуникативная роль и культурно-языковые функции лингвокультурного кода и его базовых единиц в блазонировании национальной геральдики какого-либо отражения в российской лингвистике на данный момент еще, насколько известно, не получили.

Методы исследования

Основными методами исследования в работе выступают компонентный анализ лексических единиц-номинантов геральдических символов, дефиниционный анализ определений базовых терминов, концептуальный анализ представлений о культурном коде, семантический, семиотический и лингвокультурологический анализ образов, символизирующих идеи национальной геральдики.

Результаты и дискуссия

Культурный код

Культурный код или код культуры – одна из многочисленных разновидностей знаковых систем, служащих для преобразования информации, пожалуй, не менее «популярен» в дискурсном употреблении, чем код генетический.

Если, как считается [9: 101], термин «код» в лингвистике впервые использовал Роман Якобсон в своей схеме функций языка [19: 198], то термин «культурный код» в российской гуманитарной науке появился в трудах по семиотике культуры [17: 668]. В немалой степени, очевидно, способствовали популярности этого словосочетания рассуждения В. В. Путина о «едином культурном коде»¹⁶ жителей России, а также возникновение отечественного ответвления антропологической лингвистики – лингвокультурологии, где «культурный код» в результате вербализации вполне ожидаемо стал «лингвокультурным» [10: 57].

В российской гуманитарной науке последних двух десятилетий тематике (лингво)культурного ко-

¹⁵ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000; Belkin RS. Criminalistic Encyclopedia. Moscow: Megatron XXI, 2000; Савченко В.Н., Смагин В.П. Начала современного естествознания. Тезаурус. Ростов н/Д.: Феникс, 2006; Savchenko VN, Smagin VP. The beginnings of modern natural science. Thesaurus. Rostov n/A: Phoenix, 2006; Культурология: словарь-справочник / Н.В. Шишова и др. Ростов-н/Д.: Феникс, 2009; Culturology: dictionary-reference / NV Shishova et al. Rostov-n/A: Phoenix, 2009.

¹⁶ Путин В.В. Россия: национальный вопрос. Независимая газета, 23.01.2012. Доступно по: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html. Ссылка активна на 24.07.2022. Putin VV. Russia: a national question. Nezavisimaya Gazeta, 23.01.2012. Available by: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html. The link is active on 07/24/2022.

дирования посвящено множество статей, опубликовано несколько монографий и учебных пособий [3; 11; 14; 16; 12; 15], где обсуждались проблемы природы культурного кода, вырабатывались его определение и принципы классификации культурных кодов, а также описывались их разновидности. Однако нужно заметить, на сегодняшний день ни единства мнений относительно сущности культурного кода, ни его точного и однозначного определения, ни последовательной и непротиворечивой классификации его разновидностей так и не появилось, о чем говорят и сами его исследователи [9: 101]. Между тем трудности в определении термина «культурный код» выглядят вполне объяснимыми: с одной стороны, это многозначность и неопределенность понятия «код», которое может ограничиваться как системой знаков, так и способом преобразования информации, с другой, – множественность пониманий культуры [20: 13].

Так, выстраиваются такие основные концепции (лингво)культурного кода, как:

1. Культурный код определяется как система символов: «Под лингвокультурным кодом мы рассматриваем систему символов, объединенных тематической общностью, имеющих единую образную основу» [18: 188];

2. Под культурным кодом понимается совокупность лингвокультурных концептов: «...Концептосфера (система концептов лингвокультуры) представляется как лингвокультурный код» [5: 492];

3. Культурный код отождествляется с совокупностью знаний о мире и человеке: «...Культурный код – это и конгломерат систем знаний о народе, данном языке и правилах пользования им» [21: 118];

4. Под культурным кодом понимается картина мира или её организующее начало: «Культурный код – это совокупность ... представлений о картине мира того или иного социума» [22: 21]; «...Макросхема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством» [16: 16];

5. Под культурным кодом понимается совокупность взглядов на мир: «Культурный код можно считать основой ментальности конкретной человеческой общности»¹⁷;

6. Культурный код отождествляется с культурой как надбиологической программой деятельности: «Культурные коды – упорядоченное множество взаимосвязанных предписаний, ограничений, стандартов и установок по отношению к различным видам деятельности» [2: 34].

7. Культурный код уподобляется когнитивной схеме восприятия мира: «Код культуры может быть определен как "сетка", которую культура "набрасывает" на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [4: 5].

Культурный код отнюдь не гомогенное семантическое образование, он отмечен многогранностью свойств и разнокачественностью образующих его субкодов [10: 59], которые выделяются на основании нескольких классификационных признаков. Разновидности культурного кода могут выделяться по признакам национально-этнической ментальности и историческому типу носителей культуры [9: 102], по признаку формы и способа явленности плана выражения кодирующих единиц [23: 23] и пр. Поскольку планом выражения кодирующего символа может служить образ любого чувственно воспринимаемого объекта [15: 15], то наиболее распространенным и детально разработанным принципом классификации культурных субкодов, список которых остается открытым, выступает предметно-тематический [4: 6; 13: 202], когда выделяются пространственный, временной, предметный, числовой, космогонический, соматический, ландшафтный, зооморфный, фитоморфный, архитектурный, гастрономический, цветовой, аксиональный и пр.

Культурный код, как, впрочем, и любой код, – это система символов. План выражения символа как семиотического образования в обязательном порядке является образом какого-то чувственно воспринимаемого предмета – представлением, и в этом смысле символом выступает любой знак: цифра и буква – это тоже символы, поскольку здесь изображение отправляет к количеству и звуку – категориям достаточно абстрактным. Культурным символ делает не столько образность, сколько культурная значимость его плана содержания [17: 240], превращающая знак в собственно символ, когда, например, цифра три отправляет к Божественной троице, а геометрическая фигура крест – к жертвенной смерти Христа. Другим свойством, присущим большинству культурных символов, выступает мотивированность связи между их планами выражения и содержания, обусловленной подобием, смежностью, функцией или

¹⁷ Екатеринбург Н.Г. Культурный код народа и проблемы глобализации. Культура. Коммуникация. Дискурс: актуальные вопросы полиязычного пространства. Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2022. С. 7. Ekaterinicheva NG. Cultural code of the people and the problems of globalisation. Culture. Communication. Discourse: topical issues of polylingual space. Volgograd: Volgograd GAU, 2022, p. 7.

как-то иначе [24: 6; 25: 70].

Считается¹⁸, что культурный код по отношению к естественному языку представляет собой одну из вторичных знаковых систем, что в настоящее время совершенно верно. Однако исторически, возможно, дело обстояло как раз наоборот, поскольку символический язык, скорее всего, предшествовал языку вербальному¹⁹. Символообразование самым непосредственным образом связано с метафорой: при метафоризации абстрактных категорий уподобляется не семантика основного и вспомогательного субъектов в целом, а только их отдельные признаки, лежащие в основе подобного уподобления. Так, перенос имени «осел» на человека не делает последнего животным, а всего лишь приписывает человеку дефицит интеллекта, перенос имени «ишак» – приписывает ему свойство трудолюбия. Кстати, в турецком языке глупым оказывается как раз тюркский этимон русского ишака – *eşek*, от которого образуется оценочное имя *eşeklik* – глупость: *Sevgisiz yaşamak eşekliktir derim* – «Жить без любви, аскетом, / Равно быть просто *ослом*» (Омар Хайям). Как представляется, в становлении символики культурного кода движение идет от абстрактных категорий к образам, когда культурные концепты, в которых гипостазирован какой-либо признак, находят то или иное образное представление, это признак воплощающее, можно сказать, перекодируются.

Культурный код от просто кода, как представляется, отличается такой специфической чертой, как принципиальная анонимность – отсутствие автора-создателя: он творится людьми, но, как и любой социофакт, творится бессознательно и непреднамеренно.

От «этимологической памяти» символа, под которым у древних греков подразумевался любой знак, имеющий тайное значение для определенной группы лиц – круга посвященных²⁰, культурный код «унаследовал» свойство парольности: владение этим кодом подразумевает «причастность» к определенной культуре и открывает для его «пользователей» доступ к ней.

Самое общее, «рабочее» определение культурного кода, как представляется, может выглядеть следующим образом: культурный код – это система образов, отправляющих к вербализованным концептам духовной культуры. И, как можно видеть, это определение в значительной мере совпадает с возможным определением языка культуры.

Символизация в национальной геральдике

Культурный код – это всегда набор символов какой-то определенной этнической либо национальной культуры, и поэтому образная составляющая этих знаков может в разных культурах отсылать к различному смысловому содержанию, о чем, например, свидетельствуют контексты употребления имени «символ» в НКРЯ²¹: «Символами могут стать и обозначения цвета: например, зеленое в США – безопасность, а во Франции – преступление, белый цвет у китайцев – символ траура, печали, а у европейцев эти функции выполняет черный цвет» (Е. Сергеева); «Басе *Жаба*, *лягушка* – зверь, который является *символом просветления* в дзен и одновременно *символом невежества* в российском просторечье» (Д. Шарко); «Например, *собака* у русских ассоциируется (наряду с отрицательным) с *верностью* и *преданностью*; у киргизов *собака* – *бранное слово*, приблизительно равное русскому “свинья”. Русское “свинья” является *символом грязи, неблагодарности и невоспитанности*; для англичан *pig* означает *обжору*, во вьетнамской же картине мира *свинья* – *символ глупости*» (Е. Сергеева).

О лингвокультурной специфике национального культурного кода, помимо выбора для символизации имен конкретных образов, свидетельствует также частотность последних в речевом употреблении. Так, опять же по данным НКРЯ [26: 46-120], наиболее частотным культурным кодом в области национальной символики оказывается предметный, состоящий из единиц, план выражения которых представлен, образами «вещных» объектов. В нем доминируют образы артефактов, за которыми идут образы натурфактов и материализованных геометрических фигур. Вторым по частоте культурным кодом здесь

¹⁸ Толстой Н.И., Толстая С.М. О Словаре «Славянские древности». Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения. М., 1995. Т. 1: А-Г. С. 9. Tolstoy NI, Tolstaya SM. About the Dictionary of Slavonic Antiquities. Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary: in 5 vol. M.: International Relations. M., 1995, vol. 1: A-G, p. 9.

¹⁹ Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Гранд: ФАИР-Пресс, 1999. С. 5. Tresidder J. Dictionary of Symbols. Moscow: Grand: FAIR-Press, 1999, p. 5.

²⁰ Брокгауз Ф., Ефрон И. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. С. 555. Brockhaus F, Efron I. Illustrated Encyclopaedic Dictionary. Moscow: Eksmo, 2007, p. 555.

²¹ Национальный корпус русского языка. Доступно по: www.ruscorpora.ru. Ссылка активна на 25.06.23. National Corpus of the Russian Language. Available from: www.ruscorpora.ru. Link active as of 25.06.23.

оказывается биоморфный, сформированный из двух разновидностей: зооморфного и фитоморфного. Замыкает тройку культурных кодов антропоморфный код с подразядами конкретных и обобщённых лиц, персонажей художественных произведений и мифологических образов.

В триаде государственных символов – гимн, герб и флаг, воплощающих социально-политическую модель общества, герб представляет собой своего рода «графическую формулу социума» (О. Сулейменов), в которой отражается идея нации [27: 134]. Государственная геральдика – это, безусловно, одно из средств социальной организации этноса, в которой выражается историческое самосознание нации, и она, конечно, является составной частью национального культурного кода.

Основа любого герба – геральдический щит, на поверхности которого размещаются символические образы – фигуры: геральдические (деления щита, кресты и пр.) и негеральдические – изображения натурфактов, артефактов и фантастических существ. Нужно заметить, что сам герб в целом – это, строго говоря, вовсе не символ, а эмблема как идентифицирующее изображение конкретного объекта²², поскольку определяющей функцией государственного герба выступает опознавательная-различительная, удостоверительная, функция обозначения конкретной страны, а все прочие его функции вторичны. Кстати, в некоторых европейских языках государственный герб называется эмблемой: *emblème national* (фр.); *national emblem* (англ.). Эмблематичными могут быть также и фигуры гербового поля в том случае, когда они прямо указывают на предметы, изобилующие в стране герба: стебель риса – на рисоводство, колос пшеницы – на основную зерновую культуру страны и пр. Изображение функционирует как культурный символ лишь при условии, что оно отправляет к какой-либо культурно значимой абстракции.

Геральдика – это, в первую очередь, практика создания геральдических знаков, однако определяющим в создании герба выступает не изображение, а словесное описание этого изображения – блазон (от французского *blason* – родовой герб), получаемый в результате блазонирования, состоящего в толковании гербов и в изъяснение присутствующих на них символов²³. Блазон включается в состав правового акта, учреждающего герб, и является единственным эталоном герба, в пределах соответствия геральдическому описанию допускаются любые художественные интерпретации графического изображения герба.

Для того чтобы показать роль культурных кодов, выделяемых на основе предметно-тематического принципа, представляется плодотворным взглянуть на их функционирование в национальной геральдике стран, объединённых общностью (сейчас или в прошлом) языка блазонирования своих гербов: в англо-, франко- и португальскоязычной национальной геральдике и в национальной геральдике постсоветских республик [26: 132-233]: рассмотреть образное представление базовых лингвокультурных концептов национальной идеи. Семантическая структура нации (государства в русском языковом сознании) отражается в структуре гражданской родины, где выделяются три смысловых блока: власть как возможность национальных элит править, подвластная территория и народ, населяющий эту территорию – объект управления, а также семантические признаки, относящиеся к стране герба в целом [27: 135]. Тогда в число ключевых концептов символической реализации этой идеи войдут власть (государство), свобода (независимость, суверенитет), единство, моральные императивы защиты своей страны, автостереотипы личностных свойств народа страны и идеалы нации.

Символ как единица культурного кода, как, впрочем, и любой культурный символ, многозначен, причем его значения иногда могут противоречить друг другу.

Власть. В геральдической символизации власти используются преимущественно единицы предметного и анималистического культурных кодов. В качестве символов предметного кода выступают образы регалий как монархической, так и республиканской власти: корона (*crowns, couronne, corona*), которая на гербе Люксембурга повторяется пять раз, меч (*sword, espada, épée*), шлем (*helmet*), мантия (*mantling*), скипетр (*sceptre*), держава), консульские/ликторские фации (*fascis consulares, faisceaux de licteur; fascis consulares*). На гербе Ганы помимо меча – символа власти вождя можно видеть «жезл лингвиста» (*lin-*

²² Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Международные отношения, 2001. С. 11. Pokhlebkina V.V. Dictionary of international symbols and emblematics. Moscow: International Relations, 2001, p. 11.

²³ Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Международные отношения, 2001. С. 45-50. Pokhlebkina V.V. Dictionary of international symbols and emblematics. Moscow: International Relations, 2001, p. 45-50.

guist staff) – разновидность скипетра, символизирующего должность главного советника правителя: The *linguist staff* was created to serve as an insignia of office for an okyeame, a high-ranking advisor to an Asante ruler. It is a symbol for the traditional authority of Ghana. Анималистический код монархической власти, естественно, представлен образами «царственных» животных и птиц: льва (lion) и орла (eagle, aigle, águila), присутствующих даже на гербах государств, позиционирующих себя республиками: «Герб представлен двуглавым орлом (Россия); «Герб Армении состоит из орла и льва». К геральдическим символам власти, в принципе, принадлежит и образ сказочного животного грифона – полульва-полуорла: «Герб Латвии представляет собой щит испанской геральдической формы, ... поддерживаемый двумя щитодержателями: львом и грифоном».

Ключевой концепт национальной идеи – *суверенитет* (независимость), вербализуемый в блазонировании национальной геральдики словом «свобода» (freedom, liberté, libertad, liberdade), воплощается с помощью единиц анималистического, астрономического, предметного и хроматического культурных кодов. Символами свободы здесь выступают образы птиц – кондора/орла (águila, cóndor) на гербах Боливии, Колумбии, Эквадора, Панамы, Чили и Мексики (El Cóndor simboliza la libertad – Колумбия); Sobre el escudo hay un águila harpía, símbolo de soberanía – Панама), белого кречета (ак-шумкар) на гербе Киргизии, птицы кетцаль (quetzal) на гербе Перу (Sirve como símbolo de libertad, independencia y autonomía de la nación). Свободу воплощает образ льва на оборотной стороне герба Парагвая (En el centro un león en la base del símbolo de la libertad), образ коня на гербе Уругвая (un caballo suelto como símbolo de libertad). На гербах шести латиноамериканских республик (Аргентины, Сальвадора, Кубы, Никарагуа, Боливии и Колумбии) символом свободы выступает изображение фригийского колпака (gorro frigio), унаследованного от Великой французской революции (El gorro proclama la libertad: este es el mismo gorro que representa la Revolución Francesa “Vive la liberté!” la precursora del acto independentista de muchos países – Сальвадор), а на гербе Кабо-Верде свободу воплощает изображение факела (archote) (O archote simboliza a liberdade conquistada após muitos anos de luta). Свободу символизирует дневное светило на гербе Гондураса (Simboliza la libertad) и Малави (The rising sun, representing the dawn of freedom in Africa); её же символизирует белый цвет на гербе Латвии («Белая полоса в центре – воплощение свободы» – Латвия).

Единство (unity, unidad, unité, unidade, unión) – еще один ключевой концепт национальной идеи, словесно выраженный в девизе на аверсе Большой печати (Great Seal) США (E(x) pluribus unum – «Из многих – единое») и в девизе на гербе Грузии («Сила в единстве»). Этот концепт символизируется, главным образом, с помощью единиц растительного культурного кода, когда единство нации уподобляется способности к сопротивлению силе множества соединенных по отдельности «слабых» предметов: пучок колосьев злака (manojo de mieses) на гербе Венесуэлы, сноп пшеницы (haz de trigo) на гербе Боливии, сноп пшеницы (bushel of wheat) на гербе Новой Зеландии, пучок прутьев на гербе Кубы (haz de varas indica la unidad de los cubanos). Единство символизирует пучок из 13 стрел в лапе у орла на лицевой стороне Большой печати США и колчан стрел на гербе Гондураса. Единицы культурного хроматокода передают единство на гербах Сьерра-Леоне и Кении, где его символизирует белый цвет (the white represents unity). На гербе Папуа-Новой Гвинеи единство символизируется анималистическим кодом – Райской Птицей (the Bird of Paradise representing the unification under one), на гербе Кабо-Верде – геометрическим кодом – треугольником (o triângulo equilátero simboliza unidade).

С идеей нации самым непосредственным образом связаны императивы борьбы за независимость своей страны и защиты суверенитета государства, символизируемые в национальной геральдике, прежде всего, конечно, предметным, «оружейным кодом»: дубинка (club) на гербах Лесото и ЮАР, копье, мачете на гербе Анголы, винтовка на гербах Боливии и Гватемалы, а также автомат Калашникова на гербе Мозамбика – все это оружие для защиты свободы и независимости своей страны (Spears symbolize ... defence of freedom; the willingness of the Ugandan people to defend their country; Les lances symbolisent la détermination des fils du Burkina Faso à défendre leur patrie; Uma machete, representando a revolução pela qual Angola obteve a independência). В символизации защиты суверенитета активно участвует культурный хроматод: красный цвет (червлен) – цвет крови воплощает мужество борцов за независимость страны (A segunda parte é vermelha e simboliza a coragem e o sangue dos portugueses mortos em combate – Португалия; Red: Struggle for freedom – Кения; Simboliza la sangre derramada por los héroes en las luchas de independencia – Колумбия, Доминикана, Венесуэла), синий/голубой (лазурь) символизирует героизм и самопожертвование в борьбе за свободу (Un cielo en tono azul pálido que simboliza la gloria, el heroísmo

у el sacrificio por la libertad – Никарагуа). Из единиц анималистического культурного кода борьбу за свободу на гербах Конго, Кении и Того воплощает опять же образ самой крупной кошки – льва (Les deux jeunes lions représentent le courage du peuple togolais, la vigilance du peuple togolais dans la garde de son indépendance – Того), а на гербе ЮАР защиту страны от врагов символизирует птица-секретарь (secretary bird symbolising protection of the nation against its enemies). И, наконец, на гербах Венесуэлы, Доминики, Коста-Рики, Парагвая, Эквадора символом жертвенной борьбы за свободу выступает пальма (simboliza el martirio de quienes nos dieron la libertad), а на гербе Аргентины победу в борьбе за независимость символизирует лавр (Los laureles representan la victoria y triunfo en el logro de la independencia).

В национальной геральдике образно кодируются автостереотипы народа страны герба, в которых отражаются его духовные и физические качества – какие мы, с одной стороны, идеалы, к каким этот народ должен стремиться – какими мы хотим быть, с другой, и общие ценности людей, населяющих страну герба.

Отвага и мужество жителей страны герба символизируются с помощью единиц зоо- и хромокодов: на гербе Парагвая это лев (El león representa la valentía del pueblo), на гербе Габона – леопард и пантера (Les animaux qui soutiennent le bouclier central sont deux panthers et symbolisent le courage), на гербе Казахстана – конь («Образ коня с незапамятных времен олицетворяет храбрость»). Храбрость на гербе Киргизии символизируется синим цветом, этот же цвет символизирует также щедрость («Светлый оттенок синего цвета символизирует храбрость и щедрость»).

Также с помощью зоо- и хромокодов символизируются верность: на гербе Казахстана это конь («Образ коня с незапамятных времен олицетворяет верность»), на гербе Аргентины – голубой цвет (azul celeste, que representa la lealtad).

Трудолюбие (the will to work, hard work and steadfastness) жителей страны геральдически символизируется единицами предметного и анималистического кодов: на гербе Кении это топор (axe), на гербе Индии – бык (bull).

Такие положительные личностные качества, как доброта, благородство, щедрость, великодушие и чистота помыслов, кодируются преимущественно хроматически: белый/серебристый цвет на гербе Аргентины выступает символом благородства (color plata (blanco), símbolo de pureza, hidalguía) на гербе Казахстана «цвет золота ... служит символом великодушия». Используется здесь и анималистический код: на гербе Буркина-Фасо благородство народа страны символизирует образ коня (Les deux étalons symbolisent la noblesse du peuple burkinabé).

Сила и мощь нации (power, strength, poderío) символизируются исключительно при помощи единиц анималистического кода: образов льва (Индия, Гренада), орла (Нигерии, Боливии, Колумбии, Эквадора, Панамы, Чили и Мексики), слона (ЮАР) и коня (Казахстан).

Идеал мира символизируется в национальной геральдике единицами анималистического, цветового, предметного и астрономического кодов. На гербах Тонга и Фиджи его воплощает голубь (The dove ... symbolizes peace), на гербе Боливии – олива (El Olivo simboliza la paz). Мир обозначается голубым цветом на гербах Казахстана и Доминиканы, на гербах Гондураса, Никарагуа и Сальвадора его символизирует радуга (arcoíris), на гербе Казахстана – шанырак, а на гербе Туркменистана – восьмиугольная звезда.

Величие и гордость на гербе Эквадора воплощает кондор (En la parte superior del Escudo, se yergue el cóndor andino, con sus alas abiertas, simbolizando el poderío, la grandeza y la altivez), колесо закона на гербе Индии (the Wheel of the Law – Dharma Chakra) символизирует честь (Honesty).

Идеал справедливости и равенства перед законом символизируется единицами геометрического, предметного и цветового кодов: пирамидой на гербе Гондураса (Una pirámide, formando un triángulo equilátero, que simboliza la igualdad de todos los hondureños ante la ley), треугольником на гербах Никарагуа и Сальвадора (El triángulo indica que todos somos iguales ante la ley – Сальвадор), весами на гербе Уругвая (Una balanza como símbolo de la igualdad y la justicia). Справедливость воплощает белый цвет на гербах Кот-д'Ивуар и Сьерра-Леоне и золотой цвет на гербе Казахстана.

Победу добра над злом на гербе Мексики символизирует орел, поедающий змею: La serpiente, por su lado, representa al mal, a la oscuridad, al enemigo de la nación mexicana. Es dominada por el águila. De ahí que su aparición haya sido señal de buen augurio: es el lugar donde el bien triunfa sobre el mal.

Социальный оптимизм и вера в лучшее будущее символически воплощаются единицами хромокода на гербе Казахстана («Золотой цвет представляет свет и светлое будущее казахского народа»), анима-

лирического кода на гербе Ганы (the African fish *eagle* represents the conquest of freedom and nation's *hope for the future*), астрономического кода (soleil naissant, soleil levant) на гербах Кот-д'Ивуар, Мали, Нигера и ЦАР, а на гербе Габона надежду на светлое будущее символизирует парусник (La nef représente le Gabon qui part en direction d'un avenir meilleur).

Идея прогресса на гербе Австралии воплощена единицами анималистического кода – образами кенгуру и эму, поскольку, как считается, эти животные не могут двигаться назад (they were chosen to symbolise a nation moving forward, based on the fact that neither animal can move backwards easily – i. e. symbolising progress). Как символ прогресса и развития можно истолковать недостроенную пирамиду на обратной стороне Большой печати США, а на гербе Панамы прогресс символизирует колесо Фортуны (la rueda alada – emblema del progreso).

Надежда на гербе Кот-д'Ивуар символизируется зеленым цветом (le Vert, l'espérance), на гербе Гондураса её символизирует солнце; истина на гербе Аргентины символизируется голубым цветом (*Azul celeste ... representa la verdad*), красота на гербе ЮАР воплощается образом королевской протеи (king protea) (The protea is an emblem of the beauty of our land).

Заключение

Понятие «код» носит «зонтиковый» характер: оно относится к числу семантических единиц с расплывчатыми границами, дисциплинарные варианты которых объединены чертами «семейного сходства». Наиболее распространенным терминологическим пониманием кода является его семантическое представление в виде совокупности знаков и системы правил преобразования заключенной в них информации.

Культурный код от просто кода отличается такой специфической чертой, как отсутствие автора-создателя: он творится людьми, но творится бессознательно и непреднамеренно. От «этимологической памяти» своей базовой единицы – символа культурный код «унаследовал» свойство паролности: владение этим кодом открывает для его «пользователей» доступ к определенной культуре. Самое общее определение культурного кода выглядит следующим образом: культурный код – это система образов, отправляющих к вербализованным концептам духовной культуры. Культурный код – это всегда набор символов какой-то определенной этнической либо национальной культуры, и поэтому образная составляющая этих знаков может в разных культурах отсылать к различному смысловому содержанию.

Первичным в создании герба выступает не изображение, а словесное описание этого изображения – блазон, получаемый в результате блазонирования, состоящего в толковании гербов и в изъяснении присутствующих на них символов. Образное воплощение базовых лингвокультурных концептов национальной идеи, таких, как власть, свобода, единство, защита своей страны, личностные свойства народа, идеалы и ценности нации в геральдике стран, объединенных общностью языка блазонирования, свидетельствует о том, что здесь используются единицы самых различных культурных кодов, выделяемых по тематическому признаку.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования. Философские работы. Часть 1. М.: Гнозис; 1994: 77-319. Доступно по: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/analiticheskaja_filosofija/vitgenshtejn_1_filosofskie_raboty_chast_1/28-1-0-2107. Ссылка активна на 25.06.2023.
2. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике. *В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии*. 2015; 4(47): 28-37. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-ponimanie-suschnosti-funktsionalnaya-rol-v-kulturnoy-praktike>. Ссылка активна на 25.06.2023.
3. Бразговская Е.Е. Семиотика: языки и коды культуры. М.: Юрайт; 2019. Доступно по: <https://urait.ru/book/semiotika-yazyki-i-kody-kultury-516611>. Ссылка активна на 25.06.2023.
4. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). *Язык, сознание, коммуникация*. 2001; 19: 5-19. Доступно по: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_19_01krasnych.pdf. Ссылка активна на 25.06.2023.
5. Папшева А.В. Применение категории «код» в лингвокультурологии. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2010; 3(2): 492-494. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kategorii-kod-v-lingvokulturologii>. Ссылка активна на 25.06.2023.
6. Савицкий В.М. Понятие «код» в современной парадигме знания. *Поволжский педагогический*

вестник. 2019; 4(25): 140-146. Доступно по: https://elibrary.ru/download/elibrary_42556721_39926431.pdf. Ссылка активна на 25.06.2023.

7. Савицкий В.М. Этноспецифика культурных кодов. *Этническая культура*. 2020; 3(4): 40-44. <https://doi.org/10.31483/r-86172>.

8. Савицкий В.М. Единый подход к языку и культуре на основе применения понятия «код». *Поволжский педагогический вестник*. 2021; 3(32): 75-83. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinyu-podhod-k-yazyku-i-kulture-na-osnove-primeneniya-ponyatiya-kod>. Ссылка активна на 25.06.2023.

9. Розенкова Х.Е., Шустова С.В. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации. *Евразийский гуманитарный журнал*. 2017; 2: 101-104. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-kod-opredelenie-problema-klassifikatsii-rol-v-mezhkulturnoy-kommunikatsii>. Ссылка активна на 25.06.2023.

10. Савицкий В.М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия. *Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика*. 2016; 2: 55-62. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2016-2-55-62>

11. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис; 2007. Доступно по: https://books.google.ru/books/about/Телесный_код_русской.html?id=3HQBAAIAAJ&redir_esc=y. Ссылка активна на 25.06.2023.

12. Розенкова Х.Е., Шустова С.В. Анималистический код английской культуры в лингводидактическом аспекте. Пермь: ПИЭФ; 2018. Доступно по: https://lingua.amursu.ru/upload/lingua/2018/2/thal_2018_2_08_079_090.pdf. Ссылка активна на 25.06.2023.

13. Дормидонтова О.А. Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах). *Вестник ТГУ*. 2009; 9(77): 201-205. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-i-ih-uchastie-v-sozdanii-yazykovoy-kartiny-mira-na-primere-gastronomicheskogo-koda-v-russkoy-i-frantsuzskoy-lingvokulturah/viewer>. Ссылка активна на 25.06.2023.

14. Завгороднева М.П., Шустова С.В. Природно-ландшафтный код немецкой культуры: лингвокультурологический и лингводидактический аспекты. Пермь: ПГНИУ; 2019. Доступно по: <https://elis.psu.ru/node/603287>. Ссылка активна на 25.06.2023.

15. Савицкий В.М., Гашимов Е.А. Лингвокультурный код (состав и функционирование). М.: МГПУ; 2005. Доступно по: https://www.studmed.ru/savickiy-v-m-gashimov-e-a-lingvokulturnyy-kod-sostav-i-funkcionirovanie-_f3373207cc2.html. Ссылка активна на 25.06.2023.

16. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта-Наука. 2016. Доступно по: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=576706>. Ссылка активна на 25.06.2023.

17. Лотман Ю.М. Индивидуальный творческий путь и типология культурных кодов. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПБ. 2000: 668-669. Доступно по: https://edu.vsu.ru/pluginfile.php?file=%2F193961%2Fmod_resource%2Fcontent%2F1%2FЛотман%20Ю.М.%20Культура%20и%20взрыв.pdf. Ссылка активна на 25.06.2023.

18. Ефименко Т.Н. Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной коммуникации. *Известия вузов. Сер. «Гуманитарные науки»*. 2012; 3(3): 188-191. Доступно по: https://www.isuct.ru/e-publ/gum/sites/ru.e-publ.gum/files/2012/t03n03/humscience_2012_t03n03_188.pdf. Ссылка активна на 25.06.2023.

19. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика. Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс; 1975: 193-228. Доступно по: https://imwerden.de/pdf/strukturalizm_za_i_protiv_1975__ocr.pdf. Ссылка активна на 25.06.2023.

20. Важинский Н.П. К вопросу об определении термина «культура». *Аналитика культурологии*. 2010; 16: 13-21. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-termina-kultura>. Ссылка активна на 25.06.2023.

21. Шаховский В.И. Литературный интекст как ключ к культурной памяти российского социума (на материале публикаций А. Минина). *Политическая лингвистика*. 2008; 2(25): 115-125. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-intekst-kak-klyuch-k-kulturnoy-pamyati-rossiyskogo-sotsiuma-na-materiale-publikatsiy-a-minkina>. Ссылка активна на 25.06.2023.

22. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в системе культуры. Фразеология в контексте культуры. М.: Школа «Языки

русской культуре»; 1999: 13-24. Доступно по: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(717\)blok%20Frazеologiya-1999.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(717)blok%20Frazеologiya-1999.pdf). Ссылка активна на 25.06.2023.

23. Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. Доступно по: <https://inslav.ru/publication/tolstoy-n-i-yazyk-i-narodnaya-kultura-ocherki-po-slavyanskoj-mifologii-i-etnolingvistike>. Ссылка активна на 25.06.2023.

24. Воркачев С.Г. Семиотика символа по данным российского научного дискурса. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2021; 3: 3-14. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1>.

25. Савицкий В.М. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в составе общения. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 2019; 1-4: 68-77. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-4-68-77>.

26. Воркачев С.Г. В чаше символов: образ в языке и культуре: М.: Флинта, 2023. Доступно по: <https://www.litres.ru/book/sergey-vorkachev/v-chasche-simvolov-obraz-v-yazyke-i-kulture-69240604/>. Ссылка активна на 25.06.2023.

27. Воркачев С.Г. Вербализация символа: бланзонирование в государственной геральдике постсоветских республик. *Жанры речи*. 2022; 2(34): 133-139. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-133-139>.

References

1. Wittgenstein L. Philosophical research. *Philosophical works*. Part 1. М.: Gnosis; 1994: 77-319. (In Russ.). Available at: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/analiticheskaja_filosofija/vitgenshtejn_1_filosofskie_raboty_chast_i/28-1-0-2107. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).

2. Avanesova GA, Kuptsova IA. Cultural codes: understanding the essence, functional role in cultural practice. In the world of science and art: issues of philology, art criticism and cultural studies. 2015; 4(47): 28-37. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-ponimanie-suschnosti-funktsionalnaya-rol-v-kulturnoy-praktike>. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).

3. Brazgovskaya EE. Semiotics: languages and codes of culture. Moscow: Yurait; 2019. Available at: <https://urait.ru/book/semiotika-yazyki-i-kody-kultury-516611>. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).

4. Krasnykh VV. Codes and standards of culture (an invitation to talk). Language, consciousness, communication. 2001; 19:5-19. Available at: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_19_01krasnych.pdf. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).

5. Papsheva AV. Application of the category “code” in cultural linguistics. Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2010; 3(2): 492-494. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-kategorii-kod-v-lingvokulturologii>. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).

6. Savitsky VM. The concept of “code” in the modern paradigm of knowledge. Volga Pedagogical Bulletin. 2019; 4(25): 140-146. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_42556721_39926431.pdf. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).

7. Savitsky VM. Ethnospecificity of cultural codes. ethnic culture. 2020; 3(4): 40-44. <https://doi.org/10.31483/r-86172>. (In Russ.).

8. Savitsky VM. A unified approach to language and culture based on the use of the concept of “code”. Volga Pedagogical Bulletin. 2021; 3(32): 75-83. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinyy-podhod-k-yazyku-i-kulture-na-osnove-primeneniya-ponyatiya-kod>. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).

9. Rozenkova KhE, Shustova SV. Linguocultural code: definition, problem of classification, role in intercultural communication. Eurasian humanitarian journal. 2017; 2:101-104. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-kod-opredeleniye-problema-klassifikatsii-rol-v-mezhkulturnoy-kommunikatsii>. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).

10. Savitsky VM. Linguistic and cultural codes: to the justification of the concept. Vestnik MGOU. Ser. Linguistics. 2016; 2:55-62. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2016-2-55-62>. (In Russ.).

11. Gudkov DB, Kovshova ML. The corporal code of Russian culture: materials for the dictionary. М.: Gnosis; 2007. Available at: https://books.google.ru/books/about/Телесный_код_русской.html?id=3HQb-AQAAlAAJ&redir_esc=y. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).

12. Rozenkova KhE, Shustova SV. Animalistic code of English culture in linguodidactic aspect. Perm: PIEF; 2018. Available at: https://lingua.amursu.ru/upload/lingua/2018/2/thal_2018_2_08_079_090.pdf. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).

13. Dormidontova OA. Culture codes and their participation in the creation of a linguistic picture of the world (on the example of a gastronomic code in Russian and French linguistic cultures). *Bulletin of TSU*. 2009; 9(77): 201-205. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-i-ih-uchastie-v-sozdanii-yazykovoy-kartiny-mira-na-primere-gastronomicheskogo-koda-v-russkoy-i-frantsuzskoy-lingvokulturah/viewer>. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).
14. Zavgorodneva MP, Shustova SV. Natural landscape code of German culture: linguoculturological and linguodidactic aspects. Perm: PSNIU; 2019. Available at: <https://elis.psu.ru/node/603287>. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).
15. Savitsky VM, Gashimov EA. Linguocultural code (composition and functioning). Moscow: MGPU; 2005. Available at: https://www.studmed.ru/savickiy-v-m-gashimov-e-a-lingvokulturnyy-kod-sostav-i-funkcionirovanie-_f3373207cc2.html. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).
16. Maslova VA, Pimenova MV. Linguistic culture codes. Moscow: Flinta-Nauka. 2016. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=576706>. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).
17. Lotman YuM. Individual creative way and typology of cultural codes. *Semiosphere*. SPb.: Art-SPB. 2000: 668-669. Available at: https://edu.vsu.ru/pluginfile.php?file=%2F193961%2Fmod_resource%2Fcontent%2F1%2FЛотман%20Ю.М.%20Культура%20и%20взрыв.pdf. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).
18. Efimenko TN. Interaction of linguocultural codes in the process of intercultural communication. *Izvestiya vuzov. Ser. "Humanitarian sciences"*. 2012; 3(3): 188-191. Available at: https://www.isuct.ru/e-publ/gum/sites/ru.e-publ.gum/files/2012/t03n03/humscience_2012_t03n03_188.pdf. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).
19. Jakobson RO. Linguistics and poetics. *Structuralism: "for" and "against"*. M.: Progress; 1975: 193-228. Available at: https://imwerden.de/pdf/strukturalizm_za_i_protiv_1975__ocr.pdf. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).
20. Vazhinsky NP. To the question of the definition of the term "culture". *Analytics of cultural studies*. 2010; 16:13-21. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-termina-kultura>. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).
21. Shakhovskiy VI. Literary intext as a key to the cultural memory of the Russian society (based on the publications of A. Minin). *Political linguistics*. 2008; 2(25): 115-125. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-intekst-kak-klyuch-k-kulturnoy-pamyati-rossiyskogo-sotsiuma-na-materiale-publikatsiy-a-minkina>. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).
22. Teliya VN. Primary tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of the language in the system of culture. *Phraseology in the context of culture*. M.: School "Languages of Russian culture"; 1999: 13-24. Available at: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(717\)blok%20Frazeologiya-1999.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(717)blok%20Frazeologiya-1999.pdf). Accessed June 25, 2023. (In Russ.).
23. Tolstoy NI. Language and folk culture: essays on Slavic mythology and ethnolinguistics. Moscow: Indrik, 1995. Available at: <https://inslav.ru/publication/tolstoy-n-i-yazyk-i-narodnaya-kultura-ocherki-poslavyanskoy-mifologii-i-etnolingvistike>. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).
24. Vorkachev SG. Semiotics of a symbol according to Russian scientific discourse. *scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics*. 2021; 3:3-14. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1>. (In Russ.).
25. Savitsky VM. Cultural codes: essence, composition and functioning as part of communication. *Discourse of professional communication*. 2019; 1-4: 68-77. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-4-68-77>. (In Russ.).
26. Vorkachev SG. In the thicket of symbols: image in language and culture: M.: Flinta, 2023. Available at: <https://www.litres.ru/book/sergey-vorkachev/v-chasche-simvolov-obraz-v-yazyke-i-kulture-69240604/>. Accessed June 25, 2023. (In Russ.).
27. Vorkachev SG. Verbalization of the symbol: blazonization in the state heraldry of the post-Soviet republics. *genres of speech*. 2022; 2(34): 133-139. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-133-139> (In Russ.).

История статьи:

Получена: 18.07.2023

Принята: 08.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 18.07.2023

Accepted: 08.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторах:

Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Российская Федерация; *e-mail*: svork@mail.ru; *e-mail*: vorkachevsergei@yandex.ru.

Воркачева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Российская Федерация; *e-mail*: velena_1957@mail.ru.

Bionotes:

Sergey G. Vorkachev, Prof.Dr.habil.(Philology), Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation; *e-mail*: svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru.

Elena A. Vorkacheva, PhD (Philology, Associate Professor, of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation; *e-mail*: velena_1957@mail.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Оригинальная статья

УДК: 811.161.1

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-117-132>**Визуальные средства современной ономастики
(на материале эргонимов г. Москвы)****Н.В. Матюшина**

Московский городской педагогический университет;
105064, Российская Федерация, Москва, Малый Казенный переулок, 5Б;
ORCID ID: 0000-0002-6982-5305;
Web of Science Researcher ID: GZG-5025-2022;
e-mail: nwl2002@mail.ru

Резюме: Данная статья представляет фрагмент исследования в русле современного лингвистического направления – ономастики, и посвящена изучению эргонимов, созданных с использованием различных приемов визуализации. В качестве материала избран языковой ландшафт города, поскольку он в полной мере отражает тенденции развития языка. В задачи исследования входило проанализировать эргонимы современного мегаполиса, в составе которых присутствует визуализация. На оживленных улицах г. Москвы методом сплошной выборки было собрано 2700 эргонимов, из которых были выделены те, которые созданы с применением приемов визуализации, таких как пиктограмма, яркий шрифт, супраграфемика, капитализация, синтаксическая игра, кодографизация, параграфемные знаки, цифры. Кроме того, в ходе работы выяснено, какие номинации коммерческих предприятий с визуализацией наиболее привлекательны для жителей города, какие вызывают положительное, нейтральное или отрицательное отношение. Для этого было проведено анкетирование 90 жителей столицы из разных возрастных групп. Результаты, полученные в ходе опроса, были проанализированы с применением элементов статистического анализа.

Удалось установить, что больше всего положительных оценок заслуживают эргонимы, созданные с использованием пиктограмм, они же являются наиболее запоминающимися. С позитивными эмоциями связаны яркие вывески, причем более предпочтительны написанные желтым цветом.

Положительных откликов о лаконичных вывесках у молодежи значительно больше, чем у респондентов старшего возраста. Информанты пенсионного возраста негативно оценивают эргонимы с кодографизацией. На основе полученных данных возможно сформулировать рекомендации авторам вывесок с названиями коммерческих предприятий, нацеленных на разные возрастные группы потребителей. Кроме того, результаты работы имеют потенциал использования в практике преподавания различных теоретических и практических дисциплин, таких как социолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, основы теории межкультурной коммуникации, практикумы профессионального общения и межкультурного общения и др.

Ключевые слова: эргоним, опрос, пиктограмма, супраграфемика, капитализация, синтаксическая игра, кодографизация.

Для цитирования: Матюшина Н.В. Визуальные средства современной ономастики (на материале эргонимов г. Москвы). *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 117–132. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-117-132>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-117-132>

**Visual Means of Modern Onomastics
(on the Material of Moscow Ergonyms)**

Nataliya V. Matyushina

Moscow City University;

5B Maly Kazenny Lane, Moscow, Russian Federation, 105064;

ORCID ID: 0000-0002-6982-5305;

Web of Science Researcher ID: GZG-5025-2022;

e-mail: nwl2002@mail.ru

Abstract: The paper presents a fragment of a research in the framework of up-to-date linguistic branch – onomastics, and deals with ergonyms based on visualization of different type. Linguistic landscape forms the material for the research as it reflects the developing language. The aim of the investigation was to analyze visualization-based ergonyms. The first stage of the research was to collect ergonyms on busy streets of central Moscow using continuous sampling method. 2700 units were found and sorted out according to the visualization means, such as pictograms, bright font, supraphemic, capitalization, syntactic game, codographisation, paragraphemic signs, numerals. Besides it was found out what commercial enterprises' nominations are mostly attractive to the citizens and which of them evoke positive, neutral or negative attitude. To meet the goal 90 respondents from various age groups were surveyed. The results obtained were systemized with the help of statistical analysis' elements. It was stated that the most positive estimations were given to ergonyms with pictograms, the same units were claimed to be the most attractive. Bright signboards especially in yellow colour gained more positive remarks. Young people prefer laconic signboards more than the seniors do. Respondents of elder age tend to estimate ergonyms with codographisation rather negatively. Results obtained can be the base for signboards' authors' recommendations aimed at different age groups of potential consumers. Moreover, the data has some potential to be used in teaching several theoretical and practical disciplines, such as sociolinguistics, cognitive linguistics, linguaculturology, fundamentals of cross-cultural communication, professional and cross-cultural communication practicums, etc.

Keywords: ergonym, survey, pictogram, supraphemic, capitalization, syntactic game, codographisation.

For citation: Matyushina N.V. Visual Means of Modern Onomastics (on the Material of Moscow Ergonyms). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 117–132. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-117-132> (In Russ.).

Введение

Современные ученые все чаще обращаются к изучению лингвистических явлений, связанных с внешними по отношению к языкознанию факторами. Так, В. Анзо, П. Барбери и Дж. Скандурра отмечают, что их обращение к вопросам урбанистики обусловлено кризисом в городах США [1: 178]. Сходным образом политический конфликт в Израиле послужил почвой для начала ономастического анализа Л. ван Мензеля, М. Вандербрука и Р. Блэквуда [2: 425] и др. Ожидаемое увеличение количества туристов в связи с проведением в г. Москве конкурса «Евровидение» в 2009 г., Зимних Олимпийских игр в г. Сочи в 2014 г. и Чемпионата мира по футболу в разных городах России в 2018 г. вызвало большое количество лингвистических работ, связанных с переводом и транслитерацией городских топонимов [ср. 3; 4; 5]. Таким образом, можно заключить, что современная лингвистика повернула свой ракурс в сторону аспектов, связанных с нелингвистическими феноменами.

Современный языковой ландшафт города представляет все больший интерес для актуальных лингвистических исследований. Ученые разных стран подчеркивают отражение ландшафтом города двух четко выраженных трендов, связанных с экономикой и политикой [6]. Иными словами, городская номинация обусловлена двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, урбанистика со вре-

менем начала рассматриваться как властный ресурс [7], используемый как средство идеологического воздействия [8], способное нести определенные *политические* установки. Как представляется, в перспективе тенденция использования знаний из области урбанистики в политических целях будет укрепляться. С другой стороны, поскольку все больше видов деятельности человека имеют материальную значимость, наименования создаются с учетом *коммерциализации* [9]. Отметим, что законы продвижения текста различных жанров также подвергаются разностороннему анализу [ср. 10; 11].

С одной стороны, органы государственной власти, администрации городов диктуют требования к названиям, оформлению и т. п., с другой – коммерческие предприятия создают имена своим компаниям, руководствуясь финансовыми интересами [2: 434].

А. Павленко полагает, что «мультинациональные корпорации нацелены на создание интернационально узнаваемого образа (глобальные названия), местные коммерческие предприятия вынуждены считаться с городской политикой, частные предприниматели могут делать выбор, опираясь на свою лингвистическую компетенцию, а также компетенцию потенциального адресата» [цит. по 2: 436] (*Перевод мой.* – Н. М.).

Цель статьи

В задачи настоящего исследования входил, во-первых, анализ средств визуализации, которые можно встретить на вывесках улиц современного мегаполиса. Вторая задача состояла в выявлении эмоций жителей города разных возрастных групп, вызываемых визуальными средствами, примененными при создании эргонимов.

Обзор литературы

Лингвисты едины во мнении о том, что язык городской номинации представляет собой сложный и в высшей степени динамичный объект [8: 52]. Описание лингвистического ландшафта, выступающего в качестве предмета многочисленных современных исследований, представляет собой объединение лингвистического анализа с нелингвистическим целеполаганием. А. В. Кирилина выделяет несколько следствий из повышенного интереса к изучению городской языковой среды, в том числе объединение ученых-лингвистов с представителями других научных дисциплин, исследующими тот же объект. Кроме того, исследования нацелены на получение нелингвистического знания, при этом лингвистика используется в качестве «набора методов для получения данных не о языке, а о процессах, происходящих в обществе и отдельных группах» [8: 50].

Современные ученые обратились к исследованию одновременно как текста, так и изображений [1]. В.Е. Чернявская рассматривает типографику, а именно «оформление текста средствами набора, шрифта, шрифтовой композиции», как особый семиотический ресурс [9: 57]. Автор подчеркивает, что типографика является системой знаков, которая создает «дополнительные коннотации: современности или, наоборот, ретроспективности сообщения» [9: 59]. Многие авторы изучают различные средства визуализации, используемые в эргонимах. Например, Т. Х.Ч. Хоанг и Г. Н. Старикова отмечают, что владельцы бизнес заведений часто обращаются к параграфемным средствам, включающим разнообразные шрифты, цветовую гамму букв и фона, изменение плоскости вывески, включение рисунков в формат букв [12: 133].

В. Е. Замальдинов, описывая особенности графиксатов-эргонимов Нижегородского региона, отмечает, что подобные эргонимы выполняют помимо информативной функции также аттрактивную, декоративную и эстетическую [13]. И. М. Петрова и Л. Г. Викулова, проанализировав справочник организаций г. Москвы, отобрали впоследствии 50 эргонимов, отражающих случаи реализации иконичности [14]. Авторы установили, что наиболее частотны случаи употребления семантической метафоры, в то время как схематическая иконичность встречается гораздо реже [14: 40]. Примером схематической иконичности, реализованной на синтаксическом уровне, могут служить названия *Бобры и Утки* и т. п. [14: 41]. Авторы приходят к выводу, что «наименования гастрономической и маркетинговой среды современного города <...> представляют собой знаки, построенные на основе разных типов иконичности» [14: 41].

Отметим, что типографика в качестве предмета лингвистических исследований получила распространение сравнительно недавно, однако, по всей вероятности, имеет большое будущее в XXI веке.

Материал и методы исследования

В настоящей работе рассматриваются эргонимы г. Москвы, при создании которых применены различные визуальные средства. В ходе исследования методом сплошной выборки в центральной части города в радиусе около 5 км от Московского Кремля были найдены вывески с названиями различных

коммерческих предприятий столицы, также были отобраны слоганы в витринах заведений и на панель-кронштейнах, сопровождающих вывески. Общее количество найденных единиц составило 2700 вывесок и слоганов. Далее из полученного перечня эргонимов были отобраны те, при образовании которых использовались различные визуальные средства. Отобранные названия и слоганы были расклассифицированы по группам согласно примененным при их создании приемам.

Следующим шагом настоящего исследования стал опрос респондентов с целью выявления, во-первых, используемых в эргонимах визуальных средств, наиболее привлекающих внимание москвичей, во-вторых, типов эргонимов, вызывающих положительные эмоции. В ходе опроса участникам была предложена анкета с фотографиями различных эргонимов и заданы два вопроса: (1) Привлекает ли Ваше внимание данная вывеска? Если да, то чем? (2) Какие эмоции вызывает у Вас данная вывеска (положительные / нейтральные / отрицательные)? При желании респонденты могли оставить свои комментарии. Информантами выступили жители г. Москвы в количестве 90 человек, принадлежащие к разным возрастным группам: 23 человека в возрасте от 19 до 24 лет, 23 участника эксперимента в возрасте от 25 до 45 лет, 22 информанта в возрасте от 46 до 65 лет и 22 респондента в возрасте от 66 лет до 81 года. Данные о количестве ответов (да / нет и положительные / нейтральные / отрицательные эмоции), представленные в настоящей работе, получены путем расчета среднего количества оценок эргонимов, созданных с применением каждого типа визуальных средств, данных респондентами. Кроме того, для удобства восприятия проанализированные ответы представлены также в процентном соотношении от общего числа оценок. Предлагается анализ как общей картины, т.е. по результатам откликов всех информантов, так и отдельно по каждой возрастной категории информантов.

Результаты и дискуссия

Анализ отобранных эргонимов позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, визуальные средства применяются при создании половины московских вывесок с названиями и слоганами коммерческих предприятий.

Во-вторых, диапазон приемов визуализации городской номинации довольно велик. Среди отобранных эргонимов встречаются следующие визуальные средства.

Супраграфемика [15: 91] или параграфемика [16: 36], т.е. особенности шрифтового выделения, игра с размерами шрифтов и их стилями. Так, например, на рис. 1 представлено название ресторана, при создании которого использованы, во-первых, сочетание двух языков: русского и итальянского, и, во-вторых, фразы написаны разным шрифтом и цветом, при этом русское предложение, несущее основную информацию, имеет более четкие очертания.

Рисунок 1. Пример эргонима с использованием супраграфемики
Picture 1. Example of an ergonym with supragraphic

Для привлечения внимания авторы номинации часто делают акцент на шрифте, например, на рис. 2 представлена вывеска, где название ресторана «Гирос веселый грек» стилизовано под начертания греческого алфавита, что вызывает ассоциации с греческой кухней, на которой специализируется заведение, а также морем, отпуском, безмятежностью, что, в свою очередь, заставляет проходящего мимо вспомнить или помечтать о своем отпуске, навевая приятные воспоминания или мечты.

Рисунок 2. Пример эргонима с использованием акцента на шрифте
 Picture 2. Example of an ergonym with a font focus

На рис. 3 изображено название сетевого кафе «Брусника», отличающегося, по мнению владельцев, стильным интерьером и широким ассортиментом, что и символизируют красные буквы, написанные нарочито небрежно, но вполне узнаваемо.

Рисунок 3. Пример эргонима с использованием оригинального шрифта
 Picture 3. Example of an ergonym with an original font

Кроме того, дополнительным средством экспрессии в названиях коммерческих предприятий мегаполиса может выступать выделение частей названия разными цветами. Эргоним на рис. 4 создан с опорой на несколько приемов. Для привлечения внимания в вывеске заведения использованы яркие буквы без засечек, написанные разными цветами (красным и желтым).

Кроме того, авторы прибегли к языковой игре, основанной на созвучии квазиантропонима (вымышленной итальянской фамилии) и русского существительного 'кальян'. Разные цвета, примененные в вывеске, призваны подчеркнуть наличие данной языковой игры.

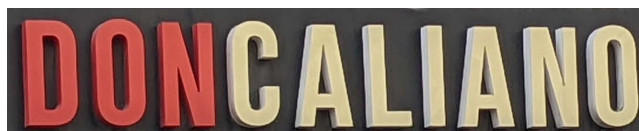

Рисунок 4. Пример эргонима с использованием цветовой игры
 Picture 4. Example of an ergonym with different colours

Довольно частотен прием использования «разнообразных символов из научно-технической, культурной, социальной областей» [15: 91] – пиктографемика. При этом на улицах г. Москвы можно выделить два вида пиктограмм. Во-первых, пиктограммы, «лишь очертаниями напоминающие букву» [15: 92], или иконические графемы [17]. В названии, представленном на рис. 5, использована пиктограмма, изображающая рюмку, очертаниями напоминающая букву «Ю». На рис. 6 продемонстрировано название, начинающееся с пиктограммы, представляющей собой скрещенные вилку и нож, что по форме схоже с буквой «Х». Еще один пример пиктограммы в названии фитнес клуба (рис. 7), которая символизирует гантель и по форме схожа с английской буквой «Н».

Рисунок 5. Пример эргонима с пиктограммой, напоминающей букву «Ю»
 Picture 5. Example of an ergonym with Ю-like pictogram

Рисунок 6. Пример эргонима с пиктограммой, напоминающей букву «X»
 Picture 6. Example of an ergonym with X-like pictogram

Рис. 7. Пример эргонима с пиктограммой, напоминающей букву «H»
 Picture 7. Example of an ergonym with H-like pictogram

На рис. 8 в названии ресторана «Гусси» использованы изображения двух гусей, по форме напоминающих латинскую букву S, что представляет собой также опору на дополнительный прием графогибридации, поскольку в эргониме присутствуют элементы другого языка.

Рис. 8. Пример эргонима с пиктограммами, напоминающей букву «S»
 Picture 8. Example of an ergonym with S-like pictograms

Во-вторых, пиктограмма может быть создана с использованием небуквенных средств [см. 18]. В названии кафе на рис. 9 использована языковая игра, основанная на сходстве английского глагола 'cook' - 'готовить' и начала звукоподражательного слова, обозначающего крик петуха. Для привлечения внимания к языковой игре в название добавлен синтаксический знак - апостроф. Кроме того, вывеска дополнена пиктограммой, сочетающей в себе два изображения: сковороду с яичницей, акцентирующую специализацию заведения на приготовлении завтраков, и голову петуха, связывающую пиктограмму с названием кафе.

Рис. 9. Пример эргонима с небуквенной пиктограммой
 Picture 9. Example of an ergonym with a picture

В числе возможных осложнений онимизации может быть использована кодографизация, т. е. привлечение параграфемных знаков типа #. По мнению В.А. Крыжановской, «компьютеризация общества приводит к увеличению спроса на использование интернет-символов в повседневной жизни», наиболее популярным из которых стал хэш-символ, преобразующий название в хэш-тег [19: 180-181]. Случаи инетографизации, т. е. стилизации под интернет-дискурс с опорой на реалии, связанные с информационными технологиями (напр., *ru, exe*), отмечают и другие авторы [20; 21].

Пример эргонима на рис. 10 сочетает в себе несколько стилистических приемов и приемов визуализации. Помимо аллюзии на прецедентное имя американской культуры (популярного актера Б. Питта), игры слов, основанной на сходстве русского существительного 'бред' и английского имени Брэд, а также русского глагола 'пить' и фамилии актера, графогибридизации: использования латинской литеры D среди остальных кириллических букв, в эргониме наличествует символ '#', являющийся примером кодографизации. Отметим, что данная вывеска выполнена в ярко-желтом цвете с круглосуточной подсветкой, что, согласно многочисленным комментариям респондентов, привлекает внимание.

Рис. 10. Пример эргонима с кодографизацией
 Picture 10. Example of an ergonym with a codographisation

Еще одним примером визуальных средств в составе эргонима является синтаксическая игра, которая может выражаться при помощи заимствованного английского типографического знака & [см. также 20]. Отметим, что, по мнению Т. В. Шмелевой, амперсанд является параграфемным проявлением ксенокода в русском языке [22: 54]. Название ресторана на рис. 11 написано яркими красными и легко читаемыми буквами с использованием синтаксического знака амперсанд. Кроме того, авторы вывески дополнили название неким слоганом с подчеркнутым внутри него элементом.

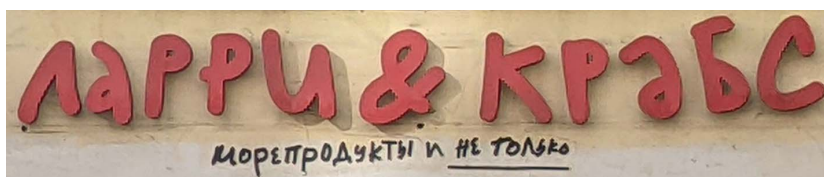

Рис. 11. Пример эргонима с использованием амперсанда
 Picture 11. Example of an ergonym with an ampersand

В названиях предприятий города встречаются также цифры, обозначающие количественные числительные. М.А. Кронгауз отмечает, что «в русском языке стала очень популярной особая конструкция, включающая в себя число, которое следует читать именно как количественное» [23: 162]. Стоит отметить, что среди отобранных вывесок названия и слоганы, в которых присутствуют цифры, составили лишь 1% от общего числа (27 единиц). По-видимому, популярность количественных числительных стала уменьшаться. В названии стоматологической клиники на рис. 12 использовано количественное числительное 32, означающее число зубов у взросло-го здорового человека, таким образом авторы эргонима сообщают о профиле клиники.

Рис. 12. Пример эргонима с использованием цифр
Picture 12. Example of an ergonym with a numeral

Для привлечения внимания к вывеске, а также для создания языковой игры путем выделения части слова авторы эргонимов обращаются к капитализации. Данный факт отмечается в ряде работ по ономастике [15; 24]. На рис. 13 представлен пример капитализации, а именно использования заглавной буквы 'Б' в середине эргонима. Кроме того, данный эргоним имеет в своем составе суффиксоид -берри, который создает языковую игру на морфологическом уровне, объединив русский глагол 'брать' в повелительном наклонении и английское существительное 'berry' – 'ягода'. Также в вывеске присутствует пиктограмма, изображающая голову быка.

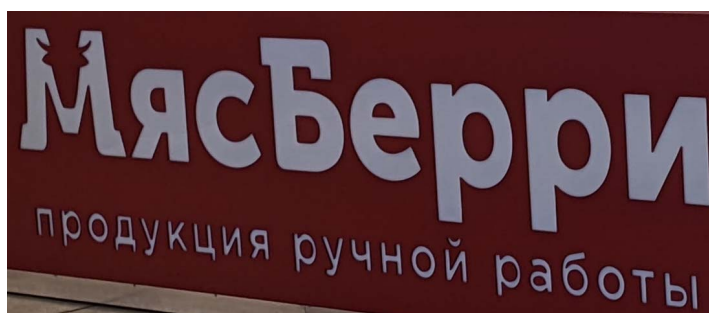

Рис. 13. Пример эргонима с капитализацией
Picture 13. Example of an ergonym with capital letters inside the word

Остановимся подробнее на распространенности перечисленных средств визуализации при создании эргонимов г. Москвы. Наиболее часто создатели вывесок прибегают к контрастным и ярким надписям, различным картинкам и супраграфемике в номинации (см. таблицу 1).

Таблица 1. Использование визуализации в создании эргонимов г. Москвы
Table 1. Visualisation in ergonyms of the city of Moscow

Способы визуализации	Количество собранных эргонимов	Процентное соотношение собранных эргонимов от общего числа
контраст	972	36 %
пиктограмма с использованием небуквенных средств	540	20 %
яркость	406	15 %
супраграфемика	404	15 %
игра с цветом	378	14 %
пиктограммы, напоминающие буквы	324	12 %
капитализация	162	6 %
синтаксическая игра	95	3,5 %
параграфемные знаки	94	3,5 %

акцент на шрифте	94	3,5 %
цифры	27	1 %

Перейдем к описанию результатов опроса респондентов относительно привлекательности тех или иных эргонимов. Большинство перечисленных приемов визуализации были оценены как обращающие на себя внимание, наиболее заметными были признаны эргонимы, во-первых, созданные с использованием картинок рядом с названием, во-вторых, представляющие собой лаконичные вывески, в-третьих, надписи с применением супраграфемики и, в-четвертых, имеющие яркий шрифт (в том числе подсветку).

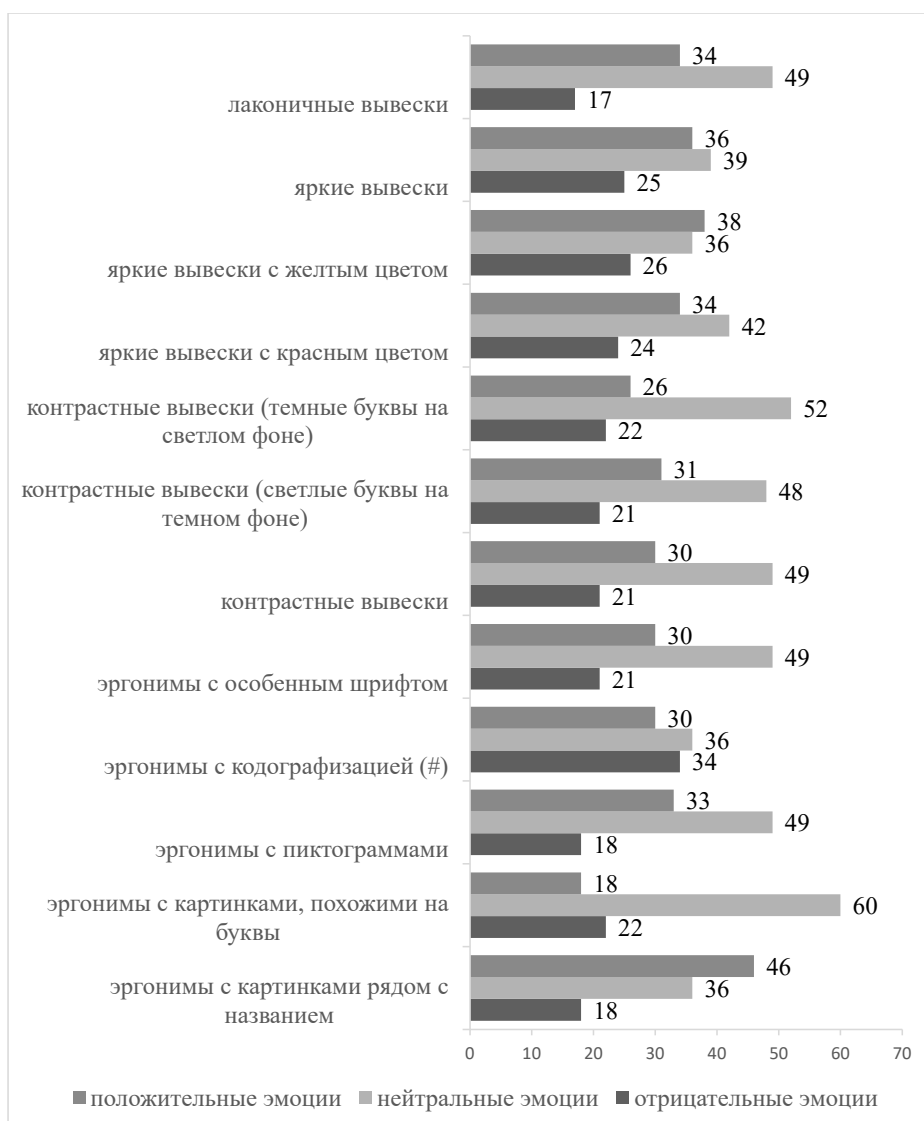

Диаграмма 1. Мнения респондентов относительно эмоций, вызванных эргонимами
 Diagram 1. Respontents' opinion on their ergonims-related emotions

По оценкам информантов, положительные эмоции вызывают эргонимы с пиктограммами, в особенности с различными картинками рядом с текстом, о чем заявил 41 респондент (46 %). В то время как присутствие в названии изображений, напоминающих буквы, оценивается нейтрально, что отметили 54 информанта (60 %). Скорее с позитивными эмоциями связаны яркие вывески, причем более предпочтительны те, что написаны желтым цветом, по мнению 34 опрошенных (38 %). Наличие в названии кодографизации, по-видимому, не имеет особого значения, поскольку мнения респондентов относительно вызванных эмоций разделились примерно поровну (см. диаграмму 1, приведено количество ответов респондентов в процентном отношении от общего числа).

Если сравнить оценки респондентов из разных возрастных групп, то отчетливо видно, что у молодежи лаконичные вывески вызывают чаще положительные эмоции (10 ответов, 43 %), чем у респондентов старшего возраста (8 и 7 голосов во второй и третьей возрастной группах, 35 % и 32 % соответственной) (подробнее см. диаграмму 2, где приведены данные в процентах).

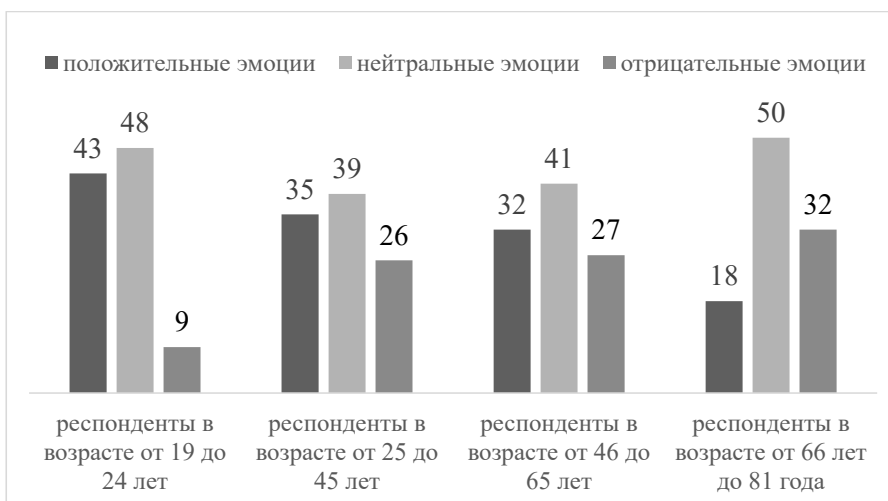

Диаграмма 2. Мнения респондентов разных возрастных групп относительно лаконичных вывесок
Diagram 2. Different aged respondents' opinion on laconic signboards

Названия коммерческих предприятий, написанных желтыми буквами, также более привлекательны для представителей молодого поколения (12 положительных оценок, 52 %) (подробнее см. диаграмму 3, где приведены данные в процентах).

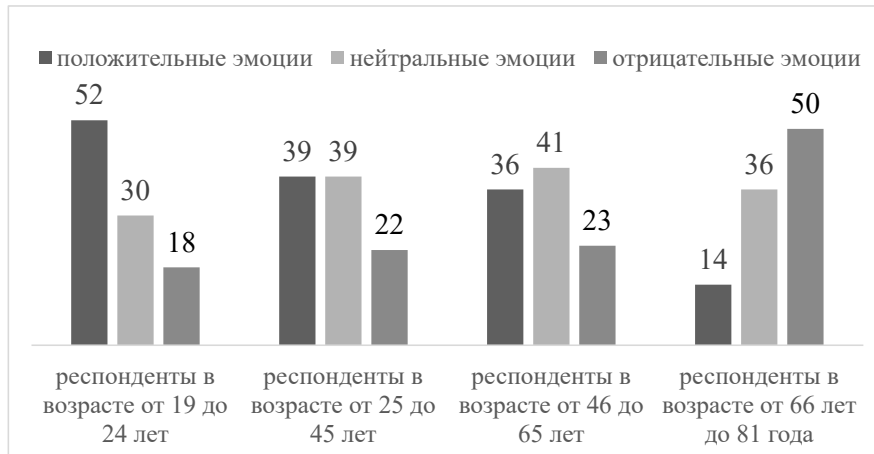

Диаграмма 3. Мнения респондентов разных возрастных групп относительно вывесок, написанных желтыми буквами
Diagram 3. Different aged respondents' opinion on yellow lettered signboards

Эргонимы, исполненные в красном цвете, больше всего замечают люди из второй и третьей возрастных категорий (по 10 положительных оценок, 44 % во второй и 45 % в третьей группах), молодежь воспринимает их нейтрально (13 нейтральных оценок, 59 %), респонденты самого старшего возраста разделились на равные группы: 7 (32 %) оценили их положительно, 8 (36 %) – нейтрально и 7 (32 %) – отрицательно.

Предскажем факт появления негативных эмоций у людей самого старшего возраста, вызываемых наличием в названии хэш-символа (14 оценок, 64 %), в то время как у молодежи он вызывает скорее положительные чувства (11 отзывов, 48 %) (подробнее см. диаграмму 4, где приведены данные в процентах).

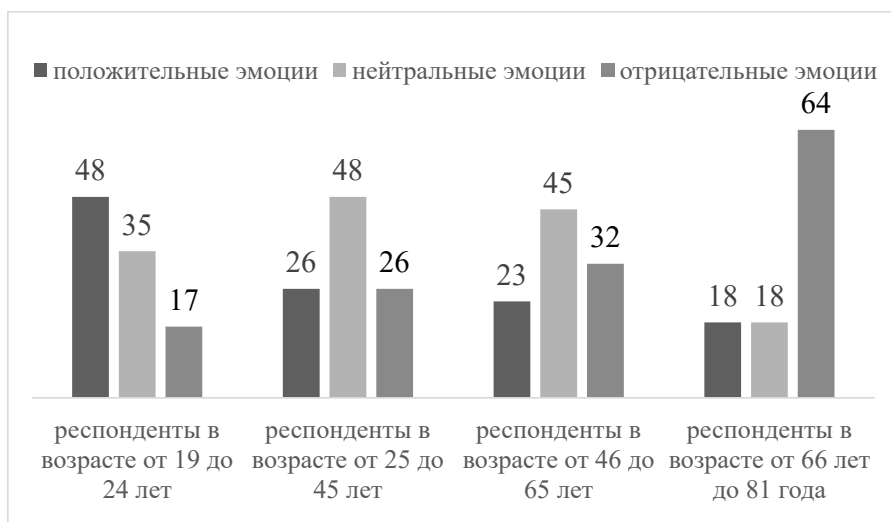

Диаграмма 4. Мнения респондентов разных возрастных групп относительно эргонимов с хэш-символом

Diagram 4. Different aged respondents' opinion on ergonyms with a hashtag

Контрастные вывески в основном были отмечены как вызывающие нейтральные эмоции (52 %, 46 %, 45 % и 47 % по увеличению возраста), меньше всего отрицательных реакций было отмечено у самой молодой аудитории (13 %). При этом молодые люди оценивают скорее светлые буквы на темном фоне (38 %), чем темные буквы на светлом фоне (29 %). Показателен тот факт, что у респондентов старше 66 лет меньше всего позитивных откликов относительно контрастных вывесок в целом (19 %), лишь 18 % из них положительно оценили вывески со светлым буквами на темном поле и 20 % – с темным шрифтом на светлом фоне.

Опора на особенный шрифт, т. е. изобретенный самими авторами эргонимов, вызвала у респондентов в возрасте от 25 до 45 лет скорее положительные (10 оценок, 44 %) и нейтральные (6 оценок, 26 %) эмоции, чем отрицательные (7 оценок, 30 %). Третья и четвертая возрастные категории оказались едины в своих оценках: 6 и 5 положительных откликов (27 % и 23 % соответственно) и по 7 – отрицательных (32 %). Среди комментариев респондентов встречались: «Слишком длинно, но шрифт классный», «Креативно», «Приятный шрифт» (орфография и стиль комментариев сохранены).

Остановимся на рекомендациях авторам вывесок с названиями коммерческих предприятий. Рассмотрим сначала разъяснения, предложенные в лингвистических работах.

Детально изучив графику столичных ресторанистов, Т. Х. Ч. Хоанг и Г.Н. Старикова пришли к выводу, что «ведущим критерием в выборе написания является их неповторимость» [12: 130].

Е. А. Ряжских отмечает, что «непривычный графемный образ слова непроизвольно останавливает взгляд воспринимающего, вызывает у него интерес. Однако будет ли этот интерес «положительным», позитивный ли образ эргонима сформируется у потенциального клиента, зависит от многих факторов» [25: 67].

С озвученным мнением соглашается Ф. Ф. Алистанова, которая подчеркивает, что «использование небуквенных элементов – один из перспективных способов графической трансформации» [15: 92].

Е. И. Абрамова, ссылаясь на исследование, проведенное маркетинговой компанией Великобритании, отмечает, что забавность названия запомнится 10% потенциальных клиентов, яркость названия повлияет на выбор 40% потребителей, 60% предпочтут компании с необычными названиями (в отличие от тех, которые просто указывают на профиль организации), четверть уверена в качестве услуг компании, избравшей необычное название [26: 174-175]. Иными словами, большая доля потребителей обращает внимание на яркие в плане содержания и выражения эргонимы.

Данные опроса, проведенного в рамках настоящего исследования, показали, что среди визуальных средств наиболее привлекательными выступают контрастные вывески с пиктограммами или супраграфемикой. Положительные эмоции в целом вызывают яркие названия, написанные желтыми буквами, кроме того содержащие картинки наряду с буквенным рядом. Однако важно заметить, что, как показал

проведенный опрос, на визуализацию в эргонимах обращают внимание скорее молодые люди, в то время как представители старшего поколения в основном относятся к ней нейтрально.

1. Отдельно хотелось бы остановиться на возможном коммуникативном диссонансе, являющемся «помехой в общении жителей современного города, сложного поликультурного пространства» [27: 64]. Как показало настоящее исследование и как подчеркивают другие авторы, разнообразие графических и иных средств «может приводить к номинативным неудачам» [12: 128]. Так, вывеска на рис. 14 демонстрирует эргоним, созданный с привлечением большого количества приемов различного уровня. Во-первых, вывеска исполнена в трех цветах: золотом, светло-зеленом и красном. Во-вторых, при ее создании применена графогибридизация, а именно латинские буквы B, R и D в русскоязычном названии. В-третьих, в эргониме присутствует заимствование из турецкого языка (доннер). В-четвертых, имеется элемент разговорного стиля -Проектировать вывески, привлекающие наибольшее внимание жителей города, т. е., во-первых, включающие в себя пиктограммы и, во-вторых, буквы, написанные желтым цветом;

2. Если целью дизайнеров вывесок является привлечение внимания клиентов, но не ставится задача обязательного формирования положительного образа эргонима, то можно применять оригинальные шрифты, поскольку они почти всегда обращают на себя внимание и в ряде случаев (но не всегда) могут вызвать положительные эмоции;

3. Избегать следует использования пиктограмм, напоминающих буквы, поскольку вывески с подобными элементами отнесены большинством опрошенных респондентов к не привлекающим внимание;

4. При создании номинаций предприятий, нацеленных на молодежь, разумно опираться на использование картинок или кодографизации рядом с названием, кроме того, вывески лучше делать в желтом цвете с подсветкой и избегать контраста между надписью и фоном;

5. Для заведений, рассчитанных на клиентов в возрасте от 25 до 45 лет, также подходят названия, содержащие пиктограммы, помимо этого вывески разумно делать контрастными, предпочтительны темные буквы на светлом фоне;

6. В случае, если целевую аудиторию составляют представители пенсионного возраста, целесообразнее использовать надписи, выполненные красными буквами, и не использовать кодографизацию;

7. Особое внимание следует уделять тому, чтобы вывеска с эргонимом не была перенасыщена разнообразием графических средств, поскольку это отвлекает внимание от содержания названия и вызывает у адресатов негативные эмоции.

В качестве дальнейшей перспективы настоящего исследования можно отметить детальный анализ различных языковых средств выражения, используемых в эргонимах г. Москвы. Кроме того, возможно расширение базы собранных эргонимов за счет привлечения других городов, регионов и стран с проведением последующего сравнительно-сопоставительного анализа визуальных и языковых средств, применяемых в эргонимии разных лингвокультур. Важным также представляется проведение аналогичного отбора эргонимов в центре г. Москвы через 10 и 20 лет с последующим анализом средств визуализации, примененных при их создании. Подобный повторный анализ станет основой для изучения развития типов визуализации в эргонимии.

Прогнозируя развитие лингвистики в XXI веке в целом и эргонимии как раздела ономастики в частности, можно высказать предположение о повышении интереса к визуализации в различных номинациях, к особенностям креолизованного текста, к более глубокому изучению взаимосвязи дисциплин языкознания и смежных наук, таких как социология, политология, психология, экономика и др.

Список литературы

1. Anzoise V., Barberi P., Scandurra G. City Visualscapes, an Introduction. *Visual Anthropology*. 2017; 30(3):177–90. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/08949468.2017.1296284>. Accessed July 19, 2023.

2. VanMenselL., VandenbroukeM., BlackwoodR. Linguistic Landscapes. GarcíaO, FloresN, SpottiM, editors. *Oxford Handbooks Online*. 2016; Available at: <http://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190212896.013.5>. Accessed July 19, 2023.

3. Сулейманова О., Холодова Д. Система городской навигации города Москвы как проблема мультикультурного моделирования лингвистического образа города. *English Studies at NBU*. 2015; 1(1):97–115. Доступно по: <http://dx.doi.org/10.33919/esnbu.15.1.8>. Ссылка активна на 19.07.2023.

4. Зоц И.В., Сулейманова О.А. Проблемные «зоны» современной урбанистики в глобальном пространстве: транслитерация урбанонимов. Вопросы ономастики. 2019; 16(4):134–150. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.049. Доступно по: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/81320/1/vopr_2019_4_009.pdf. Ссылка активна на 19.07.2023.
5. Suleimanova O.A., Kholodova D.D. Visual and Verbal Semiotics in the Moscow-vs.-Paris Métro. *Visual Anthropology*. 2023; 36(1):3–22. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/08949468.2023.2168957>. Accessed July 19, 2023.
6. Kadmon N. Toponymy and Geopolitics: The Political Use — and Misuse — of Geographical Names. *The Cartographic Journal*. 2004; 41(2):85–7. Available at: <http://dx.doi.org/10.1179/000870404x12897>. Accessed July 19, 2023.
7. Сулейманова О.А., Никитина В.В. Динамика наименований станций столичного метро в лингвокультурной перспективе. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2023; 20(2):51–61. <http://doi.org/10.14529/ling230208>. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53929150>. Ссылка активна на 19.07.2023.
8. Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта города: лингвистика и «что-то еще» или новое понимание языка? Русский язык за рубежом. 2020; 1(278):49–55. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42548623>. Ссылка активна на 19.07.2023.
9. Чернявская В.Е. Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе. *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2023; 2(36):50–73. <http://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-2-50-73>. Доступно по: https://praxema.tspu.edu.ru/files/praxema/PDF/articles/chernyavskaya_v_e_50_73_2_36_2023.pdf. Ссылка активна на 19.07.2023.
10. Зоидзе Э.А. Продвижение книги в издательском интернет-дискурсе. *Филология: научные исследования*. 2022; 1:1–16. <http://doi.org/10.7256/2454-0749.2022.1.37279>. Доступно по: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37279. Ссылка активна на 19.07.2023.
11. Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста. Отв. ред. Викулова Л.Г., Борисова Е.Г. М.: Флинта; 2019. ISBN 978-5-9765-3987-7. Доступно по: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37975614>. Ссылка активна на 19.07.2023.
12. Хоанг Т.Х.Ч., Старикова Г.Н. Московские ресторонимы в аспекте графики. *Язык и культура*. 2017; 38:117–136. <http://doi.org/10.17223/19996195/38/9>. Доступно по: http://journals.tsu.ru/language/&journal_page=archive&id=1622&article_id=36111. Ссылка активна на 19.07.2023.
13. Замальдинов В.Е. Особенности образования и функционирования графикатов-эргонимов салонов красоты Нижегородского региона. Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021; 2(41):12–18. Доступно по: https://cchgeu.ru/upload/science/nauchnye-izdaniya/lingvistika-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya/AV_41_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B3%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2.pdf. Ссылка активна на 19.07.2023.
14. Петрова И.М., Викулова Л.Г. Семиозис иконичности в естественном языке (на материале эргонимов города Москвы). Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2023; 20(2):38–44. <http://doi.org/10.14529/ling230206>. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53929148>. Ссылка активна на 19.07.2023.
15. Алистанова Ф.Ф. Образование эргонимов на базе контаминации, гендиадиса и языковой игры с внутренней формой слова графическими средствами. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018; 7-1(85): 89–93. <http://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.20>. Доступно по: <https://www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/20.html>. Ссылка активна на 19.07.2023.
16. Гедгафова Н.А. Языковая игра на графическом уровне в англоязычном газетном заголовке. Диалог языков, культур и литератур в профессионально ориентированном и филологическом аспектах. Отв. ред. М.Н. Николаева. М.: МГПУ, 2014; 34–39. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24025696>. Ссылка активна на 19.07.2023.
17. Васильева Т.В. Типологические особенности эргорекламных суффиксами модификационного значения. *Ученые заметки ТОГУ*. 2010; 1(2):41–45. Доступно по: <https://pnu.edu.ru/ejournal/pub/articles/57/>. Ссылка активна на 19.07.2023.
18. Боброва М.В. Принципы образования современных эргонимов г. Перми. Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2014; 9:135–142. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21369213>. Ссылка активна на 19.07.2023.

19. Крыжановская В.А. Современная эргонимия: основные приемы графической игры. Вестник Костромского государственного университета. 2016; 22(3):179–181. Доступно по: <https://vestnik.ksu.edu.ru/archive-2016/vestnik-2016-3-ru.html>. Ссылка активна на 19.07.2023.
20. Бутакова Е.С. Лингвистическая креативность в томской эргонимии. Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013; 3(131):146–152. Доступно по: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive?year=2013&issue=3&article_id=3915&format=html. Ссылка активна на 19.07.2023.
21. Хоанг Т.Х.Ч. Московские ресторонимы в структурно-грамматическом аспекте. Вестник Томского государственного университета. 2018; 427:63–70. <http://doi.org/10.17223/15617793/427/8>. Доступно по: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1677&article_id=37433. Ссылка активна на 19.07.2023.
22. Шмелева Т.В. Поликодовость городского ономастикона. Коммуникативные исследования. 2019; 6(1):51–66. [http://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).51-66](http://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).51-66). Доступно по: http://www.com-studies.org/images/magazine/2019/KI_1_2019.pdf<https://elibrary.ru/item.asp?id=37522983&ysclid=ljpyb6mfo13725265>
26. Ссылка активна на 19.07.2023.
23. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ; Corpus; 2017; ISBN 978-5-17-100624-2. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29843147>. Ссылка активна на 19.07.2023.
24. Бутакова Е.С., Щитова О.Г. Эргонимы иноязычного происхождения: аспекты варьирования. Фундаментальные исследования. 2014;12(2):411–415. Доступно по: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36243>. Ссылка активна на 19.07.2023.
25. Рязских Е.А. К вопросу о восприятии адресатами графодериватов-эргонимов. Язык и культура (Новосибирск). 2016; 24:66–70. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26606902>. Ссылка активна на 19.07.2023.
26. Абрамова Е.И. Аллюзия и языковая игра в англоязычных эргонимах. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018; 4(40):171–181. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36608107>. Ссылка активна на 19.07.2023.
27. Питина С.А. Межкультурный коммуникативный диссонанс в эргонимах. Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2020; 14:64–67. Доступно по: <https://topical-issues.ru/wp-content/uploads/2021/05/t14-19-fia-2020.pdf>. Ссылка активна на 19.07.2023.

References

1. Anzoise V, Barberi P, Scandurra G. City Visualscapes, an Introduction. *Visual Anthropology*. 2017; 30(3):177–90. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/08949468.2017.1296284>. Accessed July 19, 2023.
2. VanMenselL, VandenbroukeM, BlackwoodR. Linguistic Landscapes. GarcíaO, FloresN, SpottiM, editors. Oxford Handbooks Online. 2016; Available at: <http://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190212896.013.5>. Accessed July 19, 2023.
3. Suleimanova O, Holodova D. The Latinization of Moscow Street Signs as an Approach to Urban Navigation in a Multicultural Environment. *English Studies at NBU*. 2015 Feb 1; 1(1):97–115. Available at: <http://dx.doi.org/10.33919/esnbu.15.1.8>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
4. Zots IV, Suleimanova OA. Problem Areas of Modern Urban Planning in Global Space: Romanization of Russian Urbanonyms. *Problems of onomastics*. 2019; 16(4):134–50. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/81320/1/vopon_2019_4_009.pdf. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
5. Suleimanova OA, Kholodova DD. Visual and Verbal Semiotics in the Moscow-vs.-Paris Métro. *Visual Anthropology*. 2023 Jan 1; 36(1):3–22. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/08949468.2023.2168957>. Accessed July 19, 2023.
6. Kadmon N. Toponymy and Geopolitics: The Political Use — and Misuse — of Geographical Names. *The cartographic journal*. 2004; 41(2):85–7. Available at: <http://dx.doi.org/10.1179/000870404x12897>. Accessed July 19, 2023.
7. Suleimanova OA, Nikitina VV. Dynamics of Nomination Principles in Moscow Metro Stations in Linguistic-Cultural Perspective. *South Ural State University Bulletin. Ser. Linguistics*. 2023; 20(2):51–61. <http://doi.org/10.14529/ling230208>. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53929150>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
8. Kirilina AV. Description of the City Linguistic Landscape: Linguistics and “Something Else” Or a New Language Understanding? *Russian Language Abroad*. 2020; 1(278):49–55. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42548623>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).

9. Chernyavskaya VE. Typography as Social Index: Soviet Landscape in the Modern Russian Discourse. *ИПАЭНМА Journal Of Visual Semiotics*. 2023; 2(36):50–73. Available at: https://praxema.tspu.edu.ru/files/praxema/PDF/articles/chernyavskaya_v_e_50_73_2_36_2023.pdf. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
10. Zoidze EA. Book Promotion in the Publishing Internet Discourse. *Philology: Scientific Research*. 2022; (1):1–16. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37279. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
11. Marketing Linguistics. Patterns of Promoting Text. General eds. of Vikulova LG and Borisova EG. M.: Flinta; 2019. ISBN 978-5-9765-3987-7. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37975614>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
12. Hoang THT, Starikova GN. Restoronyms of Moscow in the Aspect of Graphic Foreign Languages. *Language And Culture*. 2017; (38):117–37. Available at: http://journals.tsu.ru/language/&journal_page=archive&id=1622&article_id=36111. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
13. Zamaldinov VE. Features of Formation and Functioning Of Graphsats-Ergonyms of Beauty Salons of the Nizhny Novgorod Region. *Actual Issues of Contemporary Philology and Journalism*. 2021; 2(41):12–8. Available at: https://cchgeu.ru/upload/science/nauchnye-izdaniya/lingvistika-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya/AV_41_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B3%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2.pdf. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
14. Petrova IM, Vikulova LG. Semiosis of Iconicity in Natural Language (On the Material of Ergonyms of Moscow). *South Ural State University Bulletin. Ser. Linguistics*. 2023; 20(2):38–44. Available at: <http://doi.org/10.14529/ling230206>. <https://elibrary.ru/item.asp?id=53929148>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
15. Alistanova FF. Ergonyms Formation Based on Contamination, Hendiadys and Language Game with the Internal Form of the Word by Graphic Means. *Philological Sciences Issues of Theory and Practice*. 2018; (7–1):89–93. Available at: <https://www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/20.html>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
16. Gedgafova NA. Language Game on the Graphic Level in English Newspaper Title. Dialogue of Languages, Cultures and Literatures in Professionally-Oriented And Philological Aspects. General eds. Nikolaeva MN. M.: MCU, 2014: 34–39. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24025696>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
17. Vasileva TV. Typological Features of Ergoreklamonims with Suffixes of Modification Meaning. *Scientific Notes of Pacific State University*. 2010; 1(2):41–45. Available at: <https://pnu.edu.ru/ejournal/pub/articles/57/>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
18. Bobrova MV. Principles of Contemporary Meronyms' Formation In Perm. *An Outline of Work of the Kama Archeological Expedition of Perm State University*. 2014; 9:135–142. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21369213>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
19. Kryzhanovskaya VA. Modern Ergonymics: Main Methods of Graphic Game. *Vestnik of Kostroma State University*. 2016; 22(3):179–181. Available at: <https://vestnik.ksu.edu.ru/archive-2016/vestnik-2016-3-ru.html>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
20. Butakova ES. Linguistic Creativity in Tomsk Ergonymy. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2013; 3(131):146–152. Available at: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive?year=2013&issue=3&article_id=3915&format=html. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
21. Hoang THT. Restauronyms of Moscow in the Structural-Grammatical Aspect. *Tomsk State University Bulletin*. 2018; (427):63–70. Available at: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1677&article_id=37433. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
22. Shmeleva TV. Polycode Phenomenon of Urban Onomatology. *Communication Studies*. 2019; 6(1):51–66. [http://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).51-66](http://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).51-66). Available at: http://www.com-studies.org/images/magazine/2019/KI_1_2019.pdf <https://elibrary.ru/item.asp?id=37522983&ysclid=ljqpy6mf01372526526>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
23. Krongauz MA. The Russian Language Over Here Having a Meltdown. Moscow: AST; Corpus; 2017; ISBN 978-5-17-100624-2. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29843147>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).
24. Butakova ES, Schitova OG. Ergonyms Borrowed from Foreign Languages: Variability Aspect. *Fundamental Researches*. 2014; 12(2):411–415. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36243>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).

25. Ryazhskikh EA. On the Problem of Addressee's Perception of Graphoderivatives - Ergonyms. *Language and Culture (Novosibirsk)*. 2016; 24:66–70. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26606902>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).

26. Abramova EI. Allusion and Wordplay in English Ergonyms. *Scientific Journal Modern Linguistic, Methodical, and Didactic Researches*. 2018; 4(40):171–181. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36608107>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).

27. Pitina SA. Intercultural Communicative Dissonance in Ergonyms. *Topical Issues of Philology and Methods of Foreign Language Teaching*. 2020; 14:64–67. Available at: <https://topical-issues.ru/wp-content/uploads/2021/05/t14-19-fia-2020.pdf>. Accessed July 19, 2023. (In Russ.).

История статьи:

Получена: 26.07.2023

Принята: 15.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 26.07.2023

Accepted: 15.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторе:

Матюшина Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; *e-mail*: nw12002@mail.ru.

Bionote:

Nataliya V. Matyushina, Ph.D. (Philology), Associate Professor of Department of English Studies and Cross-Cultural Communication, Institute of Foreign Languages, Moscow City University; *e-mail*: nw12002@mail.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

NEW TRENDS IN TEXT LINGUISTICS STUDIES

Оригинальная статья

УДК 82'42+ 811.161.1

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-133-144>

**Читательское отождествление с образом персонажа:
механизмы интегративного подхода**

***И.А. Кудряшов¹, А.Ю. Туранова²**

Южный федеральный университет; 344006, Российская Федерация,
Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42;

¹ORCID ID: 0000-0001-5449-864X; ²ORCID ID: 0000-0001-8612-8344;

¹Web of Science Researcher ID: GPW-9308-2022;

¹Scopus Author ID: 57214118052;

*e-mail: igalk@mail.ru

Резюме: В публикации суммируются теоретические идеи из междисциплинарной гуманитарной парадигмы с целью формирования комплексного взгляда на механизмы, лежащие в основе читательского отождествления с образом персонажа. На материале прозы Б.Ю. Поплавского подчеркивается конструктивная важность дейктического сдвига в повествовании рассказчика, который приводит к читательскому погружению в процессы обработки эксплицируемой информации, утрате личностной идентичности. Другой подход фокусируется на процессах конструирования авторского смысла: при восприятии повествования читатель получает стимул к использованию фоновых знаний, необходимых для сравнения с тем положением дел, которое описывается в тексте в данный момент. Концептуализуется взаимосвязь между этими последовательно активируемыми процессами: дейктический сдвиг и погружение в повествование становятся основой для релевантной интерпретации повествования, которая предшествует его воздействию на читательскую эмоционально-волевую сферу и воображение. Делается вывод о том, что дейктический сдвиг, наблюдаемый в повествовании, оказывается одним из базовых механизмов читательской обработки текста, экспликации ментальной модели межличностных взаимоотношений между персонажами, фиксируемой рассказчиком. Авторы полагают, что процессы, лежащие в основе дейктического сдвига и мысленного воссоздания сюжетной линии, в совокупности предопределяют читательское ощущение погруженности в художественный текст. В исследовании устанавливаются явные взаимосвязи между языковым своеобразием художественного текста и различного рода реакциями читателя, воспринимающего этот текст. Выход читателя за пределы своего психологического и интеллектуального «Я», погружение в текст обеспечивают альтернативный опыт, который ощущается так, как будто он разворачивается в формате реальной повседневности. Установлено, что изменение точки зрения персонажа на персонажа-собеседника обеспечивает релевантное понимание сценария повествования, функционирует как симуляция, управляемая автором в воссоздаваемом воображаемом мире. Фиксирование внимания на дейктических переходах в восприятии образов персонажей рассказчиком

влечет за собой читательские переживания сильных эмоций, сходных с теми, которые испытываются как спонтанная реакция на аналогичные ситуации в повседневной действительности.

Ключевые слова: художественное повествование, читательское отождествление с образом рассказчика и главного героя, пространственно-временная перспектива повествования, дейктические средства, предикаты совершенного и несовершенного вида, способ глагольного действия.

Для цитирования: Кудряшов И.А., Туранова А.Ю. Читательское отождествление с образом персонажа: механизмы интегративного подхода. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 133–144. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-133-144>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-133-144>

Reader's Identification with the Character's Image: Integrative Approach Mechanisms

***Igor A. Kudryashov¹, Anastasia Yu. Turanova²**

Southern Federal University; 105/42 Bolshaya Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006;

¹ORCID ID: 0000-0001-5449-864X; ²ORCID ID: 0000-0001-8612-8344;

¹Web of Science Researcher ID: GPW-9308-2022;

¹Scopus Author ID: 57214118052;

*e-mail: igalk@mail.ru

Abstract: The article summarizes theoretical ideas from several areas of knowledge in order to form a comprehensive view of the mechanisms underlying the reader's identification with the character's image. By the example of the prose by B.Y. Poplavsky, the constructive importance of the deictic shift in the narrator's narrative is emphasized, which leads to the reader's immersion in the processes of processing explicable information, loss of self-perception. Another approach focuses on the processes of constructing the author's message: when perceiving the narrative, the reader is stimulated to use background knowledge necessary for comparison with the state of affairs described in the text at the moment. The relationship between these sequentially activated processes is conceptualized: the deictic shift and immersion in the narrative becomes the basis for the relevant interpretation of the narrative, which precedes its impact on the reader's emotional and volitional sphere and imagination. It is concluded that the deictic shift observed in the narrative turns out to be one of the basic mechanisms of reader text processing, explication of the mental model of interpersonal relationships between characters, fixed by the narrator. The authors believe that the processes underlying the deictic shift and the mental reconstruction of the storyline together determine the reader's sense of immersion in the literary text. The study establishes clear relationships between the linguistic originality of a literary text and various kinds of reactions of the reader perceiving this text. The reader's going beyond his psychological and intellectual «Self», his immersion in the text provides an alternative experience that feels as if it unfolds in the format of real everyday life. It is established that changing the character's point of view to the interlocutor character provides a relevant understanding of the narrative scenario, functions as a simulation controlled by the author in a recreated imaginary world. Fixing attention on deictic transitions in the perception of the characters' images by the narrator entails the reader's experiences of strong emotions similar to those experienced as a spontaneous reaction to similar situations in everyday reality.

Keywords: literary narration, reader's identification with the image of the narrator and the main character, the space-time perspective of the narrative, deictic means, predicates of the perfect and imperfect form, the method of verbal action.

For citation: Kudryashov IA, Turanova AYu. Reader's Identification with the Character's Image: Integrative Approach Mechanisms. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 133–144. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-133-144> (In Russ.).

Введение

Образы персонажей, воспроизводимые автором в художественном тексте, могут вызывать неоднозначные реакции у читателя. Подобная разновидность эмпатического контакта с действующими лицами воображаемой событийности многомерно отражается в семантическом содержании термина «читательское отождествление себя с образом персонажа», который предполагает:

- восприятие авторской виртуальной реальности, исходя из субъективной перспективы конкретного литературного героя;
- проникновение в систему ценностных установок и жизненных целей объектов повествования [1: 2; 2: 13; 3: 34].

Эти реакции предопределяют опыт читателя, связанный с интерпретацией авторских виртуальных миров, а также в определенном смысле формируют систему его воззрений и ценностей, актуальных в условиях реальной жизнедеятельности. Степень отождествления читателя с образом персонажа преимущественно анализируется как переменная величина, пропорциональная тем когнициям и эмоциям, которые активируются в читательском сознании в ходе постижения художественного произведения.

В связи с этим актуальными проблемами лингвистики текста оказывается решение таких вопросов, как:

1. детализация методики исследования таких когнитивных процессов, как восприятие эмоционально-волевой сферы персонажа, выявление аналогий между индивидуальным *Я* читателя и личностными характеристиками действующего лица литературного текста [4: 47; 5: 7; 6: 1819];
2. выявление устойчивых корреляций между языковыми средствами авторского воссоздания образа персонажа и читательским отождествлением с этим образом [7: 269; 8: 386; 9: 127].

В ходе лингвокогнитивного исследования указанные проблемные узлы являются взаимозависимыми задачами, поскольку измерение степени отождествления читателем своих личностно-психологических свойств действиям и эмоциям персонажа априорно предполагает детализацию знаний о когнитивном опыте восприятия текста, языковых структурах, используемых автором в целях создания условий для этого процесса.

Цель статьи

Цель данного исследования заключается в создании теоретической концепции идентификации читательского опыта постижения художественного текста и повествования, разработке типологии этого опыта с учетом когнитивной деятельности, связанной с уподоблением читателем своих личностных качеств эмоционально-волевой сфере персонажа. Процессы читательского отождествления с образом персонажа трактуются в исследовании в качестве многомерного опыта интерпретации языкового своеобразия текста, выявления субъективной перспективы видения воображаемой реальности персонажем.

Обзор литературы

В настоящее время к числу приоритетных исследовательских программ относится в том числе моделирование читательского опыта восприятия и интерпретации художественного текста, комплекса воображаемых персонажей, участвующих в развитии сюжетной перспективы этого текста [10; 11; 12]. Модели, предлагаемые в лингвистике текста, интегрируют теоретические концепции и методологические установки, разрабатываемые в науках когнитивного цикла. Выдвигаемые гипотезы апробируются и доказываются с учетом как эмпирического анализа конкретных текстологических данных, так и теоретических обобщений, что, в свою очередь, обеспечивает возможность определить специфику воздействия лингвистического своеобразия художественного произведения на процессы читательского погружения в авторские воображаемые миры. В частности, установлено, что многослойный образный язык текста, инновационные авторские техники повествования заметно замедляют формирование эстетического опыта читателя, воспринимающего художественное произведение [13; 14; 15].

Кардинальное различие «легких» и «трудных» текстов прослеживается в терминах локальных нейронных сетей как компонента структуры мозга индивида, воспринимающего текст, аффективно-когнитивных и поведенческих реакций этого индивида. Языковое маркирование информации, выдвигаемой в сильную позицию текста, предопределяет межличностный контакт автора и читателя (при посредничестве рассказчика), текстовые структуры, находящиеся в позиции выдвижения, формируют читательскую эстетическую оценку художественного произведения.

Подход к исследованию художественного текста, предпринимаемый в рамках данного исследования, детализует теоретические установки, разработанные в современных концепциях, в которых прослеживается специфика установления взаимосвязей между такими категориями, как «автор», «рассказ-

чик», «персонаж» и «читатель». В частности, выдвигается мнение, согласно которому стилистический анализ художественного повествования лежит в основе формулирования гипотез о читательской интерпретации текста, доказываемых в том числе с опорой на нейрокогнитивные методы исследования [16; 17; 18]. Изучение процессов читательского погружения в текст, как и эстетической оценки текста также предполагает выявление языкового своеобразия литературного произведения [19; 20]. В этой связи на материале прозы и поэзии экстенсивно и интенсивно изучаются фонологический, лексический, грамматический и семантический уровни текста в терминах соответствия / несоответствия системе конкретного естественного языка.

Методы исследования

В качестве материала для исследования избран фрагмент (первые четыре главы) романа Б.Ю. Поплавского «Аполлон Безобразов» (1932), в котором повествование ведется от первого лица. Выбор указанного фрагмента данного текста диктуется тем, что в нем рассказчик вводит систему главных героев повествования, при этом определяющей точкой референции предстает ситуация знакомства с ними.

Рассказчик выражает прагматическое отношение к героям:

- до непосредственного знакомства с ними (наблюдая за героями со стороны);
- в момент встречи;
- при последующем изложении событий, в которых герои участвуют (в частности, в эпизоде бала).

Все эти обстоятельства рассказчик извлекает из своей долгосрочной / оперативной памяти, реконструируя особый пространственно-временной континуум. При этом дейктические средства, частные характеристики совершенного / несовершенного вида глагольных предикатов, их соотношение с моментом повествования имплицитно важное смысловое содержание, проливающее свет на специфику эмпатического восприятия героев рассказчиком и его индифферентное отношение к второстепенным персонажам. Во всех этих контекстах читатель стимулируется к признанию субъективной перспективы видения пространства и времени событий и, как следствие этого, отождествлению с образами рассказчика и главных героев.

Результаты и дискуссия

Критически осмысливая разнообразные аспекты мировидения отдельно взятого протагониста, читатель конструирует ментальную репрезентацию текстуального (авторского, виртуального) мира: пространственный план повествования, упорядоченность событий на временной оси, систему персонажей, преследуемые ими цели и объекты, находящиеся в их распоряжении. Детализуя ситуационную модель текста, наполняя ее индивидуальными смыслами, читатель принимает во внимание лингвистическую архитектуру воссоздания виртуального мира, комплекс разноуровневых языковых средств, индивидуализирующих художественное произведение, что заметно облегчает процессы читательского погружения в текстовое произведение.

В соответствии с данными теоретическими установками мы разграничиваем разнообразные познавательные и ценностные измерения образа персонажа, которые находят непосредственное выражение в повествовании рассказчика. Функционируя автономно и / или комбинируясь друг с другом, эти измерения оказывают конструктивное влияние на процессы читательского отождествления с образом персонажа.

В фокусе нашего внимания находится прежде всего проблема читательского отождествления с пространственно-временными координатами жизнедеятельности персонажа: адресант текста адаптируется к хронотопу, в который внедрено действующее лицо, избирает отправную точку интерпретации пространства и времени развития образа персонажа. Информация, излагаемая рассказчиком о физических перемещениях действующих лиц повествования, связывается с точкой зрения того или иного персонажа относительно разворачивания сюжетной линии в пространстве и во времени. В этом отношении восприятие повествования рассказчика о персонаже предполагает определенную степень пространственно-временного отождествления читателя с действующим лицом.

Данное суждение подкрепляется исследованиями эмпирического характера: установлено, что по прочтении художественного повествования интерпретатор-адресат без размышлений реагирует на названия тех предметов, которые непосредственно находились в сфере видения или пользования персонажа. Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что, реконструируя ментальную репрезентацию повествования, читатель неизбежно согласует свое мнение с точкой зрения персонажа, который играет существенную роль в развитии сюжетной линии этого повествования. Другими словами, феномен чи-

тательского отождествления с пространственно-временной перспективой повествовательной детализации образа действующего лица признается нами по умолчанию.

Автор исходно программирует процесс читательского отождествления с пространственно-временным видением персонажа окружающей его вымышленной реальности, соответствующей точкой зрения на эту реальность с опорой на определенные языковые средства и их комплексы. К данным средствам мы прежде всего относим предикаты, наделяемые определенными грамматическими характеристиками и отражающие физические действия протагониста, его ментальные реакции на внешние стимулы, дейктические элементы, указывающие на местоположение протагониста по отношению к другим действующим лицам и предметам, которые составляют контекст художественного повествования.

Номинации персонажей употребляются преимущественно в грамматической функции подлежащего в сообщениях рассказчика. Например, в высказываниях (1) и (1*) пропозициональное содержание оказывается тождественным, однако в (1) текущая ситуация обозревается с точки зрения персонажа-мужчины, в (1*) же та же самая ситуация представляется, исходя из перспективы видения персонажа-женщины. Ср.:

(1) «Тут **я** все же заметил Терезу, она разглядывала меня любопытно и спокойно... Заметив этот взгляд, я тотчас невольно переменил позу...»¹;

(1*) «Тут **он** все же заметил меня, я разглядывала его любопытно и спокойно... Заметив мой взгляд, он невольно переменил позу...».

Выбор грамматического подлежащего, осуществляемый рассказчиком в ходе повествования о физических действиях персонажа, оказывает конструктивное воздействие на читательское отождествление с образом этого персонажа в том смысле, что пространственно-временные характеристики воспроизводимой ситуации интерпретируются читателем через фокус внимания протагониста (ср. *я*, *он*). Интерпретатор сосредотачивается на локализации действий персонажа-рассказчика, выполняющего в художественном сообщении функцию подлежащего, в пространстве и во времени, постигает ситуацию глазами персонажа, «присваивает» себе его личностное видение описываемого положения дел. Сущностную роль при этом играют и временные характеристики предикатов, фиксирующих физическую активность персонажей. Например:

(2) «...я **отступил** два шага назад и с необыкновенной легкостью истерического припадка **прыгнул** в лодку. Этот странный поступок **объясняется** тем, что уже несколько минут вообще все **было очень странно**, все **плыло** по открытому морю необычности...»².

Предикаты в прошедшем времени усиливают временную дистанцию между персонажем и читателем, выстраивают читательскую перспективу восприятия ситуации как принадлежащую стороннему наблюдателю. Предикат в настоящем времени, отражая вечную истину (в контексте примера (2) логическое объяснение действия субъекта повествования в сложившейся обстановке), наоборот, совмещает темпоральные плоскости участников художественной коммуникации. В результате создается иллюзия соприсутствия персонажа-рассказчика и читателя в одной временной точке, фиксирующей момент зарождения непосредственного диалога между ними, появляются условия для зарождения совместного фокуса восприятия пространственно-временного плана разворачиваемого повествования.

Другими словами, автор намеренно манипулирует грамматическими категориями пространства и времени в целях обеспечения динамики читательского отождествления с конструированием протагонистом соответствующих координат повествования. Предикаты в прошедшем времени воспринимаются читателем как своего рода отсылки к передвижению, некогда предпринятому персонажем и следствиям этого процесса (ср. *отступил*, *прыгнул*, *(все) было очень странно*, *плыло*), маркируют разрыв между временными планами сообщения о ситуации и восприятия этой ситуации. Предикат в настоящем времени совмещает временные перспективы читателя и протагониста, в конечном счете, предопределяет отождествление субъективных перспектив читателя и рассказчика-протагониста при рецепции пространственно-временного плана повествования.

¹ Поплавский Б. Собрание сочинений: в 3-х тт. Т. 2. Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы. М.: Сogласие, 2000. С. 79. Доступно по: http://az.lib.ru/p/poplawskij_b_j_text_0080.shtml?ysclid=llno41krc9584940171. Ссылка активна на: 17.05.2023. Poplavsky B. Collected Works: in 3 vol. Vol. 2. Apollon Bezobazov. Back Home from the Sky: Novels. M.: Soglasije, 2000. P. 79. Available at: http://az.lib.ru/p/poplawskij_b_j_text_0080.shtml?ysclid=llno41krc9584940171. Accessed at: May, 17, 2023. (in Russ.). Далее – Поплавский.

² Там же, с. 14. Ibid, p. 14.

На указанный тип отождествления оказывают влияние и такие дейктические элементы художественного повествования, как наречия и указательные местоимения, которые становятся значимыми в контексте восприятия воображаемых ситуаций, исходя из определенной пространственно-временной точки. Так, средства, указывающие на предметы, ближайšie к персонажу и читателю, действия, разворачиваемые в данный момент (*здесь, этот, теперь / сейчас*), по замыслу автора, призваны конструировать высокую степень уподобления читательского восприятия ситуации субъективной перспективы видения персонажа. При активации дейктических средств, которые маркируют удаленность предметов в пространстве, и действий во временном плане (*там, тот, тогда*) степень уподобления заметно снижается. Ср.:

(3) «**Тогда** Аполлон Безобразов отвел глаза от холодеющего неба и насмешливо посмотрел на меня. Глаза его отнюдь не были похожи на глаза гипнотизера... **эти** глаза отнюдь не были сонными... **Теперь** Аполлон Безобразов смотрел на меня довольно долго... **В тот же памятный день** ... это разглядывание показалось мне совершенно бесполезным... **Потом** Аполлон Безобразов вдруг медленно встал и ... бросил наполовину выкуренную папиросу в воду, **потом** ... снял и опять надел фуражку... приготовился выпрыгнуть из лодки, но **раздумал**... спокойно **сошел** с нее... **Тогда** я тоже неловко спрыгнул с лодки... и пошел за ним, твердо решив не отставать от **этого** человека...»³.

Интерпретируя дейктические средства, отражающие пространственно-временные координаты повествования, читатель воспринимает ситуацию знакомства рассказчика с Аполлоном Безобразовым, главным героем текста, выявляет неявно выражаемую информацию о первых впечатлениях рассказчика о герое, кодируемую этими средствами. В этом случае мы также сталкиваемся с авторскими намеренными манипуляциями категориями пространства и времени. Рассказчик выступает посредником читательского отождествления с образом главного героя, фактически обеспечивая этот процесс, поскольку сам читатель исходно избирает субъективную перспективу видения окружающей реальности, характерную для лица, ведущего художественное повествование. Из этого повествования читатель получает информацию о физических действиях, совершаемых главным героем в момент знакомства с рассказчиком, особенностях восприятия героя рассказчиком.

Рассказчик вспоминает знакомство с главным героем, которое произошло в неопределенном прошлом. Представляется, что в рассматриваемом контексте аспектуальная характеристика глагольных предикатов, а именно употребление в совершенном виде (ср. *отвел глаза* и т.д.) фокусирует читательское внимание на таких реалиях воспроизводимой ситуации, как:

- цельность психологической природы главного героя, его немногословность (семантика глагольных предикатов, с опорой на которые конструируется образ Аполлона Безобразова, фиксирует наблюдательную позицию героя, резкость и отрывистость его действий (ср. *снял и опять надел фуражку*); отсутствуют глаголы говорения);
- прозаичность и заурядность телодвижений героя (ср. *встал, бросил папиросу*);
- законченность, доведенность до результата действий героя (в повествовании превалирует такая частная реализация совершенного вида предикатов, как конкретно-фактическое значение, которое указывает на единичность действий в их цельности, ср. *раздумал, спокойно сошел*).

Употребление глагольных предикатов, выражающих физическую активность Аполлона Безобразова при первой встрече с рассказчиком, сопровождается дейктическими средствами, которые указывают на удаленность описываемых действий во времени (ср. *тогда, в тот же памятный день*, повторяющееся *потом*). Такая темпоральная плоскость, в рамках которой реконструируются движения Аполлона Безобразова в текстовом пространстве, свидетельствует о том, что производимые им движения находятся в долгосрочной памяти рассказчика, последовательно активируются им в повествовании, возможно, лишь в целях соблюдения хронологической канвы ситуации знакомства с главным героем.

Художественное повествование приобретает форму воспоминания о событии, которое в дальнейшем повлияло на последующую судьбу рассказчика: повествующий субъект извлекает из долгосрочной памяти фрагменты события, формирует из них непрерывную сюжетную линию. Осмысливая это повествование, читатель эксплицирует неявную информацию о психологическом портрете Аполлона Безобразова через признание субъективной перспективы видения события рассказчиком. Языковой основой экспликации смыслового содержания в анализируемом контексте становятся именно дейктические средства, сочетающиеся с глагольными предикатами с конкретно-фактическим видовым значением.

³ Там же, с. 16 – 18. Ibid, p. 16–18.

Метафорически выражаясь, ситуацию знакомства рассказчик «снимает» статической кинокамерой в удаленном ракурсе, однако статичность воспроизводимой сцены является иллюзорной, поскольку создает основу для читательского динамического отождествления с цельным образом главного героя через познание его внешних проявлений и, как следствие этого, проникновение в его внутренний мир. Дейктические средства, фиксирующие удаленность воссоздаваемого события во времени, функционируют как своеобразные пространственно-временные настройки «кинокамеры» рассказчика. Эти средства содержат важные импликации, предопределяющие низкую степень читательского отождествления с образом главного героя.

Подобная эмпатическая ситуация объясняется тем, что основной объем важной информации о герое читатель призван самостоятельно извлечь из подтекста повествования, проникает во внутренний мир героя, исходя из пространственно-временных характеристик его внешних физических проявлений, действий-реакций на стимулы воображаемой реальности. Рассказчик обеспечивает читателю лишь «удаленный» внешний фон описываемой ситуации, не выявляя палитры личностных переживаний, связанных с постижением образа главного героя. Прибегая к метафоре, можно говорить о том, что рассказчик, настраивая кинокамеру на удаленный ракурс, выступает как художник-постановщик внешнего интерьера ситуации повествования, фиксирующий внимание читателя лишь на внешних проявлениях личности главного героя.

Отметим, что в анализируемом тексте рассказчик также играет роль персонажа, участвующего в воспроизводимом событии. Свои внешние движения и реакции он также описывает в формате дейктического удаленного воспроизведения и конкретно-фактического способа действия (ср. *тогда я тоже неловко спрыгнул с лодки... и пошел за ним*). Тем самым рассказчик делает попытку:

- приблизиться в воспоминаниях к отдаленному образу Аполлона Безобразова, ментально испытать ситуацию знакомства с героем, тем самым активировать эту ситуацию в оперативной памяти;
- ввести свое индивидуальное *Я* в пространственно-временное измерение, единое с героем, тем самым наметить возможность будущего *Мы* (т.е. герой + рассказчик), которое получает развитие в последующем изложении событийной канвы повествования;
- отдалиться от читательского восприятия с целью фокусировать внимание адресата текста на потребности последующего отождествления с образом Аполлона Безобразова с учетом пространственно-временной перспективы повествования.

Исключение из указанной выше закономерности представляет момент установления фатического контакта между участниками художественного повествования, зарождения дружбы между ними: удаленность во времени и пространстве резко переходит в неформальную приближенность, конкретно-фактический способ глагольного действия заменяется на стательный, некратный, длительный в аспекте временной реализации (ср. *теперь Аполлон Безобразов смотрел на меня довольно долго*).

Очевидно, что данный фрагмент события хранится в оперативной памяти рассказчика, он всегда о нем помнит, возможно, вследствие того, что представляет собой сиюминутную невраждебную реакцию главного героя на его индивидуальное *Я*, проявление интереса к его личности. Вследствие этого действие зрительного восприятия Аполлона Безобразова воспроизводится как неопределенно длительное (ср. *смотрел на меня довольно долго*), приближенное во временном плане (ср. *теперь*).

Исходно отдаленный образ героя мгновенно трансформируется в личность субъекта, близкого по духу и жизненным установкам. Подобное смысловое содержание, в частности, эксплицируется читателем и из контекстуально обусловленной семантики указательного местоимения *этот* в дейктической функции (ср. *эти глаза, (не отставать от) этого человека*): пространственная близость в контексте повествования символизирует собой близость духовную. Реконструируя из памяти данный сегмент некогда пережитого события, рассказчик выступает уже как режиссер воссоздаваемой ситуации, проецирующий возможность высокой степени читательского отождествления с образом главного героя.

Читатель воспринимает Аполлона Безобразова не в отдаленном ракурсе (как это имело место при активации дейктических средств *тогда, потом*), а сквозь призму субъективной перспективы видения рассказчиком, намеренно приближенной во времени и пространстве. Аналогичную перспективу избирает и читатель, по воле автора, отождествляющий свою личность с образом главного героя.

Местоимения *этот / эти* и *тот / те*, указывающие на приближенное / удаленное положение предметов по отношению к субъекту речи, в дискурсе рассказчика имплицируют важную информацию о пространственных характеристиках ситуаций, воспроизводимых в памяти, прагматическом отношении

к фактам, элементам ситуации, иным персонажам, участвующим в развитии сюжетной канвы повествования. Ср. специфику акцентирования читательского внимания на временном плане описания кульминации бала и появления нового персонажа на сцене повествования в контексте одного абзаца:

(4) «**В этот час...** развеселили самых молчаливых... **В этот час...** важно всякому, чтобы вообще еще пилось и игралось что-то... **В час этот...** появилось новое лицо... и уселось на диван. Лоб у этого лица был непомерно высок... **Лицо это** было бледно... **Голова эта** на тонкой шейке... имела какое-то детское выражение...»⁴.

Намеренно приближая памятное событие во времени, соизмеря некогда произошедшее с моментом повествования, рассказчик фактически «расщепляет» его на несколько составляющих, каждая из которых представляет собой отдельно взятый сгусток впечатлений. Повтор номинативного словосочетания с временной семантикой, включающего в свой состав указательное местоимение *этот*, в позиции абсолютного начала каждого высказывания драматизирует повествование, создает эффект визуализации вымышленной действительности. Драматизм и визуализация, в свою очередь, стимулирует читателя принять пространственно-временную перспективу рассказчика, который активирует в памяти не целостное событие (ситуацию бала), а только те реалии, которые оказали на него неизгладимое впечатление.

Повтор местоимения *этот* предопределяет высокую степень читательского отождествления с пространственно-временной перспективой изложения события рассказчиком, несмотря на то, что описываемые действия выражаются преимущественно предикатами совершенного вида (ср. с фрагментом (3), в котором при активации подобных предикатов закономерной оказывается соответственно низкая степень). Интенсификация повтора в контексте повествования приводит к тому, что частное конкретно-фактическое значение совершенного вида фиксирует непредвиденность действий, их незапланированный характер (ср. *появилось, уселось*). Вследствие этого в повествовании нарушается мерность течения действий, создаются условия для динамики развития сюжетной канвы.

Повтор анализируемого местоимения не только отражает избирательность оперативной памяти субъекта повествования, заметно приближает элементы описываемой ситуации к фокусу читательского внимания, делает эти элементы объемными в процессе восприятия, но и свидетельствует об эмоционально-оценочном отношении рассказчика к этим элементам, его эмпатической связи с субъектами, участвующими в описываемой ситуации. Очевидно, что рассказчик испытал симпатию к появившемуся новому действующему лицу повествования (Терезе), что подчеркивается инверсией компонентов в номинативном словосочетании с темпоральной семантикой (ср. *в час этот*). Варьирование элементов в структуре повторяющегося словосочетания деавтоматизирует читательское внимание, стимулирует адресанта текста сфокусироваться на образе нового персонажа (ср. с отсутствием эмфатического вынесения местоимения *этот* в постпозицию при описании внешнего портрета Аполлона Безобразова, с которым желает познакомиться рассказчик во фрагменте (3)).

Последующее описание Терезы также реализуется рассказчиком в приближенном ракурсе (ср. у *этого лица*). Указательное местоимение в двух последних высказываниях фрагмента занимает постпозицию по отношению к определяемому именам существительным (ср. *лицо это, голова эта*). Воспроизведение внешнего портрета Терезы выдвигается в сильную позицию повествования, что, опять-таки, стимулирует читателя принять пространственно-временную перспективу изложения события, отождествить свое психологическое Я с личностью нового персонажа.

Описание внешнего портрета Аполлона Безобразова и Терезы до непосредственного момента знакомства с данными героями обеспечивается рассказчиком в ракурсе максимального временного и пространственного приближения к моменту текущего повествования. Данный ракурс описания внешнего проявления и внутренней жизни сохраняется и в последующем развитии сюжетной линии повествования, в отдельных контекстах усиливается на фоне контраста с образами иных персонажей, отдаленных и поэтому совсем не интересных рассказчику. Ср.:

(5) «... углы комнаты еще погружены во мрак, **там** спят убитые алкоголем и шепчутся вечно бодрствующие развратники, а **здесь**, посреди зала, медленно выплывая из мрака... в последний раз танцуют влюбленные...»⁵;

⁴ Там же, с. 77–79. Ibid, p. 77–79.

⁵ Там же, с. 89. Ibid, p. 89.

(6) «**Тем временем** праздник погибал... обезображенные утомлением, еще вяло шутили **те**, кто не нашли в себе силы ... вырваться к встающему утру...»⁶.

Заурядные персонажи, лишённые возвышенных проявлений и безликие, вызывают у рассказчика потребность дистанцироваться, вывести их образы за фокус читательского внимания. В соответствии с прагматическими намерениями рассказчика такие персонажи воссоздаются в образе *тех*, существующих *там*, где царит мрак и будничность. В картине мира рассказчика подобные персонажи расцениваются в качестве антипода героям повествования, что становится неявным содержанием конструируемого контраста, разводящего Аполлона Безобразова и Терезу, с одной стороны, и остальных гостей бала, с другой стороны, по диаметрально противоположным пространствам, несмотря на общность их местоположения в текущий момент повествования (ср. *там...*, *здесь...*). Контрастные отношения между двумя пространствами усиливается противительным союзом *а*, который одновременно маркирует их соприсутствие и несхожесть в едином пространственно-временном континууме. Рассказчик намеренно отдаляет ситуацию окончания бала во времени (ср. *тем временем праздник погибал...*), поскольку возникающая физическая и психологическая атмосфера уже не вызывает возвышенные эмоции.

Читатель, разделяя субъективную перспективу пространственно-временного видения заключительной фазы ситуации бала, выражает симпатию к миру *здесь*, дистанцируясь от мира *там*. Дейктические средства, отмеченные во фрагментах (5) и (6), указывающие на приближенное / отдаленное положение объектов в пространстве и во времени, концентрируют читательское внимание на прагматическом отношении рассказчика к действующим лицам, участникам бала, эксплицируют информацию, важную для интерпретации ценностных ориентиров рассказчика в воссоздаваемом континууме.

Заключение

В статье объективированы причинно-следственные взаимосвязи между такими параметрами художественной коммуникации, как лингвистическое своеобразие текста и отождествление с образом персонажа, наблюдаемое в читательском сознании. Доказано, что процессы читательского отождествления с образом персонажа обладают многомерной природой, предопределяются комплексами языковых средств, которые задействует автор в целях характеристики субъективной перспективы видения протагонистом воображаемой реальности. Проанализирован имплицативный потенциал дейктических средств (личных местоимений, наречий с временной семантикой, указательных местоимений) в процессе читательского отождествления с образами рассказчика и главного героя с учетом пространственно-временных координат художественного повествования. Детализированы взаимосвязи между дейктическими средствами, указывающими на приближенность / удаленность предметов в пространстве и во времени, и частными значениями совершенного / несовершенного вида глагольных предикатов в терминах определения прагматического отношения рассказчика к разным персонажам, участвующим в разворачивании сюжетной канвы художественного повествования.

Художественный текст представляет собой семиотическую репрезентацию последовательности событий, связанных семантическими отношениями на основе определенных пространственно-временных границ. Автор задействует комплексы дейктических средств, чтобы облегчить читателю экспликацию смыслового содержания повествования и – как следствие этого – отождествление адресанта текста с психологическим портретом главного героя.

В ходе интерпретации субъективной перспективы видения вымышленной реальности, вырабатываемой персонажем по мере развития сюжетной линии текста, соотнесения этой перспективы с собственной системой мировидения, читатель анализирует языковые сигналы, используемые автором для конструирования точки зрения протагониста как своеобразной личностной реакции на стимулы, поступающие из окружающего его мира. При этом нами выявлена структура читательского отождествления с образом персонажа, включающая целый ряд параметров. Каждый из этих параметров рассматривается нами как личностно-психологический отклик читателя на специфические языковые средства, с опорой на которые воспроизводится точка зрения персонажа и его физическая и ментальная активность.

Архитектоника ситуаций, значимых в разворачивании сюжетной линии повествования, промежуточные эпизоды отражают долгосрочную и оперативную память рассказчика, разворачиваемую в пространстве и во времени в приближенном и удаленном ракурсе. В результате читатель воспринимает время и пространство не только как объективные феномены, но и манифестацию индивидуального

⁶ Там же, с. 92. Ibid, p. 92.

опыта рассказчика, постигающего ускользающую природу реальности, фиксирующего эту реальность в тексте. В семантическом плане дейктические средства оказываются имманентно связанными с частными значениями аспектуальных характеристик глагольных предикатов, выражающих действия персонажей в воспроизводимых ситуациях.

Пространственный и темпоральный дейксис трактуется в исследовании как прагматическое средство отражения чувственно-волевой сферы рассказчика, его ценностных ориентиров в процессе повествования о главных героях и второстепенных персонажах. С опорой на данное средство осуществляется манипулирование текущим вниманием читателя, ориентирующегося в пространственно-временном континууме повествования, эксплицирующего смысловое содержание об эмпатическом / дистанцирующемся отношении рассказчика к действующим лицам (в том числе еще не знакомых ему). В процессе экспликации этих смыслов читатель отождествляет свою точку зрения на воспроизводимые события, отождествляясь с субъективной перспективой видения пространственных и временных рамок событийности, о которой повествует рассказчик.

Список литературы

1. Krieken van K., Hoeken H., Sanders J. Evoking and Measuring Identification with Narrative Characters – A Linguistic Cues Framework. *Frontiers in Psychology*. 2017; 8: 1-16. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01190>.
2. Walter N., Bilandzic H., Schwarz N., Brooks J.J. Metacognitive Approach to Narrative Persuasion: The Desirable and Undesirable Consequences of Narrative Disfluency. *Media Psychology*. 2020; 24 (5): 1-27. <https://doi.org/10.1080/15213269.2020.1789477>.
3. Appel M., Schreiner C., Haffmans M.-B., Richter T. The Mediating Role of Event-Congruent Emotions in Narrative Persuasion. *Poetics*. 2019; 77: 27-46. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2019.101385>.
4. Боровкова А.А. Множественный рассказчик и читатель: прагматические основания установления интерперсонального контакта. *Гуманитарные и социальные науки*. 2018; 3: С. 46-56. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2018-68-3-46-56>.
5. Hamby A., Brinberg D., Jaccard J. A Conceptual Framework of Narrative Persuasion. *Journal of Media Psychology. Theories, Methods, and Application*. 2016; 30 (3): 1-12. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000187>.
6. Геворкян С.С. Повествовательная техника рассказчика в романе Дж. Хеллера «Поправка-22»: беспристрастность, иллюзия, контраст. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022; 15, 6: 1818-1824. <https://doi.org/10.30853/phil20220330>.
7. Ichino A. Narrative Transportation and the Power of Fiction. *Acme*. 2019; 1: 267-282. <https://doi.org/10.13130/2282-0035/13219>.
8. Graaf de A., Hoeken H., Sanders J., Beentjes H. The Role of Dimensions of Narrative Engagement in Narrative Persuasion. *Communications*. 2009; 34 (4): 385-405. <https://doi.org/10.1515/COMM.2009.024>.
9. Fernandez-Quintanilla C. Textual and Reader Factors in Narrative Empathy: An Empirical Reader Response Study Using Focus Groups. *Language and Literature*. 2020; 29 (2): 124-146. <https://doi.org/10.1177/0963947020927134>.
10. Протасова Е.Ю. Чужая речь и коммуникация с представителями иных культур в современной художественной литературе. *Коммуникативные исследования*. 2021; 8; 3: 465-480. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8\(3\).465-480](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(3).465-480).
11. Розин В.М. Искусство как форма индивидуальной творческой жизни, художественная коммуникация и концептуализация. *Культура и искусство*. 2022; 1: 43-56. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2022.1.37303>.
12. Fähræus A. W. E. Fiction as a Means to Understanding the Dynamics of Empathy: A 3-year Empirical Study with Students. *Educare*. 2020; (3): 46-76. <https://doi.org/10.24834/educare.2020.3.2>.
13. Масленникова Е.М. Читательская проекция текста как его интерпретация: «живое знание» и внутренний контекст. *Этнопсихоллингвистика*. 2022; 1(8): 35-49. <https://doi.org/10.31249/epl/2022.01.03>.
14. Масленникова Е.М. Культурная память текста и слова: (не) совместимость автора и читателя. *Вестник тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2022; 2 (73): 180-184. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2022.2.180>.

15. Walkington Z., Ashton Wigman S., Bowles D., The Impact of Narratives and Transportation on Empathic Responding. *Poetics*. 2020; 80: 1-8. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2019.101425>.

16. Масленникова Е.М. Коммуникативные установки и ценностное содержание художественного текста: границы (не)понимания. *Этнопсихоллингвистика*. 2021; 3 (6): 19-29. <https://doi.org/10.31249/epl/2021.03.02>.

17. Кузнецова А.В. Авторская модальность «рамки» художественного текста: прагмасемантический аспект. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022; 4: 105-114. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-4-105-114>.

18. Stansfield J., Bunce L. The Relationship between Empathy and Reading Fiction: Separate Roles for Cognitive and Affective Components. *Journal of European Psychology Students*. 2014; 5(3): 9-18. <https://doi.org/10.5334/jeps.ca>.

19. Евсюкова Т.В., Геворкян С.С. Категория отрицания как средство манипулирования читательским вниманием в романе Дж. Хеллера «Поправка-22»: дискурсивный подход. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022; 4: 94-104. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-4-94-104>.

20. Лазарев В.А., Ларина Т.Ю. Интерпретация романа Ч. Паланика «Бойцовский клуб» в терминах философии нигилизма Ф. Ницше. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022; 4: 193-203. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-4-193-203>.

References

1. Krieken van K, Hoeken H, Sanders J. Evoking and measuring identification with narrative characters – A linguistic cues framework. *Frontiers in Psychology*. 2017; 8: 1-16. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01190>.

2. Walter N, Bilandzic H, Schwarz N., Brooks JJ. Metacognitive approach to narrative persuasion: The desirable and undesirable consequences of narrative disfluency. *Media Psychology*. 2020; 24 (5): 1-27. <https://doi.org/10.1080/15213269.2020.1789477>.

3. Appel M, Schreiner C, Haffmans M-B, Richter T. The Mediating role of event-congruent emotions in narrative persuasion. *Poetics*. 2019; 77: 27-46. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2019.101385>.

4. Borovkova AA. Multiple narrator and reader: pragmatic grounds for establishing interpersonal contact. *Humanities and social sciences*. 2018; 3: C. 46-56. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2018-68-3-46-56>. (In Russ.).

5. Hamby A, Brinberg D, Jaccard J. A Conceptual framework of narrative persuasion. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Application*. 2016; 30 (3): 1-12. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000187>.

6. Gevorkyan SS. Narrative technique of the narrator in the novel by J. Heller's «Catch-22»: impartiality, illusion, contrast. *Philology. Theory & Practice*. 2022; 15, 6: 1818-1824. <https://doi.org/10.30853/phil20220330>. (In Russ.).

7. Ichino A. Narrative transportation and the power of fiction. *Acme*. 2019; 1: 267-282. <https://doi.org/10.13130/2282-0035/13219>.

8. Graaf de A, Hoeken H, Sanders J, Beentjes H. The role of dimensions of narrative engagement in narrative persuasion. *Communications*. 2009; 34 (4): 385-405. <https://doi.org/10.1515/COMM.2009.024>.

9. Fernandez-Quintanilla C. Textual and reader factors in narrative empathy: An empirical reader response study using focus groups. *Language and Literature*. 2020; 29 (2): 124-146. <https://doi.org/10.1177/0963947020927134>.

10. Protasova EY. Alien speech and communication with representatives of other cultures in modern fiction. *Communication studies*. 2021; 8; 3: 465-480. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8\(3\).465-480](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(3).465-480). (In Russ.).

11. Rozin VM. Art as a form of individual creative life, artistic communication and conceptualization. *Culture and art*. 2022; 1: 43-56. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2022.1.37303>. (In Russ.).

12. Fähræus AWE. Fiction as a means to understanding the dynamics of empathy: A 3-year empirical study with students. *Educare*. 2020; (3): 46-76. <https://doi.org/10.24834/educare.2020.3.2>.

13. Maslennikova EM. Reader's projection of the text as its interpretation: «living knowledge» and internal context. *Ethnopsycholinguistics*. 2022; 1(8): 35-49. <https://doi.org/10.31249/epl/2022.01.03>. (In Russ.).

14. Maslennikova EM. Cultural memory of text and word: (not) compatibility of author and reader. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*. 2022; 2 (73): 180-184. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2022.2.180>. (In Russ.).

15. Walkington Z, Ashton Wigman S, Bowles D. The impact of narratives and transportation on empathic responding. *Poetics*. 2020; 80: 1-8. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2019.101425>.
16. Maslennikova EM. Communicative attitudes and value content of a literary text: the boundaries of (not) understanding. *Ethnopsycholinguistics*. 2021; 3 (6): 19-29. <https://doi.org/10.31249/epl/2021.03.02>. (In Russ.).
17. Kuznetsova AV. The author's modality of the «framework» of a literary text: the pragmasemantic aspect. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2022; 4: 105-114. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-4-105-114>. (In Russ.).
18. Stansfield J, Bunce L. The relationship between empathy and reading fiction: separate roles for cognitive and affective components. *Journal of European Psychology Students*. 2014; 5(3): 9-18. <https://doi.org/10.5334/jeps.ca>.
19. Evsyukova TV, Gevorkyan SS. The category of negation as a means of manipulating the reader's attention in the novel by J. Heller's «Catch-22»: a discursive approach. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2022; 4: 94-104. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-4-94-104>. (In Russ.).
20. Lazarev VA, Larina TYu. Interpretation of the novel by C. Palahniuk «Fight Club» in terms of Nietzsche's philosophy of nihilism. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2022; 4: 193-203. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-4-193-203>. (In Russ.).

История статьи:

Получена: 19.07.2023

Принята: 14.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 19.07.2023

Accepted: 14.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторах:

Кудряшов Игорь Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и русского языка, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; *e-mail*: igalk@mail.ru.

Турanova Анастасия Юрьевна, аспирант кафедры теории языка и русского языка, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; *e-mail*: turanova.anastasiya@yandex.ru.

Bionotes:

Igor A. Kudryashov, Prof.Dr.habil. (Philology), Professor of the Language Theory and the Russian Language Department, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; *e-mail*: igalk@mail.ru.

Anastasia Yu. Turanova, PhD student of the Language Theory and the Russian Language Department, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; *e-mail*: turanova.anastasiya@yandex.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Оригинальная статья

УДК: 82'06+81'42

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-145-156>

Развенчание языка церкви Л.Н. Толстым в романе «Воскресение»

Молнар Ангелика

Дебреценский университет (Венгрия, Дебрецен);

ORCID ID: 0000-0002-7896-1480;

Russian Index of Citation Author ID: SPIN-код: 1146-9936;

Web of Science Researcher ID: C-9032-2019;

Scopus Author ID: 57224933518;

e-mail: mandzsi@gmail.com

Резюме: В статье рассматривается, во-первых, монологическое повествовательное слово в романе Л.Н. Толстого «Воскресение», в котором важное место занимают церковный обряд и лексика, связанная с церковной жизнью; а во-вторых, ярко выраженный баланс в утверждениях посредством дискурсивных образов. Актуальность исследования обусловлена тем, что с течением времени интерес к первому аспекту продолжает усиливаться, и происходит это на фоне нивелирования значения второго. Поэтому настоящее исследование направлено не на вступление в дискуссию об идейных установках писателя, а скорее на выявление в этой связи некоторых повторяющихся деталей, мотивов и метафорических конструкций, встречающихся в тексте романа. Целью статьи является изучение поэтических элементов определенных фрагментов текста романа Л.Н. Толстого «Воскресение», которые создаются вопреки идеологической трактовке и развенчанию языка церкви. Выявляются нарративные приемы, при помощи которых в «Воскресении» высмеиваются религиозные обряды и язык церкви. Применяются методы лингвопоэтического и нарратологического анализа. Основные выводы проведенного исследования заключаются в том, что в то время как слова, предметы, элементы и акты действия пасхального восхождения и причащения разоблачаются в наррации, подлинное душевное воскресение презентуется при помощи природных и звуковых мотивов и реализации метафор на уровне авторской идиостилистики. В результате такого анализа можно утверждать, что в романе Толстого ориентированность на замкнутые институты власти сменяется подлинной дорогой к прозрению. Таким образом писатель обнажает безжизненные слова обряда, освобождает язык от внешнего насилия и открывает перед ним новые перспективы, которые и воплощаются в романе «Воскресение».

Ключевые слова: Толстой, «Воскресение», церковь, развенчание, построение, поэтические образы.

Для цитирования: Молнар А. Развенчание языка церкви Л. Н. Толстым в романе «Воскресение». *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 145–156. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-145-156>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-145-156>

Destruction of Church Language by Leo Tolstoy in the “Resurrection” Novel

Angelika Molnár

University of Debrecen (Hungary, Debrecen);
ORCID ID: 0000-0002-7896-1480;
Russian Index of Citation Author ID: SPIN-код: 1146-9936;
Web of Science Researcher ID: C-9032-2019;
Scopus Author ID: 57224933518;
e-mail: mandzsi@gmail.com

Abstract: The paper examines, firstly, the monologue narrative word in Leo Tolstoy’s novel “Resurrection”, which exposes the church language and ritual; and secondly, a strong balancing of thesis through discursive images. The relevance of the study is due to the fact that the increased interest in the first topic is timeless due to the belittling of the significance of the second, so this study is not aimed at entering into a discussion about the ideological attitudes of the writer, but rather at identifying in this regard some recurring details, motifs and metaphorical constructions generated by the text of the novel. Thus, the aim of the paper is to study the poetic elements of certain fragments of the text of Tolstoy’s novel “Resurrection”, which are created contrary to the ideological interpretation and debunking of the language of the church. Regarding the method of research: for analysis, on the one hand, narrative techniques are highlighted, with the help of which religious rites and language in the “Resurrection” are ridiculed, and on the other, methods of linguapoetic analysis are used. The main conclusions of the study are that while the words, objects, elements and acts of action of Easter praise and communion are exposed in narration, the true spiritual resurrection is presented with the help of natural and sound motifs and the implementation of metaphors at the level of the author’s idiosyncrasies. As a result of this analysis, it can be argued that in Tolstoy’s novel, closed institutions of power are replaced by a genuine road to enlightenment. Thus, the writer exposes the petrified words of the rite, frees the language from external violence and opens up new perspectives for it, which becomes the “Resurrection”.

Keywords: Tolstoy, “Resurrection”, religion, destruction, construction, poetic images.

For citation: Molnár Angelika. Destruction of Church Language by Leo Tolstoy in the “Resurrection” Novel. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 145–156. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-145-156> (In Russ.).

Введение

В литературно-критических работах много говорится о том, что для повествовательного слова в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» характерна сильная идеологичность, однако реже упоминается умение писателя создавать метафорические образы. К таковым можно отнести слова, обозначающие необычные явления и детали, которые развенчиваются и предстают как обыденные, повседневные, а также орнаментальное воспроизведение одних и тех же компонентов текста. Но наиболее любопытными являются поэтические трансгрессии, встречающиеся в тексте романа [1]¹, которые индифферентно, опосредованно выражают слишком прямые оценочные высказывания нарратора.

Цель статьи состоит в анализе элементов поэтики романа Л.Н. Толстого «Воскресение», которые создают баланс идеологической трактовки, и в доказательстве на этом основании производимом писателем развенчания языка церкви.

¹ Толстой Л.Н. Воскресение. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 32. М.: Худ. лит.; 1936. Доступно по: <https://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/1000/> <https://tolstoy.ru/online/90/32/>. Ссылка активна на: 23.05.2023. Tolstoy L.N. Resurrection. The Complete Works in 90 vol. Vol. 32. М., Hud.lit., 1936. Available at: <https://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/1000/> <https://tolstoy.ru/online/90/32/>. Accessed at: May 23, 2023. (In Russ.). Все выделения в цитатах полужирным шрифтом. – наши (А.М.).

Обзор литературы

Суждение Священного синода об «отпадении» графа от православной церкви из-за провозглашаемых им вследствие пережитого им духовного кризиса новых убеждений (в частности, в «Воскресении») уже более ста лет является предметом горячих споров и дискуссий (см. напр. [2]). Отмечается незаконность, формальное несоответствие и неприемлемость этого шага (см. высказывания религиозных мыслителей и публицистов, например Василия Розанова [3], который, при всем своем несогласии с писателем, находили резон и в его позиции, и в праве придерживаться ее), а также его предыстория, последствия и меры противодействия. На эту тему из новейших обращений особый интерес составляет книга Павла Басинского о причастности Иоанна Кронштадтского к постановлению Синода [4].

Мы не намерены откликаться на эти аспекты события, ибо наша задача состоит в том, чтобы проследить, с одной стороны, нарративные оценочные позиции в описании церковных служб в романе Л.Н. Толстого, а с другой – поэтические детали, мотивы и метафоры, которые выстраиваются в данном контексте в произведении. В.Б. Шкловский лишь намекал на применение метода остранения в этой связи [5], другие исследователи упоминали прием, но тоже не вдавались в подробности, как он, на самом деле, действует при детализации религиозных обрядов и догматов, которые Толстой в своем романе не обличал, как сатирик, а именно обнажал их язык и положения (например, их механичность, бессмысленность или же утверждение божественной сути Христа) во имя прахристианских идеалов, опрощения как слова, так и дела. Отметим, что темой современных исследований является также проблема морализации у Достоевского и Толстого [6]. Помимо идейных вопросов, внимание обращается и на технику письма у этих мастеров слова [7].

Правда, имеются разные подходы к изучению презентации церковных учреждений и ритуалов в романе Толстого, исследователи выявили даже некоторые соответствующие оппозиции в тексте, однако всё же на первый план постоянно выдвигаются вопросы идеологической позиции писателя. Так, составители текстологически проверенного варианта романа особое внимание уделяют истории создания произведения, жизненному материалу, а также развитию не только идей Толстого, но и некоторых поэтических приемов, как контрасты (городской и деревенской жизни) или портретизация в «Воскресении». Между тем они во всех авторских правках раскрывают социальную подоплеку программы Толстого, транслируемой повествователем [8].

Другие работы о романе Толстого дополняют новыми деталями историю создания романа, но фокусируются на мысли о том, что герои являются как рупорами писателя, так и попутчиками в его поисках ответа на нравственные вопросы [9]. Их выводы несколько противоречат, но, с другой стороны, подтверждают положения А.П. Скафтымова о том, что поздний Толстой считал искусство лишь средством проявления т.н. «истины», т.е. идеи [10].

Следует отметить, что в разных сборниках материалов или разделах журналов заключаются интересные материалы о редакциях текста, о проблематике преступления, вины и искупления и т.п. Кроме идейно-содержательного пласта должное внимание отводится и изучению языковых особенностей романа. Рассматриваются и его дискурсивные стратегии и стилистическая специфика, однако намеченного Шкловским лингвопоэтического анализа недостает и здесь.

Выявление дезавтоматизации, противопоставление повествовательной и поэтической плоскостей текста также отсутствует и в других работах, так как в них акцент делается скорее на лингвистическом аспекте, как, например, в книге Д.А. Романова [11], широко исследующего язык романа, или же у В.Г. Андреевой, которая применяет подобный метод исследования текста романа [12], а в статьях С.А. Смирновой и А.А. Сусловой предпринято рассмотрение сферы употребления церковных слов в романе [13]. В каждом случае раскрывается желание Толстого продемонстрировать проблему отношения церкви и подлинной веры.

Добавим, что, по мнению Г.Я. Галаган, целью ищущего Толстого было развенчание традиционного взгляда на ценности [14]. Эта концепция в некоторой степени созвучна с нашими размышлениями о деконструкции канонов Толстым. Андрей Тарасов в своей книге представляет разные взгляды на толстовское духовно-религиозное мировоззрение, которое нашло свое отражение в его творчестве. Утверждения об анархизме Толстого, подобные выдвинутым Г.Я. Галаган, противопоставляются точке зрения на писателя как на православного учителя [15].

На наш взгляд, стоит осветить поиски писателя и в создании неканонического, простого слова: как известно, он находил истоки такого языка в народных сказках и евангельских притчах. Знаменательно,

что в конце романа приводятся фразы Евангелия, что многие (см. труды В.Я. Лакшина, Г.А. Бялого и др.) считали не настоящим завершением «Воскресения», лишь началом пути героя к воскресению. Однако, возможно, дело именно в том, что Толстой представил путь языка к очищению от излишних догматических законов и чересчур изоощренных наслоений. Следовательно, в связи с обозначенной темой необходимо обратиться к положениям известных толстоведов, а в проблематике представления церковной службы нарочито сниженным словом – к постулатам, выдвинутым В. Шкловским.

Итак, в основе статьи лежит последовательное развитие утверждений известного ученого-формалиста о том, что детализация «опустошенными», лишенными сакрального смысла словами является ярким примером остранения в романе Толстого.

Методы исследования определяются материалом исследования, т.е. применяются приемы лингво-поэтического и нарратологического анализа, в результате которых обнажаются религиозные обряды и язык и создается новое слово. Данная методология позволяет установить разницу между развенчивающим церковный язык повествовательным словом и строящим отличный от него язык поэтическим словом. Анализ словесных мотивов и метафор текста помогает уточнить направление исследовательских поисков.

Результаты и дискуссия

1. Провинциальная церковь

Воскресение не только является заглавием и основной темой романа Л.Н. Толстого, но и получает конкретизацию в повторяющихся описаниях церковного праздника. В первый раз нарратор (носитель монологической идеологичности) отмечает, по какой трудной дороге духовные лица добираются в имение теток героя, чтобы отслужить заутреню «накануне Светло-Христово Воскресения».² Более пристальное внимание он обращает на подобные элементы при описании посещения церкви Нехлюдовым, поскольку такая служба может казаться более правильной и искренней. Верующий народ же не может себе позволить вызвать священника, а сам добирается до сакрального места. Разницу между топосами показывает и то, что дома герой христосуеться только по инерции: во время совершения ритуала он следит за Катюшей, которая приносит кадила. Когда же она собирается «святить куличи и пасхи», он решает поехать за ней в церковь. Герой добирается на верховом, «братцевом», «не перестававшем ржать старом жеребце».³ Здесь фигура князя напоминает образ Дон Кихота, что делает его одновременно смешным и искренним. Однако в церкви он выделяется из толпы, так как одет «в блестящий мундир». Внутренняя борьба героя проявляется в конфликте между преодолением трудностей бездорожья и непогоды, и самолюбием, желанием показаться свету. Из луж спасают его мужики и провожают его до церкви. В этом поступке заметно добродушие простых людей, в отличие от проявляющейся в городе услужливости духовных лиц перед князем. В тексте романа маркируются контрасты между белым и черным цветами («черной темноте, кое-где... освещаемой белеющим снегом»⁴), влажностью и сухостью и т.п.

Присутствие золота и свечей в деревенской церкви не оценивается в наррации негативно, в отличие от последующего описания избыточной и фальшивой острожной службы. Всё как будто служит оживлению и освещению: «Золотой иконостас горел свечами». Пасхальная служба представляется в тексте романа в радужных цветах и красках, которые наиболее впечатляют героя и сохраняются, как «одно из самых светлых и сильных воспоминаний».⁵ Ритуал, посвященный воскресению Христа, наполняет душу героя радостью, приятным волнением в силу присутствия в нем героини. Нехлюдов свой взгляд сосредоточивает на Катюше, «потому что она – центр всего». Ее белый наряд отражает ее светлое, чистое и наивное настроение духа, о чем свидетельствуют детали другого цвета: голубой пояс и красный бантик (отметим, что подобный эпизод с акцентом на «прикосновении» можно наблюдать и в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»).

В фокусе внимания наблюдателя (героя, а через него и нарратора) после службы находятся праздничные обычаи простого народа, отмечающего Пасху: люди искренне христосуются, целуются, дарят друг другу яйца. При выполнении обычаев снова повторяется характеристика внешности героини, в

² Там же. Ibidem.

³ Там же. Ibidem.

⁴ Там же. Ibidem.

⁵ Там же. Ibidem.

этот раз с некоторыми дополнениями, относящимися к главной детали ее портрета: «нежные, чуть-чуть от бессонной ночи **косящие** глянцевиые черные глаза»⁶. Катюша и Нехлюдов теряются, нужно ли им целоваться три раза по предписанию. При этом она всё еще смотрит на него с «покорными глазами», что свидетельствует о том, что она подвластна ему. Повествователь объясняет это так: для героев ночь светлого Воскресения становится временем, «когда любовь эта доходит до своего зенита», когда в ней «нет ничего чувственного». Героиня испытывает чистоту любви «ко всем и ко всему» и в такой любви герой сливается «с нею в одно»⁷. Это не только усиливает их глубокую взаимосвязь, но и особо влияет на героя: вместе с рассветом наступает его просветление, «очищение».

Итак, Нехлюдов полностью проникается настоящим смыслом праздника, заключающемся в словах: «Христос воскресел!», переосмысление которых и составляет главную тему романа. Впоследствии Нехлюдов осознает, что именно после этого кульминационного момента в церкви и наступило их с Катюшей падение. В романном контексте воскресение человека, видимо, может осуществиться лишь в том случае, если он совершает грех, затем кается и вступает на путь искупления, как это делает и герой Толстого: князь изнасиловал «полугорничную» в ночь Пасхи, а через много лет, встретив ее на суде, столкнется с ужасом содеянного и решит спасти как себя, так и ее. На пасхальное время выпадает и новая встреча главных героев – на сей раз в тюрьме. Так может начаться новая история воскресения в результате сложной и долгой работы над собой, когда Нехлюдов становится подлинным, гуманным человеком, а не сфокусированным на своем «эго» или социальном статусе. Этот назидательный сюжет представляется и посредством фигурального текста, компоненты которого выделяются нами и далее.

2. Осторожная церковь

Известно, что описание осторожного пасхального богослужения в романе Толстого вызвало всеобщее неодобрение, даже скандал в религиозных кругах и учреждениях из-за того, что обряд был лишен сакральности. Кроме того, открытые филиппики против государя и его семейства также были восприняты с возмущением.

Детализация осторожной службы действительно пропитана резкой иронией, словно на ней присутствует атеист и высмеивает фразы Священного писания и деяния церковных служителей. В описании службы на первый план выдвигается лишь прямой, неподобающий смысл как жеста, так и слов. Однако помимо нарраторских оценок можно обнаружить и поэтические приемы, в том числе в создании новых мотивов, в частности звуковых и природных.

Перечисление звуков, издаваемых арестантами в церкви, напоминает **треск с реки**, который слышит Нехлюдов во время попыток соблазнения Катюши: «**сморкание, откашливание, крик** младенцев и изредка **звон цепей**»⁸. Это напоминает переключку, а затем слияние голосов петухов и свист соловьев той Пасхальной ночи. Заключенные «**шарахнулись**, нажались друг на друга»⁹, чтобы пропустить вперед зрителя. Сакральные, церковнославянские слова тоже непонятны, искажаются или перебиваются неприятным шумом: при поклоне «**забрэнчали** кандалы», а слово «Иисусе» повторяется «**свистом**»¹⁰. И другие звуки раздражают, например, фальшивый голос священника, просящего спасения, а также неестественный или быстрый модус чтения Деяний апостолов «странным, напряженным голосом»¹¹.

Евангельская история падшей женщины, из которой Христос «изгнал семь бесов», удивительно точно совпадает с романной историей Масловой. На службе вместо Марии Магдалины прославляется Пречистая Мария, непорочная мать Спасителя. Сегменты слова «**Богородица**» повторяются в фонограмматическом ряде в описании акта ее прославления: «**громко** закричал после этого священник из-за перегородки, и **хор торжественно** запел, что очень **хорошо** прославлять **родившую Христа** без нарушения девства девицу **Марию**, которая удостоена за это большей чести, чем какие-то **херувимы**, и ...**серафимы**»¹². При этом создается также внутренняя звуковая рифма: «Христа – девства – чести».

⁶ Там же. Ibidem.

⁷ Там же. Ibidem.

⁸ Там же. Ibidem.

⁹ Там же. Ibidem.

¹⁰ Там же. Ibidem.

¹¹ Там же. Ibidem.

¹² Там же. Ibidem.

Таким же образом приводится отрывок о том, как новоявленный Христос велит своим ученикам идти «проповедовать Евангелие всей твари», а перечисленные чудеса при обретении веры (например, «если выпьет яд, то не умрет»¹³) звучат в этом контексте кощунственно.

В романе Толстого легко можно обнаружить противопоставление страшной убогости тюрьмы и богатой отделки церкви. Озолоченность здания последней свидетельствует о том, что купец, на деньги которого оно строилось, думал так искупить свои грехи. При описании богослужения нарратор акцентирует как богатство **наряда** священника, так и вещественных компонентов воспроизведения жертвоприношения Христа: слугитель одет «в особенную странную и очень неудобную **парчовую** одежду» (161). Возникает межтекстуальный параллелизм, проводимый между ритуальным действием и самоубийством. Как Анне Карениной мешает упасть под поезд красный **мешок**, так и священнику мешает «надетый на него парчовый мешок» равномерно поднимать сакральные предметы, однако подчеркивается, что он всё равно выполняет предписания обряда: «целовал стол и то, что было на нем» и «это место ...было обставлено особенной торжественностью»¹⁴.

Наблюдателю-говорящему кажутся немислимыми и другие акты действия священника, например, размахивание салфеткой «над блюдцем и золотой чашей»¹⁵. Он разоблачает **веру** в трансформацию Бога не особым, а простым словом при помощи глаголов, обозначающих **вероятность**: «Предполагалось, что он съел», «считалось, что превращение совершилось», и определяет это «Манипуляцией». Христос определяется как умирающий и воскресающий Бог, и, видимо, с этим догматом православной церкви Толстой также не согласен. Он своим романом будто предлагает другое толкование: настоящее воскресение следует искать не в том, как стали тело и кровь Спасителя разделанным хлебом и красным вином, а в собственном преобразовании верующего человека.

В этом ключе можно понимать и то, что присутствие невинно заключенных людей в остроге лишает праздник его настоящей торжественности, а слова – настоящего смысла. **Причащаются** в основном дети, словно взрослые не хотят участвовать в этом действе, ибо они – арестанты и находятся в безысходном положении, противоречащем высоким словам и обряду. Значение **слов** в прямом смысле также представляет собой нечто противоестественное, страшное: священник «веселым голосом пел песню о том, что дети едят тело Бога и пьют Его кровь»¹⁶. Нарратор возмущается и из-за надругательства над детьми, как он определяет это, словно сопоставляя падение женщины с церковным соблазнением «“малых сих”», с которыми «Христос отождествлял себя» и которых «подвергают жесточайшим мучениям»¹⁷. В отличие от несчастных бедных, веселость (и бодрость) характеризует в тексте романа, в первую очередь, беззаботных и безответственных людей высшего сословия. Священник тоже принадлежит к ним: он становится веселым (вероятно, от выпитого вина), к тому же, издает скрипучий звук (ср. падение), когда выходит «бодрыми шагами».

Дополнительная, «особенная» служба еще более резко обличается в повествовании, порой принимающем вид богохульства. Обряд же уподобляется идолопоклонству: священник перед «золоченым **изображением** (с черным лицом и черными руками) того самого Бога, которого он ел, освещенным десятком восковых свечей»¹⁸, «поклонился в землю»¹⁹. В тексте этой и следующей подглавы романа образ **креста** получает развитие в силу реализации прямого значения слова, а нарратор добавляет, что Христа распяли именно из-за его проповеди против таких актов действий: «изображение той виселицы, на которой был казнен Христос»²⁰. Слово **виселица** буквально шокирует в данном переименовании святыни.

Образ **черного** Иисуса и грязных заключенных (которые становятся словно равнозначными по сходству их цвета и положения) также сильно отличаются от «золоченого креста», к которому богато одетый священник зовет арестантов приложиться. Как на суде ни один из участников не обращает должного

¹³ Там же. Ibidem.

¹⁴ Там же. Ibidem.

¹⁵ Там же. Ibidem.

¹⁶ Там же. Ibidem.

¹⁷ Там же. Ibidem.

¹⁸ Там же. Ibidem.

¹⁹ Там же. Ibidem.

²⁰ Там же. Ibidem.

внимания на дело Катюши, так и здесь «священник, разговаривая с зрителем, совал крест и свою руку в рот ... арестантам», в то время как они «старались поцеловать» его²¹, т.е. правильно выполнять акт действия обряда.

Таким же образом переосмысливается в романе и значение слова **вера**. Нарратор объясняет мотивации священнослужителей подкупом, деньгами в виде «доходов». Тюремщики, надзиратели находят утешение в такой вере, которая «оправдывала их жестокою службу»²². Большинство арестантов верят во внешнюю сторону религии с надеждой опять же не на спасение, а на комфортную жизнь: в этих «иконах, ... повторениях непонятных слов "Иисусе Сладчайший" и "помилось" заключается таинственная сила», но, увы, «молитвы их остались неисполненными»²³. Вместе с тем только немногие отождествляют веру с «обманом» – это слово, которое также является в романе осуждающим. Заключенная Маслова теперь принадлежит к числу безразличных, ибо выполняет акты обряда лишь по привычке, по примеру других, не придавая ничему особого значения: «испытывала ... смешанное чувство благоговения и скуки». Во время акафиста она рассматривала Федосьиного мужа «и крестилась и кланялась, только когда все это делали»²⁴.

Нарратор так показывает лишенность смысла богослужения, который должен бы совершиться «для утешения и назидания заблудших братьев». Он утверждает, что все торжественные акты действия, слова контрастируют с несчастьем арестантов: «все были очень рады, когда все похвалы окончились»²⁵. При этом он, как резонер Толстого, проповедует жалость и прощение в отношении приговоренных, отказываясь от их суда, от имени подлинной веры.

В повествовании представлена также известная толстовская позиция о том, что религиозные учреждения и догматы противоречат истинному смыслу христианства. Согласно его мнению, мирской суд и наказание являются насилием над людьми: «Иисус, ... запретил не только такое **бессмысленное** многоглаголанье», но и «**судить** людей и держать их в заточении, ... сказав, что он пришел выпустить плененных на свободу»²⁶. В его толковании церковь переиначивает евангельское «возвещение блага», и она является таким же насильником, как и другие государственные **власти**. На наш взгляд, Толстой, как и Христос, требует освобождения заключенных, и, обнажая бессмысленные **слова**, освобождает язык и открывает перед ним новые перспективы, которыми и становится роман «Воскресение».

3. Город – Тюрьма

Всё городское также является воплощением власти, насилия и искусственного, резко отличающегося от мира природы. Вместе с тем некоторые компоненты городского пейзажа встраиваются в целостный, положительно оцениваемый образ сада. Он упоминается в романе и в связи с воспоминаниями о первой любви героев: после суда над Катюшей, а потом времени, проведенного в свете, Нехлюдову «стало жарко», он решает обратиться к Богу, открывает окно и его охватывает «**живительный свежий** воздух». Этот сад отличается от того, что был в имении теток, («тень сучьев оголенного высокого тополя, всеми своими развалинами отчетливо лежащая на песке **расчищенной** площадки. ... под ярким **светом луны**»²⁷). Несмотря на развал и пустоту, подчеркиваются тишина, чистота, свежесть ночи и отчетливость в свете луны (а не «месяца», как в случае «падения»), которые вызывают хорошие чувства на душе героя. Так связываются не только отдельные слова, но и целые фрагменты текста.

Добавим, что перед Пасхой в городе также происходит некое освежение, «очищение». Райский образ природы весеннего города после **теплого** дождя, образ детей, играющих в **зелени**, («зазеленела трава; березы в садах осыпались зеленым **пухом**, и черемуха и тополя расправляли свои длинные **пахучие** листья»²⁸) противопоставляется затворническому человеческому аду. В тексте романа нагромождаются звуковые мотивы и фонические повторы, составляющие текстуальный образ последнего.

²¹ Там же. Ibidem.

²² Там же. Ibidem.

²³ Там же. Ibidem.

²⁴ Там же. Ibidem.

²⁵ Там же. Ibidem.

²⁶ Там же. Ibidem.

²⁷ Там же. Ibidem.

²⁸ Там же. Ibidem.

Горожане готовятся к празднику (например, «вытирали рамы» 167). Поведение людей, однако, кажется фальшивым и лицемерным, несмотря на то, что суета не подвергается отдельной нарраторской оценке, лишь трудящиеся определяются, как бедные и пьяные. Они – рабы, которые «высвобождаются» из заводов, но ими управляют представители власти – городовые с пистолетами (ср. колония), следящие за порядком ради развлечения от **скуки**. Если издаваемые звуки связаны с трудом, то не действуют негативно на слух, но если они гремящие, как церковный звон, который определяется и как «гул», тогда режут воздух: «На **толкучем рынке**, ... ходили **оборванные** люди... У **тракторов** уже теснились, высвободившись из своих фабрик, мужчины ... **гремели** по мостовой тяжелые воза ломовых, **дребезжали** пролетки, и **звенели** конки. Со всех сторон **дрожал** воздух от **разнообразного** звона и гула колоколов»²⁹. К неприятным звукам добавляется еще призыв к такому же **служению**, «какое совершалось **теперь в тюрьме**. И **разряженный народ расходился** по своему **приходу**»³⁰. Нарратор, выражающий точку зрения главного героя и самого автора, подобным образом оценивает городскую жизнь, как арестантскую службу.

Когда Нехлюдов отправляется в **тюрьму** навестить Катюшу, его встречают словно адские картины, в частности мрачное, «огромное каменное здание»³¹. Блюстители порядка, которые все время проверяют количество заключенных, ходят перед ним с ружьем, символом насилия, не подпуская посетителей. Строгость и крики являются также орудием властей. Прикосновение руки надзирателя сначала оскорбляет героя, как неуважение к его сословному статусу, но потом он осознает то, что важнее: искупление своей вины перед соблазненной женщиной.

В тексте романа подчеркивается неприятный вид тюрьмы и внутри: арестанты сидят за «железными решетками» (169) и им позволяется общаться с родными и знакомыми только через проволочные сетки. Расстройство, тоска, т.е. «нравственное чувство тошноты», испытываемое в этом месте Нехлюдовым, сравнивается в тексте с **качкой** на корабле на воде (171). В сборной комнате изображение распятия вызывает повторную, но уже неразвернутую критику (в этот раз самого героя) в связи с тем, что Христос проповедовал свободу человека (169). Настоящее освобождение в романе воплощается в пребывании в пути, а не в заточении, как это видно из дороги героев на каторгу и следующего за ней их осмысления.

4. Дорога (воскресение)

После прощания с Катюшей в остроге Нехлюдов едет по плохой дороге. Она напоминает ту, по которой когда-то бежала Маслова за возлюбленным на железнодорожную станцию. Здесь ямщик съезжает «с накатанного» пути, и это – «[д]орога, вся изрытая глубокими колеями» (485). Однако яркие краски повсюду после грозы предвещают будущее озарение героя. Значимо также, что он едет на традиционной тройке лошадей. Кроме того, хвойный лес, через который проезжает Нехлюдов, вовсе не страшен и отмечен приятным желтым цветом (пестрел «яркой и песочной **желтизной** не облетевших еще листьев березы и лиственниц»³²). Листья не нежно-желтые, как весной, а знаменуют скорее наступление осени. Однако нет дождя, так как **солнце** всё высушило и осветило. Природа еще сияет, и желтый цвет определяет все компоненты как «пейзажа», так и артефакта (появляющейся церкви – золотые купола, кресты). В отличие от спокойствия в природе, большое село оживлено и шумно, в нем люди «копоятся и галдят» без полезной работы или пьяны, как в городе. Проезд по селу (ямщик будто «шеголяя» едет по главной улице) также носит негативную смысловую нагрузку, как «ненатуральное» явление.

Свой физический путь к «воскресению» Нехлюдов продолжает по **воде**, на пароме, «забравший высоко вверх против течения» (485). Он видит, как сильные, ловкие «и молчаливые» люди работают на пристани. Звуки здесь отсутствуют, за исключением шума воды, топота ног перевозчиков и копыт лошадей. Вид переплываемой «широкой и быстрой» **реки** вызывает мысли героя о **смерти** и **жизни**: движение в первом случае свидетельствует о неуважении к человеку (см. «вздрагивающая <...> голова» умершего Крыльцова), а в последнем – о надежде. Путь же бодро шагающей Катюши представлен не как страшный и тяжелый, а как радостный, «верный», с уважаемым человеком, потому что их общий труд направлен на служение людям (486). Ее выбор в данный момент переносится Нехлюдовым тяжело, потому что он разочаровался в церкви и религии и чувствует, что сам еще не нашел своего призвания.

²⁹ Там же. Ibidem.

³⁰ Там же. Ibidem.

³¹ Там же. Ibidem.

³² Там же. Ibidem.

С целью представить духовные искания героя следует обратиться к поэтическим образам Толстого. Здесь снова упоминается **охота**, правда, в образе охотничьего колокола. Простые люди проявляют уважение («сняли шапки и перекрестились») перед звуком смерти («гул и медное дрожание»). Исключение составляет лишь один «лохматый» старик, который выглядит как нищий бродяга (см. «заплатанные бродни», «вытертая шапка»³³), однако именно он отказывается отдать честь, утверждая, что каждый сам себе хозяин. Эта мысль и ее опровержение становятся важным звеном в процессе духовного становления Нехлюдова. В этой связи надо сделать небольшой экскурс.

Главный герой находит больше веры и божественного духа в одной революционерке, чем в острожных властях. Это мнение у Толстого выражается в том, что он называет ее Верой Богодуховской. После очередного ее обращения к Нехлюдову за помощью в его памяти воспроизводится случай, когда он ради нее уже раз стоял за правду. Он вспоминает об одной охоте, которая оказалась «счастливым и веселым» делом. Так мотив **охоты** появляется в тексте романа не только в переносном смысле как поединок жестокого охотника-судьи и бедной жертвы-обвиняемой, а конкретизируется в жизненном эпизоде, представляемом именно как **очищение** героя.

В описании говорится о том, что «к станции железной дороги» тянулась не колония арестантов, словно на смерть, а охотники, которые по лесу «гусем двигались, <...> сплошь задавленными **сплошными лепешками** снега, <...> блестя красным огнем, закуривал кто-нибудь хорошо пахнущую папиросу»³⁴. **Снег** здесь обозначается как чистый, белый, а не грязный (ср. лужа). Воздух также очищает человека и вонь отсутствует: «дышат морозным воздухом, <...> лицу свежо»³⁵. Обкладчик, бегающий между саниями, погружается «по колено в снегу», как и лоси, про которых он сообщает, что «ходят по глубокому снегу и глодают осиную кору». Однако про медведей Осип рассказывает, что они лежат в теплых берлогах. Здесь можно обнаружить также оппозицию между убитыми и живыми зверями, деловым слугой и отдыхающей знатью. Вместе с тем всё это вызывает приятные чувства Нехлюдова, в противоположность его теперешней ситуации: «грязной» и ленивой жизни после падения. Составляющие комплексного образа охоты повторяются в тексте романа и создают контраст с фрагментом соблазна Катюши.

Прозрение главного героя также отмечено холодным временем года: снова **зима**, идет снег и покрывает дорогу. Пролетка Нехлюдова теперь не несется, к тому же она открыта, так что ее пассажир оказывается под снегом. Он выполняет кажущийся «неприятным»³⁶ долг раздачи Библии острожным вместе с англичанином. Однако после этого поступка герой открывает полученное им Евангелие, осваивает места о служении другим людям и вступает на путь воскресения.

Заключение

На уровне оценочных высказываний в романе раскрывается, как главный герой, позиция которого близка к авторской, при виде лицемерия церкви переживает духовный кризис и ищет выхода («воскресения») из глубокого разлада, постигшего его после падения. При этом становится ясно, что его осмысление передается с помощью авторских поэтических приемов, функция которых также подвергается нашему анализу. В итоге разбора природных и звуковых мотивов (см., например, снег, река, солнце и шум) и реализации метафор (см. охота) можно сделать вывод, что в романе Толстого закрытому пространству учреждений и властных структур (разным инстанциям власти) противопоставлен простор, открытый путь поиска основ веры.

Список литературы

1. Порудоминский В.И. По прочтении «Воскресения». *Вопросы литературы*. 1995; 4. 183–203. Доступно по: <https://voplit.ru/article/po-prochtenii-voskreseniya/>. Ссылка активна на 23.05.2023.
2. Петров Г.И. Отлучение Льва Толстого от церкви. М.: Знание; 1978. – 112 с. Доступно по: <http://l-n-tolstoy.ru/books/item/f00/s00/z0000008/st000.shtml>. Ссылка активна на 23.05.2023.
3. Розанов В.В. Об отлучении от Церкви гр. Л. Толстого. *Собрание сочинений. Т. 3. В тёмных религиозных лучах*. М.: Республика; 1994. –476 с. Доступно по: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/

³³ Там же. Ibidem.

³⁴ Там же. Ibidem.

³⁵ Там же. Ibidem.

³⁶ Там же. Ibidem.

istorija_russkaja/rozanov_v_v_sobranie_sochinenij_v_temnykh_religioznykh_luchakh/15-1-0-4504. Ссылка активна на 23.05.2023.

4. Басинский П.В. Святой против льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М.: 2013. – 572 с. Доступно по: <https://www.litres.ru/book/pavel-basinskiy/svyatoy-protiv-lva-ioann-kronsh-tadtskiy-i-lev-tolstoy-isto-5742558/chitat-onlayn/>. Ссылка активна на 23.05.2023.

5. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Федерация; 1929. – 268 с. Доступно по: <https://imwerden.de/publ-3341.html>. Ссылка активна на 23.05.2023.

6. Матвеева И.Ю. Темы Ф. Достоевского в повести Л. Толстого «Фальшивый купон». *Вопросы литературы*. 2022; 6. 81-100. Доступно по: <https://voplit.ru/article/temy-f-dostoevskogo-v-povesti-l-tolstogo-falshivuy-kupon/>. Ссылка активна на 23.05.2023.

7. Дмитриев В.М. Картина Достоевского и панорама Толстого: к истории одной параллели у Вяч. Иванова и Андре Жида. *Русская литература*. 2021; 3. 36-49. Доступно по: <http://pushkinskiydom.ru/zhurnal-russkaya-literatura/zhurnal-russkaya-literatura-2021-3/kartina-dostoevskogo-i-panorama-tolstogo-k-istorii-odnoj-paralleli-u-vyach-ivanova-i-andre-zhida/>. Ссылка активна на 23.05.2023.

8. Гудзий Н.К., Маймин Е.А. Роман Л.Н. Толстого. «Воскресение». *Толстой Л.Н. Воскресение*. М.: Наука; 1964: 483-545. Доступно по: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpr/vsk/vsk-483-.htm?cmd=p>. Ссылка активна на 23.05.2023.

9. Кузина Л.Н., Тюнькин К.И. «Воскресение» Л.Н. Толстого. М.: Худ. лит.; 1978. – 118 с. Доступно по: https://imwerden.de/pdf/kuzina_tyunkin_voskresenie_1_n_tolstogo_1978__ocr.pdf Ссылка активна на 23.05.2023.

10. Скафтымов А.П. Идеи и формы в творчестве Л. Толстого. *Нравственные искания русских писателей*. М.: Худ. лит.; 1972: 134-181. Доступно по: http://teatr-lib.ru/Library/Skaftimov/nravstv/#_Toc317452532. Ссылка активна на 23.05.2023.

11. Полосина А.Н. Первые переводы на французский язык романа Л.Н. Толстого «Воскресение». *Текст. Книга. Книгоиздание*. Томск; 2014; 2 (6): 72-84. Доступно по: <https://core.ac.uk/reader/287489160>. Ссылка активна на 23.05.2023.

12. Андреева В.Г. Проблема власти в романе Л.Н. Толстого «Воскресение». *Новый филологический вестник*. 2020; 4 (55): 96-112. Доступно по: http://slovorggu.ru/2020_4/55.pdf. Ссылка активна на 23.05.2023.

13. Смирнова С.А., Сулова А.А. Тематический состав церковной лексики в романе Л.Н. Толстого «Воскресение». *Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Филологические науки*. 2018; 8: 124-128. Доступно по: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2018/09/Smirnova.pdf>. Ссылка активна на 23.05.2023.

14. Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой. Художественно-этические искания. Л.: Наука. Ленинградское отделение; 1981. – 176 с. Доступно по: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/%D0%BB-%D0%BD-%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8-%D1%85%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE-%D1%8D-%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F>. Ссылка активна на 23.05.2023.

15. Тарасов А.Б. Что есть истина?: праведники Льва Толстого. М.: Языки славянской культуры; 2001. – 172 с. Доступно по: <https://www.litres.ru/book/andrey-borisovich-tarasov/chto-est-istina-pravedniki-lva-tolstogo-10292310/>. Ссылка активна на 23.05.2023.

References

1. Porudominsky VI. On the Reading of the “Resurrection”. *Voprosy literatury*. 1995; 4. 183-203. Available at: <https://voplit.ru/article/po-prochtenii-voskreseniya/>. Accessed May 23, 2023.

2. Petrov GI. Excommunication of Leo Tolstoy from the Church. Moscow: Znanie; 1978:112. Available at: <http://l-n-tolstoy.ru/books/item/f00/s00/z0000008/st000.shtml>. Accessed May 23, 2023.

3. Rozanov VV. On excommunication of Leo Tolstoy from the Church. *Collected works. In the Dark Rays of Religion*. Moscow: Respublika; 1994:476. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_russkaja/rozanov_v_v_sobranie_sochinenij_v_temnykh_religioznykh_luchakh/15-1-0-4504. Accessed May 23, 2023.

4. Basinsky PV. Saint Against the Lion. John Of Kronstadt and Leo Tolstoy: The Story of a Feud. Moscow: 2013: 572. Available at: <https://www.litres.ru/book/pavel-basinskiy/svyatoy-protiv-lva-ioann-kronshtadtskiy-i-lev-tolstoy-isto-5742558/chitat-onlayn/>. Accessed May 23, 2023.

5. Shklovsky VB. On the Theory of Prose. Moscow: Federacija; 1929. Available at: <https://imwerden.de/publ-3341.html>. Accessed May 23, 2023.

6. Matveeva IY. Themes of F. Dostoevsky in the Story of L. Tolstoy „Fake Coupon”. *Voprosy literatury*. 2022; 6. 81-100. Available at: <https://voplit.ru/article/temy-f-dostoevskogo-v-povesti-l-tolstogo-falshivyyj-kupon/>. Accessed May 23, 2023.

7. Dimitriev VM. Dostoevsky’s Painting and Tolstoy’s Panorama: to the History of One Parallel in Vyach. Ivanov And André Gide. *Russian Literature*. 2021; 3. 36-49. Available at: <http://pushkinskiydom.ru/zhurnal-russkaya-literatura/zhurnal-russkaya-literatura-2021-3/kartina-dostoevskogo-i-panorama-tolstogo-k-istorii-odnoj-paralleli-u-vyach-ivanova-i-andre-zhida/>. Accessed May 23, 2023.

8. Gudziy NK, Maimin EA “Resurrection” by L.N. Tolstoy. *Tolstoy L.N. Resurrection*. Moscow: Nauka; 1964: 483-493. Available at: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpr/vsk/vsk-483-.htm?cmd=p>. Accessed May 23, 2023.

9. Kuzina LN, Tyunkin KI. “Resurrection” by L.N. Tolstoy. Moscow: *Hudozhestvennaya Literatura*; 1978:118. Available at: https://imwerden.de/pdf/kuzina_tyunkin_voskresenie_1_n_tolstogo_1978__ocr.pdf. Accessed May 23, 2023.

10. Skaftymov AP. Ideas and Forms in the Works of L. Tolstoy. *Moralistic Quests of Russian Writers*. Moscow: *Hudozhestvennaya Literatura*; 1972: 134-181. Available at: http://teatr-lib.ru/Library/Skaftimov/nravstv/#_Toc317452532. Accessed May 23, 2023.

11. Polosina AN. The first Translations into French of Leo Tolstoy’s novel „Resurrection”. *Text. Book. Book publishing*. Tomsk; 2014; 2 (6): 72-84. Available at: <https://core.ac.uk/reader/287489160>. Accessed May 23, 2023.

12. Andreeva VG. The Problem of Power in the Novel “Resurrection” by L.N. Tolstoy. *The New Philological Bulletin*. 2020; 4 (55): 96-112. Available at: http://slovorggu.ru/2020_4/55.pdf. Accessed May 23, 2023.

13. Smirnova SA, Suslova AA. Thematic Composition of Church Vocabulary in Leo Tolstoy’s Novel „Resurrection”. *International Journal of Humanities and Natural Sciences. Philological Sciences*. 2018; 8: 124-128. Available at: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2018/09/Smirnova.pdf>. Accessed May 23, 2023.

14. Galagan GY. L.N. Tolstoy. Artistic and Ethical searches. Leningrad: Nauka. Leningrad branch; 1981: 176. Available at: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/%D0%BB-%D0%BD-%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8-%D1%85%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE-%D1%8D-%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F>. Accessed May 23, 2023.

15. Tarasov AB. What is Truth? The Righteous of Leo Tolstoy. Moscow: Languages of Slavic culture; 2001: 172. Available at: <https://www.litres.ru/book/andrey-borisovich-tarasov/chto-est-istina-pravedniki-lva-tolstogo-10292310/>. Accessed May 23, 2023.

История статьи:

Получена: 19.07.2023

Принята: 10.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 19.07.2023

Accepted: 10.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторе:

Молнар Ангелика, доктор, доктор философских наук, доцент Института славистики, Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия; *e-mail*: mandzsi@gmail.com.

Bionote:

Angelika Molnar, Dr. habil. (Philology), Associate Professor of the Institute of Slavistics, University of Debrecen, Debrecen, Hungary; *e-mail*: mandzsi@gmail.com.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Оригинальная статья

УДК 81`42+ 82`98+ 811.111

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-157-171>

Лингвостилистические средства репрезентации мотивов и образов в англоязычной православной гимнографии: когнитивный аспект

***О.В. Чукарькова¹, В.В. Алпатов²**

¹Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
115184, Российская Федерация, Москва, ул. Новокузнецкая, 23 Б;

²Московский городской педагогический университет; 129226, Российская Федерация,
Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4;

¹ORCID ID: 0000-0002-2001-9564; ²ORCID ID: 0000-0002-3526-4597;

*e-mail: chukarkovaov@mail.ru

Резюме: Статья посвящена описанию лингвостилистических средств, создающих образы святых в церковной гимнографии. Материалом исследования являются оригинальные каноны и акафисты, написанные носителями английского языка. Данный материал выбран как одна из сред репрезентации элементов религиозной (православной) концептосферы. Гимнографические тексты создаются согласно определенным жанровым моделям, подразумевающим использование большого количества лингвостилистических средств. Определяя форму подачи информации богослужебных песнопений, лингвостилистика данных текстов связана не только с планом выражения, но и с планом содержания. Смыслы, транслируемые в гимнографии, имеют тесную связь с религиозным опытом. Когнитивный подход к лингвостилистике данных текстов позволяет описать образные схемы осмысления религиозного опыта. В статье делаются выводы о том, что самыми частотными лингвостилистическими средствами создания определенных образов и мотивов в церковной англоязычной гимнографии являются метафора, поддержанная эпитетами, и антитеза. Результаты анализа стилистики текстов показали, что следующие сферы-источники используются для создания концептуальной метафоры в рассматриваемой гимнографии: вода и течение, явления природы, световые явления, борьба и битва, строение (конкретный тип здания). Образы святых также репрезентированы при помощи метафорической схемы «контейнер», которая связана с осмыслением результатов подвижнической жизни. Прием антитезы подчеркивает идею контраста, заложенную в противопоставлении религиозного и светского образа жизни. Элементы антитезы (контекстуальные антонимы) являются смысловыми узлами описываемых ситуаций, то есть определенного религиозного опыта человека.

Ключевые слова: англоязычная христианская гимнография, канон, акафист, концептуальная метафора, антитеза, религиозный дискурс.

Для цитирования: Чукарькова О.В., Алпатов В.В. Лингвостилистические средства репрезентации мотивов и образов в англоязычной православной гимнографии: когнитивный аспект. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 157–171. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-157-171>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-157-171>

The Linguistic and Stylistic Means of Representation of Motives
and Images in English-Language Orthodox Hymnography: Cognitive Aspect

*Olga V. Chukarkova¹, Vladislav V. Alpatov²

¹St. Tikhon's Orthodox University;

23 B Novokuznetskaya, Moscow, Russian Federation, 115184;

²Moscow City Pedagogical University;

4, 2-nd Sel'skhozjajstvennyj pr-d, Moscow, Russian Federation, 129226;

¹ORCID ID: 0000-0002-2001-9564; ²ORCID ID: 0000-0002-3526-4597;

*e-mail: chukarkovaov@mail.ru

Abstract: The article describes the linguistic and stylistic means used to create verbal images of saints in church hymnography. Original canons and akathists written by English native speakers are used for the research. These texts are chosen because they are considered to be a specific medium where elements of the scope of religious (Orthodox) concepts are represented. Hymnographic texts are written according to specific genre modals which imply the usage of a significant number of linguistic and stylistic means. Not only do these means determine the outer form of such texts, but they also relate to the transferred message. The meanings conveyed in hymnographic texts are closely connected with religious experience. The cognitive approach to linguistic and stylistic means of church text makes it possible to describe the metaphorical patterns of the mental processing of religious experience. It is concluded in the article that the most frequent linguistic and stylistic means in the researched hymnography are metaphors based on epithets and antitheses. The results of the analysis demonstrate that the following source domains are used to create conceptual metaphors: water and water current, nature phenomena, light phenomena, warfare, construction (as a particular type of building). The images of saints are also represented with the help of image schema “container” which is connected with how the outcome of pious lifestyle is mentally represented. The antithesis underlines contrast between religious and lay lifestyles. The contextual antonyms, as elements of the antithesis, function as meaning points of the situations described in hymnographic texts and thus they also transfer some information about religious experience.

Keywords: English hymnography, canon, akathist, conceptual metaphor, antithesis, religious discourse.

For citation: Chukarkova OV, Alpatov VV. The Linguistic and Stylistic Means of Representation of Motives and Images in English-Language Orthodox Hymnography: Cognitive Aspect. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 157–171. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-157-171> (In Russ.).

Введение

Сегодня в когнитивной лингвистике особое внимание уделяется текстам религиозного дискурса как среде, в которой репрезентированы различные религиозные концепты. Интерес у исследователей вызывают не только тексты Священного Писания и их современные переводы, но и материалы христианского богослужения, например гимнография на национальных языках.

«Возникновение гимнографии неразрывно связано с возникновением христианского богослужения, цель которого состоит в прославлении Бога, Пресв. Богородицы, святых, ангелов, в просьбе о заступничестве, в сокрушении о грехах. После эдикта Константина, давшего права христианам (христианство – государственная религия), образованные клирики начинают создавать поэтические тексты, находившие свое место в службах суточного круга. Даже само слово “гимнография” указывает на самый распространенный жанр церковной поэзии – гимн. Поскольку и в Древней Греции, и в Риме сочинялись гимны богам, неудивительно, что размеры и формы античной поэзии использовались христианскими гимнографами» [1: 5-6].

Понятие «церковная гимнография» объединяет в себе множество малых жанров религиозных текстов, предназначенных как для общественного богослужения, так и для индивидуального чтения.

К этим текстам относят каноны, акафисты, тропари, кондаки, стихиры и многие другие. Среди них есть и переводные, и оригинальные (преимущественно посвященные местным христианским святым, а также иконам Пресв.Богородицы). Данные тексты создаются по специфическим жанровым моделям, которые определяют внешнюю форму изложения, например количество, последовательность составных частей, песнопений и строк [2].

Вместе с тем необходимо отметить, что результаты анализа обширного корпуса церковных гимнографических текстов позволяют констатировать наличие в них повторяющихся тем, мотивов и образов, репрезентирующих определенные религиозные (в данном случае – христианские) концепты при помощи стилистических средств. Обращение к стилистике текста в когнитивном аспекте является актуальной проблемой современной лингвистики, поскольку «сегодня на повестке дня стоит вопрос о создании единой и целостной концепции стилистического приема как особой структуры когниции и репрезентации знаний» [3: 376].

Цель статьи

Целью данной работы является описание когнитивных аспектов осмысления некоторого христианского опыта, объективированного при помощи лингвостилистических приемов гимнографического текста. По словам Н.М.Джусупова, новейшей стадией развития науки о языке и речи является «привлечение теоретических положений когнитивизма в лингвистических исследованиях, в частности в области стилистики» [4: 65]. Таким образом, когнитивная стилистика открывает доступ к описанию ментального (духовного) опыта языкового коллектива, например на основе анализа религиозных текстов. По словам М.Ш.Мусатаевой и И.В.Котляровой, «на современном этапе развития лингвокогнитологии и лингвоконцептологии актуальными являются исследования внутреннего мира человека» [5: 95]. Религиозный опыт, репрезентированный в церковных гимнографических текстах, – это один из аспектов внутреннего мира человека, который может быть описан в когнитивном ключе.

Обзор литературы

Помимо богословского, исторического и культурологического аспектов, изучением церковной гимнографии с точки зрения лингвистики текста в нашей стране стали заниматься относительно недавно. Как правило, эти исследования проводятся на материале церковнославянского и русского языков и касаются формы и содержания определенных частей церковных песнопений (например, хайретизмов) и религиозной лексики в целом [6; 7].

Нельзя не отметить работы, посвященные особенностям религиозных гимнографических текстов, написанных на различных национальных языках. В последнее время интерес у лингвистов вызывают исследования переводов церковных песнопений на английский язык [8]. В случае изучения церковной гимнографии как переводного текста целью ставится выявление «степени соответствия передачи формальных и содержательных особенностей церковнославянского текста при переводе на английский язык» [8: 5].

Новизна нашего исследования заключается в том, что, помимо описания формальных признаков церковной гимнографии на английском языке, делается попытка осмысления лингвостилистики этих текстов в когнитивном ракурсе, а через это возможен выход к описанию некоторых религиозных концептов, обусловленных не только языковой спецификой их репрезентации, но и этническими, культурными и иными дискурсивными особенностями. Как пишет С.Г.Воркачев, такой подход расширяет область исследования лингвоконцептов, которое может идти «по пути изучения социокультурной (гендерной, возрастной и пр.), дискурсивной, речевановой и идиостилевой вариативности» [9: 12].

По словам А.А.Камаловой, «появление новых акафистов, а также возросший интерес к гимнографии в целом стимулируют научное описание как “старых”, так и новых гимнографических текстов» [6: 142]. Наша работа обращается к новым религиозным текстам – не только к акафистам, но и к канонам.

Материал исследования

Материалом настоящего исследования выступают акафисты и каноны англосаксонским христианским святым, прославившимся до Великой Схизмы (святым Кутберту, Гутлаку, Чэду, Хильде, Этельдред и некоторым др.). В ходе нашего исследования мы также обращаемся к англоязычным акафистам святителю Иоанну Шанхайскому и Сан-Францисскому и Феликстоуской иконе Пресв.Богородицы. Все использованные в анализе тексты не являются переводными, они написаны носителями английского языка и занимают важное место в богослужении и домашней молитве православных христиан преимущественно за рубежом.

Методы исследования

В ходе проведения исследования использовались такие методы, как стилистический, компонентный и контекстуальный виды анализа, а также метод интерпретации. Нельзя не согласиться с утверждением М.Р.Ненароковой о том, что «изучение христианской гимнографии требует сочетания подходов: и применения традиционных, опробованных российским литературоведением на протяжении многих десятилетий, и поисков новых путей» [1: 10]. В нашем исследовании одним из новых путей осмысления данных текстов видится обращение к методологии когнитивной лингвистики, а именно – к концептуальному анализу стилистических средств и приемов канонов и акафистов.

Результаты и дискуссия

Как показывают результаты исследований церковной гимнографии, написанной на английском языке, данные тексты пишутся по определенной жанровой модели.

Одним из ключевых средств данной модели является метафора. Определяя метафору в рамках стилистики текста, можно сказать, что она представляет собой перенос названия с одного предмета на другой, основой которого служит аналогия восприятия обоих предметов. Метафора тесно связана со сравнением и ассоциациями, поэтому при помощи ее создаются важные образы в гимнодии в целом и в церковной гимнографии в частности. В христианских песнопениях эти образы носят повторяющийся характер, некоторые из которых являются аллюзиями на тексты Священного Писания. Так, осуществляется «переключка смыслов во времени и в пространстве» [10: 105], которая «лежит, несомненно, в основе духовной культуры человечества» [10: 105].

Сегодня к метафоре обращаются не только как к стилистическому приему, но и как к инструменту осмысления определенного повторяющегося опыта [11]. Метафора изучается в когнитивном русле как «ментальная операция, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [12: 20].

В нашем исследовании метафора рассматривается как средство репрезентации определенных элементов религиозной концептосферы христианина. Поскольку тексты религиозного дискурса касаются особого вида человеческого опыта (его духовной сферы), метафора видится одним из наилучших способов описать его. В связи с этим концептуальные метафоры как прецедентные используются и в Священном Писании [13].

Как известно, метафорический образ строится на взаимодействии двух сфер знаний: сферы-источника, которая предоставляет конкретную информацию для сопоставления, и сферы-цели, которая, как правило, более абстрактна и осмысливается при помощи лексических средств сферы-источника, обозначающих конкретные объекты и явления окружающего мира [11].

Одной из частотных сфер-источников, из которой заимствуются лексические средства для создания метафорических образов в исследуемых канонах и акафистах, является сфера воды и водного пространства. Так, например, в хайретизме десятого икоса акафиста преподобному Гутлаку Кроулендскому (St. Guthlac of Crowland), отшельнику и чудотворцу, святой сравнивается с *водой*, освежающей тех, кто измучен зноем скорбей: *Rejoice, refreshing water to those perishing in the heat of sorrow*¹.

К сферам-источникам «вода» и «водное течение» обращается автор акафиста другому святому – Кутберту Линдисфарнскому (St. Cuthbert of Lindisfarne), покровителю Северной Англии. В одном из фрагментов песнопений речь идет о силе, *проистекающей* (to flow from) от мощей святого: *Thou hast caused Thy power to flow from the beloved bones of Cuthbert*². Лексика, связанная с водной темой, обильно представлена в рассматриваемом тексте. В нем присутствуют такие слова, как *stream* («поток»), *ocean* («океан»): *...opening an everlasting stream of grace where none had been found before; Rejoice, thou in whom the ocean of Grace overwhelmeth the shores of the flesh*³. В одиннадцатом икосе рассматриваемого

¹ Akathist to our Holy Father Guthlac of Crowland. Available at: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php Accessed August 11, 2023. Акафист св. Гутлаку Кроулендскому. Доступно по: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php. Ссылка активна на 11.08.23.

² Akathist to Saint Cuthbert of Lindisfarne. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akacuthbert.htm> Accessed August 7, 2023. Акафист Св. Кутберту Линдисфарнскому. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akacuthbert.htm> Ссылка активна на 07.08.23.

³ Там же. Ibidem.

акафиста тема воды поддерживается при помощи словосочетания *to wash away* («смывать», «омывать») в контексте описания благотворного влияния подвижника на жизнь других людей: *Rejoice, thou who didst wash away the odour of sickness*⁴.

Водный мотив используется и в других религиозных гимнографических текстах, например в каноне, посвященном святой Этельдред (Одри) Элийской (St.Etheldreda (Aethelthryth, Audrey)), Нортумбрийской королеве и игуменье монастыря Эли. Этот текст описывает плоды праведной жизни святой, ассоциируя ее дар исцеления с живительными *потоками* (*From there thou makest streams of healing*)⁵, сравнивая подвижницу с облаком, источающим *дождь* благодати тем, кто молится об этом с верой (*a cloud shedding the rain of grace on those who ask this in faith*)⁶, и прося преобразования своего ума в *источник* благочестия (*make my mind a wellspring of piety*)⁷.

Поскольку данное исследование посвящено англоязычной церковной гимнографии, написанной религиозными носителями английского языка, обратимся к акафисту святителю Иоанну Шанхайскому и Сан-Францисскому, автором которого является американец иеромонах Серафим (Роуз). В этом тексте обнаруживается усиление ассоциативного ряда водных образов при помощи приема градации, основанного на использовании в близком контексте таких лексем, как *rain* («дождь») и *shower* («ливень»): *Rejoice, rain of God's dogmas. Rejoice, shower of theological thoughts*⁸. Этот же текст дополняет список лексем, тематически связанных с водным мотивом, существительным *fountain* («фонтан») и глаголом *to pour out* («изливаться»), когда речь идет о чудесах, которые *изливаются* Богом по молитвам святителя Иоанна: *Rejoice, fountain of miracles poured out by God*⁹.

Результаты анализа текстов указывают на то, что идея воды и водного течения связана с размышлениями о духовной сфере, в то время как телесная сторона жизни ассоциируется с образом земли (букв. «берега плоти»): *overwhelmeth the shores of the flesh*¹⁰. В одном из хайретизмов акафиста святому Кутберту сказано, что вечно проистекающая *река* исцелений принадлежит Христу (*Christ's ever-flowing river of healings*¹¹), сила которой велика, на что указывает глагол с экспрессивной коннотацией *to gush forth* («хлынуть», «хлестать», «литься потоком»): *Rejoice, for thou hast caused Christ's ever-flowing river of healings to gush forth*¹². Тема воды в гимнографических текстах – аллюзия на Священное Писание, в котором этот образ является одним из самых ярких, когда речь идет о Святом Духе, например в седьмой главе Евангелия от Иоанна (Ин.7:37-38): «В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» [14: 276].

Связь осмысления духовной стороны жизни человека и его тела с образом воды и земли поддерживается и описаниями сердца, которое, по учению христианских богословов, связано с идеей молитвы и является «естественным центром, в котором находится сущность души» [15: 65]. Важно заметить, что в исследуемой гимнографии сердце представлено при помощи образа земли посредством лексемы *island* («остров»), например в акафисте святому Кутберту: *Rejoice, thou who laid the One Foundation*

⁴ Там же. Ibidem.

⁵ Service to our Holy Mother Audrey, Abbess of Ely. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/saudrey.htm> Accessed August 7, 2023. Служба святой Одри, игуменье монастыря Эли. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/saudrey.htm> Ссылка активна на 07.08.2023.

⁶ Там же. Ibidem.

⁷ Там же. Ibidem.

⁸ Akathist to Saint John of Shanghai and San Francisco. Available at: <https://pravoslavnye-molitvy.ru/en/akathist-to-saint-john-of-shanghai-and-san-francisco/?ysclid=lktp486fhl260753859> Accessed August 7, 2023. Акафист свт. Иоанну Шанхайскому и Сан-Францисскому. Доступно по: <https://pravoslavnye-molitvy.ru/en/akathist-to-saint-john-of-shanghai-and-san-francisco/?ysclid=lktp486fhl260753859> Ссылка активна на 07.08.2023.

⁹ Там же. Ibidem.

¹⁰ Akathist to Saint Cuthbert of Lindisfarne. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akacuthbert.htm> Accessed August 7, 2023. Акафист Св. Кутберту Линдисфарнскому. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akacuthbert.htm> Ссылка активна на 07.08.23.

¹¹ Там же. Ibidem.

¹² Там же. Ibidem.

in *the island of thy heart*¹³. Именно идея острова, неразрывно связанного с водной стихией по определению, выбирается для описания сердца подвижника, в котором проистекает молитва. Как остров не мыслится в отрыве от водного пространства, объединяя воду и землю, так и «сердце является центром душевно-телесной сущности человека» [15: 62]. По словам преподобного Иосифа Исихаста: «Человек состоит из души и тела. Это не просто душа и, с другой стороны, не просто тело. Обе части сосуществуют, не сливаясь» [15: 62-63].

Результаты анализа религиозных гимнографических текстов указывают на то, что авторы текстов обращаются к образной схеме «контейнер», которая используется для осмысления не только эмоционального состояния (подробнее: [11]), но духовного опыта человека. Под контейнером, как правило, понимается пространственное вместилище с определенными границами, то есть он представляет собой конкретный объект окружающей действительности. В связи с этим образная схема «контейнер» удобна для описания абстрактных явлений и религиозного опыта: подвижник становится вместилищем Святого Духа, подающего ему определенные качества. Стоит отметить, что данная концептуальная схема является прецедентным образом и коррелирует со словами Священного Писания, например в третьей главе первого послания апостола Павла к Коринфянам (1Кор.3:16-17): «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм – вы» [14: 500]. Таким образом, следуя схеме «контейнер», можно сказать, что подвижник представляет собой некий сосуд (vessel) Святого Духа, о чем, например, идет речь в одном из хайретизмов акафиста святителю Иоанну Шанхайскому и Сан-Францисскому: *Rejoice, precious vessel of the gifts of the Holy Spirit*¹⁴. В религиозной гимнографии этот сосуд может быть описан по-разному, например, как сокровищница (treasury) или чаша (Cup): *Rejoice, treasury of the secrets of His providence. Rejoice, thou who dost bear the Cup of Life*¹⁵. Данный образ поддерживается и другой лексикой, а именно глаголом *to fill with* («наполнять чем-либо»): *Being filled with love. Thou wast also filled with theology*¹⁶.

В англоязычной гимнографии для описания пространственного вместилища («контейнера») могут выбираться оригинальные образы, которые при этом подчеркивают идею закрытого пространства. Одним из таких приемов является использование лексемы *closet* («кабинет», «шкаф», «чулан»), когда речь идет о тайных молитвах подвижника: *Rejoice, closet wherein thy holy labour of prayer was hidden*¹⁷

По словам А.В.Нагорной, «концептуальные метафоры способны образовывать иерархические структуры, фактически вступая в гипонимо-гиперонимические отношения. Так, метафора *the human body is a container* может быть представлена более частным своим вариантом *the human body is a house*, которая, в свою очередь, способна реализовываться в концептуальном формате *the human body is a fortress*» [16: 85]. Результаты анализа гимнографических текстов указывают на то, что элементы иерархической структуры концептуальной метафоры «контейнер» могут быть объединены в смысловую группу (сферу-источник) *строение (конкретный тип здания)*, представленной такими лексемами, как *palace* («дворец»), *abode* («жилище»), *temple* («храм») и др. Так, в девятом икосе акафиста святому Гутлаку подвижник получает множество метафорических наименований посредством единиц этой тематической группы: *Rejoice, divine palace from where the counsel of the Good King is given*.

¹³ Там же. Ibidem.

¹⁴ Akathist to Saint John of Shanghai and San Francisco. Available at: <https://pravoslavnye-molitvy.ru/en/akathist-to-saint-john-of-shanghai-and-san-francisco/?ysclid=lktp486fhl260753859> Accessed August 7, 2023. Акафист свт. Иоанну Шанхайскому и Сан-Францисскому. Доступно по: <https://pravoslavnye-molitvy.ru/en/akathist-to-saint-john-of-shanghai-and-san-francisco/?ysclid=lktp486fhl260753859> Ссылка активна на 07.08.2023.

¹⁵ Akathist to Saint Cuthbert of Lindisfarne. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akacuthbert.htm> Accessed August 7, 2023. Акафист Св. Кутберту Линдисфарнскому. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akacuthbert.htm> Ссылка активна на 07.08.23.

¹⁶ Akathist to Saint John of Shanghai and San Francisco. Available at: <https://pravoslavnye-molitvy.ru/en/akathist-to-saint-john-of-shanghai-and-san-francisco/?ysclid=lktp486fhl260753859> Accessed August 7, 2023. Акафист свт. Иоанну Шанхайскому и Сан-Францисскому. Доступно по: <https://pravoslavnye-molitvy.ru/en/akathist-to-saint-john-of-shanghai-and-san-francisco/?ysclid=lktp486fhl260753859> Ссылка активна на 07.08.2023.

¹⁷ Akathist to our Holy Father Guthlac of Crowland. Available at: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php Accessed August 11, 2023. Акафист св. Гутлаку Кроулендскому. Доступно по: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php Ссылка активна на 11.08.23.

*Rejoice, small and humble abode containing the spacious beauty of Angels' mansions. Rejoice, blessed temple of the Holy Spirit*¹⁸.

Было установлено, что в религиозных гимнографических текстах в данную тематическую группу входит лексема *haven* («прибежище», «приют»). Она отчасти перекликается с водными мотивами, поскольку имеет значение «гавань». Примеры употребления этого метафорического образа весьма частотны. Так, в первой песне канона святой Этельдред (Одри) повествуется о ее помощи направлять терпящих бедствия в «тихую гавань воли Господни»: *O holy Audrey, do thou guide me through the trackless fens of the demons to the still haven of Christ's will, that I may hymn thee worthily*¹⁹. В девятом иконе акафиста святому Гутлаку один из хайретизмов содержит восхваление подвижника, в котором святой сравнивается с гаванью и прибежищем для всех плавающих по «моря жития»: *Rejoice, haven by thy prayers for those who fare on the sea of life*²⁰.

Лексема *infirmary* («лечебница») также присутствует в тематической группе «строение» и используется для описания образа святых, которые уподобляются лечебнице, исцеляющей душевные и телесные болезни: *Rejoice, infirmary wherein all manner of diseases are divinely healed*²¹.

Метафора, в основе которой лежит сравнение святого с определенным типом здания, указывает на черты характера подвижника, ассоциируемые с признаками конкретного типа строения. Таким образом, возникают метафорические описания святых с упоминанием плодов праведной жизни, в результате чего душа подвижника уподобляется божественному дворцу, смиренному жилищу, тихой гавани, храму, лечебнице и т.п. Эпитеты, употребляемые для описания строений, поддерживают данную идею и подчеркивают особенности духовного устройства личности святого: *divine* («богоподобный») *palace*, *still* («тихий») *haven*, *blessed* («блаженный») *temple*, *humble* («смирненный») *abode*²².

Осмысливая лингвостилистические средства описания образов святых с когнитивной точки зрения, стоит обратить внимание на слова и выражения, которые указывают на то, что строение, с которым сравнивается подвижник, не является пустым – в нем обитает Святой Дух и присутствуют ангелы: *O Divine and sacred temple of the Holy Spirit!*²³; ... *abode containing the spacious beauty of Angels' mansions*²⁴.

Следующим лексическим средством метафоризации, входящим в тематическую группу «строение», является идея *крепости* или *цитадели* (*stronghold*) как определенного типа здания, с которым сравнивается святой: *Rejoice, unshakeable stronghold of beauty, goodness and truth!*²⁵; *Stronghold of monastic*

¹⁸ Akathist to our Holy Father Guthlac of Crowland. Available at: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php Accessed August 11, 2023. Акафист св. Гутлаку Кроулендскому. Доступно по: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php. Ссылка активна на 11.08.23.

¹⁹ Service to our Holy Mother Audrey, Abbess of Ely. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/saudrey.htm> Accessed August 7, 2023. Служба святой Одри, игуменьи монастыря Эли. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/saudrey.htm> Ссылка активна на 07.08.2023.

²⁰ Akathist to our Holy Father Guthlac of Crowland. Available at: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php Accessed August 11, 2023. Акафист св. Гутлаку Кроулендскому. Доступно по: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php. Ссылка активна на 11.08.23.

²¹ Там же. Ibidem.

²² Там же. Ibidem.

²³ Akathist to our Father among the Saints Chad (Ceadda) the Wonderworker. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/oe4/akathist-to-our-father-among-the-saints-chad/> Accessed August 7, 2023. Акафист св. Чэду, чудотворцу. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/oe4/akathist-to-our-father-among-the-saints-chad/>. Ссылка активна на 07.08.2023.

²⁴ Akathist to our Holy Father Guthlac of Crowland. Available at: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php Accessed August 11, 2023. Акафист св. Гутлаку Кроулендскому. Доступно по: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php. Ссылка активна на 11.08.23.

²⁵ Akathist to our Most Holy Lady before Her Icon, The Felixstowe Mother of God. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akafmog.htm> Accessed August 7, 2023. Акафист Пресвятой Богородице пред Ее Феликстоуской иконой. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akafmog.htm>. Ссылка активна на 07.08.2023.

life²⁶; Rejoice, firm **stronghold** of Orthodox Truth²⁷; a **stronghold** of holiness and prayer²⁸. Сама внутренняя форма лексемы *stronghold* указывает на образную схему осмысления ситуации по модели «контейнер». Это прослеживается в семантике морфемы *hold* (др.англ. *haldan*), означающей «емкость, способную содержать и помещать в себе что-либо, удерживать жидкость и т.п.»²⁹. Другими словами, цитадель мыслится как сосуд из крепкого (*strong*) материала, предохраняющего и защищающего то, что находится внутри. Прочность этого «материала» подчеркивается в гимнографии как при помощи эпитетов *firm* («прочный», «крепкий»), *unshakeable* («непоколебимый»), так и ближайшим контекстом, в котором присутствуют лексемы *strength* («сила»), *to strengthen* («укреплять»), поддерживающие и развивающие данный смысл: **Stronghold of monastic life and strengthening of the Church**³⁰; *Filled with the noble strength of prayer; thou wast made a nun by Bishop Wilfrid, and the Most High took thee by thy right hand, O Mother Audrey, and making thine island-fortress into a stronghold of holiness and prayer; He led thee into the joys of Paradise*³¹.

С одной стороны, анализируемые тексты позволяют понять, из какого «материала» сделано данное «пространственноеместилище». Этим «материалом» является святость, молитва, красота, благодать и истина: *stronghold of holiness and prayer*³²; *stronghold of beauty, goodness and truth*³³. Таким образом, качества и добродетели представлены как средства и «материал» для создания внутреннего устройства святого. Данный религиозный опыт вербализуется в гимнографии как часть Священного Предания. С другой стороны, синтаксис рассматриваемых текстов указывает на то, что именно защищает и оберегает данная цитадель, – православную истину и монашеский образ жизни: *stronghold of Orthodox Truth*³⁴; *stronghold of monastic life*³⁵.

Идея защиты и в целом *борьбы (войны)* является одной из самых частотных и важных в христианской гимнографии. Из понятийной сферы «война» заимствуются лексемы для выражения многих духовных концептов. Здесь также прослеживаются аллюзии на прецедентные образы, описанные, к примеру, апостолом Павлом в послании к Ефессянам (Еф.6:16-17): «...а паче всего возьмите **щит веры**, которым возможете угасить все раскаленные **стрелы лукавого**; и **шлем спасения** возьмите, и **меч духовный**, который есть Слово Божие» [14: 579].

²⁶ Service to the Holy Bishop Felix. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/serstfel.htm> Accessed August 7, 2023. Служба свт. Феликсу. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/serstfel.htm>. Ссылка активна на 07.08.23.

²⁷ Akathist to our Holy Father Guthlac of Crowland. Available at: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php Accessed August 11, 2023. Акафист св. Гутлаку Кроулендскому. Доступно по: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php. Ссылка активна на 11.08.23.

²⁸ Service to our Holy Mother Audrey, Abbess of Ely. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/saudrey.htm> Accessed August 7, 2023. Служба святой Одри, игуменьи монастыря Эли. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/saudrey.htm>. Ссылка активна на 07.08.2023.

²⁹ Online Etymology Dictionary. Available at: https://www.etymonline.com/word/hold?ref=etymonline_crossreference Accessed August 7, 2023. Онлайн этимологический словарь. Доступно по: https://www.etymonline.com/word/hold?ref=etymonline_crossreference Ссылка активна на 07.08.23.

³⁰ Service to the Holy Bishop Felix. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/serstfel.htm> Accessed August 7, 2023. Служба свт. Феликсу. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/serstfel.htm>. Ссылка активна на 07.08.23.

³¹ Service to our Holy Mother Audrey, Abbess of Ely. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/saudrey.htm> Accessed August 7, 2023. Служба святой Одри, игуменьи монастыря Эли. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/saudrey.htm>. Ссылка активна на 07.08.2023.

³² Там же. Ibidem.

³³ Akathist to our Most Holy Lady before Her Icon, The Felixstowe Mother of God. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akafmog.htm> Accessed August 7, 2023. Акафист Пресвятой Богородице пред Ее Феликстоуской иконой. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akafmog.htm>. Ссылка активна на 07.08.2023.

³⁴ Akathist to our Holy Father Guthlac of Crowland. Available at: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php Accessed August 11, 2023. Акафист св. Гутлаку Кроулендскому. Доступно по: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php. Ссылка активна на 11.08.23.

³⁵ Service to the Holy Bishop Felix. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/serstfel.htm> Accessed August 7, 2023. Служба свт. Феликсу. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/serstfel.htm>. Ссылка активна на 07.08.23.

Так, например, святитель Чэд (Chad (Ceadda) the Wonderworker Bishop and Confessor of Lichfield in Mercia) изображен как *воин* (soldier, warrior) и *защитник* (defender), участвующий в *невидимой брани* (unseen warfare): *Rejoice, spiritual soldier of the unseen warfare! Rejoice, valiant warrior and defender of thy flock!*³⁶. Святой Гутлак описан не только как участник сражения, но и как *победитель* (vanquisher of demons), бичующий (scourge) врагов именем Пресвятой Троицы: *Rejoice, vanquisher of demons with the scourge of the Name of the Trinity!*³⁷. Тот же мотив победы присутствует и в каноне всем британским святым, где поется гимн победе над злом (the hymn of victory): *The numberless saints of these islands / Join in the hymn of victory and triumph!*³⁸.

Данный образ создается на основе метафорической номинации посредством существительных и поддерживается при помощи других частей речи, например глаголов. В акафисте Феликстоуской иконе Божией Матери употреблены такие лексемы, как *to trample* («попирать», «топтать»), *to protect* («защищать»), *to shield* («заслонять», «прикрывать»): *Rejoice, Thou Who dost trample Satan beneath our feet! Rejoice, Thou Who dost protect us from enemies! Rejoice, Thou Who dost shield us beneath Thy Protecting Veil!*³⁹

Стоит также обратить внимание на эпитеты, используемые для поддержки мотивов битвы и усиления идеи победы святого. Как известно, под эпитетом понимается художественное определение, эмоционально характеризующее предмет речи. Эпитеты связаны с переживаниями и чувствами и важны для изучения лингвостилистической репрезентации религиозного концепта.

Обратимся к эпитетам в гимнографических текстах. Религиозные писатели в рамках темы битвы прибегают к таким прилагательным, как *invincible* («непобедимый») и *valiant* («храбрый»): *Britain rejoiceth greatly in thy memory, O invincible martyr Alban; Rejoice, valiant warrior and defender of thy flock!*⁴⁰ Данные прилагательные, как правило, являются неградуальными, обладают ярко выраженным экспрессивным компонентом и выполняют интенсифицирующую функцию при описании образа подвижника. Таким образом, идея особой силы и мощи, присущей христианским святым, находит свое выражения при помощи прилагательных. Здесь речь не идет об использовании прилагательных в превосходной степени сравнения. Авторами выбираются прилагательные, одним из компонентов значения которых является экспрессивная коннотация степени проявления качества. Как правило, в рассматриваемых текстах эти лексемы поддерживают образ победы над врагом. Так, например, эпитеты *bold* («храбрый», «дерзновенный»), *indomitable* («неукротимый»), *rampant* («безудержный») указывают на характер действий и степень выраженности силы святого: *Rejoice, strong rampart of the Orthodox Faith!*⁴¹; *Rejoice, Bold confession of righteous Priests of Christ! Rejoice, Indomitable protection of the persecuted!*⁴²

³⁶ Akathist to our Father among the Saints Chad (Ceadda) the Wonderworker. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/oe4/akathist-to-our-father-among-the-saints-chad/> Accessed August 7, 2023. Акафист св. Чэду, чудотворцу. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/oe4/akathist-to-our-father-among-the-saints-chad/>. Ссылка активна на 07.08.2023.

³⁷ Akathist to our Holy Father Guthlac of Crowland. Available at: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php Accessed August 11, 2023. Акафист св. Гутлаку Кроулендскому. Доступно по: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php. Ссылка активна на 11.08.23.

³⁸ Canon in Honor of the Saints of Britain. Available at: <https://azbyka.ru/molitvoslov/canon-in-honor-of-the-saints-of-britain.html> Accessed August 7, 2023. Канон Собору Британских Святых. Доступно по: <https://azbyka.ru/molitvoslov/canon-in-honor-of-the-saints-of-britain.html>. Ссылка активна на 07.08.23.

³⁹ Akathist to our Most Holy Lady before Her Icon, The Felixstowe Mother of God. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akafmog.htm> Accessed August 7, 2023. Акафист Пресвятой Богородице пред Ее Феликстоуской иконой. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akafmog.htm>. Ссылка активна на 07.08.2023.

⁴⁰ Akathist to our Father among the Saints Chad (Ceadda) the Wonderworker. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/oe4/akathist-to-our-father-among-the-saints-chad/> Accessed August 7, 2023. Акафист св. Чэду, чудотворцу. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/oe4/akathist-to-our-father-among-the-saints-chad/>. Ссылка активна на 07.08.2023.

⁴¹ Там же. Ibidem.

⁴² Akathist to our Most Holy Lady before Her Icon, The Felixstowe Mother of God. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akafmog.htm> Accessed August 7, 2023. Акафист Пресвятой Богородице пред Ее Феликстоуской иконой. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akafmog.htm>. Ссылка активна на 07.08.2023.

Таким образом, экспрессивная коннотация становится маркером, который указывает на активные, энергичные действия подвижника в целом.

Другая сфера-источник, из которой заимствуются лексические средства для изображения силы святого, – это явления природы. В рассматриваемом материале она представлена лексемами *thunder* («гром»), *lightning* («молния»), *rain* («дождь») и др.: *Rejoice, rain of God's dogmas*⁴³; *Rejoice, thunder to stubborn sinners. Rejoice, lightning of the zeal of God*⁴⁴.

К данной сфере отчасти относятся лексемы, связанные со световыми явлениями окружающего мира, например: *star* («звезда»), *rainbow* («радуга»), *luminary* («святило»), *radiance* («сияние»). Эти существительные используются гимнографами в канонах и акафистах: *Rejoice, star of righteousness shining in Heaven's firmament*⁴⁵; *Rejoice, rainbow of quiet joys to the meek*⁴⁶; *As a star in the East thou didst enlighten those who sang: blessed are thou, o God of our Fathers*⁴⁷; *As the sky is bedight with myriads of brilliant luminaries, so is the firmament of the Church in Britain adorned with its countless saints as with innumerable stars, among whom Alban shineth with surpassing radiance*⁴⁸.

Помимо существительных, осмысление образа святого посредством мотива света репрезентировано при помощи различных частей речи. Так, данный образ поддерживается глаголами *shine forth* («просиять»), *illumine* («озарять»), *enlighten* («просвещать»): *Grace shineth forth from thee, holy Chad*⁴⁹; *Rejoice, thou who didst shine forth the Light of Heaven*⁵⁰; *Divine grace shineth forth with radiance from thy precious relics and sacred shrine, O wondrous martyr, whereby we all are illumined*⁵¹; *O Blessed Audrey, and thou wast illumined and enlightened with the gift of foreknowledge and healing*⁵².

Мотивы света и сияния создаются при помощи прилагательного *bright* («яркий») (*Rejoice, bright luminary beloved by all*⁵³), а также словосочетания *Unfading light* («Неугасающий свет»), которое имеет

⁴³ Akathist to Saint John of Shanghai and San Francisco. Available at: <https://pravoslavnye-molitvy.ru/en/akathist-to-saint-john-of-shanghai-and-san-francisco/?ysclid=lktp486fhl260753859> Accessed August 7, 2023. Акафист св. Иоанну Шанхайскому и Сан-Францисскому. Доступно по: <https://pravoslavnye-molitvy.ru/en/akathist-to-saint-john-of-shanghai-and-san-francisco/?ysclid=lktp486fhl260753859>. Ссылка активна на 07.08.2023.

⁴⁴ Akathist to our Holy Father Guthlac of Crowland. Available at: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php Accessed August 11, 2023. Акафист св. Гутлаку Кроулендскому. Доступно по: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php. Ссылка активна на 11.08.23.

⁴⁵ Там же. Ibidem.

⁴⁶ Там же. Ibidem.

⁴⁷ Service to the Holy Bishop Felix. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/serstfel.htm> Accessed August 7, 2023. Служба свт. Феликсу. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/serstfel.htm> Ссылка активна на 07.08.23.

⁴⁸ Service to Holy Alban of Verulamium. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/servalb.htm> Accessed August 7, 2023. Служба мч. Албану Веруламскому. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/servalb.htm> Ссылка активна 07.08.23.

⁴⁹ Akathist to our Father among the Saints Chad (Ceadda) the Wonderworker. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/oe4/akathist-to-our-father-among-the-saints-chad/> Accessed August 7, 2023. Акафист св. Чэду, чудотворцу. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/oe4/akathist-to-our-father-among-the-saints-chad/> Ссылка активна на 07.08.2023.

⁵⁰ Akathist to Saint Cuthbert of Lindisfarne. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akacuthbert.htm> Accessed August 7, 2023. Акафист Св. Кутберту Линдисфарнскому. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akacuthbert.htm> Ссылка активна на 07.08.23.

⁵¹ Service to Holy Alban of Verulamium. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/servalb.htm> Accessed August 7, 2023. Служба мч. Албану Веруламскому. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/servalb.htm> Ссылка активна 07.08.23.

⁵² Service to our Holy Mother Audrey, Abbess of Ely. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/saudrey.htm> Accessed August 7, 2023. Служба святой Одри, игуменье монастыря Эли. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/saudrey.htm> Ссылка активна на 07.08.2023.

⁵³ Akathist to our Holy Father Guthlac of Crowland. Available at: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php Accessed August 11, 2023. Акафист св. Гутлаку Кроулендскому. Доступно по: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php. Ссылка активна на 11.08.23.

номинативную функцию в хайретизме акафиста и дает Богородице метафорическое наименование (*Rejoice, Unfading light of angels and men!*)⁵⁴.

В целом тексты Священного Писания весьма часто обращаются к идее света. Это одна из ассоциаций, раскрывающая образ Бога и святого. Так, например, евангелист Матфей прямо называет праведника светом и говорит о том, что этот свет не может быть не виден окружающим (Мф.5:14-16): «Вы – свет мира. <...> Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» [14: 18]. В православной англоязычной гимнографии в метафорической репрезентации святого мотив света, очевидного для всех, реализован при помощи идей «сверкающего маяка» (*brilliant beacon*), «яркого рассвета» (*Bright daybreak*), «восхода солнца» (*Sunrise*): *Shining forth like a brilliant beacon over the crashing waves of the sea*⁵⁵, *Rejoice, Bright daybreak of our hearts! Rejoice, Sunrise driving away the demon hordes of the night*⁵⁶. Общим для всех этих объектов является тот факт, что они выделяются на темном фоне благодаря исходящему от них свету и тем самым становятся очевидными для всех. Данные лексемы имеют ярко выраженную положительную коннотацию, связанную с надеждой и изменением ситуации к лучшему. Идея темноты заложена в общей схеме ситуаций, которые репрезентируют эти лексемы: рассвет и восход солнца подразумевают заканчивающуюся ночь, а маяк – это традиционный символ надежды, указывающий верный путь в опасности (темноте). Таким образом, здесь можно говорить о присутствии определенного сценария: ситуация видится в развитии, которое идет от ночи к утру, от темноты к свету, от бедствия ко спасению, от плохого к хорошему, от греха к добродетели. Эта динамика важна в образе святых, которая также находит свое выражение в религиозных гимнографических текстах посредством приема антитезы.

Как известно, под антитезой подразумевается контрастное противопоставление образов, понятий и описаний. В христианских гимнографических текстах используется как простая, так и развернутая антитеза.

Простая антитеза состоит из одной или двух пар антонимов (например: «немощный телом – сильный духом»; «ложь – истина»): *Rejoice, new Aidan, frail in body but strong in spirit*⁵⁷; *Rejoice, destroyer of lies and exalter of truth*⁵⁸. Она, как правило, встречается в структуре акафиста чаще, чем в каноне, например в хайретизмах акафиста святому Гутлаку: *Rejoice, inexhaustible bread for the hungry. Rejoice, thou healer of those in sickness. Rejoice, quick uplifting for those who had fallen. Rejoice, thou who restored sight to the blind*⁵⁹. Гимнографы не всегда используют простые антонимы для создания антитезы. В текстах данного жанра этот прием может быть построен на противоположных по смыслу фразах, то есть на контекстуальных антонимах. Схема антитез приведенных выше хайретизмов акафиста святому Гутлаку выглядит следующим образом: *bread* («хлеб») – *the hungry* («голодные»); *healer* («целитель») – *sickness*

⁵⁴ Akathist to our Most Holy Lady before Her Icon, The Felixstowe Mother of God. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akafmog.htm> Accessed August 7, 2023. Акафист Пресвятой Богородице пред Ее Феликстоуской иконой. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akafmog.htm> Ссылка активна на 07.08.2023.

⁵⁵ Service to our Venerable Mother Hilda. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/servhild.htm> Accessed August 7, 2023. Служба прп. Хильде. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/servhild.htm> Ссылка активна на 07.08.2023.

⁵⁶ Akathist to our Most Holy Lady before Her Icon, The Felixstowe Mother of God. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akafmog.htm> Accessed August 7, 2023. Акафист Пресвятой Богородице пред Ее Феликстоуской иконой. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/akafmog.htm> Ссылка активна на 07.08.2023.

⁵⁷ Akathist to our Father among the Saints Chad (Ceadda) the Wonderworker. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/oe4/akathist-to-our-father-among-the-saints-chad/> Accessed August 7, 2023. Акафист св. Чэду, чудотворцу. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/oe4/akathist-to-our-father-among-the-saints-chad/>. Ссылка активна на 07.08.2023.

⁵⁸ Akathist to Saint John of Shanghai and San Francisco. Available at: <https://pravoslavnye-molityvy.ru/en/akathist-to-saint-john-of-shanghai-and-san-francisco/?ysclid=lktp486fhl260753859> Accessed August 7, 2023. Акафист свт. Иоанну Шанхайскому и Сан-Францисскому. Доступно по: <https://pravoslavnye-molityvy.ru/en/akathist-to-saint-john-of-shanghai-and-san-francisco/?ysclid=lktp486fhl260753859>. Ссылка активна на 07.08.2023.

⁵⁹ Akathist to our Holy Father Guthlac of Crowland. Available at: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php Accessed August 11, 2023. Акафист св. Гутлаку Кроулендскому. Доступно по: https://www.truechristianity.info/en/prayers_en/akathists_relating_to_saints/eng_akathist_holy_guthlac_crowland.php. Ссылка активна на 11.08.23.

(«болезнь»); *uplifting* («подъем») – *had fallen* («упал»); *restored sight* («восстановленное зрение») – *the blind* («слепые»)⁶⁰.

Развернутая антитеза содержит несколько противопоставлений, объединенных ситуацией-сценарием, например в данном фрагменте канона святой Этельдреды Элийской: *Instead of necklaces and fine jewellery, thou wast adorned with the love of Christ, Who in His abundant compassion, though rich became poor; thou hast followed His Life-bringing words, despising all earthly riches and glory and thus hast become noble in soul*⁶¹. Этот фрагмент показывает, что, создавая антитезу, автор употребляет как простые антонимы (*rich – poor*), так и контекстуальные: ожерелья и украшения противопоставляются любви Христовой (*necklaces and fine jewellery – the love of Christ*), земные блага и слава – благородству души (*earthly riches and glory – noble in soul*)⁶². По сути, элементы антитезы выступают в качестве смысловых узлов в описываемой ситуации. Многие из рассмотренных случаев антитезы являются клишированными в рамках данного жанра и функционируют как указание на некий сценарий, выражая общие закономерности развития духовной жизни подвижника, основные вехи его пути, если его житие повествует о типичных ситуациях. Поскольку жизненные обстоятельства подвижника не только отличаются от мирского образа жизни и зачастую противоположны, прием антитезы выбирается гимнографами как средство вербализации сущности этого опыта, как инструмент усиления контраста между религиозным и светским контекстами.

Заключение

Проведенный анализ англоязычных религиозных гимнографических текстов (акафистов и канонов) позволил установить наиболее частотные лингвостилистические средства создания образа святых – это метафора при поддержке эпитетов и антитеза.

Для создания концептуальной метафоры гимнографы прибегают к следующим сферам-источникам: *вода, течение, свет, битва, строение* (конкретный тип здания), а также к образной схеме «контейнер». Выбор сферы-источника связан с личностью святого и его подвигом. Эти метафоры поддержаны прецедентными текстами (Священным Писанием).

Антитеза подчеркивает контраст религиозного и светского образов жизни. Контекстуальные антонимы, участвующие в формировании антитезы, указывают на традиционные вехи в жизни святого (свернутый сценарий).

Список литературы

1. Ненарокова М.Р., Александрова Т.Л., Яценко М.В. и др. Христианская гимнография: история и современность. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Доступно по: <https://spbib.ru/en/catalog/-/books/12550178-khristianskaya-gimnografiya-istoriya-i-sovremennost-?ysclid=ll805rmzo9752008263>. Ссылка активна на 17.08.2023.
2. Василик В.В. Происхождение канона (Богословие, история, поэтика). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2006. Доступно по: https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/92350923/_1_..._.pdf. Ссылка активна на 17.08.2023.
3. Шпетный К.И. Об основаниях когнитивной стилистики. *Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. Гуманитарные науки*. 2019; 1(817): 370 – 382. Доступно по: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/1_817.pdf. Ссылка активна на 17.08.2023.
4. Джусупов Н.М. Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2011; 3 (28): 65–76. Доступно по: http://www.vcl.ralk.info/issues/2011/issue_3_2011/kognitivnaya_stilistika_sovremennoe_sostoyanie_i_aktualnye_voprosy_issledovaniya.html. Ссылка активна на 17.08.2023.
5. Мусатаева М.Ш., Котлярова И.В. Моделирование эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе». *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022; 75: 94–119.

⁶⁰ Там же. Ibidem.

⁶¹ Service to our Holy Mother Audrey, Abbess of Ely. Available at: <http://www.orthodoxengland.org.uk/saudrey.htm> Accessed August 7, 2023. Служба святой Одри, игуменья монастыря Эли. Доступно по: <http://www.orthodoxengland.org.uk/saudrey.htm>. Ссылка активна на 07.08.2023.

⁶² Там же. Ibidem.

Доступно по: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2189&article_id=50221. Ссылка активна на 17.08.2023. DOI:10.17223/19986645/75/5.

6. Камалова А.А. Структура и смысл хайретизмов в акафисте святителю Николаю. *Российский гуманитарный журнал*. 2013; 2 (2): 142–148. Доступно по: http://libartrus.com/arch/files/2013/2/03_Kamalova.pdf?ysclid=llch60dag3171999944. Ссылка активна на 17.08.2023.

7. Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л., Людоговский Ф.Б. Религиозная лексика в толковом словаре: культурно-речевой аспект. *Русская речь*. 2019; 6: 45–57. Доступно по: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2019-6/45-57?ysclid=llch6tnqhn18309699>. Ссылка активна на 17.08.2023.

8. Агафонова М.А., Коннова М.Н. Структурно-семантические особенности гимнографического текста (на материале акафиста преподобным Кириллу и Марии Радонежским и его перевода на английский язык). *Scripta Manent*. 2014; 20: 5–11. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?ysclid=llfc1vtrqr407189532&id=22760182>. Ссылка активна на 17.08.2023.

9. Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии. Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. Доступно по: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Antologija_konceptov/Antologia_1.pdf?ysclid=llh5tnfnci563447053. Ссылка активна на 17.08.23.

10. Воркачев С.Г. Межтекстовые связи в национальной гимнодии. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. №1. С. 104–114. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-104-114>.

11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002485044?ysclid=llcheqr294285779567>. Ссылка активна на 17.08.2023.

12. Будаев Э.В. Становление когнитивной метафоры. *Лингвокультурология*. Екатеринбург, 2007; 1: 16–32. Доступно по: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2736/1/licu-2007-01-02.pdf>. Ссылка активна на 17.08.23.

13. Soskice J. M. *Metaphor and Religious Language*. Oxford: Clarendon Press; London, New York: Oxford University Press, 1985. Доступно по: <https://archive.org/details/metaphorreligiou0000sosk/page/n7/mode/2up>. Ссылка активна на 17.08.2023.

14. Новый Завет. Псалтырь. Молитвослов. Покровский ставропигиальный женский монастырь, 2003. Доступно по: <https://azbyka.ru/biblia/>. Ссылка активна на 17.08.2023.

15. Маркелл (монах Афонский; XXI в.). Духовный опыт старца Иосифа Исихаста [пер. с греческого А. Крюкова]. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2010. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004923459?ysclid=llchh79a8n616983144>. Ссылка активна на 17.08.2023.

16. Нагорная А.В. Метафорические средства описания вкусового ощущения в современной англоязычной культуре. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023; 20 (1): 79–97. Доступно по: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.105>. Ссылка активна на 17.08.2023.

References

1. Nenarokova MP, Aleksandrova TL, Yatsenko MV. Christian Hymnography in Retrospect. Moscow: IWL RAS; 2019. Available at: <https://spbib.ru/en/catalog/-/books/12550178-khristianskaya-gimnografiya-istoriya-i-sovremennost?ysclid=ll805rmzo9752008263>. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

2. Vasilik VV. The Origin of Canon (Theology, History, Poetics). St-Petersburg: The Publishing House of St Petersburg University, 2006. Available at: https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/92350923/_1_._.pdf. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

3. Shpetny CI. On the Basis of Cognitive Stylistics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2019; 1(817): 370 – 382. Available at: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/1_817.pdf. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

4. Dzhusupov NM. Cognitive Stylistics: A Current Development and Topical Issues. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2011; 3 (28): 65–76. Available at: http://www.vcl.ralk.info/issues/2011/issue_3_2011/kognitivnaya_stilistika_sovremennoe_sostoyanie_i_aktualnye_voprosy_issledovaniya.html. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

5. Mussatayeva MSh, Kotlyarova IV. Modeling emotional concepts: Anguish, sadness, sorrow, grief. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2022; 75: 94–119. doi: 10.17223/19986645/75/5 Available at: <http://>

journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2189&article_id=50221. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

6. Kamalova AA. The Structure and Meaning of Hairetisms of the Akathist to St.Nikolas. *The Liberal Arts in Russia*. 2013; 2 (2): 142–148. Available at: http://libartrus.com/arch/files/2013/2/03_Kamalova.pdf?ysclid=llch60dag3171999944. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

7. Tsumarev E, Shestakova L, Lyudogovsky F. Religious Vocabulary in Explanatory Dictionary: Speech Culture Aspect. *Russian Speech*. 2019; 6: 45–57. Available at: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2019-6/45-57?ysclid=llch6tnqhn18309699>. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

8. Agafonova MA, Konnova MN. Akathist to the Venerable Cyril and Maria Wonderworkers of Radonezh, Parents of St.Sergius, and Some Peculiarities of Its Translation into the English Language. *Scripta Manent*. 2014; 20: 5–11. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?ysclid=llfc1vrrqr407189532&id=22760182>. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

9. Vorkachev SG. The Postulates of Linguistic Concepts Studies. Anthology of Concepts. General eds. of Karasik VI and Sternin IA. Vol. 1. Volgograd: Paradigma; 2005. Available at: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Antologija_konceptov/Antologia_1.pdf?ysclid=llh5tnflci563447053. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

10. Vorkachev SG. Intertextual Connections in the National Hymnody. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 1, pp. 104–114. Available at: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-104-114>. Accessed August 17, 2023 (In Russ.).

11. Lakoff G, Johnson M. *Metaphors We Live By*, 2004. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002485044?ysclid=llcheqp294285779567>. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

12. Budaev EV. Development of Cognitive Theory of Metaphor *Linguistic and Culture Studies*. Ekaterinburg, 2007; 1: 16–32. Available at: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2736/1/licu-2007-01-02.pdf>. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

13. Soskice JM. *Metaphor and Religious Language*. Oxford: Clarendon Press; London, New York: Oxford University Press, 1985. Available at: <https://archive.org/details/metaphorreligiou0000sosk/page/n7/mode/2up>. Accessed August 17, 2023.

14. New Testament. Psalter. Prayer Book. Pokrovsky Stauropegic Monastery, 2003. Available at: <https://azbyka.ru/biblia/>. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

15. Markell (Athonite monk; 21 c.) The Spiritual experience of Josephy the Hesychast. / Transl. from Greek by A. Kryukov. Sergiev Posad: Holy Trinity Sergius Lavra, 2010. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004923459?ysclid=llchh79a8n616983144>. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

16. Nagornaya AV. Metaphor as a means of describing flavor in the contemporary English-speaking culture. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (1): 79–97. Available at: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.105>. Accessed August 17, 2023. (In Russ.).

История статьи:

Получена: 19.07.2023

Принята: 02.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 19.07.2023

Accepted: 02.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторах:

Чукарькова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Историко-филологического факультета, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация; *e-mail*: chukarkovaov@mail.ru.

Алпатов Владислав Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация; *e-mail*: alpatovvv@mgpu.ru.

Bionotes:

Olga V. Chukarkova, Ph. D. in Philology, Associate Professor of the Romano-Germanic Languages Department, the Faculty of History and Philology St.Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: chukarkovaov@mail.ru.

Vladislav V. Alpatov, Ph. D. in Philology, Associate Professor of the Department of Methodology of Teaching English, the Institute of Foreign Languages Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: alpatovvv@mgpu.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

НОВОЕ В ЖАНРОЛОГИИ: ЛИНГВИСТИКА ПОЛИМОДАЛЬНОСТИ NEW IN GENROLOGY: LINGUISTICS OF POLYMODALITY

Оригинальная статья

УДК 821.111

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-172-182>

**Прагматическая архитектура стендап-комедии:
образ актера, фактор адресата, интерактивность**

* Е.В. Муругова¹, Ю.В. Вербова²

^{1,2}Донской государственный технический университет;

344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;

¹ORCID ID: 0000-0003-0781-9767; ²ORCID ID: 0000-0001-5456-1362;

¹Web of Science Researcher ID: FBW-9717-2022;

¹Scopus Author ID: 57202187969;

*e-mail: murugovaelena@yandex.ru

Резюме: Стендап-комедия трактуется в исследовании как дискурсивный паттерн, идеальный для «щичинного» противопоставления всех аспектов реальной событийности. Фиксирование актуальных областей неявного (как правило, социально маркированного) знания, не всегда освещаемого традиционными институциональными источниками, доведение этого знания до целевой аудитории являются важными дискурсивными функциями, выполняемыми комедиантами в соответствующих ролях. Установлено, что актер надевает маску рядового заурядного представителя социума, на фоне комического искажения действительности озвучивает «маргинальные» метафорические смыслы, формирующие текущую будничную повседневность, выражая гнев и отчаяние по поводу присущих человеческой натуре порочных и слабых наклонностей. Жанр комедии дает возможность исполнителям продемонстрировать личностный взгляд на мироустройство, осознать свое место в окружающем мире. Делается вывод о том, что данные возможности становятся центральным элементом идентичности актера-комика, определяют параметры того, кем он объективно является, фиксируют его нахождение между внутренним состоянием и внешней манерой поведения, которая может быть распознана зрителями. Комедиант уподобляется творческой «персоне», психологической сущности с особыми характеристиками, которые могут быть публично замечены и признаны и могут использоваться представителями определенной культуры в целом. Исследуются сценарии, активируемые комедиантом, которые могут быть традиционными или ситуативными (специфичными для текущей обстановки общения). Их переключение в дискурсе актера предопределяет характер взаимоотношений с аудиторией – от полного сговора до конфронтации с ней. Юмористический потенциал суждений актера программирует внезапный когнитивный сдвиг в сознании зрителей, который порождается несоответствием между воспринимаемыми смыслами и общепринятыми ментальными моделями экспликации значений из языковых единиц, эффектом обманутых ожиданий. Зритель переживает неожиданную смену психологического состояния за счет спонтанных изменений в интерпретации отдельно взятых слов, фраз или актерского

повествования в целом. При этом шутки актера не всегда соответствуют жанру комедии и, как правило, приобретают глубоко трагическое содержание.

Ключевые слова: стендап-комедия, юмористический эффект, монолог, диалог, фактор адресата, фатический контакт, хеклер.

Для цитирования: Муругова Е.В., Вербоватая Ю.В. Прагматическая архитектура стендап-комедии: образ актера, фактор адресата, интерактивность. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 172–182. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-172-182>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-172-182>

Pragmatic Architectonics of Stand-Up Comedy: Actor's Image, Addressee's Factor, Interactivity

* Elena V. Murugova¹, Yulia V. Verbovataya²

Don State Technical University;

^{1,2} *I Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344003;*

¹ORCID ID: 0000-0003-0781-9767; ²ORCID ID: 0000-0001-5456-1362;

¹Web of Science Researcher ID: FBW-9717-2022;

¹Scopus Author ID: 57202187969;

**e-mail: verbovataya.yuliasick@yandex.ru*

Abstract: Stand-up comedy is interpreted in the study as a discourse pattern, perfect for the “cynical” opposition of all aspects of real eventfulness. Fixing the relevant areas of implicit (usually socially labeled) knowledge, not always covered by traditional institutional sources, bringing this knowledge to the target audience are important discourse functions performed by comedians in their appropriate roles. It is established that the actor puts on the mask of an ordinary representative of society, against the background of a comic distortion of reality, he voices “marginal” metaphorical meanings that form the current everyday routine, expressing anger and despair about vicious and weak manifestations inherent in human nature. The comedy genre allows performers to demonstrate a personal view of the world order, to realize their place in the world around them. It is concluded that these possibilities become the central element of the identity of the actor-comedian, determine the parameters of who he objectively is, fix his finding between the internal state and the external manner of behavior that can be recognized by the audience. The comedian is like a creative “persona”, a psychological entity with special characteristics that can be publicly noticed, recognized and used by representatives of a certain culture as a whole. The scenarios generated by the comedian are investigated, which can be traditional or situational (specific to the current communication environment). Their switching in the actor’s discourse determines the nature of the relationship with the audience from complete collusion to confrontation with it. The humorous potential of the actor’s judgments programs a sudden cognitive shift in the audience’s consciousness, which is generated by the discrepancy between perceived meanings and generally accepted mental models of explication of meanings from linguistic units, the effect of deceived expectations. The viewer experiences an unexpected change of psychological state due to spontaneous changes in the interpretation of individual words, phrases or the actor’s narrative as a whole. At the same time, the actor’s jokes do not always correspond to the comedy genre, as a rule, they acquire a deeply tragic content.

Keywords: stand-up comedy, humorous effect, monologue, dialogue, addressee factor, phatic contact, heckler.

For citation: Murugova EV, Verbovataya YuV. Pragmatic Architectonics of Stand-Up Comedy: Actor's Image, Addressee's Factor, Interactivity. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 172–182. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-172-182> (In Russ.).

Введение

Как и иные популярные формы массового искусства, стендап-комедия завоевывает признание среди зрителей и слушателей, а также в качестве объекта исследования в разнообразных лингвистических и междисциплинарных концепциях и направлениях. Вследствие этого данный жанр трактуется как более или менее однородный феномен юмористического обыгрывания текущей повседневности, сфера творческой деятельности, подразделяемая, в свою очередь, на занимательную и монотонно-скучную, профессиональную и дилетантскую, оригинальную и производную [1: 143; 2: 304]. В исследованиях звучит мысль о том, что при взаимодействии с различными целевыми аудиториями – в соответствии с культурно-социальными, гендерными, возрастными факторами – актер-комик задействует несходные специфические коммуникативные стратегии выступления.

Стендап-выступления отличаются от других жанров эстрадной комедии, включающей оригинальные стили одиночного исполнения, таких как актерские монологи, поднимающие этическую проблематику, рассказывание обескураживающих историй, сатира, пантомима, клоунада и т.д. Взаимодействие с целевой аудиторией – неотъемлемая часть дискурсивного действия комика, который выдвигает суждения в разговорной манере, используя широкий зрительный фатический контакт и дружелюбное поведение, характерное для неформального общения с близкими людьми. Зрители спонтанно отвечают улыбками, громким смехом, гетероглоссными завываниями, аплодисментами, комментариями друг другу и, иногда, исполнителю.

По таким вербальным и невербальным сигналам актер устанавливает, насколько эффективным оказался набор стимулирующих реплик и их подача зрителю. Комедиант заручается сиюминутной обратной связью с целевой аудиторией, эксплицируя информацию о профессиональных качествах своего выступления. Ни одно другое исполнительское искусство не обеспечивает творческую личность подобной четкой оценкой качества выступления.

Цель статьи

Стендап-комедия отражает непрекращающееся состязание рядового представителя социума за экзистенциальное выживание, порождающее чувство агрессивности и одиночества. Имитируя это состязание в юмористическом свете, актер предлагает зрителям альтернативное эпистемическое видение бытовых реалий современного социума.

В связи с этим целью нашего исследования предстает определение стендап-комедии в терминах ее прагматической архитектоники, включающей в себя такие параметры, как:

- моделирование образа героя для освещения темы комического повествования множественному адресату;
- установление и поддержание фатического контакта с целевой аудиторией.

Обзор литературы

Актеры-комики создают соответствующие сообщества, в которых поддерживается, как правило, единый взгляд на повседневные культурные, социальные и политические реалии. Это единство во многом поддерживается за счет сходных моделей реализации юмористического эффекта в рамках одного и того же сообщества актеров-комиков, спонтанной трансформации данной интеллектуальной способности из личностно-индивидуального явления в коллективный (массовый) феномен [3: 591]. При этом юмористические суждения актеров-комиков о текущей повседневности потенциально оспаривают эпистемические основания тех онтологических убеждений и культурных проектов, которые доминируют в современном социуме.

Комик преобразует страдание в терпимость, потерю в естественное, отчуждение, бессмыслицу в рациональность. Его образ трансформируется в героя, способного изучать ироничную жизнь, воплощать те качества, которые являются оптимальным механизмом адаптации к такой жизни [4: 69; 5: 109; 6: 245]. Используя метафору, можно говорить о том, что комедия вырастает из трещин и швов текущей повседневности, из устоявшихся схем интерпретации объективности – морали, идеологии, культуры, политики.

Выделяются следующие социально-дискурсивные роли актера-комика:

- конференсье (субъект, от которого зритель ожидает развлекательную программу);
- рядовой представитель социума, по версии актера, подвергающийся стигматизации по тому или иному признаку;
- моралист: «поставщик скорой социальной помощи как прикрытие для условностей»;

– образец для подражания (для тех представителей избранной публики, которые хотят выглядеть в комическом свете);

– юморист (создатель новых оригинальных историй, составляющих текущий репертуар);

– создатель инновационных способов имплицативной подачи комического содержания и сюжетных линий (более подробно см. [7; 8; 9]).

В формате стендап-выступлений исходные пессимистические установки побуждают комедианта обнаруживать морально-нравственные изъяны социума, транслировать эти откровения посредством особого вида социальной драмы, разыгрываемой для веселящейся избранной публики. Вследствие подобного рефлексивного и интерактивного формата выступления, актер-комик представляется как «лицензированный» представитель творческого сообщества, который улавливает и формулирует острые противоречия в социально-культурном пространстве, о существовании которых зрители, возможно, даже не подозревают [10: 54]. Творческая программа актера, часто изобилующая спонтанными импровизациями, состоит в непринужденном изложении лично отрефлексированных повествований «для взрослых», которые:

– удовлетворяют потребность целевой аудитории в трактовке добра и зла в терминах повседневного опыта восприятия действительности;

– стабилизируют эмоционально-волевое состояние зрителей, содействуя преодолению их страхов и тревог, связанных с нестабильностью в социальной повседневности;

– в ситуации перманентного социального хаоса, охватившего современность, фокусируют внимание адресата на нормативных границах культуры [11; 12].

Задавая легитимность ситуации общения, актер-комик фактически играет роль, а не выполняет функцию. Смеясь вместе с актером над шуточными скороговорками, воспроизводящими в комическом свете морально-нравственные стрессовые ситуации из текущей повседневности, зритель «отдаляется» от объективной реальности, изобилующей социальной напряженностью.

Актер, в свою очередь, выражает палитру чувств и эмоций, установки, мнения, которые зрители воспринимают как значимые или узнаваемые, не могут сформулировать так непринужденно и оптимально. Искусство комика отчасти проистекает из определения социальной морали одновременно в рамках консервативного и радикального спектра и, кроме того, представления его личностной позиции. Зрители и исполнитель не обязательно являются единомышленниками [13].

В формате развлекательных мероприятий, доступных для массового зрителя в настоящее время наблюдается кристаллизация культурных кодов и механизмов реализации комического содержания, фактически, установлены допустимые рамки для нормативной коммуникации посредством конвенционального интерактивного обмена стимулами и реакциями между актером и зрителями. Элементы традиционной и радикальной морали, неизбежное напряжение между ними нейтрализуются комедиантом за счет обыгрывания рутинных рамок для остроумных суждений.

Жанр стендап-комедии описывается также с точки зрения того, как представители соответствующего сообщества воспроизводят окружающую повседневность в повествовательном плане, идентифицируют персонажей своих суждений, обстановку события как пространство, в котором персонажи фиксируются в действии. Типология героев воображаемых миров («имплицитного автора») профессиональных актеров, выступающих в стиле стендап, включает в себя следующие категории:

– внутренне мотивированный субъект, который привносит оригинальные формулы в искусство сольного выступления;

– внешне мотивированный субъект, который воспроизводит известные комедийные формулы;

– субъект, популярность которого предопределяется каким-либо значительным недостатком характера или психологической индивидуальности [14; 15; 16].

Обнародование неразрешимых конфликтов между идеальной рациональной онтологией текущей повседневности и действительным положением дел в жизнедеятельности заурядного человека, осуществляемое героем воображаемых миров, которые воспроизводятся актером-комиком, порождает смеховую реакцию целевой аудитории [17: 27]. В свою очередь, эта реакция является иллюкативной целью юмористического представления. Смех – это, своего рода, групповое ритуализованное действие, которое связывает целевую аудиторию и артиста узами взаимопонимания. Выступление комедианта подпитывается реакциями зрителей, которые предстают стимулом для шуток и манеры их исполнения на последующих концертах.

Методы исследования

Детализация представлений о прагматической специфике стендап-выступлений основывается в данном исследовании на интерпретации дискурса как абстрактной теоретической системе функционирования языка в контексте межличностного взаимодействия. Теоретическая новизна и значимость проводимого анализа предопределяется тем, что в исследовании системно описываются дискурсивные техники порождения юмористического эффекта в жанре стендап-выступлений на английском языке, подчеркивается их критическая важность для поддержания коммуникативного контакта с множественным адресатом.

Метод прагматической интерпретации задействуется в исследовании на трех уровнях анализа:

- 1) критическое рассмотрение процессов моделирования и последующего исполнения образа «комическая персона» актером стендапа;
- 2) выявление специфики дискурса комедианта, фиксируемого в эстетическом тексте;
- 3) изучение особенностей социальной драмы, имплицитной юмористическими суждениями актера, ее воздействия на целевую аудиторию.

Результаты и дискуссия

Образы, воспроизводимые актерами-комиками на сцене, мало чем отличаются от персонажей художественных текстов. Как и воображаемый рассказчик, комедианты развивают в себе неповторимую индивидуальность, обращаются к аудитории, разговаривают с ней. Читатели, по большей части, отделяют образ автора художественного текста от персонажей, воссоздают виртуальный универсум, в котором категория автора не приобретает существенного значения [18: 47].

В процессе восприятия сольных спектаклей в стиле «стендап» зрители фактически не дифференцируют образ автора от творческой личности актера: повествовательная манера выступающего субъекта разрушает иллюзию того, что воспроизводимые эксцентричные события – это всего лишь плод чьего-то воображения. В связи с этим зритель не проводит водораздельную грань между комическим сообщением и повествующим и жестикулирующим рассказчиком на сцене, трактует это повествование как отражение событийности, реально имевшее место, а имплицитного автора в качестве реального субъекта, а не творческого конструкта актера.

Вербальные и невербальные стимулы комика также сиюминутны, как и гетероглосные реакции зрителей, а поэтому интерактивное взаимодействие субъектов, находящихся на сцене и в зрительном зале, не характеризуется отсроченным характером (как это имеет место в формате художественной коммуникации). Аудитория воспринимает событийность комического повествования и результирующие суждения как факты из биографии актера, а не его художественное творение. Образ героя, которого играет комедиант, заставляет забыть о том, что выступление на сцене – это заранее продуманный проект рассмешить зрителей в зале.

Дискурсивные действия актера квалифицируются зрителями как спонтанные. Вступление комедианта в диалог с множественным адресатом поддерживает эту мистификацию. Образ, который принимает актер, является единственным инструментом общения со зрителями, а поэтому этот образ воспроизводится также реалистично, как и рассказчик от первого лица в контексте художественного произведения.

Профессиональные актеры порождают образы, в которых зрители усматривают подлинную «частицу» своей личности, иногда скрываемой от посторонних. В приоритетной сфере внимания комиков в этом случае оказываются культурные различия среди представителей зала, стремление нейтрализовать разграничение «своих» и «чужих» (об объективации этих процессов в культурно-социальной среде см. [19; 20]). Например, в комическом монологе очаровательной актрисы стендапа не может воспроизводиться образ барышни, постоянно отвергаемой всеми кавалерами. Образ, воссоздаваемый стендапером, имитирует те жизненные реалии, которые зрители способны распознать. Одновременно этот образ создает контекст для размышлений аудитории, коммуникативного взаимодействия с ней.

На протяжении своей творческой деятельности актер-комик, как правило, изображает вариации одного и того же образа. Одним из типизированных образов британской стендап-комедии предстает неудачник-невротик, беспокоящийся о своих тщетных попытках жить осмысленно. Он предпринимает непродуктивные действия, но, кажется, постоянно и случайно выходит из затруднительных ситуаций. У него очки, залысины и долговязое тело, которые с первого взгляда выдают его психологическую личность. Несуразные суждения комедианта подтверждают эту взаимосвязь. У зрителей складывается впечатление, что невроз комика является причиной его слабости. В контексте исповеди

он склонен говорить о себе задушевно и часто выглядит высокомерным и тщеславным заурядным человеком. Ср.:

(1) « *I don't want to be negative, but you kinda know it's true, right?.. I'm trying to cover a lot of territory, or a lot of things in this first chunk of this show, and it gets a little heavy, but you'll be all right... I think we have a stupid people problem and I'm not saying that as a condescending person or a-I'm not a genius, but I kinda miss old-timey stupid... Well, I'm not that dumb. I mean, come on!.. I'm an anti-woke comic, man. I'm anti-woke and that's why I don't get work... I don't always know that I'm getting older. I don't always feel it because I think it's a few reasons, 'cause I don't have kids. I think if you have kids, you can kinda see you're dying in your kids...»¹.*

Актер представляет зрителям свою личность, сразу же дает им понять, что будет рассказывать о своем шоу и жизни, в то время как его первая шутка подтверждает впечатление аудитории о комике как о циничном «слабаке», к которому постоянно придираются, поскольку у него мало шансов защитить себя. В какой-то степени зритель отождествляет себя с этим чувством слабости, которое олицетворяет образ комедианта.

Актера воспринимают как забавного человека, потому что он трансформировал свои страдания в юмор, который аудитория может считать применимым к себе, отождествлять себя с ним. Образ комика соответствует зрительскому ощущению собственной незащищенности. У всех, сидящих в зале, есть свои тревоги, актер выражает их за зрителей. Конструктивным вкладом в интерактивное взаимодействие с аудиторией является искренность актера в бесстыдном разоблачении своих страхов и мечтаний. Комедиант разыгрывает зрительские худшие мечты и страхи, однако, придает своим суждениям оттенок комедийного безумия.

Актер предстает перед целевой аудиторией как яркий представитель маргинальных слоев общества, неспособный к надлежащим действиям в нестандартной ситуации. Зритель прощает поведенческие «ошибки» комику, маргинальность которого порождает завораживающую двусмысленность и амбивалентность.

Ср.: (2) «... *I love just pouring ketchup on a hot dog... I like that I think I'm being real punk rock by doing a ketchup on a hot dog joke... I don't know where I'm at politically. I really don't... I'm not a gambler, but I like playing craps, not because of the gambling aspect, but just because, if you're playing craps, and you're the one rolling the dice, you know, and you got a real hot hand, and everybody's winning money 'cause you're doing real good with the dice, that means you get to yell out whatever you want, in the name of luck, to test the greed of the people around you...»².*

Выступая в роли отрицательного примера, комик-актер вызывает смех зрителей, он воплощает вербальные / невербальные поведенческие стимулы, достойные реакциям осмеяния и отторжения. Последующий смех аудитории фиксирует явное превосходство, психологическое облегчение от того, что «уязвимых мест» у актера больше, чем «слабостей» у зрителей. И все же зритель отождествляет себя с психологическим «Я» актера-комика, возможно, втайне признавая, что оно отражает естественные тенденции в повседневной деятельности заурядного человека.

Комик играет дискурсивную роль «отрицательного» образца, выставляемого для всеобщего подражания. Им разыгрываются неприемлемые и высмеиваемые черты характера шута, негодяя, лжеца, труса, эгоиста, невротика, от которых аудитория символически отрекается, одновременно признавая их естественность. Собственные недостатки, выставляемые актерами-комиками на всеобщее обозрение, являются гиперболизированным преувеличением всего того, что зритель боится и отвергает в собственном социальном самоопределении, но считает естественным проявлением современного человека. А поэтому двусмысленность является неотъемлемым прагматическим параметром реакции целевой аудитории на юмористические образы актера-комика.

Все эти уязвимые места личности преобразуются актером-комиком таким образом, что нечестность, эгоизм, агрессивное поведение и распушенность воспринимается зрителем как, своего рода, «добродетели», которым можно аплодировать. Удовольствие, которое аудитория получает от разыгрывания

¹ Marc Maron: From Bleak to Dark (2023) / Transcript. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/marc-maron-from-bleak-to-dark-transcript/>. Accessed: May, 21, 2023.

² Kyle Kinane: Loose In Chicago (2016) / Transcript. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/kyle-kinane-loose-in-chicago-transcript/>. Accessed: May, 21, 2023.

санкционированного поведенческого отклонения, может быть связано с ритуальным нарушением табу, инверсией ритуала, часто встречающимся в разнообразных культурных традициях.

Комедийные выступления в жанре «стендап» предстают уникальной формой массового развлекательного искусства в том плане, что целевая аудитория является перманентным множественным собеседником актера, который время от времени стимулирует зрителей к реактивным вербальным действиям или речевому акту молчания. Как и автор художественного текста, комедиант полагается на фактор адресата, вырабатывает профессиональное чутье относительно специфического типа целевой аудитории, для которой планируется выступление.

В процессе комического действия актер фиксирует, что в данный момент происходит в зрительном зале, для усиления интерактивности взаимодействия с аудиторией суммирует гетероглосные реакции, выдвигаемые на тот или иной стимул. Другими словами, в стендап-комедии как взаимовыгодном коммуникативном сотрудничестве превалирует диалог со зрителями, а не монолог актера. Смех становится доминирующей формой реагирования множественного адресата, комик спонтанно корректирует свои суждения в соответствии с этой реакцией.

Негативные реакции хеклера, зрителя, мешающего выступлению, порождает немедленную реакцию комика. Это спонтанное реагирование на насмешку больше говорит об эмоционально-волевом состоянии субъекта, выступающего на сцене, чем о том, кто ее стимулирует из зала. Манера реагирования актера на то, что его прерывают, выявляет его профессионально выработанное прагматическое отношение к стремлению поддержать фатический контакт с аудиторией в регистре дискурса и слушания.

Ср. комическое обыгрывание образа хеклера в выступлениях стендап-комиков:

(3) *«I love speaking to people in the front row. You never quite know what's gonna happen. The worst hecklers, by the way, are not the hecklers, they're the whisperers. If you hear people whispering on the front row, it gets to me. I'm so paranoid»*³;

(4) *«And all these special interest groups who agreed with her ideologically. They sided with her interrupting the show. And they're like, "You had every right to make your feelings known." No, you did not. If you weren't enjoying his show, you had every right to get up and quietly leave the performance. Because the minute you talk, you're a heckler...»*⁴;

(5) *«Statler and Waldorf heckled Fozzie, and then they introduced me, which is an insane precedent for hecklers— this idea that if a heckler defeats the comedian, they're now in charge of the show? It's like if a streaker ran onto Yankee Stadium, they just threw him a mitt»*⁵.

Актеры, выступающие в стиле «стендап», воплощают в себе функции как «глупца», так и пророка в ниспровержении границ нормативной социальной и культурной идеологии, критическом вмешательстве в соответствующие устоявшиеся стереотипы. Они подвергают сомнению мотивы и логику, стоящие за «классическими» способами мышления и познания, обнажают то, что в противном случае могло бы остаться незамеченным, разрушают само собой разумеющееся, ставя под сомнение, кому эти идеологии выгодны и за чей счет они возникают.

Хеклеры играют критическую роль в развитии агонизма между объективными и субъективными тенденциями в социуме и культуре. Тактически разыгрывая конфликтную ситуацию в зрительном зале, они демонстрируют не только неуважение к актеру на сцене, но и к аудитории, которая согласилась выслушать одного человека, но обнаружила, что слушает другого. Хеклер фокусирует внимание на возникших разногласиях, но, тем не менее, он дает зрителям возможность увидеть более одной альтернативной позиции одновременно. Вероятно, учитывая эти преимущественно агрессивные тактики хеклера, актер-комик нейтрализует их посредством преобразования в юмористическое русло перволичностного повествования, образно уподобляя зрителей, самовольно встречающих в выступление, сплетникам (шептунам), болтунам, футболистам-форвардам.

В контексте успешного выступления аудитория – это оптимальный собеседник-ассистент, поддерживающий фатический контакт с комедиантом приступами смеха, неявно усиливающий ощущение

³ Lee Mark: Live (2007) / Full Transcript. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/lee-mack-live-transcript/>. Accessed: May, 21, 2023.

⁴ Jim Norton: American Degenerate (2013) / Full Transcript. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/jim-norton-american-degenerate-transcript/>. Accessed: May, 21, 2023.

⁵ Mike Birbiglia: Thank God for Jokes (2017) / Transcript. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/mike-birbiglia-thank-god-jokes-2017-full-transcript/>. Accessed: May, 21, 2023.

того, что исполнитель на сцене является аутентичной творческой личностью, спонтанно взаимодействующей со зрителями. Актеры обеспечивают активное участие целевой аудитории в спектакле, гармонично переплетая неизвестные зрителям сюжетные перипетии со своим собственным комическим восприятием текущей повседневности, выбирают языковые средства и стиль юмористического повествования в зависимости от настроения присутствующих в зале, создавая развлекательную программу в соответствии с психологическими характеристиками контингента зрителей, находящимся перед ними. Ср.:

(6) *«We're not those people, you know. Hard-working. Don't ... demonize us. Listen, ICE and all that bullshit Homeland Security... If they want to do all that bullshit, if they want to deport people...*

[audience booing]

Don't...

[man in audience] ... I'm on your side, relax.

[audience laughs]»⁶.

Зритель спонтанно реагирует смехом на стимулирующие юмористические суждения, кивает в знак согласия с выдвинутым мнением, отождествляя свое психологическое «Я» с выражением лица и эксцентричным невербальным поведением актера, рассматривая его образ как сосредоточие карнавального мироощущения и на практике выверенных истин в форме острых и пронизательных социально-культурных комментариев. В этих комментариях содержится критика тех онтологических и эпистемических нестыковок и зазоров, которые проявляются между тем, о чем сообщается избранной публике, и тем, что, по мнению актеров, должно быть в действительности. Однако многие из решений, которые предлагают комедианты, характеризуются противоречивостью, вызывают социальные разногласия, неизбежно порождающие зрительскую эмоциональную реакцию. В живом исполнении стендап-комедия анализируется как интерактивное социально-культурное посредничество между актером и целевой аудиторией, у которой складывается впечатление о себе как однородной общности, объединенной сходными интересами и жизненными проблемами.

Заключение

Актер-комик вызывает доверие зрителей, его успех прямо пропорционален тому, верит ли аудитория в то, что стоящий перед ними герой – реальный субъект, а не какой-то воображаемый персонаж, роль которого исполняет выступающий на сцене. Комедианты полагаются на узнаваемые (типизированные) отрицательные образы из объективной реальности: «неудачник», «невропат», «глупец», «скупец», «кутила» и т.д. Актер может сочетать в своем психологическом «Я» два или более из этих образов, однако его результирующий имидж преимущественно не является законченным и чрезмерно сложным, чтобы аудитория не смогла мгновенно распознать его.

В основе такого сиюминутного сценического воспроизведения образа персонажа лежит стремление стимулировать адресата к мгновенной идентификации своей личности с психологическим «Я» актера. Для полного успеха комедианта зрители должны быть на его стороне. Актер реконструирует фрагменты своего жизненного опыта, доносит его до аудитории посредством приема игры слов, иронического или саркастического сжатия / расширения их семантического потенциала, комбинирования несвязной и / или противоречивой информации и т.д. Все эти дискурсивные манипуляции с системой языка призваны оказывать юмористическое воздействие на зрителя.

Иллокутивная сила выступления актера-комика предопределяется его дискурсивным мастерством, а поэтому стендап в данном исследовании интерпретируется как жанр, основанный на том, что зрители формируют психологическое «Я» исполнителя по мере разворачивания юмористического повествования, что заметно выделяет подобные выступления среди жанров сольного исполнения. Актеры-комики бросают вызов стереотипным статичным представлениям о социальной и психологической идентичности человека, нарушают множество норм, укоренившихся в современном социуме. Посредством критических комментариев и публичного обсуждения запретных тем они фокусируют внимание зрителей на необходимости ослабления социальной идентичности, закрепленной жесткими правилами языка и культуры. При исполнении шуток стендап-комики используют контекст шутки и контекст в шутке. Контекст шутки основан на взаимопонимании, существующем между актерами и зрителями.

⁶ George Lopez: We'll Do It for Half (2020) / Full Transcript. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-lopez-well-do-it-for-half-transcript/>. Accessed: May, 21, 2023.

Смех зрителей смягчает чувство разобщенности и изолированности, испытываемое комиком-одиночкой, который несет исключительную ответственность за развлечение аудитории. Без этой реакции актер воспринимает себя в качестве «унылого» аутсайдера, который борется за то, чтобы его признала целевая аудитория, приняла его в свое социально-культурное сообщество. Порождая смеховую реакцию, комедиант начинает контролировать ту же самую аудиторию, властвовать над ее эмоционально-волевым состоянием.

Список литературы

1. Иванова С.А., Вельдина Н.Г. Особенности формирования прагматического потенциала выступлений в жанре «стендап-комедия» (на материале английского языка). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020; 13,3: 141-144. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.30>.
2. Доманский Ю.В. Субъект в художественных мирах актуальных направлений аудиальной словесности: стендап и рэп. *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2018; 2-2 (35): 302-312. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-2-302-312>.
3. Olah A.R., Junkin J.S., Ford T.E., Pressler S. Comedy Bootcamp: Stand-Up Comedy as Humor Training for Military Populations. *Humor – International Journal of Humor Research*. 2022; 35 (4): 587-616. <https://doi.org/10.1515/humor-2022-0007>.
4. Дубровская П.Д., Манёрова К.В. Лингвокультурологический анализ механизмов создания юмора в жанре «стендап» (на материале русского и немецкого языков). *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2019; 5, 4: 62-74. https://doi.org/10.22250/24107190_2019_5_4_62_74.
5. Манжелевская Е.В. Прагматические особенности речи комиков, выступающих в жанре «стендап» (на материале английского языка). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017; 10, 2 (76): 107-111. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticcheskie-osobennosti-rechi-komikov-vystupayuschih-v-zhanre-stendap-na-materiale-angliyskogo-yazyka?ysclid=llwacu39yc152499327>. Ссылка активна на 12.05.2023.
6. Vigouroux C.B. Genre, Heteroglossic Performances, and New Identity; Stand-Up Comedy in Modern French Society. *Language in Society*. 2015; 44: 243-272. <https://doi.org/10.1017/S0047404515000068>.
7. Асланова А.А., Прохорова А.П. Контраст скриптов как способ конструирования юмористического эффекта в коротком рассказе. *Гуманитарные и социальные науки*. 2022; 90, 1: 33-40. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-90-1-33-40>.
8. Степанова А.В., Квалдыкова Е.В. Структурные и лингвистические особенности стендапа. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021; 5-1: 111-115. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-5-1-111-11>.
9. Smith D.R. Stand-Up Comedy and the Comedic Cult of the Individual: or, the Humor of James Acaster. *American Journal of Cultural Sociology*. 2021; 9, 1: 70-91. <https://doi.org/10.1057/s41290-019-00082-x>.
10. Козлова Е.А., Колесникова О.И. Стендап-комедия как медийная среда самореализации сильной дискурсивной личности. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2023; 1: 51-61. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.205>.
11. Явиц И.И. Громкость и длительность как показатели успешности стендап-выступлений (на материале экспериментального анализа видео). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2017; 5 (776): 116-134. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/gromkost-i-dlitelnost-kak-pokazateli-uspeshnosti-stendap-vystupleniya-na-materiale-eksperimentalnogo-analiza-video/viewer>. Ссылка активна на 12.05.2023.
12. Lindfors A. Cultivating Participation and the Varieties of Reflexivity in Stand-Up Comedy. *Journal of Linguistic Anthropology*. 2019; 29, 3: 276-293. <https://doi.org/10.1111/jola.12223>.
13. Reilly P. No Laughter among Thieves: Authenticity and the Enforcement of Community Norms in Stand-Up Comedy. *American Sociological Review*. 2018; 83, 5: 933-958. <https://doi.org/10.1177/0003122418791174>.
14. Tomsett E. Positives and Negatives: Reclaiming the Female Body and Self-Deprecation in Stand-Up Comedy. *Comedy Studies*. 2018; 9, 1: 6-18. <https://doi.org/10.1080/2040610X.2018.1437167>.
15. Borgella A.M., Howard S., Maddox K.B. Cracking Wise to Break the Ice: The Potential for Racial Humor to Ease Interracial Anxiety. *Humor*. 2018; 33, 1: 78-92. Available at: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/humor-2018-0133/html>. Accessed May 21, 2023.

16. Карасик В.И. Алгоритмы построения комических текстов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018; 22, 4: 895-918. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918>.

17. Бочкарев А.И. Эмоциональная реакция аудитории как способ оценки комического и ценностного статусов различных явлений. *Вопросы психолингвистики*. 2023; 1 (55): 24-35. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2023-55-1-24-35>.

18. Кусаева Е.Э., Тамерьян Т.Ю. Частный детектив от классики до современности: лингвокультурный очерк: монография / Е.Э. Кусаева, Т.Ю. Тамерьян. Владикавказ: ООО НПКИ «Мавр»; 2020. Доступно по: <https://online.bookchamber.ru/book/ru/new?book=2709762>. Ссылка активна на 12.05.2023.

19. Тамерьян Т.Ю. Культурные различия как причина коммуникативных неудач. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2010; 4-2: 739-741. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-razlichiya-kak-prichina-kommunikativnyh-neudach/viewer>. Ссылка активна на 12.05.2023.

20. Качмазова А.У., Тамерьян Т.Ю. Когнитивные механизмы этностереотипизации «своих» и «чужих». *Политическая лингвистика*. 2014; 4 (50): 298-305. Доступно по: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2144/1/plin-2014-04-42.pdf>. Ссылка активна на 12.05.2023.

References

1. Ivanova SA, Veldina NG. Features of the formation of the pragmatic potential of performances in the genre of «stand-up comedy» (based on the material of the English language). *Philology. Theory & Practice*. 2020; 13, 3: 141-144. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.30>. (In Russ.).

2. Domansky YV. The subject in the artistic worlds of the current trends of auditory literature: stand-up and rap. *Bulletin of the Russian State University. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies*. 2018; 2-2 (35): 302-312. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-2-302-312>. (In Russ.).

3. Olah AR, Junkin JS, Ford TE, Pressler S. Comedy bootcamp: stand-up comedy as humor training for military populations. *Humor – International Journal of Humor Research*. 2022; 35 (4): 587-616. <https://doi.org/10.1515/humor-2022-0007>.

4. Dubrovskaya PD, Manerova KV. Linguoculturological analysis of the mechanisms of creating humor in the genre of «stand-up» (based on the material of Russian and German languages). *Theoretical and applied linguistics*. 2019; 5, 4: 62-74. https://doi.org/10.22250/24107190_2019_5_4_62_74. (In Russ.).

5. Manzhelevskaya EV. Pragmatic features of the speech of comedians performing in the genre of «stand-up» (based on the material of the English language). *Philology. Theory & Practice*. 2017; 10, 2 (76): 107-111. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-osobennosti-rechi-komikov-vystupayuschih-v-zhanre-stendap-na-materiale-angliyskogo-yazyka?ysclid=llwacu39yc152499327>. Accessed May 21, 2023. (In Russ.).

6. Vigouroux CB. Genre, heteroglossic performances, and new identity; stand-up comedy in modern French society. *Language in Society*. 2015; 44: 243-272. <https://doi.org/10.1017/S0047404515000068>.

7. Aslanova AA, Prokhorova AP. Contrast of scripts as a way of constructing a humorous effect in a short story. *Humanities and Social Sciences*. 2022; 90, 1: 33-40. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-90-1-33-40>. (In Russ.).

8. Stepanov AV, Kalmykova EV. Structural and linguistic features of stand-up. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021; 5-1: 111-115. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-5-1-111-111>. (In Russ.).

9. Smith DR. Stand-up comedy and the comedic cult of the individual: or, the humor of James Acaster. *American Journal of Cultural Sociology*. 2021; 9, 1: 70-91. <https://doi.org/10.1057/s41290-019-00082-x>.

10. Kozlova EA, Kolesnikova OI. Stand-up comedy as a media medium of self-realization of a strong discursive personality. *Questions of Cognitive Linguistics*. 2023; 1: 51-61. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.205>. (In Russ.).

11. Yavits II. Volume and duration as indicators of the success of stand-up performances (based on the experimental analysis of video). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2017; 5 (776): 116-134. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gromkost-i-dlitelnost-kak-pokazateli-uspeshnosti-stendap-vystupleniya-na-materiale-eksperimentalnogo-analiza-video/viewer>. Accessed May 21, 2023. (In Russ.).

12. Lindfors A. Cultivating participation and the varieties of reflexivity in stand-up comedy. *Journal of Linguistic Anthropology*. 2019; 29, 3: 276-293. <https://doi.org/10.1111/jola.12223>.

13. Reilly P. No laughter among thieves: authenticity and the enforcement of community norms in stand-up comedy. *American Sociological Review*. 2018; 83, 5: 933-958. <https://doi.org/10.1177/0003122418791174>.
14. Tomsett E. Positives and negatives: reclaiming the female body and self-deprecation in stand-up comedy. *Comedy Studies*. 2018; 9, 1: 6-18. <https://doi.org/10.1080/2040610X.2018.1437167>.
15. Borgella AM, Howard S, Maddox KB. Cracking wise to break the ice: the potential for racial humor to ease interracial anxiety. *Humor*. 2018; 33, 1: 78-92. Available at: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/humor-2018-0133/html>. Accessed May 21, 2023.
16. Karasik VI. Algorithms for constructing comic texts. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics*. 2018; 22, 4: 895-918. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918>. (In Russ.).
17. Bochkarev AI. Emotional reaction of the audience as a way of evaluating the comic and value statuses of various phenomena. *Questions of psycholinguistics*. 2023; 1 (55): 24-35. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2023-55-1-24-35>. (In Russ.).
18. Kusaeva EE, Tameryan TY. Private detective from classics to modernity: a linguocultural essay: monograph / E.E. Kusaeva, T.Y. Tamerian. Vladikavkaz: LLC NPKP «Mavr»; 2020. Available at: <https://online.bookchamber.ru/book/ru/new?book=2709762>. Accessed May 21, 2023. (In Russ.).
19. Tameryan TY. Cultural differences as a cause of communicative failures. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. 2010; 4-2: 739-741. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-razlichiya-kak-prichina-kommunikativnyh-neudach/viewer>. Accessed May 21, 2023. (In Russ.).
20. Kachmazova AU, Tameryan TY. Cognitive mechanisms of ethnostereotypization of «own» and «strangers». *Political linguistics*. 2014; 4 (50): 298-305. Available at: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2144/1/plin-2014-04-42.pdf>. Accessed May 21, 2023. (In Russ.).

История статьи:

Получена: 31.07.2023

Принята: 15.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 31.07.2023

Accepted: 15.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторах:

Муругова Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Интегративная и цифровая лингвистика», декан факультета «Прикладная лингвистика», Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; *e-mail*: murugovaelena@yandex.ru.

Вербоватая Юлия Владиславовна, аспирант кафедры «Мировые языки и культуры», Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; *e-mail*: verbovataya.yuliasick@yandex.ru.

Bionotes:

Elena V. Murugova, Prof.Dr.habil. (Philology), professor of Integrative and Digital Linguistics Department, Dean of Applied Linguistics Faculty, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation; *e-mail*: murugovaelena@yandex.ru.

Yulia V. Verbovataya, PhD student of World Languages and Cultures Department, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation; *e-mail*: verbovataya.yuliasick@yandex.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

НОВЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ МЕТОДЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

NEW APPLIED METHODS OF PHILOLOGICAL RESEARCH

Оригинальная статья

УДК 81'33

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-183-191>

Словосочетания с грамматической метафорой: анализ освоения навыка употребления

*А.И. Галеева¹, Г.Н. Гумовская²

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
105066, Российская Федерация, Москва, ул. Старая Басманная, 21;

¹ORCID ID: 0000-0001-8131-3874; ²ORCID ID: 0000-0002-5823-792X;

*e-mail: arinagaleyeva@gmail.com

Резюме: Данная статья исследует процесс освоения навыка включения грамматической метафоры в сложные номинативные словосочетания на материале английского языка в рамках академического дискурса. В исследовании применяется корпусная методология (пакет конкордансер-программ Lancsbox) и методы статистического анализа данных с целью сравнить частоту употребления сложных номинативных сочетаний с применением грамматической метафоры в корпусе текстов, авторами которых являются носители английского как неродного языка, с частотой употребления в референтном корпусе носителей. Дополнительно проведен анализ ошибочного употребления грамматической метафоры в сложных номинативных словосочетаниях. Эмпирический материал исследования был получен на основе корпуса REALEC (the Russian Error-Annotated Learner English Corpus), созданного на базе Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. В рамках данной статьи исследован корпус аргументативных эссе студентов магистратуры за три года (2016, 2017, 2018). Общий объем исследованного подкорпуса составил 112037 слов.

В результате исследования было выявлено, что особую трудность для русскоговорящих студентов, изучающих английский язык для академических целей, с точки зрения грамматической сложности и смысловой нагрузки представляют следующие модели включения грамматической метафоры в сложные словосочетания: номинализация с определительным прилагательным, предшествующим определяемому слову, а также номинализация с причастными оборотами на основе причастий с суффиксами -ing и -ed). С точки зрения корректности применяемых грамматических структур особую сложность представляет модель номинализации с предложным сочетанием.

Ключевые слова: грамматическая метафора, номинативное словосочетание, академический дискурс, корпусное исследование, REALEC, грамматическая сложность, редукция валентности.

Для цитирования: Галеева А.И., Гумовская Г.Н. Словосочетания с грамматической метафорой: анализ освоения навыка употребления. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 183–191. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-183-191>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-183-191>

Grammatical Metaphor Constructions: Acquisition Analysis

*Arina I. Galeyeva¹, Galina N. Gumovskaya²

National Research University Higher School of Economics;

21 Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russian Federation, 105066;

¹ORCID ID: 0000-0001-8131-3874; ²ORCID ID: 0000-0002-5823-792X;

*e-mail: arinagaleyeva@gmail.com

Abstract: This article studies how L2 Russian speaking learners of English for Academic Purposes acquire the skill of grammatical metaphor phrasal inclusion. The study applies corpus methodology (Lancsbox concordance tools) and statistical analysis tools in order to analyse the interdependency between the level of linguistic expertise of learners and their ability to apply certain patterns with grammatical metaphors in academic writing. Additionally, the instances of intermediate realisations (errors) are investigated. The analysed corpus is a subset of the Russian Error-Annotated Learner English Corpus (REALEC) initiated by the National Research University Higher School of Economics. The subcorpus used in this research included opinion essays written by first year Master's students in elective courses on arguing in English in the span of three years (2016, 2017, 2018). The corpus comprised the total of 112037 words.

The results of the current study suggest that three models of grammatical metaphor inclusion into complex nominal phrases present the most prominent challenge for Russian-speaking L2 learners of English for Academic Purposes from the perspective of grammatical complexity and informational density (adjective + nominalisation, nominalisation + -ing clause, nominalisation + -ed clause). From the viewpoint of language accuracy, the model 'nominalisation + prepositional phrase' presents the most significant challenge for students.

Keywords: grammatical metaphor, nominal group acquisition, academic discourse, corpus study, REALEC, grammatical complexity, valency reduction.

For citation: Galeyeva A.I., Gumovskaya G.N. Grammatical Metaphor Constructions: Acquisition Analysis. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 183–191. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-183-191> (In Engl.).

Introduction

Academic writing skills acquisition remains a matter of unquestionable educational significance and high scholarly interest [1; 2: 3638]. Among the skills necessary to achieve advanced levels of academic writing, the ability to use complex grammatical constructs to render meaning is considered essential [3]. Though many studies dwell on the significance of grammatical metaphor for maintaining the complexity level of academic texts, very few of them, if any, aim to study the way L2 learners acquire patterns of grammatical metaphor phrasal embedding. Meanwhile, merely encouraging L2 learners to increase the frequency of grammatical metaphorisation in academic writing proves insufficient. Instead, developing the skill of 'nominal group elaboration' [4: 27], i.e., embedding grammatical metaphor into a complex phrase, is noted as a 'critical area for further instruction' in the scope of teaching English for Academic Purposes [4: 27]. Thus, the current study seeks to find out what patterns of nominalisation phrasal structure present the most considerable challenge for L2 EAP learners.

Literature review

The framework of Systemic Functional Linguistics provides a well-suited basis for perceiving grammatical metaphor as an instrument of academic discourse. The term 'grammatical metaphor' was introduced and elaborated on by M.A.K. Halliday [5]. Grammatical metaphor is understood in Hallidayan systemic grammar as changing the relationship between the semantic and lexicogrammatical strata [6]. The following examples (Examples 1 and 2) might be used as an illustration of the phenomenon:

Example 1. We have to carefully consider the consequences of such a decision before signing the papers.

Example 2. Upon careful consideration of the consequences of such a decision, he signed the papers.

The first sentence (Example 1) represents a case of zero-tension between the semantics and the lexicogrammar, since the action ‘consider’ is congruently expressed by a verb which is a commonly accepted means of rendering this generalised grammatical meaning. Meanwhile, the second example (Example 2) presents a case of expressing the same meaning (that of an action) through a noun ‘consideration’. The observed difference between the nominal lexicogrammatical form and the inner verbal semantics of the concept, or as M.A.K. Halliday puts it ‘remapping semantics onto lexicogrammar’ [6], serves a primary source of the metaphorisation.

The significance of grammatical metaphor for the written scholarly discourse is hardly ever questioned. Researchers in the field go as far as to claim the indispensability of grammatical metaphorisation for the construing of academic discourse. J. Hao [6] deems it ‘impossible to produce scientific knowledge without grammatical metaphor’ in general and, in particular, without applying a narrower skill of accurate processing of the stratal tension. Reorganisation of the dynamic spoken conversation into a lexically dense, static, ‘noun-dominated language’ is considered a trademark aspect of scholarly conversation [4: 16] and accounts for the interest to nominalisation in particular as the most obvious tool applied to increase the informational density of academic writing [7]. The significant role of nominalisation as an example of grammatical metaphor is expressed in the latest studies by A. Luporini that regard nominalisation as the ‘synergy’ comprising metaphorical characteristics [8: 253].

The generalised claim that grammatical metaphor serves a tool of ‘construing’ scientific knowledge [6] requires some specification. The key role of grammatical metaphor as an instrument of academic written discourse is generally attributed to its semantic, cohesive and rhetorical potential. The semantic potential is most frequently understood as the contribution to the technicality of the discourse [5] and the ability to serve as a vehicle of persuasion through maintaining the impersonal tone [9]. Indeed, nominalising a processual meaning, often initially rendered by a whole proposition, involves the omission of the agent responsible for the action which, in turn, makes the tone less personal, more generalised.

The cohesive potential of grammatical metaphor, or ‘logogenesis’ as M.A.K. Halliday puts it [5; 10], incorporates more economical ‘packing’ of propositions [11: 52] that serves as a tool of theme-rheme connection, and, according to Halliday, increases the lexical density of the text and, consequently, the momentum of the argument [5], the speed with which the reasoning unfolds via the aforementioned omission of a driving force or an acting person that instigated the action.

The rhetorical effect produced by grammatical metaphors is frequently mentioned as a significant contributor to the academic discourse in general. Researchers describe the tone achieved by utilising grammatical metaphors as reflecting ‘solidity’, ‘elevated’ and ‘prestigious’ [12].

Though extensive research on grammatical metaphor in general and nominalisations in particular aims at analysing the semantic and grammatical features of the phenomenon, multiple papers, on the other hand, are devoted to the pedagogical aspect of the problem. In fact, W.W. Xuan & S. Chen [13] synthesised the existing research on grammatical metaphor and found that the largest segment (33%) of papers was aimed at studying grammatical metaphor in the scope of language acquisition. A number of studies are concerned with the correspondence between nominalisation frequency in Academic Writing and the level of language proficiency [12; 9]. Z. Heidari Kaidan et al. [3] argue that explicit teaching of nominalisation to L2 students would enhance their academic writing proficiency through achieving a more elevated and objective tone and empowering them to use discipline-specific patterns of phrasal ‘packing’. The benefits of explicit instruction on nominalisation usage are further highlighted by C.L. Liardet, who connects it to the overall proficiency of students in academic writing [4]. In a more recent publication, C.L. Liardet and S. Black synthesised previous theoretical research on nominalisation acquisition in order to create a communicative pedagogical model of teaching nominalisations to EAP learners [14]. A.M. Baratta’s longitudinal study additionally focuses on the way students acquire patterns of retrospective labelling via nominalisations [12] thus contributing to the analysis of cohesion development at advanced levels of study. Q. He & B. Yang examine nominalisations as a tool of construing technicality of academic papers through the comparison of expert and learner corpora [11]. W. Zhou et al. [15] share the pedagogical implications of genre-specific peculiarities of grammatical metaphor use in teaching Academic Writing for Specific Purposes.

Along with analysing nominalisations as a tool of increasing lexical density, C.L. Liardet’s dynamic longitudinal study specifically focused on the so-called ‘metaphorical control’, or the gradual process of acquiring

nominalisations expressed in ‘intermediate realizations’ that do not completely conform with correct patterns of nominalisation formation and usage in the English language [4]. Interestingly, among the six types of ‘nominalisation intermediacy’ (incorrect usage of nominalisation), the most frequently occurring one is the ‘co-text intermediacy type’ [4: 23], or the one containing errors in the way grammatical metaphor is included into a complex nominal phrase. C.L. Liardet suggests that successful including nominalisations into grammatical patterns requires more sophisticated skills since it involves ‘several layers of successful reconstruing’ [4: 25]. Likewise, E.E. Isik-Tas asserts that incorporating a supplementary component into a nominalised expression of the stance aids in presenting a more convincing argument [16: 3]. These arguments advocate for the significance of examining nominalisation phrasal usage patterns.

Research methods and materials

The study compares the data of the two corpora: the learner corpus and the reference corpus. The learner corpus is a subset of the Russian Error-Annotated Learner English Corpus (REALEC) initiated by the National Research University Higher School of Economics, Russia [17]. The REALEC corpus contains written assignments of various types written by L2 English language learners of different years of study with Russian as their first language. The subcorpus used in this research included opinion essays written by first year Master’s students in elective courses on arguing in English in the span of three years (2016, 2017, 2018). The corpus comprised the total of 112037 words.

The reference corpus is comprised of the papers included in the BAWE corpus (British Academic Written English) [18]. The original corpus contains a substantial collection of academic writing samples of different genres. Advanced level papers included in the corpus are considered a valuable reference point for ESL learners (Staples 2021). Though the corpus contains texts authored by both L1 and L2 learners, for the sake of retaining high level of the reference corpus we included only papers written by students with English as their native language into the reference subcorpus. Thus, the reference subcorpus of this study included opinion essays of L1 Master’s students in Social Sciences (2003 – 2007) with the total word count of 118958 words.

The concordance tool applied to analyse the data was LanksBox 5.1 by Lancaster University [19]. This software package allows manifold data analysis functions. Among the features used for the purposes of the research were POS-tagging, concordance analysis, and data normalisation.

As ‘noun-dominated’ texts [4: 16] are regarded as typical of academic writing, we adhered in the current study to the analysis of nominalisations. The relative majority of grammatical metaphorisation through nominalisation cases are implemented by means of suffixal derivation (mainly, by -tion suffix) which has been illustrated by D. Biber [20] and further confirmed by subsequent studies [2]. The preliminary statistic analysis of the corpora under research has also shown the prevalence of -tion deverbal nominalisations. See Table 1:

Table 1. The comparative number of nominalisations in the two subcorpora, normalised by 100K instances
 Таблица 1. Количество случаев употребления номинализаций в сравнении двух исследуемых корпусов
 (данные нормализованы на 100 тыс. единиц)

The corpus under study	The count of instances of metaphorisation via the suffix <i>-tion</i>	The count of instances of metaphorisation via the suffix <i>-ment</i>
Learner subcorpus	1328	606
Reference subcorpus	2962	1149

The table shows the two types of nominalisations most frequently occurring in the corpus explored. The obvious prevalence of -tion nominalisations accounted for the narrowing down of the scope of the study.

The data analysis included four stages:

1. grammatical metaphor extraction;
2. pattern frequency count;
3. comparative statistical analysis of the patterns in the learner and reference corpora;
4. the analysis of ‘intermediate realizations’ [4], i.e., inconsistencies and errors in patterns of nominalisation use.

The first step (the extraction of all instances of -tion nominalisations from the corpora) was performed by means of automatic tools and manually. Initially, automatic tags were applied to extract all the instances of nouns with the -tion suffix. The additional manual check was required to exclude such instances as caution,

question, information, etc. The count of nominalisations before and after manual check are presented in Table 2. All instances of grammatical metaphorisation were extracted with the context of thirteen words after and before the node in order to enable the next stage – pattern analysis.

Table 2. Nominalisation count in the learner and reference subcorpora after the manual check, normalised by 100K instances

Таблица 2. Количество случаев употребления номинализации в двух исследуемых корпусах после дополнительного неавтоматического анализа (данные нормализованы на 100 тыс. единиц)

The subcorpus under study	The count of instances of metaphorisation via the suffix <i>-tion</i> after the automatic extraction	The count of instances of metaphorisation via the suffix <i>-tion</i> after the manual check
Learner subcorpus	1328	516
Reference subcorpus	2962	1497

The second stage (pattern analysis) consisted in the manual analysis of the patterns of nominalisation phrasal embedding. As a result, fifteen patterns of nominalisation phrasal inclusion have been observed, the data were normalised, the frequencies for each subcorpus were counted.

During the third stage (statistical analysis of the association between the two subcorpora), Fisher exact test was applied in order to detect the interdependency between the use of a certain nominal pattern type and the level of expertise in academic writing. According to the generally accepted methodology of Fisher exact test application in statistics, if the result of the test was lower than 0.05 (5%), then we made a conclusion that there exists an interdependency between the use of this particular pattern type and the level of expertise in academic writing. The next stage of the statistical analysis enabled us to count the effect size, i.e., the extent to which the interdependency was significant.

The last step consisted in analysing the so-called ‘intermediate realizations’, or mistakes in nominalisation forms [4] by counting their frequency, analysing them statistically and qualitatively interpreting the results.

Results and Discussion

The following table (Table 3) reflects the statistical analysis of phrasal embedding in expert and learner corpora:

Table 3. Comparative analysis of patterns with grammatical metaphorisation in expert and learner corpora, normalised per 100K instances

Таблица 3. Сравнительный анализ словосочетаний с грамматической метафоризацией в исследованных корпусах (данные нормализованы на 100 тыс. единиц)

Pattern	Learner corpus count	Reference corpus count	P-value (i.e. the result of the Fisher exact test; if the result is lower than 0.05, it is considered that there is an interdependency between the frequency of use of this pattern and the proficiency level of the writer).	Effect size (i.e., the extent of the interdependency probability)
Nominalisation (no nominal phrase) (e.g. application)	91	139	0.00001445426 (<0.05)	-0.3102 (31%)
Attributive adjective + nominalisation (e.g. successful application)	84	390	0.0002640708 (<0.05)	0.2309 (23%)
Attributive participle + nominalisation (e.g. completed application)	6	27	0.4224 (>0.05)	No interdependency
Noun + nominalisation (e.g. membership application)	58	160	0.7447733 (>0.05)	No interdependency
Nominalisation + prepositional phrase (e.g. application for the grant)	211	664	0.4012782 (>0.05)	No interdependency
Nominalisation + -ing clause (e.g. the application doing the trick)	5	37	0.04764059 (<0.05)	0.4367 (44%)
Nominalisation + -ed clause (e.g. application aimed at something)	1	30	0.002653209 (<0.05)	0.8236 (82%)

Nominalisation + infinitive clause (e.g. application to lengthen the process)	3	12	0.7724872 (>0.05)	No interdependency
Nominalisation + relative clause (e.g. application that defined something)	21	69	0.711315 (>0.05)	No interdependency
Nominalisation + appositive nominal clause (e.g. application we accomplished many times before)	1	16	0.08925215 (>0.05)	No interdependency
Nominalisation + infinitive (e.g. application to succeed)	0	2	1 (>0.05)	No interdependency
Prepositional phrase + nominalisation (e.g. methodology of application)	130	406	0.5390381 (>0.05)	No interdependency
Nominalisation + noun (e.g. application success)	24	94	0.2309718 (>0.05)	No interdependency
Noun + nominalisation as an appositive nominal phrase head word (e.g. innovation, the application of new technologies aimed at the development of business)	6	16	0.8096019 (>0.05)	No interdependency

As we can judge from the presented data, the Fisher exact test showed that the statistically significant interconnection between the variables under study (i.e., the interdependency lower than 0.05) was detected for the four nominalisation phrasal inclusion patterns: nominalisation with no phrasal inclusion; nominalisation with an attributive adjective; nominalisation and -ing clause; nominalisation and -ed clause. The first pattern showed a negative effect size of association. The highest strength of association between the variables was observed in pattern 'nominalisation + -ed clause' (the assessed effect size of the interdependency between the frequency of the pattern use and the proficiency level of the student was 0.8236, i.e. over 82%), the lowest one occurred in pattern 'pre-modifying attributive adjective + nominalisation' (0.2309, i.e. 23%).

The results of frequency and statistical analysis of intermediate realisations of nominalisation are provided in Table 4.

Table 4. Intermediate realisations of nominalisation phrasal inclusion, normalised per 100K instances

Таблица 4. Случаи ошибочного употребления номинативных словосочетаний с номинализацией (данные нормализованы на 100 тыс. единиц)

Intermediate realisations count	Learner corpus count	Reference corpus count	P-value	Effect size
Total	23	3	4.033133 x 10 ⁻¹¹ (<0.05)	-0.9139 (91%)
Nominalisations in prepositional phrases	17	0	1.106952 x 10 ⁻¹⁰ (<0.05)	-1.0000 (100%)
Nominalisations + -ing clauses	1	1	0.447415 (>0.05)	No interdependency
Nominalisations + -ed clauses	1	0	0.2567031 (>0.05)	No interdependency
Nominalisations as appositive nominal phrases	1	0	0.2567031 (>0.05)	No interdependency
Nominalisations as pre-modifying nouns	1	1	0.447415 (>0.05)	No interdependency
Nominalisation with no phrasal inclusion	2	0	0.06599116 (>0.05)	No interdependency
Nominalisations + relative clauses	0	1	1 (>0.05)	No interdependency

The significant association was observed between intermediate nominalisation patterns realisations frequency between the two corpora. The effect size, i.e. the level of interdependency between the two variables, is 0.9139, which is over 91%. The significant association among types of incorrect realisation was observed only in prepositional phrases nominalisation inclusion.

The results of the study signify that L1 students with high academic writing proficiency use nominalisations as part of a nominal phrase more frequently than L2 students of the same academic year with Russian as their first language (negative effect size of nominalisations not included in nominal phrases). The possible reason for this might be the general trend among L2 Russian students to use nominalisations as a tool of increasing

abstraction or technicality of their academic writing without recognising the significance of interweaving them efficiently into broader context of their writing.

Among the patterns of nominal phrases underused by L2 Russian English students were nominalisations with premodifying attributive adjectives (the effect size was assessed as 0.2309, i.e. about 23%) and nominalisations with -ing (0.4367, i.e. almost 44%) and -ed clauses (0.8236, i.e. approximately 82%). The first pattern (attributive adjective + nominalisation) appears to present a minor challenge for L2 academic writing students. This tendency observed in the corpora can be observed in the following statements (Examples 3, 4):

*Example 3. They deliver the best products to their consumers, they help people throughout their life and have gained a **great recognition** (L1496).*

*Example 4. It allows the leaders of each sub-group in society to represent their issues and provides institutional constructs to guarantee **effective and fair negotiations and accommodations** (R2218).*

The example from the learner subcorpus (Example 3) (original spelling, grammar and punctuation are preserved) demonstrates the limited scope of attributive adjectives used in L2 learner academic writing, both from the viewpoint of their frequency and their diversity. Attributive adjectives in both cases share the positive connotational meaning, however, the learner corpus word choice consists in a broader term (*great*), whereas the reference corpus example provides a clearer focus on the details ('efficient' accommodations are those terms that allow participants to achieve their respective goals in negotiations successfully, 'fair' accommodations are those that ensure the participants' rights protection). This finding suggests that a more detailed focus should be made on explicit instruction of L2 Russian students on pre-modifying attributive adjective use in academic writing. The finding is surprising since the grammatical pattern 'adjective + noun' is regarded in EAP as a relatively uncomplicated pattern that is acquired by the learners at the beginning of their academic writing skills development [20]. This outcome, however, is not uncommon to L2 EAP learners and can be considered to a certain extent consistent with the findings of the study by G. Lan et al. [21] that also regards this model as challenging for L2 students.

Another finding of the study implies that -ing- and -ed-clauses used as nominalisation post-modifiers present a significant challenge for Russian L2 EAP learners at advanced stages of their language education. The effect sizes for the patterns were quite significant (0.4367 or 44% and 0.8236 or 82% respectively). The learner subcorpus provided only examples of two verbids used in -ing clauses modifying nominalisations (using and being), whereas the reference corpus examples were much more diverse. Moreover, the semantic contribution of -ing clauses from the learner subcorpus to the message of the utterance on the whole tended to be very limited, if not completely insignificant. Consider the following examples (Examples 5, 6, 7):

*Example 5. For example, AR applications have already been successfully used in surgical operations, and educational materials used in museums and schools with vivid 3D **recreations using these technologies** (L0216).*

*Example 6. Thus far, the **implications and ethical debates surrounding the current practice of IVF and genetic screening** have been discussed; however, ethical debates concern not only what medical technologies can do in the here-and-now, but also their potential or future capacities (R2004).*

*Example 7. This essay will discuss whether or not a total ban is a realistic option and suggest what the **implications of enforcing a ban in central and western Africa** might be to those people who depend on the trade in wild animal meat both for their livelihoods and their protein (R2917).*

Example 5 from the learner subcorpus (original spelling, grammar and punctuation are preserved) contains an -ing clause 'using these technologies' that repeats the meaning of the sentence subject and in fact presents an example of excessive wording. On the contrary, -ing clauses in Examples 6 and 7 from the reference subcorpus play a key role in outlining the meaning of the nominalisation 'implications' they modify. In Example 6, the -ing clause 'surrounding...' suggests that the grammatical metaphor under analysis can be unpacked as 'what is implied when the current practice... is discussed'. The meaning component of forming a circle around something causes an association with rumours and discussions. This can be demonstrated even more clearly, if we compare Example 6 to Example 7. The same nominalisation modified by the structure 'a preposition and an -ing clause' allows us to outline the nominalisation meaning as 'consequences of enforcing a ban', or 'what enforcing a ban might imply for the future'. These results are consistent with Biber's assessment of nominal phrases with -ing and -ed clauses as markers of more advanced levels of academic writing skills development.

In order to answer the research question, we also analysed intermediate realisations of nominalisations. The absolute majority of not completely accurate nominalisation phrasal inclusion cases belong to the pattern

‘nominalisation + prepositional phrase’ or to the cases of the obvious lack of a preposition. The latter type can be illustrated by the following example:

Example 8. We cannot avoid this process of adoption new and new technologies (L0324).

The lack of the preposition ‘of’ can be accounted for by the ‘valency reduction’ [22: 4] that happens in the process of nominalisation. The unpacked version of the grammatical metaphor in question would contain no preposition: ‘when we adopt new technologies’. Being aware of the valency reduction in nominalisations requires additional skills of the message reconstruing.

Conclusion

The study strived to analyse the challenges EAP learners face while including nominalisations into nominal phrases. The application of statistical tools of corpus analysis allowed to attain higher levels of objectivity of the conclusions.

The results of the study suggest that three models of nominalisation inclusion into nominal phrases present the most prominent challenge for Russian-speaking L2 EAP learners from the point of view of grammatical complexity and informational density. These are nominalisations with pre-modifying attributive adjectives, nominalisations modified by -ing and -ed clauses. The aforementioned patterns appear to be used significantly less frequently in the learner corpus. Furthermore, all the patterns listed above present a challenge from the point of view of lexical diversity and information density: the complex nominal phrases in the learner corpus tend to be providing unnecessary repetition of information, or to be prone to over-generalisation (great, bad). From the viewpoint of language accuracy, the model ‘nominalisation + prepositional phrase’ presents the most significant challenge for students due to valency reduction in the nominalisation process.

References

1. Staples S. et al. Writing trajectories of grammatical complexity at the university: Comparing L1 and L2 English writers in Bawe. *Applied Linguistics*. 2022; 1 (44): 46–71. <https://doi.org/10.1093/applin/amac047>.
2. Aslam A, Fayyaz S. Investigating the use of nominalization: a comparative study of Pakistani learners’ and native English speakers’ argumentative essays. *Psychology and Education Journal*. 2021; 2 (58): 3638–3648.
3. Heidari Kaidan Z, Jalilifar A, Don A. On the significance of disciplinary variation in research articles: Perspectives from nominalization. *Cogent Education*. 2021; 1 (8). <https://doi.org/10.1080/2331186x.2021.1890872>.
4. Liardét CL. Nominalization and grammatical metaphor: Elaborating the theory. *English for Specific Purposes*. 2016; 44: 16–29. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2016.04.004>.
5. Halliday MAK, et al. An introduction to functional grammar. 2014. <https://doi.org/10.4324/9780203783771>.
6. Hao J. Nominalisations in scientific English. *Functions of Language*. 2020; 2 (27): 143–173. <https://doi.org/10.1075/fo1.16055.hao>.
7. Pujol Dahme AM, Selfa M. Academic language in Catalan students’ research reports across levels of study. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2020; 1 (16): 119–143. <https://doi.org/10.1515/cllt-2016-0065>.
8. Luporini A. Metaphor, nominalization, appraisal: Analyzing coronavirus-related headlines and subheadings in China Daily and the Wall Street Journal. *GEMA Online Journal of Language Studies*. 2021; 1 (21): 253–273. <https://doi.org/10.17576/gema-2021-2101-15>.
9. Thomas D, To V. Nominalisation in high scoring primary and secondary school persuasive texts. *The Australian Journal of Language and Literacy*. 2016; 2 (39): 135–148. <https://doi.org/10.1007/bf03651967>.
10. Kellogg D, Aghajani Kalkhoran S. “And that”: Halliday’s logogenesis, sociogenesis, and phylogenesis in Darwin’s tangled Bank. *Language and Literature: International Journal of Stylistics*. 2021; 3 (30): 213–228. <https://doi.org/10.1177/096394702111009672>.
11. He Q, Yang B. A corpus-based study of the correlation between text technicality and ideational metaphor in English. *Lingua*. 2018; 203: 51–65. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2017.10.005>.
12. Baratta AM. Nominalization development across an undergraduate academic degree program. *Journal of Pragmatics*. 2010; 4 (42): 1017–1036. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2009.08.007>.
13. Xuan WW, Chen S. A synthesis of research on grammatical metaphor: Meta-data and content analysis. *WORD*. 2019; 4 (65): 213–233. <https://doi.org/10.1080/00437956.2019.1670911>.

14. Liardét CL, Black S. Trump vs. Trudeau: Exploring the power of grammatical metaphor for academic communication. *Journal of English for Academic Purposes*. 2020; 45: 100843. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2020.100843>.

15. Zhou W, Li Z, Lu X. Syntactic complexity features of science research article introductions: Rhetorical-functional and disciplinary variation perspectives. *Journal of English for Academic Purposes*. 2023; 61: 101212. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2022.101212>.

16. Işık-Taş EE. Nominal stance construction in IELTS tests. *Journal of English for Academic Purposes*. 2018; 34: 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2018.02.004>.

17. REALEC. Available at: <https://realec.org/>. Accessed January 17, 2021.

18. BAWE. Available at: <https://ota.bodleian.ox.ac.uk/repository/xmlui/handle/20.500.12024/2539>. Accessed November 04, 2020.

19. Brezina V, Weill-Tessier P, McEnery T. #LancsBox (5.1). Available at: <https://lancsbox.lancs.ac.uk/>. Accessed March 20, 2021.

20. Biber D, Gray B, Poonpon K. Should we use characteristics of conversation to measure grammatical complexity in L2 writing development? *Register-Functional Approach to Grammatical Complexity*. 2021: 291–312. <https://doi.org/10.4324/9781003087991-18>.

21. Lan G, Lucas K, Sun Y. Does L2 writing proficiency influence noun phrase complexity? A case analysis of argumentative essays written by Chinese students in a first-year composition course. *System*. 2019; 85: 102116. <https://doi.org/10.1016/j.system.2019.102116>.

22. Bello I. Cognitive implications of nominalizations in the Advancement of Scientific Discourse. *International Journal of English Studies*. 2016; 2 (16). <https://doi.org/10.6018/ijes/2016/2/262921>.

История статьи:

Получена: 17.07.2023

Принята: 01.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 17.07.2023

Accepted: 01.08.2023

Published online: 25.09.2023

Bionotes:

Arina I. Galejeva, PhD Student, HSE, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: arinagalejeva@gmail.com.

Galina N. Gumovskaya, Dr. habil. (Philology), Professor, HSE, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: arinagalejeva@gmail.com.

Сведения об авторах:

Галева Арина Ильгамовна, аспирант, преподаватель, НИУ ВШЭ, Москва, Российская Федерация; *e-mail*: arinagalejeva@gmail.com.

Гумовская Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Российская Федерация; *e-mail*: ggumovskaya@hse.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Оригинальная статья

УДК 82.09 + 378.2

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-192-206>

Перспективы развития теоретико-прикладного литературоведения в системе высшего образования: историко-методологический и дидактический аспекты

*А.А. Холиков¹, А.В. Филатов²

¹ Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне (КНР);

518172, Китай, Провинция Гуандун, Шэньчжэнь,
район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, 1;

^{1,2} Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51;

^{1,2} Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН;
121069, Российская Федерация, Москва, ул. Поварская, 25а;

¹ORCID ID: 0000-0002-8462-0738; ²ORCID ID: 0000-0001-6683-9376;

¹Web of Science Researcher ID: M-9851-2015;

²Web of Science Researcher ID: ABD-9205-2020;

¹Scopus Author ID: 28167547200; ²Scopus Author ID: 57210125171;

*e-mail: aakholikov@gmail.com

Резюме: Статья содержит общее обоснование теоретико-прикладного литературоведения как учебного курса в рамках высшего филологического образования, который ориентирован на критико-аналитическое рассмотрение литературоведческих текстов с точки зрения представленной в них системы аргументации, языковых и композиционных особенностей, а вместе с этим – на усвоение жанрового «канона» выпускной квалификационной работы. Актуальность данной дисциплины определяется необходимостью преодоления разрыва между преподаванием фундаментальных аспектов науки о литературе и развитием практических навыков анализа не только художественного, но и научного/критико-литературного текста, а также возрастанием прикладной значимости филологии в современном мире. Обозначены направления координации различных ракурсов работы с литературоведческим текстом, учитывающей достижения смежных областей знания: лингвистической стилистики, риторики и академического письма. Методологический плюрализм, лежащий в основе курса, позволяет соотносить историко-научную ретроспективу и актуальное состояние литературоведения; принципы имманентного и контекстуального анализа; узкоспециальный и междисциплинарный подходы. Уяснение конституирующих компонентов квалификационного исследования достигается опосредованно, через анализ и убедительную интерпретацию прецедентного для науки о литературе текста, что подразумевает разграничение в нем манифестарного и концептуального уровней, типовых и уникальных признаков. Сочетание при освоении курса разного рода коллективных и индивидуальных заданий, с одной стороны, формирует первоочередные профессиональные компетенции, а с другой – мотивирует учащихся к научной рефлексии и саморепрезентации, поскольку в литературоведении, с его герменевтической и аксиологической составляющими, вспомогательную ролью интуиции, личность ученого не только включена в познавательный процесс, но неустраима целиком из получаемых результатов.

Ключевые слова: литературоведение, теория литературы, история и методология науки, высшее образование, методика преподавания, анализ литературоведческого текста, научно-квалификационная работа.

Для цитирования: Холиков А.А., Филатов А.В. Перспективы развития теоретико-прикладного литературоведения в системе высшего образования: историко-методологический и дидактический аспекты. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 192–206. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-192-206>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-192-206>

Prospects for the Development of Theoretical and Practical Literary Studies in the Higher Education System: Historical, Methodological and Didactic Aspects

*Alexey A. Kholikov¹, Anton V. Filatov²

¹Shenzhen MSU-BIT University (PRC);

1 International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen,
Guangdong Province, PRC, 518172;

^{1,2}Lomonosov Moscow State University;

1/51 Leninskiye gory, Moscow, Russian Federation, 119991;

^{1,2}A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;

25a Povarskaya Str., Moscow, Russian Federation, 121069;

¹ORCID ID: 0000-0002-8462-0738; ²ORCID ID: 0000-0001-6683-9376;

¹Web of Science Researcher ID: M-9851-2015;

²Web of Science Researcher ID: ABD-9205-2020;

¹Scopus Author ID: 28167547200; ²Scopus Author ID: 57210125171;

*e-mail: aakholikov@gmail.com

Abstract: The article contains a general substantiation of theoretical and applied literary criticism as a course of study within the framework of higher philological education, which is focused on the critical and analytical examination of literary texts from the point of view of the argumentation system, linguistic and compositional features presented in them, and at the same time on the assimilation of the genre “rules” of the final qualification work. The relevance of this discipline is determined by the need to bridge the gap between the teaching of fundamental aspects of the literary criticism and the development of practical skills in analyzing not only artistic, but also scholar and critical-literary text, as well as the increasing applied importance of philology in the modern world. The directions of coordination of various perspectives of work with a literary text, taking into account the achievements of related fields of knowledge: linguistic stylistics, rhetoric and academic writing, are outlined. The methodological pluralism underlying the course makes it possible to correlate historical and scientific retrospective and current state of literary studies; principles of immanent and contextual analysis; specialized and interdisciplinary approaches. The clarification of the constitutive components of qualification research is achieved indirectly, through the analysis and convincing interpretation of the precedent text for literary criticism, which implies the differentiation of manifest and conceptual levels, typical and unique features in it. The combination of different kinds of collective and individual assignments during the course development, on the one hand, forms the primary professional competences, and on the other hand, motivates students to scientific reflection and self-representation, because in literary studies, with its hermeneutic and axiological components, the supporting role of intuition, the personality of a scholar is not only included in the cognitive process, but also cannot completely excluded from the results obtained.

Keywords: literary criticism, theory of literature, history and methodology of science, higher education, teaching methods, analysis of literary texts, scientific qualification paper.

For citation: Kholikov AA, Filatov AV. Prospects for the Development of Theoretical and Practical Literary Studies in the Higher Education System: Historical, Methodological and Didactic Aspects. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 192–206. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-192-206> (In Russ.).

Введение

В отличие от отечественной лингвистики, в которой сближение теоретического и прикладного направлений состоялось в эпоху «оттепели» как следствие собственно научных достижений в области структурного моделирования языка, а также послаблений на идеологическом фронте, литературовед-

ние и поныне сохраняет репутацию сферы, далекой от зеленеющего «древа жизни». Примечательно в этой связи, что на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова одновременно, с осени 1960 года, начали функционировать две новые структуры – отделение *теоретической и прикладной лингвистики*, не имевшее аналогов в системе высшего образования, и первая в истории нашей страны кафедра *теории литературы*, продолжившая известные с дореволюционных времен традиции преподавания фундаментальных аспектов *литературоведения* [1: 431, 738]. Однако само это слово, будучи калькой с немецкого (*Literaturwissenschaft*), зачастую воспринимается как искусственное, которое «или безмерно широко, или вообще ничего не означает» [2: 7]. Здесь к месту вспомнить остроумное «Описание обеда» (1967) Б.А. Ахмадулиной – ироничный рассказ в стихах о визите к соседу-литературоведу и его жене, памятный призывом поэта к Господу: «Скажи им, что пора обедать, / вели им хоть на час забыть / о том, чем им так сладко ведать, / о том, чем мне так страшно быть»¹.

Несмотря на двуединую сущность филологии, в российской академической науке о литературе выделять прикладное направление не принято. При этом литературная критика, практическая значимость которой для авторов и читателей, казалось бы, очевидна, пуристами маргинализируется по ряду объективных причин. «Я оптимистически надеюсь, – утверждал академик М.Л. Гаспаров, – что главным событием в нашей науке будет размежевание науки и критики (или, если угодно, публицистики): науки, которая описывает и систематизирует явления и процессы, и критики, которая делит их на хорошие и нехорошие» [3: 324]. Прикладное значение историко-литературных штудий, имеющих эмпирический на первый взгляд характер, не менее умозрительно, чем у теоретических построений, и в этом отношении соприродно «чистому искусству», реализуясь не в утилитарной, а в духовной плоскости. Закономерно мысль о несостоятельности противопоставления истории и теории литературы, которая, впрочем, не отменяет их самостоятельную ценность, становится общим местом («Теория, – писал А.В. Михайлов, – не может относиться к чему-либо кроме данности литературы <...>, а такая данность – *существенно историческая*» [4: 491]), но неестественная поляризация двух этих отраслей знания об искусстве слова по инерции подкрепляется институционально, на уровне названий университетских кафедр и в номенклатуре научных специальностей. Фактически же положение дел таково, что диссертационные исследования по теории литературы в большинстве случаев опираются на материал, ограниченный национальной традицией (спецификой) и конкретным периодом, а историко-литературные работы порой пренебрегают серьезным теоретическим обоснованием, впадая в крайности «содержанизма» [5: 63] и околотелературного «бытописательства». Неизбежный в обоих случаях редукционизм прикрывается разными паспортами научной специальности.

Итак, если в академической среде «прикладное» литературоведение – конструкт скорее фантомный, а параллель с прикладной лингвистикой – сугубо номинативная и внешняя (хотя влияние структурной лингвистики на теорию литературы общепризнано), то в системе высшего образования под теоретико-прикладным литературоведением следует понимать практику написания научных квалификационных работ и овладение особой техникой аргументации. К сожалению, образовательные программы по филологии не всегда предусматривают подобный практико-ориентированный курс. Традиционно упор делается на обучение литературоведов чтению, а не письму. За редкими исключениями, доминируют фундаментальные (лекционные) курсы, тогда как формирование навыков создания собственного исследования отдается на откуп научным руководителям. И дальше – кому как повезет. Но на деле систематическая подготовка к написанию выпускных литературоведческих работ остается в «серой зоне». Вдобавок появление GPT (Generative Pre-trained Transformer) и развитие других языковых моделей бросают вызов экспертному сообществу филологов, которые уже столкнулись с необходимостью отделять «зерна» самостоятельной работы студента от «плевел» искусственного интеллекта.

Отказ нашей страны от Болонской системы при установке на гибкие сроки обучения и сохранение нескольких уровней высшего образования (базового, который, как сказано, должен обеспечить междисциплинарный, практико-ориентированный подход; и углубленного, специализированного) не избавит будущих литературоведов от необходимости овладеть жанровым «канонам» выпускной квалификационной работы, как бы она ни называлась, – дипломное сочинение, магистерская или иная диссертация.

¹ Ахмадулина Б. Свеча. М.: Советская Россия; 1977. С. 101. Доступно по: https://imwerden.de/pdf/akhmadulina_svecha_1977__ocr.pdf. Ссылка активна на 01.07.2023. Akhmadulina B. Candle. Moscow: Soviet Russia; 1977. P. 101. Available at: https://imwerden.de/pdf/akhmadulina_svecha_1977__ocr.pdf. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

Статус таких трудов отличает не только их объем, но и глубина понимания автором универсальных составляющих научного текста, предназначенного для публичной защиты, его структурных и концептуальных в рамках специальной области знания особенностей. Преподавателю в свой черед приходится учитывать и соотносить различные аспекты теории и истории литературы, методологии своей дисциплины и методики написания соответствующего ей исследования, актуального состояния литературоведения и его исторического развития.

Современный контекст проблемы

Насущность решения обозначенной задачи в системе высшего образования особенно остро осознается на фоне периодически возобновляемых разговоров о методологическом и дидактическом «кризисе» филологии. Знаковой в этой связи стала нашумевшая дискуссия об истории литературы, инициированная журналом «Новое литературное обозрение» и вызванная, по мнению И.Д. Прохоровой, общегуманитарной потребностью в «пересмотре базовых основ собственной деятельности, модернизации профессионального инструментария» [6: 8]. На тот момент подобная рефлексия подпитывалась ревизией теоретико-методологического наследия советской науки и несколько запоздалым усвоением достижений западного литературоведения.

С одной стороны, отечественные ученые все активнее сосредотачивались на изучении внехудожественных факторов литературного творчества, заступая в смежные области (из-за чего «лингвистика сегодня находится намного дальше от литературоведения, чем философия, история, социология и антропология» [7: 98]). С другой стороны, как высказался Н.А. Богомолов, «наиболее плодотворной» для литературоведа остается «позиция аналитика внутрিলитературного ряда, и в первую очередь, конечно, произведений самих по себе» [8: 180]. Разнонаправленность данных взглядов хотя и дает основания констатировать историческую «исчерпанность» этой «традиционной дихотомии» [9: 90–91], но все же не примиряет оппонентов окончательно.

Не менее актуальной остается проблема полноты корпуса фактологических сведений, составляющих эмпирическую основу для теоретических обобщений. «Конечно, – замечает М.Л. Гаспаров, – историю литературы пишут “проблемщики”. Но написанные ими истории литературы бывают тем долговечнее, чем толще под ними фундамент, заложенный “эрудитами”» [10: 143]. К сходной логике применительно к методике преподавания историко-литературных курсов приходит Т.Д. Венедиктова, когда предлагает учесть слабую начитанность современных студентов и перейти от количественного освоения художественной литературы «по спискам» к развитию навыков качественного чтения – умению «извлекать максимум смысла из ограниченного объема текста» [11: 19]. Следствием этого должен быть баланс между знанием литературных фактов и умением их анализировать.

К сожалению, в свете новейших геополитических реалий экстранаучные причины стимулируют разговоры о том, что российское литературоведение якобы не сумело преодолеть своего культурного изоляционизма за тридцатилетие постсоветской истории [12: 38]. В результате, полагает Е.А. Добренко, в ближайшем будущем отечественную науку о литературе «ожидает не методологическое обновление, а дальнейшая архаизация и провинциализация» [12: 50]. Эмоциональность подобных заявлений и их политизированность говорят об искусственном характере декларируемого «кризиса». Тем более что среди голосов зарубежных исследователей звучат не менее скептические реплики по поводу дисциплинарной «деколонизации», которая «скорее всего приведет к глупым и догматическим результатам вроде попыток маргинализации богатых и “доминантных” “имперских” культур» [12: 62].

По-видимому, пути преодоления объективных методологических «тупиков» литературоведения лежат в сближении теории с практикой и паритетности различных подходов к рассмотрению художественного творчества. Это позволит академической и университетской науке адаптироваться к «предлагаемым обстоятельствам» времени. Необходимо, согласимся с И.О. Шайтановым, «перестать мыслить все новое “другим”, воспринимать его как нечто предполагающее полный и окончательный разрыв с тем, что было, предпочитая филологической традиции любую <...> “локальную сенсацию”» [13: 151].

Одновременно с возрастанием роли гуманитарных наук в современном мире, когда активным воздействием культурных факторов на все сферы общественной жизни объясняются различные социальные, политические и даже экономические процессы (характерный пример – концепция А.А. Аузана о «культурном коде экономики» [14]), повышается значимость филологического образования. В том числе – для информационного воздействия и лингвобезопасности, стратегий ведения языковой политики и методов экспертизы текста. Практически любая ситуация межсубъектного общения нуждается в

определенной «службе понимания», как назвал филологию С.С. Аверинцев. Художественное произведение между тем способно «концентрировать огромную информацию на “площади” очень небольшого текста», причем в объеме, «который совершенно недоступен для передачи средствами элементарной собственно языковой структуры» [15: 17, 33]. Будучи наиболее сложным объектом для декодирования и понимания, оно открывает широкие перспективы не только в науке о литературе. О том, что изучение «природы искусства как коммуникационной системы может произвести переворот в методах хранения и передачи информации» [15: 34], Ю.М. Лотман писал еще более полувека назад. Однако сегодня этот исследовательский потенциал приобретает новое измерение перед вызовами искусственного интеллекта, и самостоятельное написание выпускной квалификационной работы представляется уникальным практическим опытом по созданию вторичного аналитического текста, который окажется незаменимым при работе с многоуровневыми информационными структурами в современном мире. Сказанное созвучно недавним размышлениям А.А. Гениса о том, что вскоре «гуманитарное образование сможет играть роль своего рода духовного атлетизма, развивающего особые качества, нужные рынку труда»²: критическое мышление, коммуникативные навыки, общую эрудированность и гибкость рассуждений, умение ясно выражаться на письме и работать в группе, а также способность к постоянному самообучению. Очевидно, что все эти качества формируются высшей школой.

Обзор литературы

Место теоретико-прикладного литературоведения в филологическом образовании

Преодоление разрыва между теоретическими и прикладными аспектами преподавания науки о литературе в университете предполагает координацию различных ракурсов работы с литературоведческим текстом. С одной стороны, это аналитико-интерпретационное и критическое чтение, направленное на получение новых знаний, а с другой – их применение в собственной исследовательской работе. Вместе с тем предлагаемый курс не подменяет, а дополняет дисциплины, которым подведомственны вопросы продуцирования научных текстов.

Так, лингвистическая стилистика, рассматривающая язык на всех уровнях, «по всему разрезу его структуры» [16: 223] и в различных коммуникативных ситуациях, традиционно преподается на заключительном этапе обучения. Между тем подразумевается, что базовые навыки создания научного текста у студентов-филологов уже должны быть сформированы к этому времени. Более того, объем и задачи данного курса не позволяют подробно останавливаться на особенностях организации разных жанров научного стиля, которые, как правило, только перечисляются наряду с самыми общими чертами: отвлеченностью и обобщенностью, подчеркнутой логичностью, смысловой точностью и ясностью, а также объективностью, некатегоричностью и диалогичностью. При классификации подстилей, в свою очередь, специально не артикулируются характерные признаки текстов в гуманитарных и негуманитарных науках. Нормативный курс практической стилистики, играющий первостепенную роль в подготовке журналистов и редакторов, еще меньше внимания уделяет каждому функциональному стилю. Структура конкретных научных жанров не входит в его основные задачи, в отличие от разграничения литературной и нелитературной форм языка. По признанию Д.Э. Розенталя, «центральное место в стилистике в целом и практической стилистике в частности отводится проблемам синонимии»³.

Гораздо ближе к теоретико-прикладному литературоведению стоит риторика – филологическая дисциплина, «изучающая прозаическую (в противоположность художественной) речь в ее отношении к мышлению»⁴, обучающая среди прочего технике аргументации и правилам композиционной организа-

² Генис А. Кожа времени. Книга перемен. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной; 2020. С. 175. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010428036>. Ссылка активна на 01.07.2023. Genis A. The Skin of Time. The Book of Changes. Moscow: AST, Elena Shubina Edition; 2020. P. 175. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010428036>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

³ Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. М.: ОНИКС; 2001. С. 5. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003349578>. Ссылка активна на 01.07.2023. Rosenthal DE. Handbook of the Russian Language. Practical Stylistics. Moscow: ONIKS; 2001. P. 5. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003349578>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

⁴ Волков А.А. Основы риторики: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект; 2003. С. 4. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002356248>. Ссылка активна на 01.07.2023. Volkov AA. Fundamentals of Rhetoric: Textbook for Universities. Moscow: Academic Project; 2003. P. 4. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002356248>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

ции текста для достижения его максимальной эффективности (включая логичность и убедительность). Имея родственные связи с поэтикой и единого прародителя в лице Аристотеля, риторика органично дополняет литературоведение с момента своего возрождения в середине XX века, хотя еще раньше, в 1920-е годы, Б.В. Томашевский считал, что «риторика и поэтика слагаются в общую теорию литературы»⁵. С тех пор данное положение только укрепилось благодаря возникновению риторической критики, сосредоточенной на вопросах «филологического анализа ораторской прозы и публичной аргументации»⁶, но применяемой также к рассмотрению художественных текстов.

Генетически именно риторический, а не лингвистический компонент играет ключевую роль в курсе теоретико-прикладного литературоведения. Сходные отношения объединяют историю литературы с исторической наукой, которая предопределила хронологическое рассмотрение литературного процесса и творчества отдельных писателей в качестве универсального принципа. Отступления от него встречаются редко. Яркое исключение – теоретическая история русской литературы большей части XX века, воссозданная в последнем учебном пособии С.И. Кормилова «История русской литературы XX века (20–90-е годы): основные тенденции» (2019) на проблемной, а не временной оси. Однако обращение к инструментарию риторики в нашем случае также носит компенсаторный характер ввиду довольно скромного места, которое эта дисциплина занимает в программах высшего филологического образования сегодня. Если лингвистика и литературоведение представлены в них общеобязательными предметами (наименования могут варьироваться, но суть неизменна: «Основы языкознания», «Основы литературоведения», «Введение в филологию» и т.п.), то риторика чаще всего преподается факультативно. При этом она находится на границе различных гуманитарных наук, подобно бахтинской «металингвистике» [17: 309], обращающейся как к первичным (нехудожественным), так и вторичным (включающим художественные) речевым жанрам.

Рост значимости риторики в филологическом образовании может быть воспринят как символический «возврат» к дореволюционной университетской традиции в России, но на современном этапе в высшей школе необходим (нео)риторический компонент как в теоретическом, так и в практическом освещении. Преодолев стремительные взлеты и крутые падения в XX веке, отечественная наука о литературе, как никогда прежде, нуждается в академически взвешенном курсе, который созвучен анализу художественного текста, но сосредоточен на детальном разборе литературоведческих исследований (их специфичность по сравнению с лингвистическими трудами усилилась вследствие жесткой внутрифилологической дифференциации). Результатом такого курса должно стать овладение навыками критики чужого научного текста для их последующего применения в процессе создания собственной квалификационной работы. Это достижимо, как и в случае с аналитикой словесно-художественных явлений, только «путем полноценного вхождения в проблемное поле того или иного конкретного литературного (литературоведческого. – А.Х., А.Ф.) феномена»⁷.

В последние годы некоторые отечественные университеты, оглядываясь на Запад, предпринимали попытки внедрить в учебные программы академическое письмо – относительно новую для российского образования дисциплину. Но речь здесь главным образом идет о преподавании иностранных языков. Механическое перенесение европейского и американского опыта на почву русской филологической традиции невозможно по объективным причинам, из-за различий в правилах построения научного текста, особенностей академической манеры письма, параметров отечественной культурно-языковой общ-

⁵ Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс; 2002. С. 25. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002351947>. Ссылка активна на 01.07.2023. Tomashevsky BV. Theory of Literature. Poetics: Textbook. Moscow: Aspect Press; 2002. P. 25. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002351947>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

⁶ Смолененкова В.В. Основы риторической критики: Учеб. пособие. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М; 2016. С. 32. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007974821>. Ссылка активна на 01.07.2023. Smolenenkova VV. Fundamentals of Rhetorical Criticism: Textbook. Moscow: FORUM; INFRA-M; 2016. P. 32. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007974821>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

⁷ Тюпа В.И. Анализ художественного текста: Учеб. пособие. М.: Академия; 2009. С. 5. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003352202>. Ссылка активна на 01.07.2023. Тюпа VI. Analysis of Literary Text: Textbook for Students. Moscow: Academy; 2009. P. 5. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003352202>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

ности. И хотя адаптация этого курса к научному стилю русского языка ведется, «становление письма как дисциплины все еще остается в России делом будущего»⁸.

Как бы то ни было, сочетая фундаментальные элементы практической стилистики и риторики, академическое письмо не углубляется в специфику итоговых квалификационных исследований об искусстве слова, ограничиваясь преимущественно стартовым набором научных жанров (реферат, аннотация, тезисы). К тому же вне фокуса обычно остаются индивидуальные черты текстов конкретных наук, включая литературоведческие работы, которые нередко «нарушают» внешние границы научной речи, оставаясь при этом фактологически точными, информативными и внутренне непротиворечивыми.

Словом, ориентация на критико-аналитическое рассмотрение научных текстов с точки зрения представленной в них аргументации, языковых и композиционных особенностей, а вместе с этим – усвоение жанрового «канона» филологического исследования при установке на создание учащимся собственного сочинения делают теоретико-прикладное литературоведение интегративным курсом, адаптирующим достижения всех перечисленных дисциплин и частично восполняющим их лакуны.

Результаты и дискуссия

Историко-методологический аспект

В интенции предлагаемого курса – координирующий подход, последовательно реализующийся в учебных пособиях кафедры теории литературы МГУ имени М.В. Ломоносова и заложенный в фундаментальных трудах В.Е. Хализева, который стоял на «внеаправленческих» историко-методологических позициях, стремился сопоставлять и анализировать разные, порой несовместимые между собой научные концепции и способствовать свободному самоопределению будущих литературоведов [18; 19]. В этом сознательном намерении обнаруживается «творческое наследование академических традиций дореволюционной поры, в том числе начала XX столетия» [19: 36], идущих от Александра Николаевича Веселовского и его младших современников: А.М. Евлахова, А.Н. Вознесенского, В.Н. Перетца, М.Н. Розанова, В.В. Сиповского и др.

Соответственно, в структуре теоретико-прикладного литературоведения сочетается историко-научная ретроспектива (*диахронический* аспект) и актуальный взгляд на методологию дисциплины в ее современном состоянии (*синхронический* аспект). Основной материал для анализа образуют отечественные исследования XX века – времени, когда наука о литературе громче чем когда-либо провозгласила свою «особость» и самодостаточность. Не впадая в крайности негативизма по отношению к методологической ценности русских историко-литературных «штудий» предшествовавшего столетия, который стал общим местом в советский период и окончательно не изжил себя до сих пор, все-таки признаем, что собственно теоретическая мысль в нашей стране получила беспрецедентное развитие с 1910-х – 1920-х годов, оказав мощное интеллектуальное воздействие за рубежом. Даже сегодня, когда в угоду конъюнктурному давлению, оказываемому под знаком «культуры отмены» и «преодоления империализма», русистика маргинализируется (решение о переименовании авторитетного амстердамского журнала «Russian Literature», издающегося с 1971 года, в «Slavic Literatures» еще не самое радикальное в этом ряду [20]), революционная роль «русской теории» в мировой гуманитарной науке под сомнение не ставится и достижениями формальной школы литературоведения не исчерпывается. Впору назвать имена М.М. Бахтина, Л.Я. Гинзбург, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, чтобы перебросить мост во вторую половину XX века и показать плодотворность отечественных ученых с мировой славой вне так называемого «замечательного двадцатилетия» (1920–1930-е), ответственно трудившихся вопреки тоталитарному догматизму. При этом один из критериев отбора текстов в рамках курса – не интернациональная известность автора, а репрезентативность его работы для истории русского литературоведения, с одной стороны, и методологическая актуальность – с другой.

В этой связи важно взаимодействие принципов *имманентного* и *контекстуального* анализа. А.П. Скафтымов, обосновав в начале 1920-х годов базовые аналитические процедуры изучения литературного произведения, исходил из примата имманентности над контекстуальностью: «Только само произведение может за себя говорить» [21: 30]. Отсюда – «непозволительность всяких отхождений за пределы

⁸ Короткина И.Б. Академическое письмо: процесс, продукт и практика: Учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт; 2015. С. 7. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010333531>. Ссылка активна на 01.07.2023. Kороткина И.Б. Academic Writing: Process, Product and Practice: Textbook for Universities. Moscow: Uright; 2015. P. 7. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010333531>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

текстуальной данности» [21: 28]. По замечанию В.И. Тюпы, «положения аналитики художественного целого, сформулированные Скафтымовым на заре эпистемологического самоопределения литературоведческой мысли, несколько не утратили своего методического значения и для современной научной ситуации, хотя в свое время они практически не были востребованы» [22: 52]. Вместе с тем теоретик вносит существенное для наших дней уточнение: «Аналитику нужно уметь не только на время “выйти из истории”, извлечь текст из историко-биографического контекста его возникновения и контекстов его восприятия, чему учил молодой Скафтымов, не только соотнести со шкалой теоретических категорий, но и затем вернуть свой аналитический результат в исторический контекст – для более глубокого постижения и того и другого: и произведения, и исторического контекста, трансформируемого каждым новым входящим в него творением» [22: 56].

Однако в случае с литературоведческим текстом нами применяется «зеркальный» порядок: имманентный подход к разбираемому исследованию должен изначально опираться на знание фактов общественно-политических (меняющийся идеологический фон), историко-научных (положение гуманитарных дисциплин в разные периоды), биографических (мировоззренческие установки конкретного ученого, обстоятельства его личной жизни [23; 24]) и понимание соответствующих им контекстов, в том числе библиографического, который не только учитывает «состояние вопроса» на момент создания того или иного научного труда, но и обнаруживает связь с нынешним положением дел в этой области. Тем самым дополнение контекстуального взгляда на предмет имманентным в рамках теоретико-прикладного литературоведения закономерно усиливает координацию диахронического и синхронического изучения научного текста.

Наконец, профессиональная идентификация литературоведа подразумевает нахождение равновесия между *спецификаторством* (остро осознанным филологами в начале XX столетия) и *междисциплинарностью* (интеллектуальной модой гуманитариев нынешних дней). Презумпцией нашего курса выступает убежденность в том, что уважение границ своей дисциплины не тождественно ее догматизации и предполагает критическое осмысление диапазона литературоведческих возможностей. Превращение науки о литературе в Cultural Studies (точному переводу эта «культурологическая оптика» не поддается) чревато профанацией собственного предмета изучения, и некоторые западные слависты уже признали, что междисциплинарность дает не только «позитивный теоретический толчок», но также приводит «к утрате специальных знаний» и «подлинно филологического момента, связанного с литературоведением и языкознанием» [12: 42].

Думается, что для решения учебных задач теоретико-прикладного литературоведения вполне достаточно историко-филологических ресурсов (в первую очередь истории и теории литературы, истории литературоведения и литературной критики, риторики и стилистики текста). Разделяя программную формулу Б.М. Эйхенбаума «мы – спецификаторы», надлежит не впасть в крайность автономизации, самоотчуждения и, сосредоточившись на внутритекстовых параметрах анализируемой научной работы, не разорвать связи с ближайшими контекстами ее возникновения, функционирования и восприятия, формирующими поле предпонимания. Владение таким навыком вряд ли остановит высоколобые перманентные разговоры о методологическом кризисе («осени»/«зиме») литературоведения, но по меньшей мере подтвердит квалификацию выпускника филологического факультета. По признанию университетских коллег, «серьезное общение с текстом сейчас по большей части дефицитный момент у (молодого) исследователя, воспринимающего литературу лишь в качестве “поставщика” подходящих примеров, иллюстрирующих ту или иную “актуальную” парадигму», а потому «“вечную свежесть” традиционной литературоведческой работы с текстом и над текстом может променять на предзаданность “культурологического” подхода лишь тот, кто не испытал подлинных радостей филологии» [25: 419].

Дидактический аспект

Координирующая установка теоретико-прикладного литературоведения видится нам основополагающей не только в историко-методологическом, но и в дидактическом аспекте. Уяснение конституирующих компонентов квалификационной работы (структурных принципов введения и заключения, композиционной логики, техники аргументации и т.д.) достигается не миметически, через прямое подражание аналогичным образцам, а опосредованно, через анализ и убедительную оценку, интерпретацию прецедентного для науки о литературе текста (ср. с двумя базовыми принципами гуманитарного познания). Обучение жанровому «канону» на текстах, непосредственно к нему не принадлежащих, ассоциативно напоминает проявление негатива в доцифровой фотографии: чтобы получить окончательное

изображение высокого качества, требуются как дополнительные вещества, так и мастерство. Конечная цель – подготовка специалистов, которые не просто воспроизводят некий шаблон, механически копируют его, а продуцируют оригинальные научные тексты в установленных рамках литературоведческого исследования.

Такой путь предполагает органичное сочетание *дескриптивности* и *прескриптивности*. Перед учащимся ставится задача, с одной стороны, объективного описания исследуемого текста, а с другой – указания на встречающиеся в нем отступления от заданного формата. К примеру, на материале итоговой книги расстрелянного в 1938 году А. Лежнева (А.З. Горелика) о прозе А.С. Пушкина [26] (вышла в 1937-м) можно показать, что в предисловии к ней автор четко формулирует цель («рассмотреть пушкинскую прозу, как некую целостную систему, как проявление какого-то единого принципа») и предмет («закономерности пушкинского стиля») анализа [26: 5–6], однако не вербализует научную новизну и степень разработанности интересующей его проблемы, ограничиваясь только общими словами и эпизодически апеллируя лишь к некоторым трудам предшественников в основной части работы. Уместно при этом напомнить, что А. Лежнев и в области академического литературоведения проявлял навыки литературного критика.

Обоснованная экспертиза литературоведческого текста и реконструкция тех компонентов, которые в нем не артикулированы, подразумевает соотнесение *манifestарного* (заявленного автором) и *концептуального* (фактически реализованного) планов текста. И хотя принципиальная для профессионального читателя дистанция между авторской интенцией и смыслом произведения более зрима не в научном, а в художественном творчестве [27: 56–112], изначальное намерение исследователя и его воплощение тоже не всегда совпадают. Так, «величие замысла» Н.Я. Берковского [28], отразившись в окончательном названии его беспрецедентной на тот момент книги «О мировом значении русской литературы», задуманной во время Великой отечественной войны, завершённой в первый послевоенный год, но отложенной и опубликованной уже после смерти ученого, на деле охватывает прежде всего русскую реалистическую прозу второй половины XIX века, ее своеобразие и во многом превратную рецепцию на Западе (по преимуществу – в 1880-е – 1930-е).

Таким образом, конструктивное обсуждение даже самых авторитетных исследований научит будущих специалистов «читать честно» не только художественные тексты, как призывал А.П. Скафтымов, но и литературоведческие, поможет не стать жертвой кумиротворчества и не впасть в научный фанатизм, объектами которого успели побывать те же М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, С.С. Аверинцев. Наряду с ними – Д.С. Лихачев, предупреждавший, впрочем, что «слепая вера» представляет большую опасность, поскольку приводит к утрате «возможности собственного суждения» и «непредвзятого, естественного восприятия того или иного произведения» [29: 33].

Стандартизация анализа не должна заслонять для учащихся *уникальные свойства* разбираемого исследования. Разумеется, все письменные задания выполняются по единому алгоритму, который служит инструментом для установления стержневых характеристик научного текста (актуальность и новизна; цель и задачи; объект, предмет и материал; теоретико-методологическая база; теоретическая и практическая значимость; гипотетические положения и достоверность полученных результатов), его оценки с позиций риторики (система аргументации, логика изложения, композиционная организация), стилистики (индивидуальные и надиндивидуальные особенности речи), научной этики (отношение автора к предшественникам, характер освещения их работ). Уверенное владение этим алгоритмом и адекватными ему навыками письма достигается регулярной практикой, а многоаспектность разбора позволяет избежать уклона в реферативность и формирует культуру ведения полемики, которая, как показывает опыт, – одно из слабых мест итоговых квалификационных работ.

В то же время для анализа подбираются не усредненные («нормальные») в контексте своего времени тексты (за условный шаг на исторической прямой принимаем десятилетие), но выделяющиеся на фоне филологического «стиля эпохи», а потому не утратившие своей ценности и поныне. К таким случаям, несомненно, относится статья М.А. Щеглова «Особенности сатиры Льва Толстого» (1953), опубликованная А.Т. Твардовским в «Новом мире» по рекомендации Н.К. Гудзия и, что весьма показательно для нас, выросшая из дипломной работы талантливого и рано ушедшего из жизни филолога, который успел «за три с половиной года печатания стать лучшим критиком 50-х годов» [30: 218]. Не менее яркий для своего периода текст, написанный в лагере особого режима и не сразу опубликованный, – «Прогулки с Пушкиным» (1966–1968) А. Терца (А.Д. Синявского). Книга примечательна тем, что не поддается

традиционному жанровому определению и считается первым произведением русского постмодернизма [31: 161]. Ее неординарность на контрасте с нормативностью официозного литературоведения (сложность добавляет одновременное неприятие этого труда в эмигрантской среде) и нормированностью предложенного алгоритма анализа выразительно подчеркивает своеобразие, которым может обладать филологический по существу труд, – наглядная иллюстрация слов С.Г. Бочарова: «Настоящему, призванному филологу надлежит быть тоже писателем, литературоведение это тоже литература» [32: 610]. Известно, что стилевая индивидуальность и образность речи не всегда препятствуют научности. Верно и обратное: терминологическая насыщенность, переходящая в необузданность, вовсе не гарантирует точность, а за сложностью формы скрывается подчас тривиальность смысла (когда, например, довольно вычужденный тезис об автономности искусства как базовом принципе для лидеров формальной школы именуется «исходной для создателей парадигмальных матриц онтологизацией предмета своих изысканий в когнитивном универсуме» [33: 200]).

Алгоритмизированное рассмотрение литературоведческих работ выполняется *индивидуально*, но подготовительный этап – реконструкция их контекстов, о которых уже говорилось (общественно-политического, историко-научного, биографического, библиографического), – осуществляется *коллективно*, притом без ущерба для персоналистского принципа, признающего личность ученого первичной. Проверка полученных знаний в конце курса не сводится к типовым ответам по списку вопросов. Итоговая аттестация складывается из двух заданий, требующих инициативного участия студента, «вовлеченности именно его личности, а не только интеллекта» [19: 17]. Первое – публичное представление исследовательского автопортрета учащегося в зеркале упомянутых контекстов его собственной научной работы. Это мотивирует будущих филологов к рефлексии и саморепрезентации. Выступить в качестве «объекта для себя» оказывается продуктивно еще и потому, что в литературоведении, с его герменевтической и аксиологической составляющими, вспомогательной ролью интуиции при рациональном постижении искусства (изгнать ее можно на этапе научного изложения), личность ученого не только включена в познавательный процесс, но неустранима целиком из получаемых результатов. Второе задание заключается в написании проспекта или автореферата (в зависимости от степени завершения) своей научно-исследовательской работы, в котором формализуется ее концептуальный каркас, обнажаются логические и композиционные связи между частями, раскрывается техника аргументации, выявляются принципы отбора фактического материала, а в конечном счете – демонстрируется владение первоочередными профессиональными компетенциями.

Заключение

Содержание и структура разработанного нами курса теоретико-прикладного литературоведения сложились в магистратуре филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Теперь, когда перед высшей школой поставлены задачи на злобу дня, а специалисты в области художественной словесности ищут пути исправления теоретического крена в преподавании, назрела необходимость в соответствующем учебном пособии практического толка. Высказанные нами замечания «на полях» этой будущей книги можно считать приглашением к диалогу для всех, кто в нем заинтересован.

Список литературы

1. Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: Очерки истории. 1941–2021. 4-е изд., испр. и доп. Под общ. ред. проф. М.Л. Ремнёвой. М.: Изд-во Моск. ун-та; 2021. Доступно по: https://www.philol.msu.ru/~modern/pict/hist_ph_2021.pdf. Ссылка активна на 01.07.2023.

2. Роднянская И.Б. Движение литературы: [В 2 т.] Т. 1. М.: Знак: Языки славянских культур; 2006. Доступно по: <https://litved.com/docs/Rodnyanskaya-1-2006-v.pdf>. Ссылка активна на 01.07.2023.

3. Гаспаров М.Л. К обмену мнений о перспективах литературоведения. *Новое литературное обозрение*. 2001; 4 (50): 324. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/4>. Ссылка активна на 01.07.2023.

4. Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб.: Изд-во СПбГУ; 2006. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002914291>. Ссылка активна на 01.07.2023.

5. Затонский Д. Художественные ориентиры XX века. М.: Советский писатель; 1988. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001442627>. Ссылка активна на 01.07.2023.

6. Прохорова И. Приглашение к спору. *Новое литературное обозрение*. 2003; 1 (59): 8–9. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/priglasenie-k-sporu.html>. Ссылка активна на 01.07.2023.
7. Гумбрехт Г.У. Начала науки о литературе... и ее конец? Пер. с англ. Е. Канищевой. *Новое литературное обозрение*. 2003; 1 (59): 93–102. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/nachala-nauki-o-literature-i-ee-konecz.html>. Ссылка активна на 01.07.2023.
8. Богомолов Н. Несколько размышлений на заданную тему. *Новое литературное обозрение*. 2003; 1 (59): 169–189. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/neskolko-razmyshlenij-na-zadannuyu-temu.html>. Ссылка активна на 01.07.2023.
9. Бак Д. Литературоведение как провокация чтения: есть ли автор у истории литературы? *Новое литературное обозрение*. 2003; 1 (59): 90–91. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/literaturovedenie-kak-provokacziya-chteniya-est-li-avtor-u-istorii-literatury.html>. Ссылка активна на 01.07.2023.
10. Гаспаров М.Л. Как писать историю литературы. *Новое литературное обозрение*. 2003; 1 (59): 142–146. Доступно по: <http://www.philology.ru/literature1/gasparov-03.htm>. Ссылка активна на 01.07.2023.
11. Венедиктова Т. О пользе литературной истории для жизни. *Новое литературное обозрение*. 2003; 1 (59): 12–20. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/o-polze-literaturnoj-istorii-dlya-zhizni.html>. Ссылка активна на 01.07.2023.
12. Гуманитарная наука после 24 февраля (Сергей Zenкин, Сергей Ушакин, Александр Семенов, Николай Плотников, Катриона Келли, Елена Чхаидзе, Ханс Ульрих Гумбрехт, Эллен Руттен, Кевин М.Ф. Платт, Марк Липовецкий, Евгений Добренко, Риккардо Николози, Алейда Ассман, Михаил Ямпольский). Пер. с англ. Даниила Аронсона. *Новое литературное обозрение*. 2022; 6 (178): 29–63. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/wp-content/uploads/2023/04/178-29-63-anketa.pdf>. Ссылка активна на 01.07.2023.
13. Шайтанов И. Дело № 59: НЛЮ против основ литературоведения. *Вопросы литературы*. 2003; 5: 135–151. Доступно по: <https://voplit.ru/article/delo-n-59-nlo-protiv-osnov-literaturovedeniya/>. Ссылка активна на 01.07.2023.
14. Аузан А.А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ; 2022. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01011081448>. Ссылка активна на 01.07.2023.
15. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство; 1970. Доступно по: https://imwerden.de/pdf/lotman_struktura_khudozhestvennogo_teksta_1970_ocr.pdf. Ссылка активна на 01.07.2023.
16. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз; 1959. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006116938>. Ссылка активна на 01.07.2023.
17. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство; 1986. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001343016>. Ссылка активна на 01.07.2023.
18. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Академия; 2013. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002492461>. Ссылка активна на 01.07.2023.
19. Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В. Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы). М.; СПб.: Нестор-История; 2017. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009469860>. Ссылка активна на 01.07.2023.
20. Rutten E. New Time, New Name, New Balances: Editorial. *Russian Literature*. 2023; 135–137: 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2023.03.002>.
21. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках. Сост. Е.И. Покусаева, вступит. ст. Е.И. Покусаева и А.А. Жук. М.: Художественная литература; 1972. Доступно по: <http://elibrary.sgu.ru/djvu/books/306.pdf>. Ссылка активна на 01.07.2023.
22. Тюпа В.И. Анализ художественного текста в отечественном литературоведении XX века. *Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции: Материалы Международной научной конференции (Москва, 26–27 ноября 2010 г.)*. Под общ. ред. О.А. Клинга и А.А. Холикова. М.; СПб.: Нестор-История; 2012: 50–56. Доступно по: <https://www.philol.msu.ru/~tlit/annot/rulvedre.htm>. Ссылка активна на 01.07.2023.
23. Холиков А.А. Плод занимательной науки. Из размышлений над жанром биографии литературоведа. *Вопросы литературы*. 2011; 1: 341–354. Доступно по: <https://voplit.ru/article/plod-zanimatelnoj-nauki-iz-razmyshlenij-nad-zhanrom-biografii-literaturoveda/>. Ссылка активна на 01.07.2023.

24. Холиков А.А. Жанровый потенциал биографии литературоведа. *Новый филологический вестник*. 2016; 4 (39): 46–53. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovyyu-potentsial-biografii-literaturoveda>. Ссылка активна на 01.07.2023.
25. Науки о литературе и/или о культуре: немецкий кейс (Лариса Полуобяринова, Вера Котелевская, Ульрих Фрёшле, Альбрехт Кошорке, Дорис Бахманн-Медик). Сост. и пер. с нем. Сергей Ташкенов. *Новое литературное обозрение*. 2022; 6 (178): 416–434. <https://doi.org/0.53953/08696365-2022-178-6-416>.
26. Лежнев А. Проза Пушкина: опыт стилового исследования. М.: ГИХЛ; 1937. Доступно по: <http://www.lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=Ui-5rX-oW6o%3D&tabid=10358>. Ссылка активна на 01.07.2023.
27. Компаньон А. Демон теории. М.: Изд-во им. Сабашниковых; 2001. Доступно по: https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Kompanon_A_Demon_teorii_2001.pdf. Ссылка активна на 01.07.2023.
28. Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы. Л.: Наука; 1975. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006909696>. Ссылка активна на 01.07.2023.
29. Лихачев Д., Самвелян Н. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М.: Советская Россия; 1988. Доступно по: https://imwerden.de/pdf/likhachev_samvelyan_dialogi_1988__ocr.pdf. Ссылка активна на 01.07.2023.
30. Кормилов С.И. Филология в лицах. Рец. на кн.: Хализев В. В кругу филологов. Воспоминания и портреты. *Знамя*. 2012; 6: 215–218. Доступно по: <https://znamlit.ru/publication.php?id=4955>. Ссылка активна на 01.07.2023.
31. Спиваковский П. Постмодернистский миф о Пушкине. Версия Синявского. *Новый мир*. 2010; 5: 161–165. Доступно по: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/5/postmodernistskij-mif-o-pushkine.html. Ссылка активна на 01.07.2023.
32. Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры; 1999. Доступно по: https://imwerden.de/pdf/bocharov_syuzhety_russkoj_literatury_1999_text.pdf. Ссылка активна на 01.07.2023.
33. Дмитриев Ал., Левченко Я. Наука как прием: еще раз о методологическом наследии русского формализма. *Новое литературное обозрение*. 2001; 50: 195–245. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/4/nauka-kak-priem-eshhe-raz-o-metodologicheskoy-nasledii-russkogo-formalizma.html>. Ссылка активна на 01.07.2023.

References

1. Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University: Essays on History. 1941–2021. 4th ed. General eds. of Remneva ML. Moscow: Moscow University Publishing House; 2021. Available at: https://www.philol.msu.ru/~modern/pict/hist_ph_2021.pdf. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
2. Rodnyanskaya IB. Movement of Literature: [in 2 vols.] Vol. 1. Moscow: Znak; Languages of Slavic Cultures; 2006. Available at: <https://litved.com/docs/Rodnyanskaya-1-2006-v.pdf>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
3. Gasparov ML. To Exchange Opinions on the Prospects of Literary Studies. *New Literary Observer*. 2001; 4 (50): 324. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/4>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
4. Mikhaylov AV. Selected Works. Historical Poetics and Hermeneutics. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House; 2006. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002914291>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
5. Zatonsky D. Artistic Landmarks of the 20th Century. Moscow: Soviet Writer; 1988. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001442627>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
6. Prokhorova I. Invitation to a Dispute. *New Literary Observer*. 2003; 1 (59): 8–9. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/priglasenie-k-sporu.html>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
7. Gumbrecht HU. The Origins of Literary Studies – and their End? *New Literary Observer*. 2003; 1 (59): 93–102. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/nachala-nauki-o-literature-i-ee-konecz.html>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
8. Bogomolov N. Some Reflections on a Given Topic. *New Literary Observer*. 2003; 1 (59): 169–189. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/neskolko-razmyshlenij-na-zadannuyu-temu.html>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

9. Bak D. Literary Criticism as a Provocation of Reading: Does the History of Literature have an Author? *New Literary Observer*. 2003; 1 (59): 90–91. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/literaturovedenie-kak-provokacziya-chteniya-est-li-avtor-u-istorii-literatury.html>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
10. Gasparov ML. How to Write the History of Literature. *New Literary Observer*. 2003; 1 (59): 142–146. Available at: <http://www.philology.ru/literature1/gasparov-03.htm>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
11. Venediktova T. On the Benefits of Literary History for Life. *New Literary Observer*. 2003; 1 (59): 12–20. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/o-polze-literaturnoj-istorii-dlya-zhizni.html>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
12. The Humanities after February 24th (Sergey Zenkin, Serguei Oushakine, Alexander Semyonov, Nikolai Plotnikov, Catriona Kelly, Elena Chkhaidze, Hans Ulrich Gumbrecht, Ellen Rutten, Kevin M.F. Platt, Mark Lipovetsky, Evgeny Dobrenko, Riccardo Nicolosi, Aleida Assmann, Mikhail Iampolski) (transl. from English by Daniil Aronson). *New Literary Observer*. 2022; 6 (178): 29–63. Available at: <https://magazines.gorky.media/wp-content/uploads/2023/04/178-29-63-anketa.pdf>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
13. Shaitanov I. Case No. 59: *New Literary Observer* Against the Foundations of Literary Criticism. *Problems of Literature*. 2003; 5: 135–151. Available at: <https://voplit.ru/article/delo-n-59-nlo-protiv-osnov-literaturovedeniya/>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
14. Auzan AA. Cultural Codes of Economics: How Values Influence Competition, Democracy and the Welfare of the People. M.: AST; 2022. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01011081448>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
15. Lotman YM. The Structure of the Literary Text. Moscow: Art; 1970. Available at: https://imwerden.de/pdf/lotman_struktura_khudozhestvennogo_teksta_1970__ocr.pdf. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
16. Vinokur GO. Selected Works on the Russian Language. Moscow: State Publishing House of Student and Pedagogical Literature; 1959. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006116938>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
17. Bakhtin MM. Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Art; 1986. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001343016>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
18. Khalizev VE. Theory of Literature. Moscow: Academia; 2013. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002492461>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
19. Khalizev VE., Kholikov AA., Nikandrova OV. The Handbook of Russian Academic Literary Criticism. History and Methodology (1900–1960). Moscow, St. Petersburg: Nestor-Historia; 2017. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009469860>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
20. Rutten E. New Time, New Name, New Balance: Editorial. *Russian Literature*. 2023; 135-137: 1-8. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2023.03.002>. (In Eng.).
21. Skaftymov AP. Russian Writers' Moral Quest: Articles and Research on Russian Classics. Moscow: Artistic Literature; 1972. Available at: <http://elibrary.sgu.ru/djvu/books/306.pdf>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
22. Tyupa VI. Analysis of a Literary Text in the Russian Literary Criticism of the 20th Century. *Russian Literary Studies of the 20th Century: Names, Schools, Concepts: Materials of the International Scientific Conference (Moscow, November 26–27, 2010)*. General eds. of Kling OA. and Kholikov AA. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2012: 50–56. Available at: <https://www.philol.msu.ru/~tlit/annot/rulvedre.htm>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
23. Kholikov AA. The Fruit of Entertaining Science. From Reflections on the Genre of the Biography of a Literary Scholar. *Problems of Literature*. 2011; 1: 341–354. Available at: <https://voplit.ru/article/plod-zanimatelnoj-nauki-iz-razmyshlenij-nad-zhanrom-biografii-literaturoveda/>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
24. Kholikov AA. Genre Potential of the Biography of a Literary Scholar. *The New Philological Bulletin*. 2016; 4 (39): 46–53. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovyy-potentsial-biografii-literaturoveda>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).
25. Studies of Literature and/or Culture: The German Case (Larisa Poluboyarinova, Vera Kotelevskaya, Ulrich Fröschle, Albrecht Koschorke, Doris Bachmann-Medick) (ed. and transl. from German by Sergey Tashkenov). *New Literary Observer*. 2022; 6 (178): 416–434. <https://doi.org/0.53953/08696365-2022-178-6-416>. (In Russ.).
26. Lezhnev A. Pushkin's Prose: The Experience of Stylistic Research. Moscow: State Publishing House for Literary Works; 1937. Available at: <http://www.lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=Ui-5rX-oW6o%3D&tabid=10358>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

27. Compagnon A. *The Demon of the Theory*. Moscow: Sabashnikov Publishing House; 2001. Available at: https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Kompanon_A_Demon_teorii_2001.pdf. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

28. Berkovsky NY. *About the World Significance of Russian Literature*. Leningrad: Science; 1975. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006909696>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

29. Likhachev D, Samvelyan N. *Dialogues about the Day of Yesterday, Today and Tomorrow*. Moscow: Soviet Russia; 1988. Available at: https://imwerden.de/pdf/likhachev_samvelyan_dialogi_1988__ocr.pdf. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

30. Kormilov SI. Philology in Persons. Khalizev V. In the Circle of Philologists. *Memories and Portraits. The Banner*. 2012; 6: 215–218. Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=4955>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

31. Spivakovsky P. The Postmodern Myth of Pushkin. Sinyavsky's Version. *The New World*. 2010; 5: 161–165. Available at: https://magazines.gorky.media/novy_i_mi/2010/5/postmodernistskij-mif-o-pushkine.html. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

32. Bocharov SG. *Plots of Russian Literature*. Moscow: Languages of Russian Culture; 1999. Available at: https://imwerden.de/pdf/bocharov_syuzhety_russkoj_literatury_1999_text.pdf. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

33. Dmitriev A, Levchenko Y. Science as a Technique: Once Again about the Methodological Heritage of Russian Formalism. *New Literary Observer*. 2001; 50: 195–245. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/4/nauka-kak-priem-eshhe-raz-o-metodologicheskome-nasledii-russkogo-formalizma.html>. Accessed July 1, 2023. (In Russ.).

История статьи:

Получена: 12.07.2023

Принята: 31.07.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 12.07.2023

Accepted: 31.07.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторах:

Холиков Алексей Александрович, доктор филологических наук, доцент, профессор филологического факультета, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь, г. Шэньчжэнь, Китай; профессор кафедры теории литературы филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Российская Федерация; *e-mail*: aakholikov@gmail.com.

Филатов Антон Владимирович, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории литературы филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Российская Федерация; *e-mail*: avphilatov@yandex.ru.

Bionotes:

Alexey A. Kholikov, Prof.Dr.habil. (Philology), Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University; Prof., Department of Theory of Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: aakholikov@gmail.com.

Anton V. Filatov, PhD in Philology, Department of Theory of Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: avphilatov@yandex.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

LANGUAGE POLICY: HISTORY AND MODERNITY

УДК 811.134.2+ 81'272+811.161.1

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-207-220>

Репринт¹

Эколингвистический подход к преодолению языкового дисбаланса в Испании
(на примере языковой ситуации в России)

Р. Гусман Тирадо

Гранадский университет;

18010, Испания, Гранада, Calle Periodista Rafael Gómez Montero;

ORCID ID: 0000-0002-4615-6436; Scopus Author ID: 57192396442;

Researcher ID: L-3601-2017;

e-mail: rguzman@ugr.es

Резюме: Проблема сохранения и защиты родного языка сегодня – одна из основных, стоящих перед любым народом, думающем о своем будущем в условиях глобализации, европейской экономической интеграции и современного многонационального и многоконфессионального государства. Цель статьи – рассмотреть внутренние процессы разрушения статуса единого официального языка как связующего звена страны, проанализировать дискриминационный статус испанского языка в современной Испании и спрогнозировать последствия подобной языковой политики, осуществить сравнительный анализ языковой ситуации в Испании и России.

В качестве объекта исследования выступает испанский язык как государственный язык Королевства Испании и его роль, значение и функции в регионах страны, отражающие политические процессы последних десятилетий. Применялись сравнительно-исторический и типологический методы исследования, а также методики наблюдения, анализа, моделирования. Автором проанализированы причины дисбалансного состояния языковой ситуации в Испании, а также негативные последствия проводимой правительством языковой политики. Разработаны практические рекомендации для преодоления сложившихся критических проблем в области языковой политики страны, основываясь на российском примере.

Ключевые слова: языковая политика, языковая ситуация, языковой дисбаланс, современная Испания, дискриминация, эколингвистический подход, испанский язык, государственный язык, официальные языки, русский язык и языковая политика России

Для цитирования: Гусман Тирадо Р. Эколингвистический подход к преодолению языкового дисбаланса в Испании (на примере языковой ситуации в России). *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 207–220. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-207-220>.

¹ Расширение читательской аудитории за счет специфической тематической аудитории издания. Источник: Гусман Тирадо Р. Катастрофические последствия языковой политики Испании на фоне языковой политики России. *Интеграция образования*. 2023. Т. 27, № 1. С. 50-63.

Reprint

Ecolinguistic Approach to Overcoming the Linguistic Inequality in Spain (by the Example of the Language Situation in Russia)

R. Guzmán Tirado

University of Granada;

Calle Periodista Rafael Gómez Montero, Granada, Spain, 18010;

ORCID ID: 0000-0002-4615-6436; Scopus Author ID: 57192396442;

Researcher ID: L-3601-2017;

e-mail: rguzman@ugr.es

Abstract: The problem of preserving and protecting the native language today is relevant in a multinational and polyconfessional state in today's era of globalisation and European economic integration. The purpose of the article is to examine the internal destruction of the linking function of a single official language, to analyze the discriminatory status of the Spanish language in modern Spain, to predict the consequences of such a language policy and to carry out a comparative analysis of the language situation in Spain and Russia.

The object of the study is the Spanish language as the official language of the Kingdom of Spain and its role, significance and functions in the regions of the country, reflecting the political processes of recent decades. Comparative, historical and typological approaches are used, as well as the methods of observation, analysis and modeling. The author investigates the causes of the linguistic inequality in Spain and states the negative consequences of the language policy pursued by the government. Practical recommendations have been developed to overcome the current problems in the country's language policy, based on the example of Russia.

Keywords: language policy, language situation, linguistic inequality, modern Spain, discrimination, ecolinguistic approach, Spanish, state language, official languages, Russian language and language policy of Russia.

For citation: Guzmán Tirado R. Ecolinguistic Approach to Overcoming the Linguistic Inequality in Spain (by the Example of the Language Situation in Russia). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 207–220. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-207-220> (In Russ.).

Введение

Испанский язык – один из самых распространенных языков в мире. Примерно 470 млн чел. считают его родным и используют его в этом качестве. Эта тенденция роста усиливается, число людей в мире, говорящих по-испански, постоянно увеличивается и превышает число носителей английского языка. Речь идет не только о росте популярности испанского языка в Латинской Америке; даже в Соединенных Штатах Америки значительная часть американцев, особенно в южных штатах, хорошо говорит по-испански. Согласно современным прогнозам, к 2030 г. ожидается рост испаноговорящих до 7,5 %. В настоящее время отмечается активное использование испанского языка в сети Интернет.

Важным является то обстоятельство, что испанский язык – официальный язык в двадцати странах мира: Испании, странах Северной, Центральной и Южной Америки и Карибского региона. В связи с этим испанский язык имеет много профессиональных сообществ. Так, испаноязычное население США уже превышает 50 млн чел. Владение испанским языком в этой стране стало обязательным требованием для ряда рабочих мест, особенно в южных штатах.

Согласно проведенному исследованию Я. Мариана в 2018 г., большинство молодых европейцев в возрасте от 15 до 30 лет хотели бы владеть испанским языком, далее по популярности следуют французский, немецкий, итальянский и русский языки. В любом случае это свидетельствует о том, что молодежь Европы отдает предпочтение Испании и стремится посетить ее с помощью стипендии Erasmus. В скандинавских странах (Финляндия, Швеция или Дания) треть респондентов выбирает испанский язык в качестве второго языка, который они хотели бы выучить. По мнению опрошиваемых, Испания остается идеальным местом как для туризма, так и для жизни благодаря своей гастрономии, климату,

истории, культуре и людям. Именно по этой причине большинство молодых людей в возрасте до 20 лет хотят изучать испанский язык, чтобы максимально использовать свой опыт в стране².

По результатам полученных ответов на вопрос: «Какие языки молодые люди континента хотели бы изучать независимо от их степени близости или уже существующего владения?», установлено, что популярность испанского языка очень велика. Ему отдают предпочтение 42 % голландцев, 34 – итальянцев, 34 – англичан, 32 – немцев и 26 % французов. Что касается ответа на вопрос, какой язык они хотели бы улучшить, надо отметить, что в данном случае английский побеждает по всей Европе, однако в англоязычных странах, например на Мальте, молодежь предпочитает итальянский, а в Словении – немецкий³.

Сложившаяся языковая политика [1; 2] в самой Испании очень далека от ситуации за рубежом. Пока испанский язык динамичными темпами продолжает развиваться во всем мире, политические интересы миноритарных секторов Испании с конъюнктурной и недальновидной политикой правящих партий могут превратить его в миноритарный и резидуальный язык в своей собственной стране, на одной трети территорий которой дети уже не могут учиться на своем родном языке. В определенных регионах Испании испанский язык уже исключен из школ и университетов, также его пытаются исключить и из повседневной жизни испанцев этих территорий. Более 40 % испанцев живут на территориях, на которых, наряду с испанским, функционируют другие официальные языки.

Каковы же причины этой критической языковой ситуации в одной из самых старинных стран Европы – в развитой, культурной и цивилизованной Испании? В статье мы проанализировали причины дисбалансного состояния языковой ситуации в современной Испании, а также негативные последствия проводимой правящими партиями языковой политики.

Обзор литературы

Говоря о современной языковой ситуации и языковой политике, необходимо отметить, что, несмотря на то, что тема эта не новая [3; 4; 5; 6; 7; 8] ей посвящено не так уж много научных работ. Причем исследования по этой теме ведутся порой больше за рубежом [9; 10; 11; 12; 13; 14] и зарубежными учеными. Внутри же страны большинство исследований носят описательный характер, где авторы не входят в глубокий анализ причин происшедшего, почему в современной Испании, которая является членом Европейского Союза и экономически и политически развитой страной, не соблюдаются самые основные права человека и в первую очередь – право детей на получение образования на своем языке, когда это официальный язык страны.

Материалы и методы

В качестве объекта исследования выступает испанский язык как государственный язык Испании, его роль во всех областях повседневной жизни. С помощью открытых данных, находящихся в сети Интернет, опубликованных на порталах различных научно-исследовательских организаций, в экспертных и консалтинговых работах специалистов, анализируется языковая ситуация в тех регионах, где сегодня сосуществуют два языка, и прослеживается ее изменение там под влиянием политических процессов в течение последних десятилетий. В нашей работе мы пользовались методом наблюдения ситуации с помощью прессы и Интернета, вместе с анализом общественного мнения (данные социологических опросов). Используя сравнительно-исторический и типологический методы исследования, мы пытаемся доказать неприемлемость такой ситуации в Испании XXI в., где не только не соблюдаются основные права детей учиться на своем родном языке, но и больше половины населения, проживающего в данном регионе, лишается возможности иметь доступ к информации на улице, где из дорожных указателей убрали полностью испанский язык, в области здоровья и в повседневной жизни.

В качестве объекта исследования выступает испанский язык как государственный язык Испании, его роль и изменения в регионах в процессе политических процессов в течение последних десятилетий. Используются сравнительно-исторический и типологический методы исследования, чтобы доказать, что подобную ситуацию нельзя найти даже в большинстве стран третьего мира, хотя внутри современной Испании, причем с помощью самого правительства в Мадриде, это воспринимается как норма.

² El Español, El Idioma Que Quieren Aprender La Mayoría De Jóvenes Europeos. <https://www.salminter.com/blog/el-espanol-el-idioma-que-quieren-aprender-la-mayoria-de-jovenes-europeos>. Fecha de contacto: 04.07.2022.

³ Там же. Ibidem.

Результаты и дискуссия

Языковое богатство и языковое разнообразие Испании, в которой вместе с испанским языком традиционным средством общения населения определенных областей являются и другие языки, – результат исторического развития на протяжении многих веков. С введением в силу Конституции 1978 г. испанский (или кастильский) язык получил статус официального языка всей страны. Так, третья статья Испанской конституции 1978 г. гласит:

«1. Из языков Испании испанский (или кастильский) является официальным государственным языком. Все испанцы обязаны его знать и имеют право пользоваться им.

2. Остальные языки Испании являются также официальными в соответствующих автономных сообществах в соответствии с их Уставами.

3. Богатое языковое и диалектное разнообразие Испании является частью ее культурного наследия и пользуется особым уважением и защитой»⁴.

Если какой-либо язык имеет пометку *cooficial* (второй официальный язык) и является одним из государственных языков, его статус приравнивается к испанскому языку. Это относится к Галисии, Стране Басков, Наварре, Каталонии, Валенсии и Балеарским островам, где наряду с испанским функционирует еще и другой язык. Официальные языки являются обязательными к изучению в образовательных центрах этих регионов.

Именно таким путем региональные конституции автономных сообществ Каталонии и Балеарских островов установили официальный статус каталонского языка в своих автономных областях, а в Валенсийском сообществе ситуация в последние годы существенно обострилась и развивается в направлении ситуации в Каталонии, причем быстрыми темпами. Региональная конституция Галисии предоставила галисийскому языку статус официального языка в Галисии. Устав автономии Страны Басков установил официальность баскского языка. В Наварре сначала использовали «принцип зон языкового преобладания», как в Валенсии (объявили валенсийский язык официальным только там, где говорили на валенсийском языке, хотя на самом деле это каталонский язык), но новые законы признали его официальным на всей территории области, т. е. сейчас каталонский и баскский стали официальными языками даже в тех областях своих автономных сообществ, где никогда не говорили на этих языках.

Исторически основной целью поддержки региональных языков (галисийского, баскского и каталонского) было их функционирование и развитие, поэтому никто не мог подумать, что их статус и недальновидная языковая политика некоторых партий доведут языковую ситуацию в стране до того, что в некоторых областях (например, в Каталонии, Стране Басков и на Балеарских островах) государственный испанский будет исключаться из школ и университетов, и единственным официальным языком станет местный язык. В таких автономиях, как Галисия, Валенсия и Наварра, на наш взгляд, эта опасная тенденция также набрала обороты. Однако на этом процесс не остановится: в других регионах с упорством ищут «следы существования» какого-то местного, древнего языка, за который они будут держаться и который позволил бы им, как и в ранее упомянутых регионах, создать языковой барьер, защищающий этот регион от приезда испаноговорящих из других регионов.

Таким образом, в настоящее время в Испании существуют различные лингвистические формы и языки, которые, несмотря на то, что различные законы автономии не признают их официальными, позиционируются в качестве собственных, исторических или традиционных языков и в силу этого имеют определенный режим культурной и правовой защиты со стороны учреждений (астурийский язык – в Астурии, леонский – в Кастилии и Леоне, баскский – в смешанной зоне Наварры, фала – в Эстремадуре, арагонский и каталонский – в Арагоне).

Рассмотрим причины сложившейся современной языковой ситуации в Испании.

На наш взгляд, основная причина – политическое давление националистических и сепаратистских политических сил некоторых регионов страны, оказываемое ими на бывшие у власти правые и левые правительства в Мадриде. Прежде всего оно направлено на ослабление и практическое исчезновение испанского языка в некоторых областях страны. Политическая борьба между партиями (в последние годы и в том числе между конституционными) сделала предметом политического торга государственный язык – главную составляющую единства любой страны. Процесс борьбы против общего языка

⁴Constitución Española 311 de 29.12.1978 <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229>. Fecha de contacto: 10.07.2022.

страны не случаен, он является хрестоматийным средством для разрушения любой страны, поскольку именно государственный язык связывает страну в единое целое. Очевидно, что для всех регионов страны лишение их общего языка – это один из первых шагов в направлении отрицания существования самой страны. Идет сильная тенденция превращения испанского языка в маргинальный язык, в остаточный язык, на котором бы говорили только те, кто не может говорить на других языках, не имея права на образование на этом языке в самой Испании. Премьер-министр Испании П. Санчес даже подписал договор с сепаратистскими партиями Каталонии, где он обязуется не предпринимать никаких законодательных мер против каталонских законов, которые идут против испанского законодательства в этой и других областях.

Согласно п. 3 ст. 3 Конституции Испании, испанский язык «пользуется особым уважением и защитой», однако на практике он уже исключен из школ и университетов – пока только в Каталонии, но этот процесс уже активно идет в Стране Басков, Валенсии, Галисии и на Балеарских островах. Местные языки указанных регионов, которые считаются языками национальных меньшинств и для популяризации которых веками применялись различные программы и стратегии развития, сейчас заняли место испанского языка и «выгнали» его из школ и университетов.

На наш взгляд, недальновидная языковая политика правящих партий времени утверждения Конституции вместе с темными, но ясными интересами современных партий оказала деструктивное влияние на функционирование испанского языка и пошатнула отношение к нему в самой Испании. Устойчивые региональные тенденции, которые позже в большинстве случаев переросли в открытый сепаратизм, стали угрозой территориальной целостности государства и привели к неравенству граждан регионов одной и той же страны [4: 105–112]. Языковой барьер установил шлагбаумы между регионами: пока граждане одних регионов могут работать во всей стране, гражданам других это право не дано, так как незнание второго регионального языка в тех регионах, где говорят на этих языках, стало препятствием для устройства на работу.

Неравномерное развитие так называемого государства автономных областей, созданного в соответствии с действующей Конституцией как ответ на централизованное государство эпохи диктатуры Франко, фактически превратило Испанию в федерацию особого типа – «ассиметричную федерацию» (может быть, это единственный пример в мире, хотя сам этот термин в законодательстве отсутствует), где несколько регионов – членов данной федерации имеют исключительные привилегии, где есть автономные сообщества первого, второго и третьего классов – в зависимости от силы воздействия, чтобы иметь влияние на правительство в Мадриде.

Процесс устранения испанского языка практически завершен в Каталонии, где 30 мая 2022 года, с «бесценной» помощью правительства Мадрида, он перестал функционировать в образовании. В настоящее время каталонский язык – это единственный язык, на котором преподают в школах и университетах Каталонии. Когда все это случилось, центральное правительство не отреагировало определенным иском на публикации каталонским правительством указа, который отторгал у испанского языка право быть «*lengua vehicular*» в Каталонии⁵. Теперь только каталонский язык будет иметь такое право и статус, лишая испаноговорящих детей (среди которых 60 % имеют испанский как родной) одного из самых основных прав детей – права обучаться на своем родном языке. Испанский язык на территории Каталонии оказался на таком же уровне, как английский или французский, т. е. имеет статус иностранного языка.

Процесс причинения ущерба национальному испанскому языку быстро набирает свои обороты в Валенсии, Галисии и Наварре. Для того чтобы в стране языковая ситуация дошла до такой критической и опасной точки, к политическому процессу шантажа добавились и другие факторы: отсутствие левых партий, которые верили бы в национальное единство страны и у которых была бы идея государства, и появление странного явления, когда левые партии, родившиеся для «универсалистов и защитников слабейших» граждан, вступили в союз с националистическими партиями более экономически привилегированных регионов, забыв, например, об опустошенной Испании, оставленной всеми демократическими правительствами из других регионов.

⁵ Decreto Ley 6/2022, de 30 de mayo, por el que se fijan los criterios aplicables a la elaboración, la aprobación, la validación y la revisión de los proyectos lingüísticos de los centros educativos núm. 179 de 27 de Julio de 2022 // DOG núm. 8678A de 30 de Mayo de 2022 y BOE. https://noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/729477-dl-6-2022-de-30-may-ca-cataluna-criterios-aplicables-a-la-elaboracion-la.html. Fecha de contacto: 12.07.2022.

Также отметим решение Социалистической партии сохранить приверженность многонациональности страны, причем большинство его «партнеров» не заинтересованы в федеральной модели страны, так как это означало бы, что все части страны должны быть равноправны. Социалистическая партия Каталонии (PSC) потребовала ее. Его включение в предвыборную программу предполагает, что социалисты считают Испанию «нацией наций». Эта новая уступка сепаратистам углубляет отказ Социалистической партии Испании от защиты страны как «нации свободных и равных граждан», основополагающей ценности нашей демократии.

Такой же подход использует Социалистическая партия и в других регионах, где создает альянс с националистическими и сепаратистскими партиями, или например в Стране Басков, где прямо идет на поводу у последователей террористов, которые убили около тысячи испанцев. Между конституционализмом и национализмом социалисты предпочитают второе. Благодаря этому подходу Социалистическая партия правит в таких городах, как Валенсия, Ла-Корунья, Сан-Себастьян, Пальма-де-Майорка или Бадалона, а также в регионах Наварры, Валенсии, Балеарских островов и Арагона. Таким образом, эта партия перестала быть опорой конституционализма в стране.

В Испании существование двух официальных языков на одной территории не означает сбалансированное двуязычие. Из-за отсутствия солидарности националистических (сначала) и сепаратистских (потом) партий она не стала ни «страной, богатой языковым и диалектным разнообразием», ни образцом мирного сосуществования разнообразного языкового наследия, в котором сосуществуют вместе разные языки, а превратилась в арену борьбы региональных языков против испанского. Причем произошло это при активном участии самого центрального правительства Испании, которое не только не прикладывает никаких усилий, чтобы избежать этой критической ситуации, но и, наоборот, ускоряет данный разрушительный процесс, готовя и поддерживая законы, нацеленные на устранение испанского языка из этих регионов, в обмен на политическую поддержку сепаратистских партий в Мадриде.

В регионах, где вместе с испанским сосуществуют и другие языки, уже много лет идет так называемый процесс языкового погружения, увеличивающий в системе образования количество учебных занятий на региональном языке (каталонском, галисийском, баскском). Это та ситуация, когда местный региональный язык заменяет функционирование испанского языка в системе образования и в официальном употреблении, но пока еще не на улице, несмотря на все усилия региональных правительств.

Этот процесс, начавшийся сорок лет назад, ранее не приобретал такой напористый и опасный облик, как сейчас, во время правительства П. Санчеса. За день до выборов П. Санчес обещал не договариваться о коалиции ни с партией «Подemos» (Коммунистической партией), ни с каталонскими сепаратистами, но изменил свое мнение сразу после выборов. Он договорился и с Коммунистической партией, и с крайней левой, и с каталонскими сепаратистами, с наследниками террористической банды ЕТА, об ускорении процесса устранения испанского языка в школах, что послужило бы толчком к деиспанизации других регионов.

Позиция Социалистической партии не только подтверждает и закрепляет языковое погружение в указанных регионах, но и активно способствует устранению испанского языка в школах и вузах. Процесс дискриминации испанского языка находит свое отражение и в государственных средствах массовой информации региона, где испанский является языком, на котором, например, в сериалах общаются с маргинальными слоями населения и иммигрантами.

Если мы проанализируем политику договоров Социалистической партии, то увидим, что по всей стране Социалистическая партия заключила около 100 пактов с группами сторонников независимости и националистов в различных муниципалитетах Испании:

- на Балеарских островах – соглашения с «Объединенными силами Подemos», националистическими силами и местными партиями в целых 13 муниципалитетах;
- в Наварре, на севере страны, рядом со Страной Басков, – договор с Героа Бай и Бильду (обе партии – наследники террористической группировки ЕТА, которая убила около 1 000 невинных людей в течение 40 лет). Социалистическая партия сделала ставку на пакт с наследниками ЕТА, а не на поддержку правительства коалиции Наваррской Суммы, победившей на выборах;
- в Валенсии – предпочла править с коммунистами и сепаратистской партией «Компромисс», а не с Конституционной партией;
- в Арагоне – с националистической партией Арагона, которая добилась самоопределения автономного сообщества, чтобы Арагон мог провозгласить независимость.

Эти соглашения с националистами П. Санчес подписывает добровольно, и в большинстве случаев есть и конституционный вариант. Стремление к власти и избирательный оппортунизм создают в социалистическом руководстве ложную аксиому о связи идеи нации с правами, которая приведет к неприятным последствиям для настоящего и будущего страны. Независимо от результатов выборов распад конституционного блока Социалистической партии в настоящее время является самым большим препятствием для государства в борьбе с сепаратистским шантажом в Испании. Заключенные договоры могут еще больше принизить общий испанский язык, покончить с образованием на двух языках, лишит права испаноговорящих детей учиться на родном языке в своей собственной стране и еще больше маргинализировать положение тех учащихся, для которых испанский является родным, благодаря реформе закона об образовании, которая лишает испанский его статуса векулярного языка в Испании.

Нетрудно понять, почему в стране сложилась такая критическая языковая ситуация, которая ускоряется и будет ускоряться, по крайней мере до конца срока П. Санчеса. Его политика активно развивается в направлении «асимметричной федерации с разностатусными субъектами».

Сложившаяся ситуация усугубляет специфику социальной жизни этого европейского государства. Испания – одна из самых политизированных стран в мире, которая, похоже, еще не смогла освободиться от уже давнего периода диктатуры, и наследие этого периода не дает ей решить, каким типом страны она хочет быть. В стране после диктатуры франконационалистические партии получили неоправданную поддержку в системе выборов. Отсюда идут истоки современной ситуации. С тех пор националистические партии определенных регионов ведут постоянную борьбу с целью отделения от Испании.

Данный процесс отнюдь не новый в истории мировой цивилизации. Однако центральное правительство Испании вместо того, чтобы бороться против этого деструктивного процесса поддерживает его новыми законами. Причем большинство СМИ страны не только игнорируют данный процесс, но и скрывают его. Например, в любой демократичной стране создаются документальные сюжеты, фильмы, в которых акцентируется внимание на важных социальных проблемах общества, но в Испании мы не припомним ни одной передачи, где показали бы ежедневные проблемы одного испаноговорящего человека, например, в Каталонии: как выживает он в этом регионе, где не только запрещено, чтобы он или его дети учились на своем родном языке, но и трудно найти магазин, торговый центр, вокзал или улицу, где указатели были бы на испанском языке – на официальном языке страны. То есть в своей стране он чувствует себя, как за рубежом, и это, естественно, не случайно. Или, например, ни разу не рассказывали про жизнь детей, которым в своей стране приходится учиться не на своем родном языке.

В связи с подобной языковой ситуацией в сфере образования испаноговорящие дети (а в этих регионах их как раз большинство) вынуждены осуществлять процесс получения школьного образования не на испанском языке как своем родном, а на местном втором языке. Это полностью противоречит их праву на получение образования на своем родном языке, – праву, признанному более полувека назад документом, подготовленным UNESCO в 1953 г. [4: 105-112]. В продолжение этой линии 15 сентября 2001 г. Испания ратифицировала I Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств Совета Европы, в которой Испания заявила, что для целей, предусмотренных вышеупомянутыми статьями, под региональными языками или языками меньшинств понимаются языки, признанные официальными в Уставе автономии автономных сообществ Страны Басков, Каталонии, Балеарских островов, Галисии, Валенсии и Наварры (только в отношении баскской зоны). Под региональными языками или языками меньшинств понимаются языки, в соответствии с Уставом автономии защищающие территории, на которых традиционно говорят на данных языках. Существует реальная «балканизация» с продвижением местных языков или диалектов, таких как *bable*, *cantabric* или *leonese*.

Ни одна страна мира не запрещает преподавать на официальном языке – на языке, общем для всей страны [10; 11; 15; 16]. В этом отношении Испания – уникальный случай, и исправить эту ситуацию нелегко.

Если обратиться к сущности языковой политики в Российской Федерации [17; 18; 19; 20], на территории которой проживает более 190 народов, в число которых входят коренные малые и автохтонные народы, то можно сделать следующие выводы. На наш взгляд, несмотря на существующие проблемы, российская языковая политика может быть охарактеризована как имеющая положительный опыт регулирования языковых процессов в обществе. Напомним, что в истории российского государства расцвет языковой политики приходится на первую половину XX в., когда была проделана масштабная плодотворная работа по созданию алфавитов и письменности для бесписьменных языков народов СССР. В

это же время большое внимание уделялось ликвидации безграмотности, шел процесс популяризации русского языка как языка межнационального общения, языка образования и государственного делопроизводства на территории всего Советского государства. Сходный вектор языковой политики первой половины XX в. сохраняется сейчас и в современной России, что приводит к совершенствованию экстралингвистических и геополитических факторов и развитию языковой ситуации в целом [21].

Фундаментальной базой языковой политики Российской Федерации являются три ключевых закона, которые регулируют функционирование языков в российском обществе: Конституция Российской Федерации, закон «О языках народов Российской Федерации» и ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»⁶.

Стоит подчеркнуть, что основные направления языковой политики по сохранению, развитию и функционированию языков народов России отражены в законе «О языках народов Российской Федерации», а также в законах республик – субъектов Российской Федерации. В вышеупомянутом законе зафиксированы правовые гарантии беспрепятственного функционирования и развития национальных языков коренных и некоренных народов России. Важным представляется и то, что в указанном законе говорится о том, что паритетное развитие языков народов России не зависит от численности носителей этих языков [21]. Таким образом, в соответствии с реализуемой государственной политикой языки народов России приобретают статус национального достояния государства.

Отметим, что в России права на изучение национальных языков регламентируются Законом «Об образовании в Российской Федерации»⁷. Во-первых, ученики обладают правом выбирать язык из числа языков народов России в соответствии с образовательной программой и в порядке, который установлен местными нормативными документами.

Во-вторых, языки народов Российской Федерации могут изучаться за пределами национально-территориальных образований. Любая школа имеет право принять решение о включении в образовательную программу любого национального языка с учетом запросов от родителей. Так, например, школа в месте компактного проживания башкир и татар может включить в образовательную программу татарский и башкирский языки, если значительная доля родителей заявит о желании, чтобы их дети изучали этот язык. При принятии решения администрация школы может учитывать число желающих, возможность комплектования классов или групп для изучения родного языка, наличие необходимых ресурсов, преподавателей, программ, учебников и др.⁸

В-третьих, Конституция Российской Федерации (ст. 26) гарантирует право на свободное пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Кроме того, республикам в составе Российской Федерации гарантировано право на установление собственных государственных языков наряду с государственным языком Российской Федерации (ст. 68).

Подчеркнем еще раз, что ст. 14 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁹ устанавливает: право преподавания и изучения государственных языков республик Российской Федерации в соответствии с законодательством республик Российской Федерации; право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации; право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации в пределах возможностей, предоставляемых системой образования в порядке, установленном законодательством об образовании.

⁶ О языках народов Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1. Доступно по: <https://base.garant.ru/10148970>. Ссылка активна на: 31.08.2022; О государственном языке Российской Федерации. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ. Доступно по: <https://base.garant.ru/12140387>. Ссылка активна на: 31.08.2022. On the Languages of the Peoples of the Russian Federation (with amendments and additions): Law of the Russian Federation No. 1807-1. of October 25, 1991. Available at: <https://base.garant.ru/10148970>. Accessed: August 31, 2022; About the state language of the Russian Federation. Federal Law No. 53-FZ of June 1, 2005. Available at: <https://base.garant.ru/12140387>. Accessed August 31, 2022.

⁷ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (с изменениями от 2020 г.) Доступно по: <https://zakon-ob-obrazovanii.ru>. Ссылка активна на: 31.08.2022. On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended in 2020). Available at: <https://zakon-ob-obrazovanii.ru>. Accessed August 31, 2022.

⁸ Там же. Ibidem.

⁹ Там же. Ibidem.

Также отметим, что в соответствии с ч. 3 ст. 44 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся имеют право выбирать до завершения получения ребенком основного общего образования с учетом мнения ребенка язык, языки образования, факультативные и элективные предметы, курсы, дисциплины (модули) из перечня, предлагаемого организацией, осуществляющей образовательную деятельность.

Россия – многонациональная страна. Однако преподавание и изучение государственных языков республик Российской Федерации осуществляется на добровольной основе и никогда не в ущерб преподаванию и изучению государственного языка Российской Федерации.

В Российской Федерации языки, отличные от русского, используются, как правило, на школьном этапе обучения. Среднеспециальное и высшее образование осуществляется на русском языке. При этом федеральное правительство считает предоставление образования исключительно на отличном от русского языке нарушением принципа равенства возможностей, так как, по мнению российских властей, дети, получившие такое образование, окажутся в дальнейшем в неравном положении относительно других (в частности, при поиске работы), т. е. будут подвергнуты сегрегации. Изучение национальных языков не может осуществляться в ущерб изучению русского языка как государственного языка на всей территории Российской Федерации, так как это имело бы отрицательные последствия относительно непрерывности обучения в единой федеральной образовательной среде и могло бы стать нарушением принципа равенства возможностей [22].

Какие права на изучение русского языка дает действующий в России закон об образовании? Правительство Российской Федерации на законодательном уровне обязано обеспечить функционирование русского языка как государственного языка, а также принимать меры по сохранению и развитию языков народов России. В связи с этим следует отметить государственные целевые программы «Русский язык», реализуемые с 2002 г. по настоящее время, и отдельные пункты государственной программы «Развитие образования». За небольшой промежуток времени была усовершенствована учебно-методическая база, разработаны новые комплексы учебников русского языка и литературы для общеобразовательных школ, проведена трансформация системы контроля знаний, что свидетельствует об интересе государства к вопросу сохранения русского языка и русской культуры [23].

Языковая политика государства, направленная на повышение грамотности населения, не только реализуется традиционно в сфере государственного образования, но и находит современные формы пропаганды грамотности. Одной из первых государственных созидательных инициатив по популяризации русского языка стало создание интернет-портала «Грамота.ру». Один из эффективных инструментов современной языковой политики – справочные службы, словарное дело, лингвистические интернет-сервисы – направлен на сохранение чистоты языка. Необходимость в этом усугубилась с появлением интернета и его прочным входом в жизнь каждого человека. Специфика интернет-общения не способствует чистоте и изысканности форм выражения, однако и тут можно заметить тенденцию «орфографических войн», что свидетельствует о том, что грамотность продолжает оставаться фактором, формирующим престиж личности и представление о ее компетентности [24].

Анализ научных исследований показал, что основными задачами, которые призвана решать языковая политика Российской Федерации, сегодня являются: 1) сохранение и поддержание балансного состояния языковой ситуации: обеспечение равных условий функционирования и развития языков народов России, с одной стороны, а с другой – повсеместное и полноценное функционирование русского языка как государственного на всей территории Российской Федерации; 2) повышение общей грамотности населения и уровня владения русским языком как в центральной России, так и в национальных республиках Российской Федерации; 3) регулирование миграционных потоков, обеспечение безопасности иностранных граждан в России, пребывающих в стране длительное время, путем обязательного требования владения русским языком на определенном уровне для осуществления бесконфликтной конструктивной коммуникации в трудовой деятельности и в основных сферах жизни; 4) реализация геополитических интересов государства: расширение зоны влияния, поддержание русскоязычной диаспоры за рубежом [15].

Стоит отметить, что проблема сохранения и поддержания балансного состояния языковой ситуации является одной из основных в языковой политике России. Федеративный характер государства, а также исторически сложившаяся многонациональная мозаика российского общества требуют реализации двух разнонаправленных, но не противоречащих друг другу векторов: с одной стороны, во что бы то

ни стало сохранить свой родной (хоть и миноритарный) язык и, соответственно, свою «малую» этнокультурную идентичность, а с другой — влиться в общий поток существующих реалий и быть полноправным и полноценным участником широкой коммуникации в рамках как своего многонационального государства, так и мирового сообщества. Таким образом, государственная стратегия, направленная на установление сбалансированной языковой ситуации в государстве, свидетельствует о положительной динамике языковой политики в целом [15].

Заключение

На основе вышеизложенного анализа языковой ситуации в Испании и ее сопоставительного анализа с языковой политикой Российской Федерации мы можем прийти к выводу, что для преодоления критической языковой ситуации в Испании необходимо разработать ряд мер.

Во-первых, следует осознать, что все происшедшее – это не просто промах языковой политики страны, не просто языковой вопрос и не проблема функционирования языков. Это проблема прав человека, начиная с детей, которые имеют право, как признает ЮНЕСКО и все международные организации, на образование на родном языке. Государство должно гарантировать использование нашего общего языка на всех этапах обучения, на всей территории Испании, так как педагогические последствия для ребенка, который не может обучаться на своем родном языке, влияют на его дальнейшую жизнь.

Во-вторых, исполнительная и судебная власть должна обеспечить соблюдение конституции и другого законодательства, и этот государственный контроль не должен зависеть от политической борьбы партий. Образование на родном языке является основополагающим и необходимым для формирования свободных, равноправных и уверенных в себе граждан. Официальные документы должны «всегда составляться на испанском языке в дополнение к другому официальному языку».

В-третьих, программы погружения, которые применяются для изучения второго языка, должны исходить из одной предпосылки – добровольного изучения второго языка. Недопустимо, как это происходит сейчас, заставлять молодое поколение проходить учебу на одном языке, отличающемся от его родного языка.

В-четвертых, те организации, которые имеются для поддержки испанского языка за рубежом (например, Институт Сервантеса, который, к слову, никак не реагирует на критическую ситуацию с испанским языком внутри страны), должны помогать и в другом направлении, так как под угрозой не испанский язык за рубежом, который развивается и без поддержки, а испанский язык внутри самой Испании. Необходимо создать крупные цифровые ресурсы на разных языках (в том числе и на других официальных языках страны) и программы по поддержке испанского языка.

В-пятых, должно быть одно постоянное направление в образовании, которое должно оставаться неизменным в зависимости от партии, которая находится у власти в данный момент. Законы о образовании должны быть согласованы между партиями страны, которые не имеют права их менять, если происходит смена власти.

Сравнительный анализ языковых ситуаций в Испании и России показал, что, хотя правовые рамки имеются в обеих странах, разница состоит в том, что в России языковая политика реализуется в соответствии с принятыми законами, а в Испании их выполнение зависит от политических интриг. Сделанные авторами выводы вносят вклад в научное осмысление проблемы состояния государственного языка в современной Испании.

Список литературы

1. Скачкова И.И. К вопросу о дефиниционных различиях понятий «Языковая политика» и «Языковое планирование» в отечественной и зарубежной лингвистике. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2015;1 (51):126-130. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-definitcionnyh-razlichiyah-ponyatij-yazykovaya-politika-i-yazykovoe-planirovanie-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-lingvistike>. Ссылка активна на 10.08.2023.

2. Соколовский С.В., Филиппова Е.И. Языковая политика, конфликты и согласие, 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва: РАИ;2018. Доступно по: <https://static.iea.ras.ru/news/LangPolicy.pdf>. Ссылка активна на 10.08.2023.

3. Castillo L. Las lenguas de España. Política lingüística, sociología del lenguaje e ideología desde la Transición hasta la actualidad.: Iberoamericana Editorial Vervuert, S.L. 2008. Доступно по: <https://www>.

academia.edu/9492300/Las_lenguas_de_España_Política_lingüística_sociología_del_lenguaje_e_ideología_desde_la_Transición_hasta_la_actualidad. Ссылка активна на 10.08.2023.

4. Гусман Тирадо Р. Кризис языковой политики в современной Испании. История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом. Москва: 2019;105-112. Доступно по: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42784300>. Ссылка активна на 10.08.2023.

5. Chen D. Políticas lingüísticas implícitas de España: logros y desafíos. *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación*. 2019;78:91-110. <http://dx.doi.org/10.5209/CLAC.64373>.

6. Польскова М.К. Национальная языковая политика Испании глазами носителей языков автономных областей каталония и валенсия. Сборник студенческих научных работ. 2021;1:24-31. Доступно по: <https://pstgu.ru/upload/iblock/cf8/cf8e3f5bef1a0f40606292128a4608d6.pdf>. Ссылка активна на 10.08.2023.

7. Шулятева Э.В. Языковая политика испании: прошлое и настоящее. *Грани Познания*. 2022;2(79):16-20. Доступно по: <https://sciup.org/jazykovaja-politika-ispaniiiproshloe-i-nastojashhee-148324205>. Ссылка активна на 10.08.2023.

8. Ferrín Pereira M., Bianculli A. C., Jordana J. Demandas lingüísticas y conflicto político en España. *Centro de Estudios Políticos y Constitucionales. Mº de la Presidencia. Madrid:2021*. Доступно по: https://www.researchgate.net/publication/357570883_DEMANDAS_LINGUISTICAS_Y_CONFLICTO_POLITICO_EN_ESPANA. Ссылка активна на 10.08.2023.

9. Алорс и Фонт Г. Языковая политика в Каталонии и националистический конфликт в Испании. *Языковая политика, конфликты и согласие*. ИЭА РАН; 2017;162-199. Доступно по: https://www.researchgate.net/publication/321864342_Azykovaa_politika_v_Katalonii_i_nacionalisticeskij_konflikt_v_Ispanii. Ссылка активна на 10.08.2023.

10. Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире. *Научный диалог*. 2013;5(17):8–28. Доступно по: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/19741/1/2013_17_001.pdf. Ссылка активна на 10.08.2023.

11. Alpatov V.M. Language policy in the contemporary world: monolingualism and bilingualism practice and language assimilation. *Comparative Politics Russia*. 2015; 4 (2(12)):11-22. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2013-4-2\(12\)-11-22](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2013-4-2(12)-11-22).

12. Евдокимова А.А. Отражение проблем национализмов языковой политике Испании. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2009;564:176-182. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/katastroficheskie-posledstviya-yazykovoy-politiki-ispanii-na-fone-yazykovoy-politiki-rossii>. Ссылка активна на 10.08.2023.

13. Марусенко М.А. Языковая политика Европейского союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та; 2014. Доступно по: <https://search.rsl.ru/record/01007522146>. Ссылка активна на 10.08.2023.

14. Собченко Т.А. Языковая политика в современной Испании. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016;5(47):53-54. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.031>.

15. Дербишева З. Языковая политика и языковая ситуация в Кыргызстане. *Russian Language Journal*. 2009;49-58.

16. Довгаль Н.Д. Языковая политика во Франции. Гуманитарные научные исследования. 2015;5(1). Доступно по: <https://human.snauka.ru/2015/05/11187>. Ссылка активна на 10.08.2023.

17. Алпатов В.М. Языковая ситуация в регионах современной России. *Отечественные записки*. 2005;2 (23). Доступно по: <https://strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-situaciya-v-regionah-sovremennoy-rossii>. Ссылка активна на 10.08.2023.

18. Дятленко П. Языковая политика и языковые реформы в государственном и национальном строительстве (аналитический обзор) *Социологическое обозрение*. 2007;6(3):49-59. Доступно по: <https://jle.hse.ru/index.php/sociologica/article/view/489>. Ссылка активна на 10.08.2023. <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/hsr/article/view/3320>

19. Мустафина Д. Н. Поддержка и развитие языкового многообразия в современной России. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2010;11:256–263. Доступно по: <https://uchimsya.com/a/p2NL3ir3>. Ссылка активна на 10.08.2023.

20. Тишков В. А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик). *Полис. Политические исследования*. 2019;3:127-144. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.08>.

21. Петрулевич И. А., Месропян Л. М. Современная языковая политика Российской Федерации: основные векторы и тенденции развития // *Гуманитарий Юга России*. 2016; 4:66-76. Доступно по: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/hsr/article/view/3320>. Ссылка активна на 10.08.2023.

22. Лалетина А. О. Глобализация и языковая политика в сфере образования: опыт России и США. *Политическая лингвистика*. 2013;1(43):158–163. Доступно по: <https://politlingvistika.ru/images/1-2013/17.pdf>. Ссылка активна на 10.08.2023.

23. Сафонова Ю.А., Свинцов В.В. Языковая политика и политика «грамоты». Интернетпортал «Грамота.ру» как инструмент языковой политики. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2014;13(9):23–28. Доступно по: <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/13-9-safonova-svintsov>. Ссылка активна на 10.08.2023.

24. Вербицкая Л.А. Задачи РОПРЯЛ и проблемы языкового и литературного образования в школе и вузе. *Российская академия образования*. 2015. Доступно по: <http://rusacademedu.ru/presscentre/doklad-lyudmily-verbickoj-zadachiropryal-i-problemy-yazykovogo-i-literaturnogoobrazovaniya-v-shkole-i-vuze/>. Ссылка активна на 10.08.2023.

References

1. Skachkova II. To the question of definitional differences of the concepts “Language policy” and “Language planning” in Russian and foreign linguistics. *Izvestiya of Volgograd State Pedagogical University*. 2015;1(51):126-130. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-definitsionnyh-razlichiyah-ponyatiy-yazykovaya-politika-i-yazykovoe-planirovanie-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-lingvistike>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).

2. Sokolovsky SV, Filippova EI. Linguistic policy, conflicts and consent, 2nd edition, corrected and supplemented. Moscow: RAI;2018. Available at: <https://static.iea.ras.ru/news/LangPolicy.pdf>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).

3. Castillo L. Las lenguas de España. Política lingüística, sociología del lenguaje e ideología desde la Transición hasta la actualidad.: Iberoamericana Editorial Vervuert, S.L. 2008. Available at: https://www.academia.edu/9492300/Las_lenguas_de_Espa%C3%B1a_Pol%C3%ADtica_ling%C3%BCstica_sociolog%C3%ADa_del_lenguaje_e_ideolog%C3%ADa_desde_la_Transici%C3%B3n_hasta_la_actualidad. Accessed August 10, 2023. (In Ital.).

4. Guzmán Tirado R. The crisis of language policy in contemporary Spain. *Modern history: informational resources, methods and research practices in Russia and abroad*. Moscow: 2019;105-112. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42784300>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).

5. Chen D. Políticas lingüísticas implícitas de España: logros y desafíos. *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación*. 2019;78:91-110. <http://dx.doi.org/10.5209/CLAC.64373>. (In Engl.).

6. Polskova MK. National language policy of Spain through the eyes of native speakers of languages of the autonomous regions of Catalonia and Valencia. *Collection of student research papers*. 2021;1:24-31. Available at: <https://pstgu.ru/upload/iblock/cf8/cf8e3f5bef1a0f40606292128a4608d6.pdf>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).

7. Shulyateva EV. Linguistic policy of Spain: past and present. *Graní Poznaniye*. 2022;2(79):16-20. Available at: <https://sciup.org/jazykovaja-politika-ispanskiiproshloe-i-nastojashhee-148324205>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).

8. Ferrín Pereira M, Bianculli AC, Jordana J. Demandas lingüísticas y conflicto político en España. Centro de Estudios Políticos y Constitucionales. M° de la Presidencia. Madrid:2021. *Centre for Political and Constitutional Studies. M° de la Presidencia*. Madrid:2021. Available at: https://www.researchgate.net/publication/357570883_DEMANDAS_LINGUISTICAS_Y_CONFLICTO_POLITICO_EN_ESPANA. Accessed August 10, 2023. (In Ital.).

9. Alors and Font G. Language policy in Catalonia and the nationalist conflict in Spain. *Language policy, conflict and consent*. IEA RAN; 2017;162-199. Available at: https://www.researchgate.net/publication/321864342_Azykovaa_politika_v_Katalonii_i_nacionalisticeskij_konflikt_v_Ispanii. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).

10. Alpatov VM. Linguistic policy in the modern world. *Scientific Dialogue*. 2013;5(17):8-28. Available at: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/19741/1/2013_17_001.pdf. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).

11. Alpatov VM. Language policy in the contemporary world: monolingualism and bilingualism practice and language assimilation. *Comparative Politics Russia*. 2015; 4(2(12)):11-22. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2013-4-2\(12\)-11-22](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2013-4-2(12)-11-22). (In Engl.).

12. Evdokimova AA. Reflection of the problems of nationalism in the language policy of Spain. *Bulletin of Moscow State Linguistic University*. 2009;564:176-182. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/katastroficheskie-posledstviya-yazykovoy-politiki-ispanii-na-fone-yazykovoy-politiki-rossii>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).
13. Marusenko MA. Language policy of the European Union: institutional, educational and economic aspects. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; 2014. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007522146>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).
14. Sobchenko TA. Linguistic policy in modern Spain. *International research journal*. 2016;5(47):53-54. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.031>. (In Russ.).
15. Derbisheva Z. Language policy and language situation in Kyrgyzstan. *Russian Language Journal*. 2009;49-58. (In Russ.).
16. Dovgal ND. Language policy in France. *Humanitarian scientific research*. 2015;5(1). Available at: <https://human.snauka.ru/2015/05/11187>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).
17. Alpatov VM. Linguistic situation in the regions of modern Russia. *National notes*. 2005;2(23). Available at: <https://strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-situaciya-v-regionah-sovremennoy-rossii>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).
18. Dyatlenko P. Language policy and language reforms in state and national construction (analytical review). *Sociological Review*. 2007;6(3):49-59. Available at: <https://jle.hse.ru/index.php/sociologica/article/view/489>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).
19. Mustafina DN. Support and development of linguistic diversity in modern Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2010;11:256-263. Available at: <https://uchimsya.com/a/p2NL3ir3>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).
20. Tishkov VA. Linguistic situation and language policy in Russia (revision of categories and practices). *Polis. Political research*. 2019;3:127-144. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.08>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).
21. Petrulevich IA, Mesropyan LM. Modern language policy of the Russian Federation: main vectors and development trends. *Humanities of the South of Russia*. 2016; 4:66-76. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/hsr/article/view/3320>. Accessed August 10, 2023. 10.08.2023. (In Russ.).
22. Laletina AO. Globalisation and language policy in education: the experience of Russia and the USA. *Political linguistics*. 2013;1(43):158-163. Available at: <https://politlinguistika.ru/images/1-2013/17.pdf>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).
23. Safonova YA, Svintsov VV. Language policy and the policy of “Gramota”. Internet portal “Gramota.ru” as a tool of language policy. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, philology*. 2014;13(9):23-28. Available at: <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/13-9-safonova-svintsov>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).
24. Verbitskaya LA. Tasks of ROPRYAL and problems of language and literary education at school and university. *Russian Academy of Education*. 2015. Available at: <http://rusacademedu.ru/presscentre/doklad-lyudmily-verbickoj-zadachiropryal-i-problemy-yazykovogo-i-literaturnogoobrazovaniya-v-shkole-i-vuze/>. Accessed August 10, 2023. (In Russ.).

История статьи:

Получена: 24.07.2023

Принята: 17.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 24.07.2023

Accepted: 17.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторе:

Гусман Тирадо Рафаэль, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета, Гранада, Испания; *e-mail*: rguzman@ugr.es.

Bionote:

Rafael Guzman Tirado, Prof.Dr.habil. (Philol.), Professor of the Department of Greek and Slavic Philology, University of Granada, Granada, Spain; *e-mail*: rguzman@ugr.es.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-221-238>

Mother Tongues and Teaching English as a Foreign Language: A Case Study**Claude Wakenge Malekani**

University of Kinshasa, District of Plateau des Residents,
T 18 House, Kinshasa, Democratic Republic of Congo;
ORCID ID: 0000-0001-6931-0689;
e-mail: wakenge@gmail.com

Abstract: This paper examines the role of mother tongues in the teaching of English as a foreign language at the University of Kinshasa in the Democratic Republic of Congo (DRC). The purpose of the study is to determine the perfect mother tongue of students and to evaluate the efficacy of translanguaging methods in the teaching of English as foreign language. The research used three types of data, including quantitative, qualitative, and test data, as well as a survey conducted among 250 students at the Faculty of Arts. The results of the study suggest that translanguaging methods should be adopted to meet the needs of the country, particularly when English is combined with one of the local languages or French, in order to improve the understanding of students and their academic performance, particularly for those Congolese Learners of English who are not exposed to English often.

The main problem in this study is that the learners at the University are learning English as an academic subject and a medium of instruction that they do not understand very well. However, the concept of 'mother tongue' (MT) is very important in learning other languages including a foreign language. This is especially true for students who live in a multilingual environment like DRC who have to follow and understand certain subjects taught in English. Most of them do not have their own unique and same mother tongue. For example, there are situations where a person speaks two basic languages, one is Congolese and the other is a second language. For example, someone who has been extensively exposed to a non-Congolese language like French since birth in addition to their Congolese language.

Keywords: translanguaging, perfect mother tongue, foreign language, local language, teaching methods, multiple mother tongue.

For citation: Wakenge Malekani C. Mother Tongues and Teaching English as a Foreign Language: A Case Study. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 221–238. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-221-238> (In Russ.).

Оригинальная статья

УДК 811.432+81'246.2

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-221-238>

**Родные языки и преподавание английского как иностранного:
кейс-исследование****Клод Вакенге Малекани**

Университет Киншасы, Киншаса,
район Плато де Резиденс, Т18, Демократическая Республика Конго;
ORCID ID: 0000-0001-6931-0689;
e-mail: wakenge@gmail.com

Резюме: В данной статье рассматривается использование нескольких родных языков в преподавании английского языка как иностранного в Демократической Республике Конго. Целью исследования

является установление совершенного многоязычия студентов и оценка эффективности многоязычного метода в преподавании английского языка.

В исследовании использовались три типа данных, собранных с помощью количественных, качественных методов, тестовых данных, проводился опрос 250 студентов Университета Киншасы. Исследование рекомендует использовать многоязычный подход, адаптированный к реалиям страны, для улучшения преподавания и изучения английского языка как иностранного.

Исследование показало, что использование родного языка окажет существенное влияние на понимание материала учащимися, так как многие студенты заявили, что метод транслангвизации оказывает потенциальное влияние на процесс обучения и был полезен для них с точки зрения понимания материала.

Таким образом, если бы в конголезских университетах был разрешен транслангвистический или многоязычный подход, это могло бы стать более эффективным методом обучения. В конечном счете, использование транслангвистического или многоязычного подхода в конголезских университетах может улучшить понимание студентами предметов и повысить академическую успеваемость бакалавров.

Ключевые слова: перевод, идеальный родной язык, иностранный язык, местный язык, методы обучения, множественный родной язык.

Для цитирования: Вакенге Малекани К. Родные языки и преподавание английского как иностранного: кейс-исследование. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 221–238. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-221-238>.

INTRODUCTION

1. The problem

One fact related to an obvious influence of the mother tongue in learning a foreign language is a personal experience in teaching English as a practitioner at a private college in Kinshasa. I then realised that learners understood better the material taught in English with the support of French and Lingala than in English alone.

Another fact related to the same phenomenon is the report of a colleague practionner involved in teaching mathematics at the Faculty of Medicine in the same university, that his use of Lingala in addition to French yielded better results than the use of French alone.

This double experience made me believe that the use of mother tongue(s) could have a positive impact on the teaching and learning of English as a foreign language. This is the concern of this article which aims at showing the positive impact of multilingualism or mother tongues on the learning of English by some students of Communication Department of the University of Kinshasa.

2. Research objectives

Triple objectives pursued in this paper are the following:

-To establish the perfect multilingualism of the concerned learners.

-To demonstrate the positive impact of multilingualism as mother tongue(s) in learning and teaching English as a foreign language.

-To suggest an appropriate teaching approach to help out in EFL classrooms.

3. A THEORETICAL BACKGROUND

Atkinson [1] argues that little attention is paid to mother tongue in teaching English as a foreign language, and this lack of methodological guideline is probably responsible, at least in part, for the uncertainty that many teachers both experienced or new, feel about it whether or not to use the mother tongue in the classroom.

In fact, the use of mother tongue has undergone an oscillating movement from overuse to prohibition in the literature.

Duff [2] argued in the same direction for the importance of L1, stating that this affects how we think, and, to some extent, how we deal with foreign languages.

Auerbach [3] gave examples of the following situations where mother tongue use is good: a) speaking; b) classroom management; c) speech analysis; d) interpretation of grammatical rules; e) diversity negotiation is difficult; f) teaching; g) Troubleshooting.

Similarly, Poulisse and Bongaerts [4] investigated causes for changing codes when teachers switch from L1 to L2 or L2 to L1 while teaching.

Code switching can be used to address language needs or to achieve social/psychological goals such as: to get students' attention, to express emotions, to change the subject and so on.

This always refers to example (f), directions from Auebarch [3] Cristovao's [5] recommendations show the advantages of using L1 as a "bridge language" for learning L2.

It also highlights that L1 and L2 can be developed simultaneously not only by incorporating concepts and word structures, but also as a tool for teachers to understand L2 processes and classroom relationships.

African languages were created through generations of ignorance, isolation, and personal traumas of speakers. All this adds to the misconception, because many now believe that the only way to study is to learn a real language like English. [6].

The fourth factor is the student's ability to acquire specific L2 skills that may be needed outside of the classroom [7].

Tang [8] prefers L1, although he states that L1 is not the main language of communication, but instead plays a "supportive and motivating role in the classroom." In addition, she believes that learning her mother tongue can help students become aware of the similarities and differences between different cultures and languages, which can increase the accuracy of the translation.

Butzkamm [9] talked about comfort and confidence, saying that using L1 in the classroom can encourage students to feel relaxed and confident.

According to Deller [10], L1 should be used as a tool to identify differences and similarities between two languages to promote fluency and productivity so that the group is strong and receives positive feedback from students.

He agreed with Tudor [11] and Atkinson [1] that "ELT professionals often teach translation or use language as a time-saving strategy."

Further studies in the Democratic Republic of Congo on multilingualism involving Mother tongues including Malekani [12], Nsimambote [13], Malekani [12] investigated on the mother tongue effect of some students in Kisangani and the result of research has shown that they are trilingual in Kiswahili, Lingala and French, as reflected in the MT effect total scores.

This conclusion requires that three MTs be considered instead of one in any contrastive analysis (CA), error analysis (EA), interlanguage (IL), or other applied linguistics studies covering the Congolese region that is the subject of this investigation is Kisangani (Eastern part of DRC) Malekani [14] conducted another socio-linguistic investigation to examine the multilinguality of students from Kisangani and Kinshasa at the Faculty of psychological and Pedagogical sciences; and the study confirmed the perfect multilingualism in Kiswahili, Lingala and French.

Nsimambote [13] suggested a quantitative procedure in identifying MTs by contrasting it with the scoring principle outlined by Malekani [15]. His study concluded that the quantitative procedure awards more accurate scores to base languages than the scoring principle one.

4. DATA ANALYSIS AND COLLECTION

The researcher collected data from the University students, specifically in the municipality of Lemba. The reason for the choice is simple: the researcher wanted to conduct the survey in a location where expertise is readily available. To collect reliable data, it is important for the researcher to identify the source for easy collection of data and then know the procedures and tools to be used to collect those data required for the study.

The research instruments used to collect data in the study are: observation, interview, video recording and questionnaires starting from data of primary sources. That is, the data is collected directly from the students themselves.

4.1. POPULATION AND SAMPLING METHODS

4.1.1. POPULATION

Polit and Hanger (1999) define the study population as group of participants having the same characteristics.

The study population is students of the University of Kinshasa. They are members of the same socio-occupational group. This choice can be justified as they belong to the same classroom and are first year students. Another justification is the fact that some of them were available to take part in the research.

4.1.2. SAMPLING METHODS

The type of sampling method used here is the simple random sampling. Thus, to limit this research to a case study, the Department of Communication was chosen as part of the Faculty of Arts at the University of Kinshasa. In this Department, first year students were particularly selected for both questionnaire and interview. Only 25 (10 %) of the existing students took part in the face-to-face interview.

The interview was scheduled after a week. It took place in a café, where the interviewee was offered a bottle of water during the conversation.

The interview occurred just after the week the researcher has collected the data from questionnaires filled out by the students. This happened in a café where the interviewee was offered a bottle of water during the interview.

4.2. THE DATA

As mentioned earlier, this article used three types of data namely quantitative data, qualitative data, and tests. Quantitative data were drawn through a psycho-social-linguistic questionnaire and qualitative ones were drawn through interview. The test was submitted to the concerned students to reveal the positive impact of translanguaging strategy.

4.3. DESCRIPTION OF THE INSTRUMENTS

THE SOCIO-PSYCHOLINGUISTIC QUESTIONNAIRE

Three instruments were used to collect data. For data 1, the survey questionnaire served as instrument. The interview allowed to collect data 2 and the tests submitted to the students concerned allowed to draw data 3.

4.3.1. THE SURVEY SOCIO -PSYCHOLINGUISTIC QUESTIONNAIRE

The purpose is to determine the perfect mother tongue of the respondents according to the methodology about how to build perfect multilingualism that needs to consider a multilingual person's abilities as suggested by Nsimambote (2023). The survey questionnaire consists of 17 questions divided into two sections: identification variables and variables for research interests.

4.3.2. THE INTERVIEW

The researcher invited few students to an interview in a café which means out of 250 students in total, 25 have been selected representing one tenth (25%). The choice of this setting can be explained by the fact that the researcher wanted to motivate respondents to take part in the study which also had psychological significance. The interview had ten questions which were all open-ended.

4.3.3. THE TEST

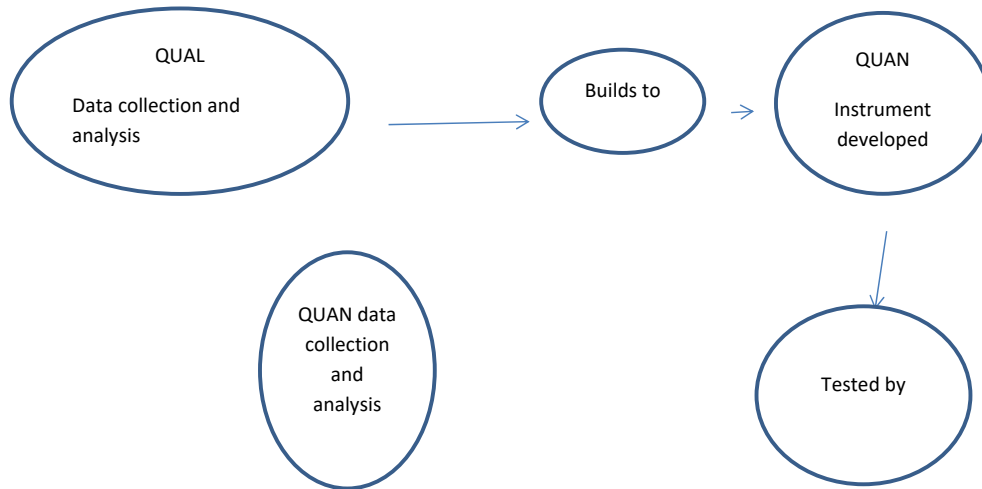
A test has been submitted to respondents. Before the test, there was teaching course based on grammar only by using a monolingual method, in other words, English -only teaching and another method used later with the strategy of translanguaging. The results of the two tests demonstrated the positive impact mother tongues or perfect multilingualism of the respondents with translanguaging method.

In grammar, the lesson about the reported speech was chosen to be taught by a young teaching assistant who collaborated with the the researcher wearing a sociolinguist's hat, who both observed and tested students at the end of lesson session. The key points to be taught were: Defining reported speech by specifying direct and indirect speech. Reporting a direct speech into indirect one illustrating the different changes that are due while putting a direct speech into indirect one. This study has used double sequential explanatory model of mixed methods following the two models of diagram presented below:

The diagram 1 I used for this study is as follows:

Phase →	Products
Quantitative data collection →	Numeric data
Quantitative data analysis →	Descriptive statistics
Case selection : interview protocol development →	Cases and interview protocol
Qualitative data collection →	Text data(interview)
Qualitative analysis →	Codes and themes
Integration of the quantitative and qualitative results →	Discussion implications and future research

The diagram 2 for this model is below:

These charts are used to guide the reader and tables to present the data, followed by Excel-based graphs or histograms.

Data analysis

As argued by Kothari [16] observation is a scientific method used as tool for collection of data for researchers when they have research goals to reach in a systematically planned and recorded way. The researcher also has used observation in this study.

By observing, I recorded on my telephone recorder everything happening simultaneously in the classroom. I concentrated on translanguaging method. I chose this method because I wanted to observe language use during the lesson. Some lessons were held outdoors or in the open air. I even found one group of students who studied together but used a local language to explain lessons to each other.

This method appears to be an appropriate tool to have data from a practical perspective, based on observations for teaching English course. Another example is when I observed how teachers and students use languages in the classroom, and was surprised to observe a teacher explaining philosophy course in Lingala, or providing difficult concepts or assignments to students who did not understand them. In other cases, I observed how students asked questions to teachers, how they responded to the teacher’s questions, and the manner in which the teacher interacted with students. It is evident that the students do not speak English fluently, as they have difficulty expressing themselves.

Figure 1

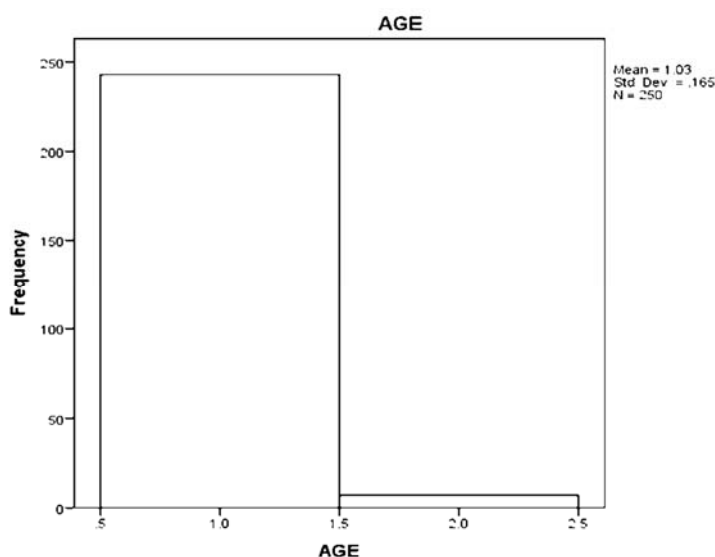
In the histogram in Figure 1, the bar indicates the number of values in each range, with the first bar ranging from 150 to 200 for female gender (165) and the bar ranging from 50 to 100 for male gender (85).

Table 1: Presentation of respondents by gender

GENDER	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
MALE	85	34	34	34
FEMALE	165	66	66	100
Total	250	100	100	

In the table 1, as you can see in the first table, a total of 250 respondents were randomly selected to answer the questionnaire. At the end of the survey, it turned out that there were more women than men, so the number of female respondents 165 (66%) was greater than the number of male respondents 85 (34%).

Figure 2

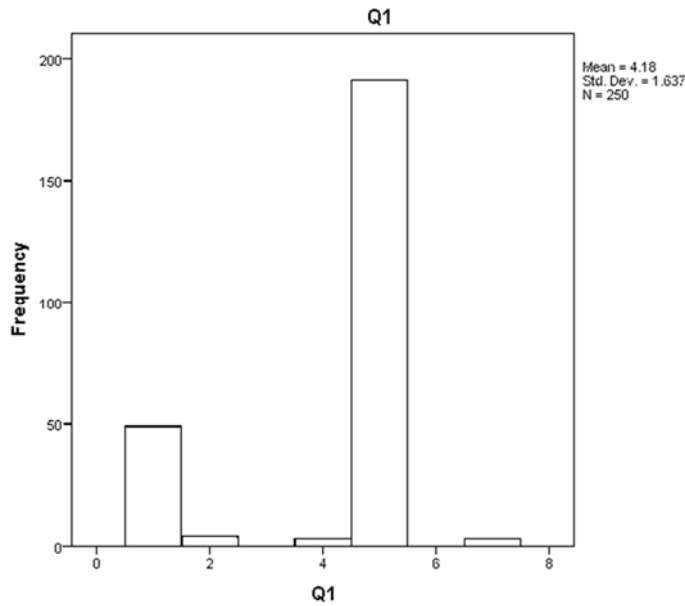
In Figure 2, the bar shows the number of values in each range, with the first bar tending to be 243 for respondents aged 18-25 and the bar tending to be 7 for respondents aged 26-29.

Table 2: Presentation of respondents by age

AGE	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
18-25	243	97.2	97.2	97.2
26-29	7	2.8	2.8	100
Total	250	100	100	

In the second table, we found that of the 250 respondents who took part in the survey, the age group between 18 and 25 was the most numerous, namely 243 in total, or (97.2%) and very few, namely 7 between the ages of 26 and 29, i.e. (2.8%).

Figure 3

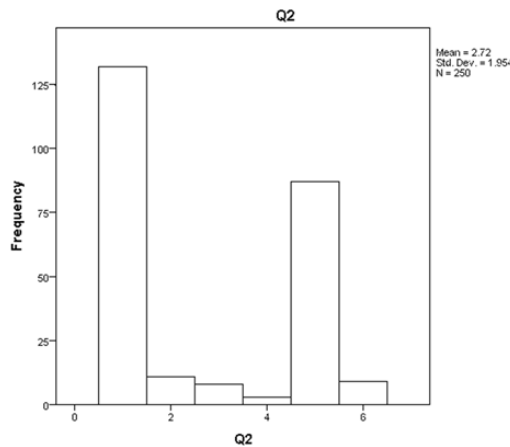
In Figure 3, the highest bar is that of French, reaching a threshold of 191, while the bar for Lingala slows down to 49, that of Kikongo is limited to 4, approximately 3, which is the limit for Swahili and other languages.

Table 3: language of choice used in court

LANGUAGE	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
LINGALA	49	19.6	19.6	19.6
KIKONGO	4	1.6	1.6	21.2
KISWAHILI	3	1.2	1.2	22.4
FRENCH	191	76.4	76.4	98.8
OTHER	3	1.2	1.2	100
Total	250	100	100	

This table clearly shows that among all the mother tongues used by respondents, French is the most common and used by most of them, especially when it comes to choose the language to be used during a trial in court. In total there were respondents 191 (76%), followed by Lingala with respondents 49 (19.6%) and the remaining languages: Kikongo 4 (1.6%), Kiswahili 3 (1.2%) and others.

Figure 4

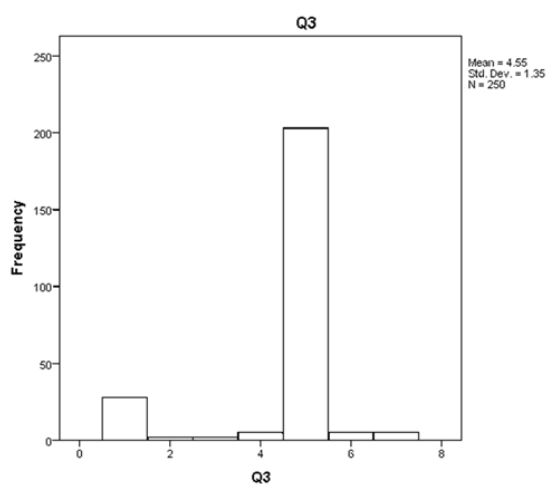
In Figure 4 there are two very noticeable bars, one for Lingala (132) and one for French (87). The bar at level 11 is for Kikongo, 9 for English, 8 for Ciluba and 3 for Swahili.

Table 4: choice of language used when quarrelling

LANGUAGE	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
LINGALA	132	52.8	52.8	52.8
KIKONGO	11	4.4	4.4	57.2
CILUBA	8	3.2	3.2	60.4
KISWAHILI	3	1.2	1.2	61.6
FRENCH	87	34.8	34.8	96.4
ENGLISH	9	3.6	3.6	100
Total	250	100	100	

The results of the survey show that our respondents tend to use Lingala, one of the local languages but also the mother tongue for some, and which most of them use during an argument, as the table shows 132 in total and percentage, i.e. 132 (52.8%), directly followed by French, which although not the mother tongue, has a great influence on these 87 respondents in total, i.e. 87 (34.8%).

Figure 5

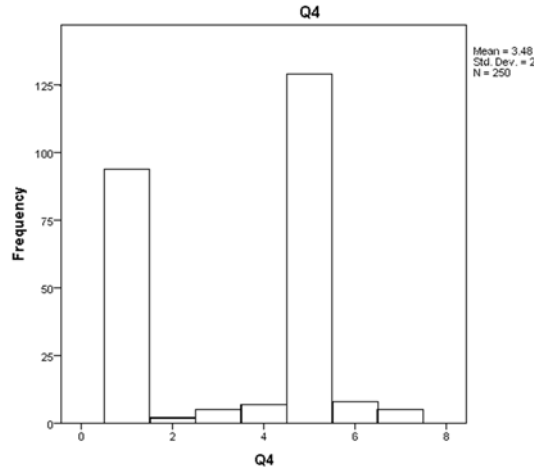
In the histogram in Figure 5, the bar showing the number of answers tends towards 203 for the French language and 28 for the Lingala language, while Swahili, English and others are at the same level of 5 and the bar for Kikongo and Ciluba is at level 2.

Table 5: language of choice by respondent in the case of difficulty

LANGUAGE	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
LINGALA	28	11.2	11.2	11.2
KIKONGO	2	0.8	0.8	12
CILUBA	2	0.8	0.8	12.8
KISWAHILI	5	2	2	14.8
FRENCH	203	81.2	81.2	96
ENGLISH	5	2	2	98
OTHER	5	2	2	100
Total	250	100	100	

As for this table, French was still at the top of the list with a high percentage 203 (81.2%), which means that they use French in case of difficulty or for help.

Figure 6

The histogram in Figure 6 shows that French scores very high, followed by Lingala, 8 for English, 7 for Swahili, 5 for Ciluba and others, and 2 for Kikongo.

Table 6: language of choice by respondent in the case of difficulty

LANGUAGE	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
LINGALA	94	37.6	37.6	37.6
KIKONGO	2	0.8	0.8	38.4
CILUBA	5	2	2	40.4
KISWAHILI	7	2.8	2.8	43.2
FRENCH	129	51.6	51.6	94.8
ENGLISH	8	3.2	3.2	98
OTHER	5	2	2	100
Total	250	100	100	

The results of this table show that when it comes to resorting to a language when there is difficulty in following or understanding the English course, French predominates with 129 (51.6%) followed by Lingala with 94 (37.6%).

Figure 7

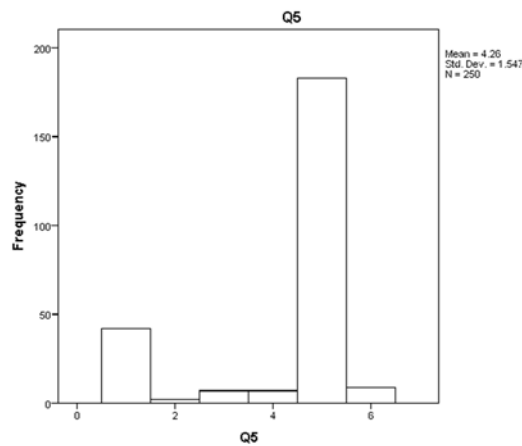

Figure 7 shows that French is ranked 183th, Lingala 42nd, English is ranked 9th, Ciluba & Swahili are ranked 7th, and Kikongo is ranked 2nd.

Table 7: language of choice for intimate relationships

LANGUAGE	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
LINGALA	42	16.8	16.8	16.8
KIKONGO	2	0.8	0.8	17.6
CILUBA	7	2.8	2.8	20.4
KISWAHILI	7	2.8	2.8	23.2
FRENCH	183	73.2	73.2	96.4
ENGLISH	9	3.6	3.6	100
Total	250	100	100	

This table presents intimate relationships and the results show that French is the language they use most 183(73.2%), followed by Lingala 42 (16.8%), then English 9 (3.6%) and the others (Swahili and Ciluba) with 7 (2.8%) each.

Figure 8

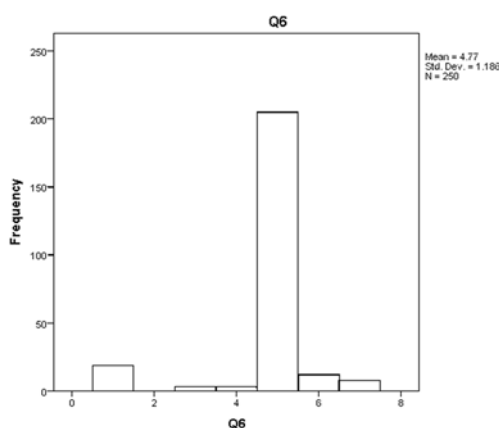

Figure 8 shows that French is the best choice of media, with the bar rising to 205, compared with 19 for Lingala, 12 for English, 8 for Other and 3 for Ciluba and Swahili.

Table 8: language of choice for media

LANGUAGE	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
LINGALA	19	7.6	7.6	7.6
CILUBA	3	1.2	1.2	8.8
KISWAHILI	3	1.2	1.2	10
FRENCH	205	82	82	92
ENGLISH	12	4.8	4.8	96.8
OTHER	8	3.2	3.2	100
Total	250	100	100	

It was obvious that French might be the preferred language for their television programmes or films, given that most of our channels broadcast films in French and programmes in French, and the survey confirms this, as French comes first with a high score 205 (82%), followed by Lingala and English respectively 19 (7.6%) and English 12 (4.8%).

Figure 9

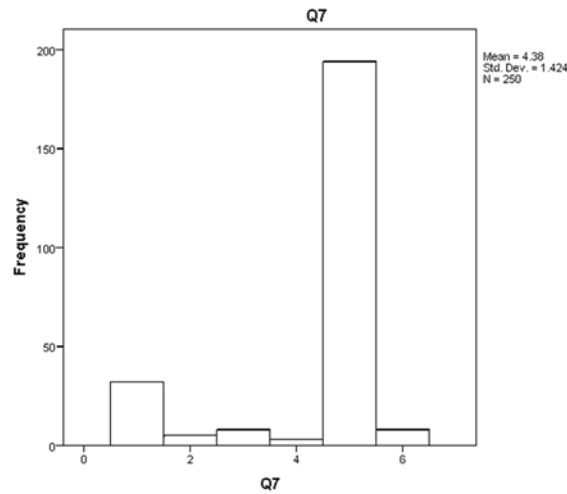

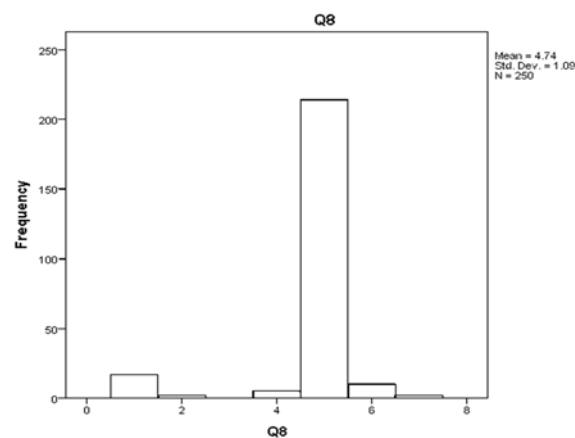
Figure 9 shows the bar for French at 194, Lingala at 32, Ciluba and English at 8, Kikongo at 5, and Swahili at 3.

Table 9: easy language to use for writing

LANGUAGE	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
LINGALA	32	12.8	12.8	12.8
KIKONGO	5	2	2	14.8
CILUBA	8	3.2	3.2	18
KISWAHILI	3	1.2	1.2	19.2
FRENCH	194	77.6	77.6	96.8
ENGLISH	8	3.2	3.2	100
Total	250	100	100	

Most of the respondents stated that they prefer to write in French rather than in other languages, as the result of the research indicates 194 (77.6%), followed by Lingala 32 (12.8%), thus answering question 7.

Figure 10

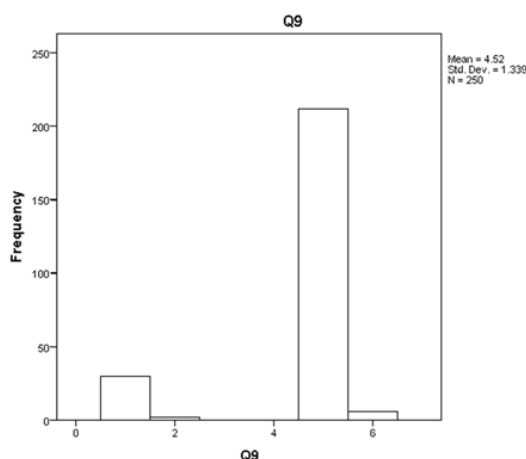
In Figure 10, the French language bar has a very notable value of 214, while Lingala is capped at 17, English at 10, Swahili at 5, and 2 for others and Kikongo.

Table 10: easy language for test

LANGUAGE	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
LINGALA	17	6.8	6.8	6.8
KIKONGO	2	0.8	0.8	7.6
KISWAHILI	5	2.0	2.0	9.6
FRENCH	214	85.6	85.6	95.2
ENGLISH	10	4	4	99.2
OTHER	2	0.8	0.8	100
Total	250	100	100	

The result of the research reveals that French is the preferred language of most of our respondents with 214(85.6%) as shown in the graph and this is justified by the fact that most written tests or assignments are written in French including course notes and so on, followed by Lingala 17(6.8%) and English in third position 10 (4%).

Figure 11

In Figure 11 there is a very prominent bar for the French language, Lingala at 30, English at 6 and Kikongo at 2.

Table 11: language used for education

LANGUAGE	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
LINGALA	30	12	12.	12
KIKONGO	2	0.8	0.8	12.8
FRENCH	212	84.8	84.8	97.6
ENGLISH	6	2.4	2.4	100
Total	250	100	100	

It is not surprising to find that French is the respondents' preferred choice since it is assumed that both school and university students are taught mostly in French during their schooling, and the French language must have had some influence on them; in other words, they used French most often during their secondary school education, and the research confirms this, i.e. 212 (84.8%).

Figure 12

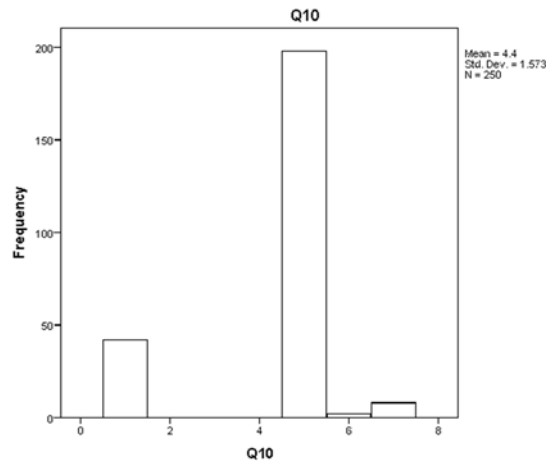

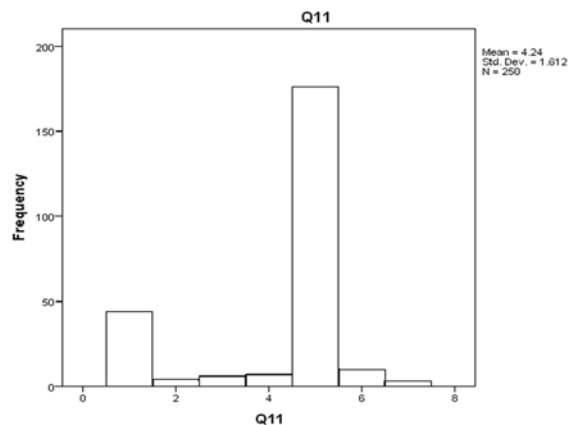
Figure 12 shows a chart with a very high bar for French at 198, Lingala at 42, 8 for Other and 2 for English.

Table 12: language of tutoring or explaining course among themselves

LANGUAGE	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
LINGALA	42	16.8	16.8	16.8
FRENCH	198	79.2	79.2	96
ENGLISH	2	0.8	0.8	96.8
OTHER	8	3.2	3.2	100
Total	250	100	100	

The result of the research indicates that French remains the preferred language for explaining lessons to each other, especially when the lesson was taught in English 198 (79.2%) or immediately followed by Lingala 42 (16.8%).

Figure 13

This graph shows how high the bar is for French: 176, Lingala 44, English 10, Swahili 7, Ciluba 6, Kikongo 4 and finally 3 for others.

Table 13: language of preaching in the church

LANGUAGE	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
LINGALA	44	17.6	17.6	17.6
KIKONGO	4	1.6	1.6	19.2
CILUBA	6	2.4	2.4	21.6
KISWAHILI	7	2.8	2.8	24.4
FRENCH	176	70.4	70.4	94.8
ENGLISH	10	4	4	98.8
OTHER	3	1.2	1.2	100
Total	250	100	100	

In answer to question 11, the survey revealed that they preferred their pastor to preach in French 176 (70.4%) and Lingala 44 (17.6%), with very few opting for other languages (English and so on).

Figure 14

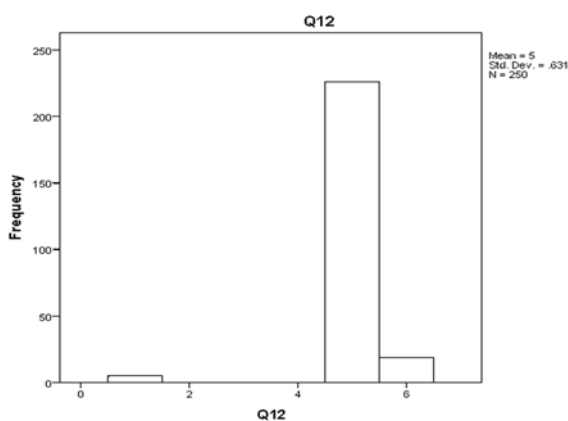

Figure 14 shows that the French language bar is set to 226, English to 19, and Lingala to 5.

Table 14: language of choice for teaching.

LANGUAGE	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
LINGALA	5	2	2	2
FRENCH	226	90.4	90.4	92.4
ENGLISH	19	7.6	7.6	100
Total	250	100	100	

For table 14, the results of the survey show that most respondents prefer to be taught in French for better understanding 226 (90.4%), followed by English (7.6%), finally few of them prefer to be taught in Lingala 5 (2%) as shown in this table above.

Figure 15

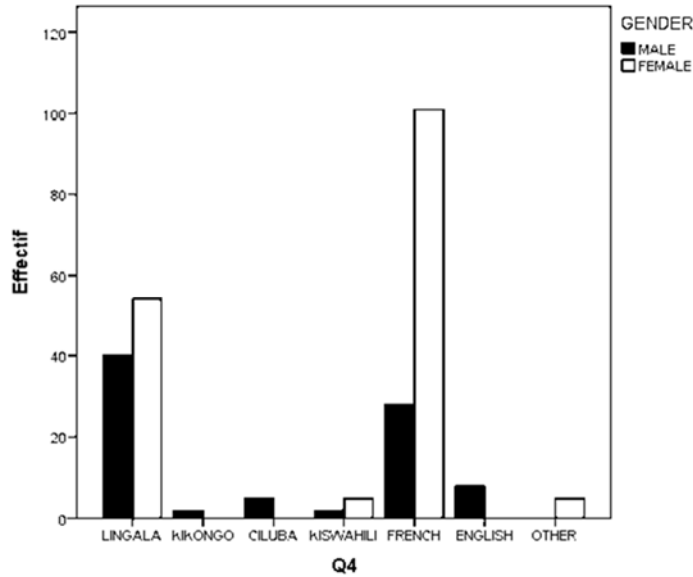

Figure 15 shows us the bars that rise in pairs depending on the language. For the French language it is 101 for women and 28 for men, while for the Lingala language it is 54 for women and 40 for men. This means that women generally use French while men tend to use Lingala.

Table 15

LANGUAGE	GENDER		TOTAL
	MALE	FEMALE	
LINGALA	40	54	94
KIKONGO	2	0	2
CILUBA	5	0	5
KISWAHILI	2	5	7
FRENCH	28	101	129
ENGLISH	8	0	8
OTHER	0	5	5
Total	85	165	250

The result in the table 15 makes it clear that French and Lingala are the dominant languages that learners easily use, but we also see that it is the female students who use more French, while the male students use Lingala.

METHODS

The researcher has used a method which is not yet common in my country and a model to collect and analyse data. The researcher has used a more systematic way to present the results of research.

Combination of questionnaires, interviews and tests have been used to collect different data necessary for this study. The researcher has distributed questionnaires to all selected students. It was done systematically. Each student was given a questionnaire to answer, but not all answered in the same way. The research site was University of Kinshasa, which is near the residence of the researcher. The target population was first-year LMD students of the Faculty of Arts.

The purpose of the interviews conducted by the researcher was to collect data directly from the learners. The semi-structured interview questions were open-ended and allowed respondents to express their views on which languages to use in which situations. The interviews were conducted by asking questions regarding local

languages they use more on campus or in classroom settings, as well as the reasons for or against the use of the mother tongue in classroom settings. The researcher chose the semi-structured interview technique where participants were allowed to express their views freely.

RESULT

According to the research results, the majority of students prefer to use the French language and Lingala language to some degree. This is logical as they use the French language more when talking or discussing in the classroom. The number and percentage are shown in the graphs and tables of the study. In this study, the sample size was selected systematically by randomly selecting three students per bench for the questionnaires. However, only 25 students selected randomly in the classroom participated in the interview. The survey revealed that the majority of respondents belong to the age bracket of 18 to 25 years, which is the majority age group. There were 11 girls in the group and 14 boys who were selected for the interview. The research results of the interview are as follows: 1. For the purposes of defending oneself in court, the majority preferred the use of French language (23 / 25) and only 2 preferred Lingala language (10 / 2). 2. Out of the respondents 13 preferred French language, 10 preferred Lingala language and 2 preferred Kikongo language.

When communicating, French was the language of choice for 17/25, followed by Lingala for 5/25, English for 2/25, and Ciluba for 1/25. When writing, French was the preferred language for 18/25, Lingala for 6/25, Swahili for 2/25 and English for 1/25, respectively. When thinking, French was preferred for exam and quiz writing for 19/25 and Lingala for Lingala (4) for Lingala (1). When explaining the lesson, Lingala was preferred for some (5) and French was preferred for others (17/25). When in church, the preferred language was Lingala for 16/25; French for 7/25; English for 8/25; Lingala for 10/25 (except Lingala for emergency situations).

To sum up, we know that in most of these cases (and for practicality reason), there is a tendency to always link the dominant language of the verbal repertoire to the target language to make it easier to understand the English language lessons and other subjects elsewhere, and perfect mother tongues play a big role in this.

Result of monolingual method

To do this, we followed a schedule like this: first, we had 4 days for classes, then 2 days for tests, with breaks in between. After getting everyone's approval, especially the teachers, we had the first day to teach the English course. This was a direct-and-indirect discourse English grammar lesson using the monolingual approach. The test scores showed a lack of skill, with more people failing than succeeding. This was due to the fact that a lot of students couldn't master the English language they were taught in class, since they didn't know the pronunciation. Some of them couldn't even write in English. Plus, psycholinguistically, some of the students weren't interested in learning English, and weren't motivated to learn or practice when they were in the class. So, when they were getting ready for exams, we had them explain things in different languages.

Result of multilingual method

The results of the second test, conducted according to the translanguaging method, which involved the use of two languages in teaching, were confirmed by the results of the study. The selection of these two languages was not hazardous, as the results of the questionnaire and interviews indicated that students preferred the use of the two languages over any other. This is further confirmed by the fact that the two languages are the dominant languages of the country, with Lingala being the official language and French being the lingua franca. This is due to the fact that Lingala is the dominant language of the area, while French is the sole language of primary, secondary, and university education used in the majority of the cities in DRC. Several other factors may also have contributed to the choice of these two languages.

CONCLUSION

After conducting this study on mother tongue and teaching English, the researcher has concluded that mother tongue plays a significant role in English language learning at University of Kinshasa, particularly at the Faculty of Arts. To help weak students better understand lessons and to assist teachers who may not always be able to convey scientific knowledge from a foreign language (English) to students by applying the translanguaging method. This research is going to help Congolese teachers or language policy makers to better understand the real challenges our education system faces and suggest specific solutions to improve education policy from an education perspective and to make recommendations to English teachers. This result supports our hypothesis and confirms what UNESCO has long said: children learn better in their mother tongue.

Recommendations

Recommendations for English teachers

At the university level, investment in both local and foreign language is an important factor that should be taken into account by teachers as it offers some advantages for learners to be taught in both local and foreign languages and the possibility of teaching English course in that local language for better understanding allow to assess whether they achieve higher academic achievement by using translanguaging method.

References

1. Atkinson D. The Mother Tongue in the classroom. A Neglected Resource? *Teaching English as a foreign language. Selected Extracts Olomouc*. University of Palackeho; 1989. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/English-Mother-Tongue-Instruction-Hidden-Curriculum-Mazur-Andersson/31842d6b0c009a82acdf8fe95d94b0f18c0f2f5d>. Accessed July 02, 2023.
2. Duff A. Translation. Oxford: Oxford University Press; 1989. Available at: https://elt.oup.com/bios/elt/d/duff_a?cc=ru&sellLanguage=ru. Accessed July 02, 2023.
3. Auerbach ER. Re-examining English only in the ESL classroom. *TESOL Quarterly*. 1993;27(1):9–32. Available at: <https://www.jstor.org/stable/3586949>. Accessed July 02, 2023.
4. Poulisse N, Bongaerts T. First language use in second language production. *Applied Linguistics*. 1994;15(1):36-57.
5. Cristovao V. Co-construindo L2? Dissertacao (Mestrado em Linguistica Aplicada ao Eusino de Linguas) Sao Paulo: Pontificia Universidade Catolica de Sao Paulo;1996.
6. Bamgbose. A. Language planning in West Africa. *International journal of the Sociology of language*. Nigeria. 2000. <https://doi.org/10.1515/ijsl.2000.141.101>.
7. Cook V. Using the first language in the classroom. *Canadian Modern language Review*. 2001;57(3):404-423. <https://doi.org/10.3138/cmlr.57.3.402>.
8. Tang J. An Empirical study of the use of the Mother tongue in L2. 'Reading class'. *Hong Kong journal of Applied linguistics*. 2000. Available at: https://www.researchgate.net/publication/234642256_An_Empirical_Study_of_the_Use_of_the_Mother_Tongue_in_L2_Reading_Class. Accessed July 02, 2023.
9. Butzkamm W. We only learn language once. The role of the mother tongue in FL classrooms: Death of a dogma. *Language Learning Journal*. 2003;28(1):29-39. <https://doi.org/10.1080/09571730385200181>.
10. Deller S. Using the Mother tongue. *Humanising Language Teaching*. Sage publications Journal. 2003. Available at: https://www.deltapublishing.co.uk/book/using-the-mother-tongue-9783125016095/?page_id=1. Accessed July 02, 2023.
11. Tudor I. Using Translation in ESP. *English language Teaching Journal*. 1987. <https://doi.org/10.1093/elt/41.4.268>.
12. Malekani K. English and the Mother tongue Effect in the Democratic Republic of Congo. In *African Review of Educational Sciences*. 2001;2:61-73.
13. Nsimambote Z. Explanatory Notes on Quantitative Procedure Applied to Research on Mother Tongues Identification in a Multilingual setting: Matinée scientifique. Kinshasa: CELTA: Democratic Republic of Congo; 2014.
14. Malekani K. Utilisation des Langues en RDC: Cas des étudiants à Kisangani et de Kinshasa. L'observatoire des langues. 2002;1:51-63.
15. Malekani K, Nsimambote Z. Identifying Mother Tongues in a Multilingual setting in Mouvement et Enjeux sociaux. 2012;4:81-88.
16. Kothari C. Research Methodology: Methods and Techniques. 2nd Edition. New Age International publishers; 2004. Available at: <https://ccsuniversity.ac.in/bridge-library/pdf/Research-Methodology-CR-Kothari.pdf>. Accessed July 02, 2023.
17. Anderson A. English Mother Tongue Instruction. Hidden curriculum and Heteroglossic Repertoires. Lund University: Sweden; 2018. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/English-Mother-Tongue-Instruction-Hidden-Curriculum-Mazur-Andersson/31842d6b0c009a82acdf8fe95d94b0f18c0f2f5d>. Accessed July 02, 2023.
18. Dicamilla F. Socio-cognitive functions of L1 collaborative interaction in the second language classroom. *The Modern Language Journal*. 1999;3. <https://doi.org/10.1111/0026-7902.00018>.

19. Buhendwa M. Multilingualism in DRC. English Rising in a Predominant Francophone Environment. *In Review of Applied languages and communication*. 2010 ;6 :83-109.
20. Chomsky N. Language and Mind. Harcourt, Brace and World. New York;1968. Available at: <https://www.ugr.es/~fmanjon/Language%20and%20Mind.pdf>. Accessed July 02, 2023.
21. Cohen L. Research methods in Education. Oxon. New York: Routledge;2011. <https://doi.org/10.4324/9780203720967/>
22. Creswell JW. Research design: Qualitative, quantitative and mixed methods, approaches. Los Angeles: Sage;2009. Available at: https://www.ucg.ac.me/skladiste/blog_609332/objava_105202/fajlovi/Creswell.pdf. Accessed July 02, 2023.
23. Kothari C. Research Methodology: Methods and Techniques. 2nd Edition. New Age International publishers;2004. Available at: <https://ccsuniversity.ac.in/bridge-library/pdf/Research-Methodology-CR-Kothari.pdf>. Accessed July 02, 2023.
24. Freeman L. Techniques and principles in language teaching (2nd ed .) New York: Oxford University Press;2000. Available at: <https://acasearch.files.wordpress.com/2015/03/techniques-in-language-teaching.pdf>. Accessed July 02, 2023.
25. Lubudi B. Promotion des langues nationales et développement culturel: pour un patriotisme linguistique non obscurantiste. Université Saint Augustin: RDC;2023.
26. Malekani K. The Linguistic Situation of DRC: How to cope with it. In *Matinée scientifique, Département de Lettres et Civilisation Anglaises*. Université de Kinshasa; 2009.
27. Malekani K. Le legs Colonial et la planification linguistique au zaire. *Congo la Revue des langues Vivantes et communication*. 2012;7:81-88.
28. Moyo T. The changing language policies and reversing language roles in Malawi: from colonial Times (1891-1964) to the present. University of Zululand; 2001. <https://doi.org/10.5785/17-2-1>.
29. Mularsih PS, Satyarini E. Using Mother Tongue in EFL classrooms: Pros and Cons. *Journal of Applied Linguistics*. 2022;6(1):26-32. <https://doi.org/10.30595/aplinesia.v6i1.13693>.
30. Phindane P. Learning in Mother Tongue: Language preferences in South Africa. *International journal of Education and science*. 2015. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/222967623.pdf>. Accessed July 02, 2023.
31. Wahdaniyah J. The Effectiveness of Using Mother Tongue Toward Students English Comprehension. Published Thesis. University of Maakassar; 2017. Available at: https://digilibadmin.unismuh.ac.id/upload/21989-Full_Text.pdf. Accessed July 02, 2023.

История статьи:

Получена: 27.07.2023

Принята: 15.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 27.07.2023

Accepted: 15.08.2023

Published online: 25.09.2023

Bionote:

Claude Wakenge Malekani, Assistant Lecturer, PhD candidate (student), University of Kinshasa, Kinshasa, Democratic Republic of Congo; *e-mail*: wakenge@gmail.com.

Сведения об авторе:

Клод Вакенге Малекани, ассистент, аспирант, университет Киншасы, Киншаса, Демократическая Республика Конго; *e-mail*: wakenge@gmail.com.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-239-250>

On the Script Reform in Ossetia: G.V. Baev vs. G.A. Dzagurov**Vittorio Springfield Tomelleri**

University of Turin; 8, Via Giuseppe Verdi, Turin, Italy, 10124;

ORCID ID: 0000-0001-7513-7587;

Web of Science Researcher ID: H-8162-2016;

Scopus Author ID: 26036851800;

e-mail: vittoriospringfield.tomelleri@unito.it

Abstract: The introduction in Ossetia of a Roman-based alphabet, which history has been quite short (from 1923 till 1938) but still extremely interesting, sparked extensive and heated debates between the supporters of the old Cyrillic tradition and the advocates of the radical graphic change. While for many languages of the Soviet Union the choice of the Latin script was intended to be a cultural and ideological weapon against the graphic monopoly of the Muslim tradition, the case of Ossetic is quite different and extremely interesting, as the graphic ‘conflict’ was about the replacement of the Russian alphabet and the abandonment of a solid literary tradition, albeit a young one. In this way, the Latinization of Ossetian became an important test case for discussions conducted because of not so much religious or linguistic, but rather identity considerations and cultural issues, as reflected in the choice of the script.

The present article provides a “post-event” account of the debate between supporters and opponents of the new alphabet, given by the cultural activist Grigoriy A. Dzagurov in a short pamphlet, published in 1923. On the other side, across the Soviet border, we find a memorandum by the emigrant Georgiy Vasilievich Baev in which he expresses his critical opinion about the change of alphabet in North Ossetia and sets out the cultural-historical and practical reasons for his preference for the Cyrillic script. The examination of the two opposing positions clearly shows once again, should there be any need, the purely ideological and cultural nature of the discussion.

Keywords: Ossetic language, Roman alphabet, Cyrillic alphabet, Script shift, G. V. Baev, G. A. Dzagurov.

For citation: Tomelleri VS. On the Script Reform in Ossetia: G.V. Baev vs. G.A. Dzagurov. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 239–250. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-239-250> (In Engl.).

Оригинальная статья

УДК 811.221.18

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-239-250>

Об алфавитной реформе в Осетии: Г. В. Баев versus Г. А. Дзагуров**В.С. Томеллери**

Университет Турина; 10124, Италия, Турин, ул. Джузеппе Верди, д. 8;

ORCID ID: 0000-0001-7513-7587;

Web of Science Researcher ID: H-8162-2016;

Scopus Author ID: 26036851800;

e-mail: vittoriospringfield.tomelleri@unito.it

Резюме: Введение в Осетии алфавита на основе латиницы, история которого была довольно короткой (с 1923 по 1938 год), но тем не менее чрезвычайно интересной, вызвало широкие и ожесточенные споры между сторонниками старой кириллической традиции и приверженцами радикальных графических изменений.

ческих изменений. Если для многих языков Советского Союза латиница служила мощным культурным и идеологическим оружием против графической монополии мусульманской традиции, то случай с осетинским языком совершенно иной и чрезвычайно интересный, поскольку графическая «борьба» заключалась в замене русского алфавита и отказе от прочной литературной традиции, хотя и молодой. Таким образом, латинизация осетинского языка стала важным пробным камнем для многочисленных дискуссий, которые велись не столько из-за религиозных или лингвистических, сколько из-за соображений идентичности и культурных вопросов, отраженных в выборе письменности.

В настоящей статье представлен «постсобытийный» отчет о спорах между сторонниками и противниками нового алфавита, который дал культурный деятель Григорий Алексеевич Дзагуров в короткой брошюре, опубликованной в 1923 году. С другой политической стороны, за советской границей, мы находим докладную записку эмигранта Георгия Васильевича Баева, в которой автор выражает свое критическое мнение по поводу смены алфавита в Северной Осетии и излагает культурно-исторические и практические причины своего предпочтения кириллицы.

Рассмотрение двух противоположных позиций еще раз наглядно показывает, если в этом и есть необходимость, чисто идеологический и культурный характер спора.

Ключевые слова: Осетинский язык, латиница, кириллица, смена графики, Г.В. Баев, Г.А. Дзагуров.

Для цитирования: Томеллери В.С. Об алфавитной реформе в Осетии: Г.В. Баев versus Г.А. Дзагуров. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 239–250. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-239-250>.

Introduction

When, in 1921, the Red Army invaded the newly founded Republic of Georgia, the former mayor of Vladikavkaz and highly respected cultural activist, publicist and editor, Gappo (Georgiy) Vasilievich Baev (1865–1939), who had shortly before left his homeland (Ossetia), conquered by the Bolsheviks, and had been earning his living in the capital Tbilisi as a teacher of Ossetian, was forced to take the exile route a second time. Thanks to the efforts of Western Christian missions, he reached Germany via Turkey and settled in Berlin. He lived in Friedenau (Handjerystrasse 19/21, in what was the then house of the Gossner Mission), and worked until his death, among other things, as a lecturer of his mother tongue at the Oriental Seminary in Berlin. In addition to his teaching activities, which shaped and significantly enriched German Iranian studies – the names of his pupils Karl Hadanck (1882–1945) and Wolfgang Lentz (1900–1986) should be mentioned here –, G. V. Baev also developed, or rather continued, his eager activity as an editor of Ossetian literary works, which were printed in the typography run by his compatriot Yevgeniy Aleksandrovich Gutnov (Gutnaty Elbyzdykho). He also participated, under the aegis of the missionary work “Light in the East” (“Licht im Osten”), in the translation of the Holy Scriptures into Ossetian. He had some copies of the New Testament smuggled into Russia, as he himself reported:

„Since 1923, I have been regularly sending individual copies of the Gospels (in Ossetian) to my homeland... The missionary Society “Light of the East” rendered an invaluable service in the sacred work of carrying out this translation, which should never be forgotten. Since January, the management has been providing me with free accommodation and meals at their church school “The Gift of God” in Wernigerode. In addition, I had free access to a large collection of books in their library, and I had the help and advice of a philologist at my service“ (hereinafter translations by the author of the article) [1: 79];

‘Therefore, in May 1923, the first popular edition of the Four Gospels was published in Berlin with a circulation of 5,000 copies, which, having overcome heavy resistance in early 1927, came to the disposal of the All-Russian Union of Evangelists and systematically spread in my Fatherland. The publication of the “Four Gospels” in Ossetian in these cruel times made a huge impression on all the small nationalities of Russia and aroused the desire to have the same book in their native language. After that, I devoted all my efforts, guided only by the hand of the Lord and without the support of individuals and public organizations, to the hard work of translating some books of the New and Old Testaments, and these Christmas days I managed, with God’s help, to publish a translation of the Book of the Prophet Daniel. There are still many difficulties to overcome in order to pave the way for this book to Russia, but the Lord is almighty” [1: 79-80].

Aim of the paper

At the present time, I’m working on a scientific project funded by the Berlin National library (Staatsbibliothek zu Berlin, Preußischer Kulturbesitz). The main purpose of the research is to compile the bio- and

bibliographic material available in Berlin libraries and archives and to evaluate it from a cultural-historical perspective. First and foremost, the life and work of G. V. Baev and Y. A. Gutnov will be examined, with a special focus on the numerous publications they prepared and on the scientific and human contacts that both were able to establish, especially but not only in Berlin. To this end, his personal archive¹, together with the rich material on Ossetian kept in the library, forms a first-rate source of information, as revealed by the recently published correspondence with the Georgian linguist Giorgi Akhvediani [2; 3]. This archive, consisting of eight large folders, contains extremely interesting material:

1) Numerous letters and postcards from friends and colleagues to G. V. Baev;

2) German translations of Ossetian literature, a specimen of which has recently been published [4: 130], including some poems by the founder of the Ossetian literary tradition, Kosta Chetagurov (1859-1906), whose masterpiece, “Iron fændyr” (Ossetian Harp), had been published by G. V. Baev in 1899;

3) Clippings from German and Soviet newspapers, magazines and other publications, photographs, and miscellaneous material.

4) German-language reports and teaching material for the classroom.

This is a real treasure trove that deserves attention, careful description and critical appreciation in every respect. Furthermore, it would be very important to expand the source research in such a way that additional information in further archives (State Archives, Humboldt University, Mission Archives), if available, will be brought to light, which can help to better contour and possibly complete our picture of G. V. Baev’s cultural activity in Germany. The same applies to his partner and friend Evgeniy Gutnov, whose life and work, apart from the books printed by him, which by the way have not yet been catalogued, are pretty much in the dark (we do not even know where and when he died).

The present article, which expands on a presentation held at the VII International scientific conference “Development of Georgian-Ossetian Relationship (Tbilisi, 13th-14th October 2021), and one year later within the international online seminar, organized on October 12th by the National Library of Russia in Saint Petersburg [5], is devoted to the discussion on the adoption of a Roman-based alphabet in Ossetia viewed from an inner and outer perspective. The first is represented by Grigoriy Alekseevich Dzagurov (1888-1979), a renowned philologist, folklorist, teacher, and public figure in Soviet Ossetia [6], while the external point of view was sustained by the above-mentioned emigrant G. V. Baev in a statement on the introduction of the Latin script in Ossetia [7]. Before starting, it is advisable to make a terminological remark. From a sociological point of view, Ossetic was usually included in the group of the so-called young written languages. According to the Soviet definition, “young written languages are those which received a nationwide written language for the first time in the Soviet era, with the study of their native language in schools, the publication of books, newspapers and magazines in it, as well as the development of national culture, professional arts and artistic literature” [8: 3, fn. 1]. In a certain sense, we cannot claim that Ossetic was not used in written communication by their speaker even earlier, but it was obviously no mass literacy. Actually, although writing was not widespread among the majority of the population, an alphabet and a fairly significant literary tradition had been in place since at least the mid-19th century.

Literature review

After the Bolsheviks’ victory in the civil war, a very original and successfully implemented policy of linguistic and cultural edification began. It consisted in the devising of new alphabets for the numerous peoples of the former tsarist empire with no written tradition and, in many other cases, by the much more drastic replacement of a writing system with a different one (*script shift*). The Declaration of the Rights of the Peoples of Russia (November 1917) included, among other things, “the free development of national minorities and ethnic groups inhabiting the territory of the country” [8: 6]. As the Soviet sociolinguistic school has repeatedly stressed, national liberation movements are always linked to language issues: after their victory, the rights of the national languages of the rebellious peoples are usually restored. Indeed, it is not possible to think of the freedom of a people without that of being allowed to use their own language [9: 19].

This growth of national self-awareness was reflected in the intensive process of developing standardized varieties of the languages involved and, therefore, their writing systems; the creation of new alphabets meant the official recognition of the right to exist for a given language and, through the language, of a nationality or ethnic group speaking it [10: 20]. To this end, the Latin script served as a promising model for the alphabets

¹ Nachlass Gappo Baiew. Kalliope Union Catalog. Каталог союза Каллиопы . <https://kalliope-verbund.info/de/findin-gaid?fa.id=DE-611-BF-506&fa.enum=1/>

of the Soviet peoples; such a choice was made for reasons of both ideological and tactical nature. Linguists, as well as politicians and administrators repeatedly insisted on the international and more neutral character of Latin letters, opposing it not only to the Arabic, but also to the Cyrillic script. Indeed, at the first stage of the reform process, the Latin script performed the function of a powerful anti-religious tool: it was supposed to replace an antediluvian system, i.e. the Arabic script [11: 134; 12: 146–147], thus creating an authentic cultural barrier which cut off Moslems from their religious past:

S.A. Agamalioglu – one of the foremost cultural and political leaders of Soviet Azerbaijan – spoke out against clerical Islam as an obstacle to modernization, comparing the old Arabic script to “all those narrow, curving streets and small mudhouses, together with those cumbersome mausoleums, minarets and medresses – symbols of the defenders of backwardness” [13: 159].

Linguistically, the Arabic script was deemed to be difficult to learn and not well suited for Turkic or Caucasian languages; as to Cyrillic, on the other hand, its fresh association with the colonialist and assimilationist attitudes of the tsarist missionaries made the “Russian alphabet”, as it was then called, of little use for this purpose [14: 197]. The connection between the Tsarist Russification policy, Christian proselytizing and the “Russian” alphabet meant that Cyrillic was ruled out as a possible script for the Turkic languages, while a Roman-based alphabet did not have any of this negative feeling attached to it [15: 102; 16: 85]. Very revealing in this respect is what is stated in the State Archive of the Russian Federation² where the criticism towards the Cyrillic script is formulated as follows by the linguist N. F. Yakovlev:

<...> “the Russian civic alphabet in its history is the alphabet of autocratic oppression, missionary propaganda, Great Russian national chauvinism; this in particular shows itself in its russificatory role in relation to the national minorities of the former Russian Empire. <...> At the same time this alphabet is the weapon of propaganda of Russian imperialism abroad (slavophilism and its role in the battle for the straits <...>” [17: 103]. “Even after the 1917 reform, the Russian alphabet “continues to remain the alphabet of national-bourgeois Great Russian ideology. This especially clearly shows itself in the endeavor of nationalities which use the Russian alphabet to shift to the latin (Ossetines, Abkhazians, the Komi movement, and others), as an alphabet ideologically more neutral and international<...>” [17: 103].

The Latin script, on the contrary, was considered as an international alphabet that would contribute to the successful construction of a new proletarian society and, at the same time, raise each individual language and each nationality to the level of world culture and enlightenment:

“Latin characters are not only the signs of science and technology; they are those of the common written culture of all civilized nationalities. By adopting the Latin alphabet, we shall be able to make use of the fruits of international culture as we approach a proletarian-peasant international” [18: 44; 19: 47].

Thus, Latinization represented a step towards internationalization in all areas of life, a means of spreading the ideas of the world revolution [20: 104]. Therefore, this long, complex, and variously conditioned path of creating alphabets is usually known under the name Latinization is – somehow simplistically – defined as the unified result of Soviet language planning and the implementation of Lenin’s national policy [21]. The introduction of initially quite different Roman-based graphic systems should be rather viewed as a gradual centripetal development of separate and partially independent principles that reached the peak of its success and official recognition during the First All-Union Turkological Congress, held in Baku from February 26 to March 6, 1926 [22: 387–457].

The work on this ambitious alphabetical project was directed by the then created All-Union Central Committee of the New Turkic Alphabet. As shown by the initial name of the committee, which was later transformed into the All-Union Central Committee of the New Alphabet, the issue of Latinization was raised and discussed primarily for the Turkic languages, which represented the largest family after Slavic in terms of number of speakers; however, one should not forget that the highlanders of the North Caucasus, among others, were the pioneers of Latinization [23: 9].

As early as the 1930s, explicit reservations were raised about the alleged advantages of the Latin script; rather, the supposed linguistic shortcomings of the Arabic script, together with the political situation at the time, were decisive for the choice of the new Turkish alphabet. The Latin script was therefore used as a means of fighting against the reactionary and religious ideology represented by the Arabic script, although this role could also have been assigned to the Cyrillic script under different historical circumstances.

² GARF 2307/14/81 (1929): 27-28 as quoted by Martin.

Research methods and material

Within this respect, the role of Ossetian deserves, for several reasons, particular attention. In the case of this Iranian language spoken in the Caucasus, which also underwent Latinization in the twenties, the cultural situation was a little bit different. Notwithstanding the literary production in the second half of the 19th century, with Kosta Khetagurov as the most important representative, Ossetian was still considered by Soviet scholars, as we have already seen, to belong to the so-called early written languages (младописьменные языки), since in their somehow biased opinion a common national writing tradition arose only in the first years after the revolution, whereas previous literary attempts in most cases did not mark the beginning of a continuous literary tradition and did not spread among the population [24: 3]. Thus, the scientific literature emphasized the fact that, even if in Ossetia writing existed long before the Great October Revolution, its widespread use and the rapid growth of culture occurred only during the years of Soviet power [25: 462]. Not taking into account the first attempt to create Ossetian writing on the basis of the Church Slavonic (Archimandrite Gaioz, end of the 18th century) or Old Georgian alphabet (Ivane Jalghuzidze, first quarter of the 19th century), we only recall here that since the appearance of the first scientific grammar of Ossetian, written by the Academician Andrey Mikhailovich Sjögren in German and Russian [26], there were already in the 19th century some significant beginnings of writing in the native language and an Ossetic alphabet, built on the basis of the Russian civil script, was in use both in science/religion and in school practice. It was also adopted by the great national poet Kosta Khetagurov (1859–1906), the founder of the Ossetian literary language; its only drawback was the difficulty of rendering the affricate sounds, foreign to the Russian language, but attested in all the languages of the Caucasus region. Still, before the October 1917 there was neither Ossetian literature in the literal sense of the word nor a well-formed literary language, as mainly texts of spiritual content were published and this recent writing was not accessible to the mass; thus, according to a clearly propagandistic interpretation of Soviet scholars, only after 1917 Ossetian underwent substantial codification. This process went along the lines of spreading, by means of printed and oral propaganda, political and scientific knowledge: the diffusion and popularization of socialist life should be reached through the fight against remnants of the past and the development of national literature and national art [27: 35]. The process of creating a national identity among the Ossetians had thus already begun before the October Revolution, but experienced a real graphic shake-up afterwards, lasting 16 years until the turn to the now reformed Cyrillic alphabet came in 1938. In most relevant Soviet and post-Soviet publications, this experience is seen as a failed but necessary transitional phase on the way to the emergence of a codified linguistic norm; in fact, Latinization was an extremely important chapter in the history of North Caucasian culture, both on the micro-level of Ossetian linguistic history and on the macro-level of Soviet linguistic policy.

Speaking more specifically about the Latinization of Ossetian, it is necessary to underline, both at the regional and at a broader level, the following points:

- 1) the “spontaneous” nature of the alphabetical reform, carried out independently of the Turkic (Azerbaijani) model and simultaneously with it (or even earlier than it);
- 2) unlike other mountain peoples of the North Caucasus, as already said, the Ossetians already possessed a written language, very closely, but not exclusively, connected with Christian texts;
- 3) the inevitable break with the old culture is not comparable to the situation of the Turkic languages, where Arabic script had a long history and a strongly religious connotation;
- 4) the claim about advantages and technical superiority of Latin over Arabic could not apply to the case of Ossetian, where Latin was contrasted to Cyrillic.

Consequently, when the issue of the new Ossetian graphics was put on the agenda, the close connection of the Cyrillic alphabet with the Ossetian written tradition, as well as the favorable attitude of the Ossetians towards Russian people and culture, caused fierce controversies and passionate debates. This notwithstanding, the transition of Ossetians from Cyrillic to Latin was “relatively” smooth and easy. On August 24, 1922, according to the decree of the Central Executive Committee of the Mountainous Republic, a new alphabet on a Latin basis was officially introduced [28: 70].

In addition, a heated discussion arose between representatives of cultural and alphabetic modernization and advocates of the Cyrillic tradition, which, however, did not take place within the framework of the usual party-political view – namely the rejection of religious instruction for children and the separation of the church from the state and from schools. The Ossetian people, who according to statistical data have a stronger Slavic-Orthodox component and a Muslim minority (especially among the Digors living in the west and north of the country), are characterized by a syncretism of religious ideas and customs, some of which

go back to pagan traditions that are regarded by the people as the heritage of their heroic ancestors, the Alans and Scythians.

Furthermore, the “Latinists” in Ossetia conducted their cultural struggle not against the Arabic script and culture, with all the difficulties and obstacles that this entailed, but against the “native” Cyrillic (i.e. Russian) script, which corresponded to the *Zeitgeist* promoted by the Bolsheviks in the 1920s, but increasingly lost argumentative force from the 1930s onwards.

The main points of this lively discussion between the supporters of the Russian alphabet and the adherents of the Latin script, in other parts of the then Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic (which existed from 1921 till 1924) and particularly in Ossetia, revolved mainly around aspects of an ideological or practical nature [29: 294]; linguistic considerations, namely the question of the rationality of this or that graphic choice, its convenience, or inconvenience for a given language naturally faded into the background. The entire discussion is described in detail in a monograph by Boris Andreevich Alborov [30], which also exists in an abridged Ossetian version [31]. Alborov shared the fate of Cassandra, as nobody believed his correct predictions:

As a scientist who is closely familiar with the evolution of not only Ossetian graphics, but in general with the evolution of graphics of other peoples, I have repeatedly <...> declared and now I confess that the Roman based alphabet <...> has no future [30: 32].

Two interesting texts will be briefly presented here, in which the question of Latinization is discussed from two opposing points of view. Their authors were G. A. Dzagurov and G. V. Baev (1869–1939) respectively.

The first text, written by G. A. Dzagurov [6], bears the following title: *New Ossetian Graphics on a Latin Basis*. This brochure gives a brief history of the issue, setting out the arguments of both supporters of the Latin basis and its opponents; at the end there are two specimina of the old and new alphabets in both variants, Iron and Digor. Dzagurov provides the following evidence in support of the replacement of Cyrillic with Latin [6: 3–4]:

- 1) the transition to the Latin script must be promoted for reasons of inevitability, since the whole mankind is going toward this development;
- 2) the situation of the Ossetians in this matter cannot be compared with that of the Russians, as their literature is not as rich as the Russian one;
- 3) since the introduction of Latin graphics is inevitable, the sooner it is done the better it will be;
- 4) while it is true that the Ossetians have close political and cultural ties to Russia, the adoption of the Latin basis does not mean a rejection of Russian culture;
- 5) one has to put up with the fact that the development of Ossetian literature at first, during the transition to a new basis, may slow down; later it will go on at a rapid pace;
- 6) if switching to the Latin basis will eventually make people illiterate, as opponents of the Latin alphabet assure, then the same can be said about the present moment, when the Ossetians refuse or cannot read due to the clumsiness of the Ossetian alphabet based on old Cyrillic;
- 7) it is always necessary to follow not the worst, but the best models;
- 8) Latin graphics are more perfect and more beautiful than Russian;
- 9) the adoption of Latin graphics does not relieve us of superscript signs, but this should not be taken into account, since there is not a single language in the world that does not use any auxiliary sign;
- 10) the statement that the sounds of the Russian language are closer in nature to the sounds of the Ossetian language than the Latin sounds does not stand up to any scientific criticism;
- 11) a Latin-based alphabet would bring the Ossetians closer to Western Europe and unite them with the surrounding highlanders.

These arguments cannot be considered neither reliable nor convincing, but they clearly reflect the ideological context of that time, which was striving for the world revolution of the proletariat in all capitalist countries of Western Europe. Note that in some publications of the 1930s the Latin script was curiously called the “October alphabet”! [32].

In the personal archive of G. V. Baev, kept, as I already said, in the National library of Berlin (folder I, 4, containing various materials on the Ossetian alphabet – *Ossetisch/Alphabet/1924–1928/1938–*), there is a memorandum on the replacement of the alphabet in North Ossetia, whose text is preserved in two identical copies, typewritten on thin paper. In this short essay (eight pages), dated 1925 and addressed to the executive committee of the North Ossetian autonomous region, the emigrant G.V. Baev sets out his arguments in favor of the retention of Cyrillic script: he shortly describes the history of the Cyrillic tradition in Ossetia, starting with

the grammar by Sjögren (1844), to prove the cultural superiority of Cyrillic over Latin. It should be borne in mind that G. V. Baev had already intervened in defense of the “Russian alphabet”, by the end of the 19th century, under completely different political and cultural circumstances. It is an article published in the newspaper *Kazbek* on January 11th, 1896, in which the author emphasized the practical advantages of the Cyrillic alphabet, common to both languages, Ossetian and Russian. Here is an interesting passage, quoted from a recent edition in which the text has been published from archival materials:

“To propose a new alphabet would mean to ignore the existing one, in which so many valuable works have been already printed. Sjögren’s alphabet is based on the Russian civil alphabet, some letters are omitted, some are added from the Latin alphabet. Thus, as part of the Cyrillization of the peoples of the Soviet Union, an alphabet based on Cyrillic was fixed, since the peoples of the new state had to speak not only their native language, but also Russian” [33: 178–179].

Results and discussion

We will not dwell here on the detailed presentation of the content. We only note that G. V. Baev, ending his report, asks an exclusively specific question about how to continue printing in Germany after the closure of the Berlin printing house of Y. A. Gutnov in 1924:

“What prompts me to send this note is the fact that with the closure of Ye. A. Gutnov’s publishing activity in Berlin, which played a very beneficial role in the matter of our writing and in the awakening of interests in Ossetia in Germany in general, I was faced with the big task of what alphabet to continue further printing Ossetian books – whether in Latin script, available in any printing house, or in the more expensive (or dearer?) “Ossetian”. And you involuntarily lean towards the latter, since it will be easier for people to read a book with an old script. As long as the Russian alphabet will exist, until then it will be easier for all Ossetians to read in their own way with this script” [7: 169].

These passages clearly betray the totally different cultural orientation of G. A. Dzagurov and G. V. Baev: while the first associated the Latin-based alphabet with the new and modern Soviet life, for the latter the cultural link with the ‘old’ Cyrillic tradition was not to be broken. Linguistic considerations, as a rule, did not play any relevant role; on the contrary, the choice of the Roman or Cyrillic script depended upon ideological factors, which clearly reflected the political agenda of the involved personalities, in the newly constituted Soviet Union as well as among the emigrated intellectuals.

As we can observe, when a script type is used to provide a hitherto unwritten language with an alphabet, the question arises, which structural adaptations are necessary to express relevant phonological oppositions? Further, it can be the case that a script is sometimes considered as linguistically less suitable, like e. g. Cyrillic in comparison to Georgian in the initial effort to create writing systems for the languages of the Caucasus:

“< ...> Uslar and his colleagues were well aware of the fact that the guttural sounds of Georgian made the Georgian script a reasonable candidate. Cyrillic, however, might eventually give small peoples access to the civilization of a world-historical people», which served as a model for later experiments. See also, with respect to Ossetic, Sjögren’s considerations [26: 11–12].

This notwithstanding, it can prove preferable, in determinate historical conditions, depending on the cultural embeddedness (*cuius regio, eius alphabetum*). Therefore, the choice of an alphabet or a script type involves much more than purely linguistic reflections; more often than not, decisions are made mainly because for ideological, political, religious, economic or simply practical reasons.

Conclusion

Quoting Aristoteles (*De Interpretatione* 1), spoken language could be considered as the complete expression of the life, the “soul” of a given nation:

“Now spoken sounds are symbols of affections in the soul, and written marks symbols of spoken sounds. And just as written marks are not the same for all men, neither are spoken sounds. But what these are in the first place signs of – affections of the soul – are the same for all; and what these affections are likenesses of – actual things – are also the same” [33: 72].

Within this rather “romantic” perspective, written language can perhaps represent its body. In the history of the Ossetic language – without including here the medieval Alanic period, where Greek letters were used –, one observes, except for Cyrillic, a lot of not always successful alphabetic experiments, listed below, to which Arabic could also be added:

- Church Slavonic (1798)
- Old Georgian (1801-1821)

- Old Cyrillic (1844-1923)
- Roman (1923-1938)
- Modern Cyrillic (1938-till nowadays)
- Modern Georgian (1938-1954 only in South Ossetia)

Thus, the history of Ossetian writing is extremely varied, where one finds a lot of different alphabetic experiments. As the cultural identity of Ossetians became, for historical reasons, more and more strongly mediated through Russian language and culture, the final (i. e. contemporary) result of such a multifarious graphic development was a monoscriptal bilingualism of the Ossetic writing and speaking community. This, obviously, does not imply that G. V. Baev was right, while G. A. Dzagurov was wrong. History, far from being a teacher of life (*magistra vitae*), just tells us what happened, not what was the right course of events.

Список литературы

1. Zorn W. Wunder im Kaukasus. Farben der Geschichte. Erzählungen aus der Geschichte des Missionsbundes Licht im Osten. Zum 90-jährigen Jubiläum. Korntal-Münchingen: Licht im Osten. Korntal-Münchingen; 2010. Доступно по: https://www.lio.org/shop/images/products/media/99-443_01_Zorn,%20Waldemar%20-%20Farben%20der%20Geschichte_download.pdf/. Ссылка активна на 09.06.2023.
2. Томеллери В.С. Из архива Гаппо Баева. Его переписка с Георгием Ахвледиани. Перспективы развития грузино-осетинских отношений. Тбилиси: ТГУ; 2020;324-332. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.8>.
3. Tomelleri V.S, Giordano A. La poesia Dodoj di Chetægkaty Leuany fyrt K'osta. Censura, edizione e tradizione orale, con commento linguistico e traduzioni. D. Artoni, C. Frappi & P. Sorbello (a cura di), Armenia, Caucaso e Asia Centrale. Ricerche 2021 (Eurasistica 18). Venezia: Ca' Foscari;2021;89-127. Доступно по: https://www.academia.edu/65334900/La_poesia_Dodoj_%D0%94%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B9_di_Chet%D3%95gkaty_Leuany_fyrt_K_osta_Censura_edizione_e_tradizione_orale_con_commento_linguistico_e_traduzioni. Ссылка активна на 09.06.2023.
4. Андронов А.В., Томеллери В.С., Тункина И.В. Научные мероприятия Санкт-Петербурга К 1100-летию крещения Алании. *Известия СОИГСИ*. 2023;48(87):5-14. <https://doi.org/10.46698/VNC.2023.87.48.0136>.
5. Дзагуров Г.А. Новая осетинская графика на латинской основе. Владикавказ: Типография Наркомпроса Горреспублики; 1923;7. Доступно по: https://www.academia.edu/38511700/Г_А_Дзагуров_Новая_осетинская_графика_на_латинской_основе_Наборное_переиздание_текста. Ссылка активна на 09.06.2023.
6. Томеллери В.С. Из истории осетинской письменности. Докладная записка Г. В. Баева 1925 г. *Известия СОИГСИ*. 2021;39(78):147-183. <https://doi.org/10.46698/VNC.2021.78.39.004>.
7. Дешериев Ю.Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР; 1958. Доступно по: https://books.google.ru/books/about/%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D0%BC%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%B5.html?id=-8gzAAAIAAJ&redir_esc=y. Ссылка активна на 09.06.2023.
8. Исаев М.И. Социолингвистические проблемы языков народов СССР. Вопросы языковой политики и языкового строительства. Москва: «Высшая школа»; 1982. Доступно по: https://books.google.ru/books/about/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5.html?id=UFNiAAAAMAAJ&redir_esc=y. Ссылка активна на 09.06.2023.
9. Grenoble L.A. Language policy in the Soviet Union. Kluwer Academic Publishers;2003. <https://doi.org/10.1007/0-306-48083-2>.
10. Winner T.G. Problems of alphabetic reform among the Turkic peoples of Soviet Central Asia, 1920-41. *The Slavonic and East European Review*. 1952;31(76):133-147. Доступно по: https://books.google.ru/books?id=8iqlDwAAQBAJ&pg=PA319&lpg=PA319&dq=Winner+T.G.+Problems+of+alphabetic+reform+among+the+Turkic+peoples+of+Soviet+Central+Asia,+1920-41.&source=bl&ots=fYaFiz9Y-JE&sig=ACfU3U0nKNAbAUDe7jK-ezkeK_3aRUccw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewjE96ag1Z-AAx-WcEhAIHREDCtoQ6AF6BAGIEAM#v=onepage&q=Winner%20T.G.%20Problems%20of%20alphabetic%20reform%20among%20the%20Turkic%20peoples%20of%20Soviet%20Central%20Asia%2C%201920-41.&f=false. Ссылка активна на 09.06.2023.

11. Wixman R. Language aspects of ethnic patterns and processes in the North Caucasus. The University of Chicago Department of Geography Research Paper 191. Chicago, Illinois: University of Chicago; 1980. Доступно по: https://abkhazworld.com/aw/Pdf/Language_Aspects_of_Ethnic_Patterns_and_Processes_in_the_North_Caucasus_by_Ronald_Wixman.pdf. Ссылка активна на 09.06.2023.
12. Smith M. The Eurasian imperative in early soviet language planning: Russian linguists at the service of the nationalities. *Beyond Sovietology*. Armonk, New York-London: Sharpe; 1993; 159–191. Доступно по: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315484815-7/eurasian-imperative-early-soviet-language-planning-russian-linguists-service-nationalities-michael-smith>. Ссылка активна на 09.06.2023.
13. Martin T. The affirmative action empire. nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca–London: Cornell University Press; 2001. <https://doi.org/10.1163/221023905X00349>.
14. Sebba M. Ideology and alphabets in the former USSR. *Language problems and language planning*. 2006; 30(2): 99–125. <https://doi.org/10.1075/lplp.30.2.02seb>.
15. Алиев У. Борьба за создание национальных письмен на латинской основе на Северном Кавказе. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (итоги и перспективы) к предстоящему съезду горских народов. Ростов н.-Д.: Севкавказ и Крайнациздат; 1926; 73–90. Доступно по: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/10929-aliev-u-natsionalnyy-vopros-i-natsionalnaya-kultura-v-severo-kavkazskom-krae-itogi-i-perspektivy-k-predstoyaschemu-sezdu-gorskih-narodov-rostov-n-d-1926>. Ссылка активна на 09.06.2023.
16. Martin T. The Russification of the RSFSR. *Cahier du monde russe*. 1998; 39(1-2): 99–117. <https://doi.org/10.3406/CMR.1998.2515>.
17. Навширванов З. Почему мы стремимся перейти к латинскому алфавиту. *Жизнь национальностей*. 1924; 1(6): 41–44.
18. Weinreich U. The russification of Soviet minority languages. *Problems of Communism*. 1953; 2(6): 46–57. Доступно по: https://books.google.ru/books/about/The_Russification_of_Soviet_Minority_Lan.html?id=BkBPnQAACAAJ&redir_esc=y. Ссылка активна на 09.06.2023.
19. Şişcanu I. Latinisation in the Soviet Union: meanings, finalities, actions (1918–1940). *Analele Universităţii Dunărea de Jos din Galaţi, seria Istorie*. 2011; 10: 101–112. Доступно по: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=139028>. Ссылка активна на 09.06.2023.
20. Хансуваров И. Латинизация – орудие ленинской национальной политики. Москва: Партийное издательство; 1932. Доступно по: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/21433-hansuvarov-i-latinizatsiya-orudie-leninskoj-natsionalnoy-politiki-m-1932>. Ссылка активна на 09.06.2023.
21. Baldauf I. Schriftreform und Schriftwechsel bei den muslimischen Russland- und Sowjettürken (1850–1937): Ein Symptom ideengeschichtlicher und kulturpolitischer Entwicklungen (Bibliotheca orientalis hungarica 40). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993. Доступно по: <https://www.semanticscholar.org/paper/Schriftreform-und-Schriftwechsel-bei-den-Russland-%3A-Baldauf/c7945a5788fbed6d6947ba40591ed5941360dcd6>. Ссылка активна на 09.06.2023.
22. Хаджиев А. Латинизация и унификация горских алфавитов на Северном Кавказе. Культура и письменность горских народов Северного Кавказа (Сборник статей). Владикавказ: Издание Крайкома НА и Крайнациздата по заказу ВЦК НА; 1930; 5–20.
23. Бокарев Е.А., Дешериев Ю.Д. От составителей. Младописьменные языки народов СССР. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР; 1959; 3–4. Доступно по: http://apsnyteka.org/1480-mladopismennye_jazyki_narodov_sssr_fragmenty.html. Ссылка активна на 09.06.2023.
24. Исаев М.И. Осетинский язык. Младописьменные языки народов СССР. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР; 1959; 462–474. Доступно по: http://apsnyteka.org/file/mladopismennye_jazyki_narodov_sssr_fragment.pdf. Ссылка активна на 09.06.2023.
25. Sjögren A.I. Ирон æвзагахур das ist ossetische Sprachlehre, nebst kurzem ossetisch-deutschen und deutsch-ossetischen Wörterbuche. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften; 1844. Доступно по: https://archive.org/details/bub_gb_UUsGAAAAQAAJ/page/330/mode/2up. Ссылка активна на 09.06.2023.
26. Дешериев Ю.Д. Введение. Основные процессы внутривидового развития иранских и иберийско-кавказских языков (Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху). Москва: Наука; 1969; 9–64.
27. Культурное строительство в Северной Осетии (1917–1941 гг.). Сборник документов и материалов. Орджоникидзе: Ир; 1974; 1. Доступно по: <https://books.google.ru/books/about/%D0%9A%D1%83%D>

0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C.html?id=HYwWzgEACAAJ&redir_esc=y. Ссылка активна на 09.06.2023.

28. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Издательство Южного научного центра РАН; 2014. Доступно по: <https://www.ssc-ras.ru/editions/-675684822/>. Ссылка активна на 09.06.2023.

29. Алборов Б.А. История осетинских письмен. Владикавказ: Осетинская типо-фото-цинкография Издательства «Растдзинад»; 1929.

30. Алфавит октября. Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР. Под ред. Нурмакова Н.Н. Москва-Ленинград: 1934. Доступно по: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/21712-alfavit-oktyabrya-ito-gi-vvedeniya-novogo-alfavita-sredi-narodov-rsfsr-sbornik-statey-m-l-1934>. Ссылка активна на 09.06.2023.

31. Баев Г. Осетинская письменность. Антология педагогической мысли Северной Осетии. Под общ. ред. Каргиева Э.К., Чеджемов С.Р. Владикавказ: Ир; 1993.

32. Jersild A. Orientalism and empire. North Caucasus mountain peoples and the Georgian frontier, 1845–1917. Montreal et al.: McGill-Queen's Press; 2002. Доступно по: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt8018p>. Ссылка активна на 09.06.2023.

33. Ackrill JL. De Interpretatione. The Complete Works of Aristotle. The Revised Oxford Translation. Princeton: Princeton University Press; 1984;1;72-101. Доступно по: <https://www.cambridge.org/core/journals/dialogue-canadian-philosophical-review-revue-canadienne-de-philosophie/article/abs/aristotles-categories-and-de-interpretatione-tr-j-l-ackrill-oxford-university-press-1963-pp-162/142143F8226A41DB-62496F76261B9499>. Ссылка активна на 09.06.2023. (In Engl.).

References

1. Zorn W. Wunder im Kaukasus. Farben der Geschichte. Erzählungen aus der Geschichte des Missionsbundes Licht im Osten. Zum 90-jährigen Jubiläum. Korntal-Münchingen: Licht im Osten. Korntal-Münchingen; 2010. Available at: https://www.lio.org/shop/images/products/media/99-443_01_Zorn,%20Waldemar%20-%20Farben%20der%20Geschichte_download.pdf/. Accessed June 09, 2023. (In Germ.).

2. Tomelleri VS. From the archive of Gappo Baev. His correspondence with George Akhvlediani. Prospects for the development of Georgian-Ossetian relations. Tbilisi: TSU;2020;324-332. <https://doi.org/10.15688/jvol-su2.2020.6.8>. (In Russ.).

3. Tomelleri VS, Giordano A. La poesia Dodoj [Додой] di Chetægkaty Leuany fyrt K'osta. Censura, edizione e tradizione orale, con commento linguistico e traduzioni. D. Artoni, C. Frappi & P. Sorbello (a cura di), Armenia, Caucaso e Asia Centrale. Ricerche 2021. [Eurasistica 18]. Venezia: Ca' Foscari;2021;89-127. Available at: https://www.academia.edu/65334900/La_poesia_Dodoj_%D0%94%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B9_di_Chet%D3%95gkaty_Leuany_fyrt_K_osta_Censura_edizione_e_tradizione_orale_con_commen-to_linguistico_e_traduzioni. Accessed June 09, 2023. (In Ital.).

4. Andronov AV, Tomelleri VS, Tunkina IV. Scientific events of St. Petersburg for the 1100th anniversary of the baptism of Alania. *Izvestiya SOIGSI*. 2023;48(87):5-14. <https://doi.org/10.46698/VNC.2023.87.48.013>. (In Russ.).

5. Dzagurov GA. New Ossetian Graphics based on the Roman alphabet. Vladikavkaz. Printing house Nar-kompress Gorrespubliki;1923. Available at: https://www.academia.edu/38511700/%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2-%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D0%BC%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%B5.html?id=-8gzAAAAIAAJ&redir_esc=y. Accessed June 09, 2023. (In Russ.).

6. Tomelleri VS. From the history of Ossetian writing. Report note by G.V. Baev, 1925. *Izvestiya SOIGSI*. 2021;39(78):147-183. <https://doi.org/10.46698/VNC.2021.78.39.004>. (In Russ.).

7. Desheriev YuD. The development of the young written languages of the peoples of the USSR. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR; 1958. Available at: https://books.google.ru/books/about/%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2-%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D0%BC%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%B5.html?id=-8gzAAAAIAAJ&redir_esc=y. Accessed June 09, 2023. (In Russ.).

8. Isaev MI. Sociolinguistic problems of the languages of the peoples of the USSR. Issues of language policy and language construction. Moscow: “Higher School”, 1982. Available at: <https://books.google.ru/>

[books/about/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5.html?id=UFNiAAAAMAAJ&redir_esc=y](https://books.google.ru/books/about/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5.html?id=UFNiAAAAMAAJ&redir_esc=y). Accessed June 09, 2023. (In Russ.).

9. Grenoble LA. Language policy in the Soviet Union. Kluwer Academic Publishers;2003. <https://doi.org/10.1007/0-306-48083-2>. (In Engl.).

10. Winner TG. Problems of alphabetic reform among the Turkic peoples of Soviet Central Asia, 1920–41. *The Slavonic and East European Review*. 1952;31(76);133–147. Available at: file:///C:/Users/EE.Kusaeva/Downloads/StSI2017_XIV.pdf. Accessed June 09, 2023. (In Engl.).

11. Wixman R. Language aspects of ethnic patterns and processes in the North Caucasus. The University of Chicago Department of Geography Research Paper 191. Chicago, Illinois: University of Chicago; 1980. Available at: https://abkhazworld.com/aw/Pdf/Language_Aspects_of_Ethnic_Patterns_and_Processes_in_the_North_Caucasus_by_Ronald_Wixman.pdf. Accessed June 09, 2023. (In Engl.).

12. Smith M. The Eurasian imperative in early soviet language planning: Russian linguists at the service of the nationalities. *Beyond Sovietology*. Armonk, New York-London: Sharpe;1993;159–191. Available at: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315484815-7/eurasian-imperative-early-soviet-language-planning-russian-linguists-service-nationalities-michael-smith>. Accessed June 09, 2023. (In Engl.).

13. Martin T. The affirmative action empire. nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca–London: Cornell University Press;2001. <https://doi.org/10.1163/221023905X00349>. (In Engl.).

14. Sebba M. Ideology and alphabets in the former USSR. *Language problems and language planning*. 2006;30(2):99–125. <https://doi.org/10.1075/lplp.30.2.02seb>. (In Engl.).

15. Aliyev U. Struggle for the creation of national Latin-based scripts in the North Caucasus. The National Question and National Culture in the North Caucasus Region (Results and Prospects) for the forthcoming Congress of Mountain Peoples. Rostov n.-D.: Sevkvkniga and Kraynatsizdat; 1926;73–90. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/10929-aliev-u-natsionalnyy-vopros-i-natsionalnaya-kultura-v-severo-kavkazskom-krae-itogi-i-perspektivy-k-predstoyaschemu-sezdu-gorskih-narodov-rostov-n-d-1926>. Accessed June 09, 2023. (In Russ.).

16. Martin T. The Russification of the RSFSR. *Cahier du monde russe*. 1998;39(1-2):99–117. <https://doi.org/10.3406/CMR.1998.2515>. (In Fr.)

17. Navshirvanov Z. Why we are striving to move to the Latin alphabet. *Life of nationalities*. 1924;1(6):41–44. (In Russ.).

18. Weinreich U. The russification of Soviet minority languages. *Problems of Communism*. 1953;2(6):46–57. Available at: https://books.google.ru/books/about/The_Russification_of_Soviet_Minority_Lan.html?id=BkBPnQAACAAM&redir_esc=y. Accessed June 09, 2023. (In Engl.).

19. Şişcanu I. Latinisation in the Soviet Union: meanings, finalities, actions (1918–1940). *Analele Universităţii Dunărea de Jos din Galaţi, seria Istorie*. 2011;10:101–112. Available at: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=139028>. Accessed June 09, 2023. (In Engl.).

20. Khansuvarov I. Latinization - an instrument of Lenin's national policy. Moscow: Party Publishing House; 1932. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/21433-hansuvarov-i-latinizatsiya-orudie-leninskoy-natsionalnoy-politiki-m-1932..> Accessed June 09, 2023. (In Russ.).

21. Baldauf I. Schriftreform und Schriftwechsel bei den muslimischen Russland- und Sowjettürken (1850–1937): Ein Symptom ideengeschichtlicher und kulturpolitischer Entwicklungen (Bibliotheca orientalis hungarica 40). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Schriftreform-und-Schriftwechsel-bei-den-Russland-%3A-Baldauf/c7945a5788fbed6d6947ba40591ed5941360dcd6>. Accessed June 09, 2023. (In Germ.).

22. Khadzhiev A. Latinization and unification of mountain alphabets in the North Caucasus. Culture and writing of the mountain peoples of the North Caucasus (Collection of articles). Vladikavkaz: Edition of the NA Kray Committee and Kraynatsizdat by order of the NA Central Committee; 1930;5–20.

23. Bokarev EA, Desheriev YuD. From the compilers. Young-written languages of the peoples of the USSR. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1959;3–4. Available at: http://apsnyteka.org/1480-mladopismennye_jazyki_narodov_sssr_fragmenty.html. Accessed June 09, 2023. (In Russ.).

24. Isaev MI. Ossetian language. Young-written languages of the peoples of the USSR. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1959;462–474. Available at: http://apsnyteka.org/file/mladopismennye_jazyki_narodov_sssr_fragment.pdf. Accessed June 09, 2023. (In Russ.).

25. Sjögren AI. Ирон æвзагахур das ist ossetische Sprachlehre, nebst kurzem ossetisch-deutschen und deutsch-ossetischen Wörterbuche. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften; 1844. Available at: https://archive.org/details/bub_gb_UUsGAAAAQAAJ/page/330/mode/2up. Accessed June 09, 2023. (In Russ.).

26. Desheriev YD. Introduction. Basic processes of intra-structural development of Iranian and Iberian-Caucasian languages (Regularities of development of literary languages of the peoples of the USSR in the Soviet era). Moscow: Nauka; 1969;9-64. (In Russ.).

27 Cultural Construction in North Ossetia (1917-1941). Collection of documents and materials. Ordzhonikidze: Ir;1974;1. Available at: https://books.google.ru/books/about/%D0%9A%D1%83%D0%B%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C.html?id=HYwWzgEACAAJ&redir_esc=y. Ссылка активна на 09.06.2023. Accessed June 09, 2023. (In Russ.).

28. Khlynina TP, Krinko EF. History, politics and nation-building in the North Caucasus. Rostov-on-Don: Publishing house of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2014. Available at: <https://www.ssc-ras.ru/editions/-675684822/>. Accessed June 09, 2023. (In Russ.).

29. Alborov BA. History of Ossetian scripts. Vladikavkaz: Ossetian typo-photo-zincography of the Rast-dzinad Publishing House; 1929. (In Russ.).

30. Alphabet of October. Results of the introduction of a new alphabet among the peoples of the RSFSR. General ed. of Nurmakov NN. Moscow-Leningrad: 1934. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/21712-alfavit-oktyabrya-itogi-vvedeniya-novogo-alfavita-sredi-narodov-rsfsr-sbornik-statey-m-l-1934>. Accessed June 09, 2023. (In Russ.).

31. Baev G. Ossetian writing. Anthology of pedagogical thought of North Ossetia. General eds. of Kargiev EK, Chejemov SR. Vladikavkaz: Ir;1993.

32. Jersild A. Orientalism and empire. North Caucasus mountain peoples and the Georgian frontier, 1845–1917. Montreal et al.: McGill-Queen's Press; 2002. Available at: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt8018p> Ссылка активна на 09.06.2023. Accessed June 09, 2023. (In Engl.).

33. Ackrill JL. De Interpretatione. The Complete Works of Aristotle. The Revised Oxford Translation. Princeton: Princeton University Press; 1984;1;72-101. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/dialogue-canadian-philosophical-review-revue-canadienne-de-philosophie/article/abs/aristotles-categories-and-de-interpretatione-tr-j-l-ackrill-oxford-university-press-1963-pp-162/142143F8226A41DB-62496F76261B9499>. Accessed June 09, 2023. (In Engl.).

История статьи:

Получена: 28.07.2023

Принята: 11.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 28.07.2023

Accepted: 11.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторе:

Томеллери Витторио Спрингфидл, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и литературы и современных культур, профессор славянской филологии, Университет Турина, Турин, Италия; *e-mail*: vittoriospringfield.tomelleri@unito.it.

Bionote:

Vittorio Springfield Tomelleri, Prof. Dr. habil. (Phylology), Professor of Slavic Philology, University of Turin, Turin, Italy; *e-mail*: vittoriospringfield.tomelleri@unito.it.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Оригинальная статья

УДК 811.133.1

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-251-258>**Влияние англо-американских заимствований на современное состояние французского языка во франкоговорящем пространстве*** Т.Н. Шарапова¹, М.А. Федорова²¹Омский государственный технический университет;
644050, Российская Федерация, Омск, пр-т Мира, д. 11;¹ORCID ID: 0009-0005-3713-4277; ²ORCID ID: 0000-0002-0899-6303;¹ Web of Science Researcher ID: IVH-6193-2023; ² Web of Science Researcher ID:D-7718-2014; ²Scopus Author ID: 57201991279;

*e-mail: malfedorova@omgtu.ru

Резюме: Целью исследования является описание лингвистической ситуации франкоговорящих стран в связи с массовым распространением англо-американизмов и их влияния на формирование современного французского языка. Материалом исследования послужили 186 англо-американских заимствований, извлеченных путём сплошного просмотра статей и видео французских и канадских периодических интернет-изданий, сайтов, форумов. Для достижения цели исследования были использованы следующие методы: метод сплошной выборки материала, описательный и сопоставительный методы анализа отобранного материала, сравнительный анализ словарных дефиниций, метод контекстуального анализа, а также метод анализа статистических данных. Результаты исследования показали, что проникая во французский язык, англо-американизмы подвергаются лексической, морфологической, графической, синтаксической и семантической ассимиляции в языке-реципиенте, причём лексическая ассимиляция, при которой англицизмы используются носителями французского языка без адаптации к его языковой системе, является самым частым явлением. Результаты онлайн-опроса носителей французского языка подтвердили этот факт: был выявлен ряд лексически ассимилированных англо-американизмов, наиболее употребительных в повседневной жизни. Опрос также выявил высокий процент респондентов, склоняющихся к необходимости использования данного пласта лексики во французском как родном языке. В исследовании также приводятся примеры нормативных документов и названия некоторых общественных организаций, противодействующих проникновению иноязычной лексики во французский язык. Предпринимается попытка выявления экстра- и интралингвистических факторов интеграции англицизмов в разные сферы человеческой деятельности. Авторы приводят примеры параллельного использования английских заимствований и их французских эквивалентов. В исследовании уделяется внимание этимологии термина *Franglais*, приводится классификация англо-американских заимствований, а также цитируются неоднозначные взгляды ведущих лингвистов и политиков франкоговорящего пространства относительно причин появления *Franglais* и их влияния на чистоту французского языка.

Ключевые слова: ассимиляция, англицизм, заимствование, французский язык, лингвистическая ситуация, эквивалент, экстралингвистические факторы.

Для цитирования: Шарапова Т.Н., Федорова М.А. Влияние англо-американских заимствований на современное состояние французского языка. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 251–258. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-251-258>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-251-258>

**The Influence of Anglo-American Borrowings on the Current State
of the French Language in French-Speaking Countries**

***Tatiana N. Sharapova¹, Maria A. Fedorova²**

¹ Omsk State Technical University; *11 Mir Avenue, Omsk, Russian Federation, 644050*;

¹ORCID ID: 0009-0005-3713-4277; ²ORCID ID: 0000-0002-0899-6303;

¹ Web of Science Researcher ID: IVH-6193-2023; ² Web of Science Researcher ID:
D-7718-2014; ²Scopus Author ID: 57201991279;

**e-mail: malfedorova@omgtu.ru*

Abstract: The purpose of this study is to describe the language situation of the French-speaking countries in connection with the massive spread of Anglo-Americanisms and their influence on the current state of the modern French language. The research material covers 186 Anglo-American borrowings extracted from articles published and videos posted in French and Canadian periodicals, websites and forums. To achieve the purpose of the study, the following methods were used: the method of continuous sampling of the material, descriptive and comparative methods of the selected material analysis, comparative analysis of dictionary definitions, the method of contextual analysis, as well as the method of statistical data analysis. The results of the study showed that, penetrating into the French language, Anglo-Americanisms undergo lexical, morphological, graphic, syntactic and semantic assimilation in the recipient language. Lexical assimilation, in which Anglicisms are used by native French speakers without adaptation to its language system, is the most frequent phenomenon. The results of an online survey of native French speakers confirmed the following fact: a number of lexically assimilated Anglo-Americanisms most commonly used in everyday life were identified. The survey also revealed a high percentage of respondents inclined to using this layer of vocabulary in their native French language. The study also provides examples of regulatory documents and the names of some public organizations that counteract the penetration of foreign language vocabulary into the French language. An attempt is made to identify extra- and intra-linguistic factors of the integration of Anglicisms into different spheres of human activity. The authors give examples of parallel use of English borrowings and their French equivalents. In the study, the authors pay attention to the etymology of the term *Franglais*, give a classification of Anglo-American borrowings, as well as represent the ambiguous views of leading linguists and politicians of the French-speaking space regarding the reasons for the appearance of *Franglais* and their influence on the purity of the French language.

Keywords: assimilation, anglicism, borrowing, French, language situation, equivalent, intra-linguistic factors.

For citation: Sharapova TN, Fedorova MA. The Influence of Anglo-American Borrowings on the Current State of the French Language in French-Speaking Countries.

Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2023, no 3, pp. 251–258. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-251-258> (In Eng.).

Introduction

Currently, as a result of globalization and global Americanization, Anglo-Americanisms are permanently entering the linguaculture of French-speaking countries in such spheres as technology, science, advertising, entertainment, and sports [1]. Their appearance and assimilation in the language is the result of both extra- and intra-linguistic factors. The former include the tendency to strengthen Anglo-Saxon and American influence in Europe after World War II and the close geographical location of the leading French-speaking powers to the United States and Great Britain (the Canadian province of Quebec and France) and, as a result, their business and cultural cooperation, as well as the need to name new phenomena emerging as a result of the development of science, technology and entertainment industries [2].

The intra-linguistic factors include the simplicity and ease of mastering English, since according to the UNESCO classification English is not included in the list of the ten most difficult languages in the world,

while French ranks tenth in it¹. The undoubted advantage of Anglicisms are their stylistic functions (laconism, liveliness and expressiveness), which makes them the preferred means of communication not only in French, but also in other languages.

The aim of the article

Within the framework of this article, an attempt is made to describe the language situation in French-speaking territories, taking into account the quick spreading of Anglo-Americanisms in colloquial speech and the media, as well as their features and types of assimilation specific to the French language.

The novelty of the research is also connected with the fact that in modern conditions of close and constant contact of the French language with English, the study of general patterns and specific manifestations of interaction between languages contributes to a more successful organization of communication, taking into account national peculiarities of the languages [3].

A review of the literature

Excessive integration of Anglo-American borrowings is a serious problem that has arisen in all modern European languages, as a result of which such linguistic phenomena as *Denglish* (Deutsch + English), *Spanglish* (Spanish + English), *Greekglish* (Greek + English) and others began to form. For several centuries, French had had a leading position among the world's languages, but in the XX century it gradually gave way to English. This fact became a prerequisite for the emergence of the inter-language form of the French and English languages *Franenglish* / *Frananglais* (Français + English / Anglais), since out of 35,000 lexical units of the French ordinary language, more than 1,000 are of English origin [4].

The term *Frananglais* was first introduced by the French journalist *André Rigaud* in 1955 on the pages of the newspaper *Quotidien de Buenos Aires* to refer to people using too many English words in their speech; in 1959 linguist Max Rath in the newspaper *France Soir* used it as a nomination for the French language already having a lot of Anglicisms [5]. Having this meaning, the term gained popularity and became widely used in scientific research only after the publication of the book written by French linguist Ren Étiemble "*Parlez-vous frananglais?*" (*Do you speak French?*) in 1964, where he spoke out against the transformation of the French language into *Sabir* slang (*Sabir* is a mixture of French with Spanish, Catalan, Italian, Arabic), which was spoken at that time in the Mediterranean ports [6].

According to the classification of Paul-Romain Larreya, four types of *Frananglais* can be distinguished in modern French [7]:

- the inevitable/obligatory *Frananglais* (*le Frananglais incontournable*), which includes categories of Anglicisms that are firmly embedded in the French language: week-end, fast food, spray, smartphone, hit parade, chat, casting, Wi-Fi, etc.

- snobbish *Frananglais* (*le frananglais snob*). These are, as a rule, words that have substitutes in French and their use in speech is determined by a demonstration of belonging to a certain social group: why not / pourquoi pas; une deadline / date limite, date butoir; un blind test / un test à l'aveugle; le winner / le vainqueur, etc.

- hidden *Frananglais* (*le frananglais caché*). This group includes French words of English origin (*dévasté*, *juste*, *opportunité*, *scène*, *traffic*, etc.). Thus, the French word *juste* is used today under the influence of the English *just* / *simply* in the meaning of *tout simplement* (*C'était juste magnifique!* ~ It was just wonderful!). Influenced by the English expression *I'm devastated* ~ *I am depressed*, *devastated* the expression "*Je suis dévasté*" has become fixed in French instead of "*Je suis anéanti* (*abasourdi*, *atterré*)".

- *Frananglais* made in France: *caddie*, *tennisman*, etc. These are pseudo-Anglicisms: for example, there is no such word as *tennisman* (tennis player) in English; the word *caddie* (used in self-service stores, at train stations, etc.) meaning shopping trolley or cart is hardly understandable to the English.

The following are some examples of *Frananglais* from the Internet forum *ForumFr*: *C'est une trend qui circule pas mal en ce moment. ~ It's fashionable now* (This is a trend that is developing well now). *Tape toi ton meilleur sprint!* ~ Come on, run! (meaning *Show your best sprint!*) *On va checker mon email. I'm going to check my email. J'ai déjà fait mon makeup. ~ I have already put on makeup*².

¹ Natsumi Ito. Japanese is the 5th most difficult language in the world (Le japonais est la 5ème langue la plus difficile du monde) DozoDomo. Available at: <http://dozodomo.com/bento/2015/02/06/le-japonais-est-la-5eme-langue-la-plus-difficile-du-monde/>. Accessed July 07, 2023. (in Fr.)

² French forum ForumFr. Available at: <https://www.forumfr.com>. Accessed July 07, 2023. (in Fr.).

This linguistic phenomenon causes controversy among linguists and politicians in the French-speaking space. For example, Didier Berbera, a Swiss politician and president of the Parliamentary Assembly of French-speaking Countries, speaking for the purity of the French language in the cantons of Vaud, Geneva, Neuchâtel, Jura (*Vaud, Genève, Neuchâtel, Jura*) said that “it is not about fighting the English language, which is the language of culture, but about protecting our language in the face of fashion, which wants everything modern and fashionable to be presented in English” (*il ne s’agit pas de lutter contre l’anglais, qui est une langue de culture, mais bien de défendre notre langue face à une mode qui veut que tout ce qui est moderne et branché devrait forcément s’énoncer en anglais*)³.

It should be noted that being a multilingual federal state, the Swiss Confederation is always very careful about regulating the languages used, which is a highly sensitive issue from a political point of view. Since there are 4 national languages on its territory, and the French-speaking population makes up only 23% of the total, the most cost-effective solution for advertisers and trading companies was to choose one universal language for the whole country, namely English.

The language situation in France has a more advantageous position, since in 1994 the Law of Toubon (Loi Toubon) was issued, providing for sanctions against those who use foreign words in advertising, government documentation, in job applications, on the sign-boards and labeling of goods, commercial contracts, business communication and some others areas. The law did not affect only network and electronic media, private and non-profit organizations. The French Academy (*Académie française*) and the Supreme Council of the French Language (*Conseil supérieur de la langue française, CSLF*) are developing and offering alternatives to replace Anglicisms, including for computer terms, Internet terms and telecommunications [8-10]. Such words as: *marketing, jogging, networking, camping, business, digital, smartphone, leader, post, one man show, scoop* are over generated. Anglicisms, that is, their equivalents already exist in modern French. So it is proposed to replace them with the originally French *la mercatique, la course, le réseautage, le campisme, l’entreprise, numérique, un téléphone intelligent, le dirigeant, une publication, le spectacle solo, and l’exclusivité*⁴.

No less convincing is the opposite point of view regarding *Franglais*, expressed by Shana Poplack, professor of the Faculty of Linguistics at the University of Ottawa (Canada), according to which “Anglicisms cannot change the potential genius of the receiving language” (*les anglicisms ne sauraient modifier, potentiellement ou effectiveness, le “génie” de la langue réceptrice*). Based on the results of his sociolinguistic studies of the influence of Anglo-American borrowings on the French language, the professor draws the following conclusions:

- Anglo-Americanisms make up less than 1% of the total vocabulary;
- vast majority of them disappear shortly after their appearance due to the irrelevance of a particular phenomenon (*teen-ager, walkman, self-service*);
- if they are preserved, their lexical, morphological, graphic, syntactic and semantic assimilation takes place in the recipient language⁵.

Thus, an example of semantic assimilation of English borrowing in French can be the verb *réaliser*, the first meaning of which in French is “to implement”⁶, but under the influence of the English verb *to realize*, it is increasingly used in the meaning of “to understand clearly, to be aware of something”⁷, for example: *Je réalise bien que je me suis trompé. I am well aware that I made a mistake*. French adjective *domestique*, following the example of the English *domestic*, began to be used in the meaning of “relating to someone’s country” when it came to domestic flights, although it has the meaning of “relating to someone’s home, family”. *Si c’est un vol domestique, tu n’as pas besoin de dire à qui que ce soit le nom des passagers à bord. ~ If it is a domestic flight, you must not tell anyone the names of the passengers on board. Je vais prendre un vol domestique. ~ I’m going*

³ Le Drenche. Should we fight against Anglicisms in the French language? (Faut-il lutter contre les anglicismes dans la langue française?). Available at: <https://ledrenche.fr/lutter-anglicismes-langue-francaise/>. Accessed July 07, 2023.

⁴ Anglicisms: the French equivalents recommended. (Anglicismes: les équivalents français recommandés). Available at: <https://www.arcom.fr/nos-missions/pluralisme-et-cohesion-sociale/medias-audiovisuels-et-francophonie#collapse-QR4136>. Accessed July 07, 2023.

⁵ Le Drenche. Should we fight against Anglicisms in the French language? (Faut-il lutter contre les anglicismes dans la langue française?). Available at: <https://ledrenche.fr/lutter-anglicismes-langue-francaise/>. Accessed July 07, 2023.

⁶ Larousse: encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne. Available at: <https://www.larousse.fr>. Accessed July, 07, 2023.

⁷ Cambridge. Dictionary Online. Available at: <http://dictionary.cambridge.org>. Accessed: July, 07, 2023.

to fly on a domestic flight. In this case, *vol domestique* is not used correctly, since the French collocation *un vol intérieur* already exists.

Syntactic assimilation of Anglo-American borrowings, in which English-like syntactic constructions are transferred to French, is manifested in colloquial speech, which is unacceptable in academic writing. Some examples of this type of assimilation are given below in Table 1, which also includes standard variants of their use in modern French.

Table 1. Syntactic type of assimilation of Anglo-Americanisms

English collocation	Syntactic calque	Standard version	Translation
to be in charge	Je suis en charge de ce projet.	Je suis chargée de ce projet.	I was in charge of this project.
to be on the place	Je suis sur le bus depuis 30 minutes.	Je suis dans le bus depuis 30 minutes.	I've been on the bus for 30 minutes.
to be under control	Tout est sous contrôle.	Tout est maîtrisé.	Everything is under control.
to make sense	Cela fait du sens.	Cela a du sens.	It makes sense.
to have a green thumb	Je perçois aussi qu'elle a le pouce vert.	Je perçois aussi qu'elle a la main verte.	I also feel that she has a green thumb.

Research methods

The research material was Anglo-American borrowings extracted by a continuous sampling method from articles of authoritative French and Canadian periodicals *Le Monde* (lemonde.fr), *Le Devoir* (ledevoir.com), the *FranceTerme* website⁸, from the *ForumFr* Internet forum, and from the videos of French-speaking bloggers on the YouTube channel with a total of 186 lexical units.

The following methods were used in this research: the method of continuous sampling of the material, descriptive and comparative methods of analysis of the selected material, comparative analysis of dictionary definitions, the method of contextual analysis aimed at describing Anglo-Americanisms not separately, but as a part of text fragments, as well as the statistical data analysis.

Results and discussion

In this study, we analyze the examples of various types of borrowings assimilation: morphological, graphic, lexical, and syntactical [11-15]. The analysis of the selection of Anglo-American borrowings has shown that the cases of morphological assimilation, in which words or expressions are used with some changes in the morphology of words, are often erroneous (gender change, suffixation). For example, with the help of the endings of verbs of group 1 – *er*, the verb *to brief* was successfully assimilated in French: *Il faut **brief**er tout les enfants!* ~ *We need to instruct all the children!* The prefix *dé* changed the semantics of the verb: *La Défense doit les **débrief**er.* *The Ministry of Defense needs to interrogate them.* The lexical unit *date* of the English phrase *to be up to date* ~ *to be aware*, in the French version is used with the preposition *à*, acquiring the masculine article by analogy with the word *le jour*: *Je suis à date / Je suis à jour.* With the help of the *-ing* suffix, pseudo-anglicisms are formed - lexical units that do not exist in English: *footing* ~ *le cours* (running), *brushing* ~ *la mise en plis* (hair styling).

We observe cases of graphic assimilation of Anglo-Americanisms mainly on the website of the French forum. Lexical units, such as *gas*, *independent*, *traffic*, *language*, *address*, denoting concepts that exist in both linguistic cultures, nevertheless retain the spelling characteristic of Anglo-Saxon languages, although they have their own graphic image *ga z*, *indépend a nt*, *trafic*, *langage*, *adresse*. *Je ne parlais pas le **language** d'ici, donc c'était difficile de se faire des amis, à la fin j'ai abandonné.* (I didn't speak the local language at the time, it was difficult to find friends, and as a result I stopped trying). It is also common to use capital letters in common names, especially in the names of organizations *L'Association Les Plus Beaux Villages de France*” instead of *L'association des plus beaux villages de France* (*Association of the most beautiful villages in France*).

Lexical assimilation, in which Anglicisms are used in the recipient language without adaptation to its language system, is the most frequent phenomenon in the formation of *Français*. Phonetically and graphically, they can be slightly modified to better fit into modern French: *des **goodies*** ~ trinkets from English *goods* (*Nous devons encore acheter des **goodies** pour nos amis italiens.* - We still need to buy trinkets for our Italian friends.);

⁸ FranceTerme. Ministère de la Culture. Available at: <https://www.culture.fr/franceterme>. Accessed: July, 07, 2023.

un show ~ performance (*Je suis allée voir un show.* - I went to the performance); *le rush* ~ haste, turmoil (*C'est le rush en ce moment!* - Now such a rush!); *low-cost* ~ cheap, inexpensive (*Je viens de prendre un vol low-cost vers Barcelone.* - I just arrived on a budget flight to Barcelona); *un feedback*, feedback (*Le directeur du service vient de me faire un feedback sur ma performance.* - The director of the service has just given me a review of my work); *un job dating* ~ A short job interview (*A cette occasion, un job dating se déroulera le lundi 03 Avril à 10 H 00.* - In this regard, on Monday 03 April at 10:00 there will be a job interview)

Within the framework of this study, an online survey consisting of three questions was conducted among the residents of the French regions of Brittany (Bretagne, Brest) and Auvergne-Rhône-Alpes (Auvergne-Rhône-Alpes, Clermont-Ferrand). The questions were the following:

1. Utilisez-vous des mots anglais dans votre discours? (Do you use English words in your speech?)
2. Si oui, lequel d'entre eux utilisez-vous le plus souvent dans la communication quotidienne avec des parents, des amis, des collègues? (If so, which ones do you use most often in everyday communication with relatives, friends, and colleagues?)
3. Êtes-vous «pour» ou «contre» que les anglicismes soient largement utilisés dans les médias et dans la langue parlée? (Are you “for” or “against” the fact that Anglicisms are massively used both in the media and colloquial speech?)

Thirty-six respondents took part in the sociological study: 25 young people aged 18-20 years and 11 people of various activities aged 38-60 years. The first question was answered positively by 100% of respondents, the second question revealed the most common Anglo-Americanisms, for example: *le week-end, le camping, le business, un user, chatter, checker, poster, un email, liker, le look, le cash (avoir du cash), cool, un team, le challenge, la deadline, buzz (faire le buzz), un best-seller, le shopping (faire du shopping), un burnout, les fake-news*. Concerning the third question, opinions are different: 22 respondents, mostly young people (61%), voted for the functioning of Anglo-American borrowings in all spheres of human activity, since they do not see any threat to the French language and even consider their use fashionable in everyday life. Eleven middle-aged and elderly people (31%) opposed it, because they believe that “*la langue Française se dénaturait dans ce cas là et de son essence*” (the French language in this case distorted itself and its essence). Three (8%) abstainers suggest that the number of Anglicisms in modern French will increase every year, and in the foreseeable future it will become a hybrid language, which also includes an impressive list of vocabulary from other languages, such as Arabic and Italian.

Conclusion

Despite the fact that recently dozens of organizations have been created that actively struggle with the integration of Anglo-Americanisms into all spheres of activity of French-speaking countries and advocate the popularization of the French language and culture (the International Organization of La Francophonie, the Agency for Cultural and Technical Cooperation (ACTS), Alliance Française, etc.), *Franglais* is strengthening its position on a full scale. This is due to the fact that Anglicisms convey information more concisely and succinctly, saving a lot of language resources, which is an important factor in the era of short electronic messages in the field of professional and business contacts [16]. They are also a marker of belonging to a professional or age group. For example, Anglo-American borrowings make up a large part of the everyday language of French youth who want to follow fashion, replenishing their vocabulary thanks to TikTok, Facebook, etc., while there is no such trend in the colloquial speech of the older generation. Employees of many companies, especially in the field of IT and instrument-making, are forced to use English terminology, since almost all documentation contains non-equivalent terms is in English.

Thus, a person who does not speak English, but knows French well, not being a native speaker, has a problem of understanding when reading periodicals, scientific and technical literature, watching movies and entertainment programs, as well as when communicating with native French speakers.

Список литературы

1. Hoareau C. Globalization and modes of higher education policy-making in France: love it or leave it? *French Politics*, 2019. <https://doi.org/9.10.1057/fp.2011.9>.
2. Алексеева О.В. Английские заимствования во французском языке в аспекте канадского билингвизма. *Труды по романо-германской филологии*. 2021; 1 (46): 4-10. <https://doi.org/10.18524/2307-4604.2021>.
3. Oakes L. Normative language policy and minority language rights: rethinking the case of regional languages in France. *Language Policy*. Springer. 2017 (16): 365-384. <https://doi.org/9.10.1057/fp.2011.9>.

4. Кравченко О.В. Языковая политика Франции по предотвращению проникновения в язык иностранных слов и выражений. *Филологический аспект: международный научно-практический журнал*. 2019; 6 (50): 55-63.
5. Giraud J., Pamart P., Riverain J. *Les mots dans le vent* Paris, Larousse, 1971.
6. Étiemble R. *Parlez-vous franglais?* Paris, Gallimard Saint-Amand, impr. Bussière, 1964.
7. Larreya P.-R. *Parlez Franglais!* Limoges, Publishing House Lambert Lucas, 2014.
8. Lazarev A. Anglicisms in French Vocabulary in the Early 21st Century. *Journal of History Culture and Art Research*. 2017; 6: 187. <https://doi.org/10.7596/taksad.v6i6.1340>.
9. Минова М.В. Морфологическая ассимиляция англицизмов в процессе их интеграции в современный французский язык. *Филология: научные исследования*. 2019; 1: 129-143. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2019.1.29271>
10. Шалифова О.Н., Шнейдман Е.Л. Английские заимствования во французском языке: история и современность. *Тенденции развития науки и образования*. 2021; 75(5): 97-103. <https://doi.org/10.18411/lj-04-2021-199>.
11. Bila E., Bondarenko E., Maslova S. Linguistic Essence of the Process of Borrowing: French and English Language in Contact. *Arab World English Journal*. 2020; Nov.: 294-306. <https://doi.org/10.24093/awej/elt3.24>.
12. Durkin Ph. New Light on Early Middle English Borrowing from Anglo-Norman: Investigating Kinship Terms in grand-. *Anglia*. 2019; 137: 255-277. <https://doi.org/10.1515/ang-2019-0024>.
13. Lobner S. et al. (Eds.). *Concepts, Frames and Cascades in Semantics, Cognition and Ontology*. Springer; 2021. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-50200-3>.
14. Gardani F. Borrowing matter and pattern in morphology. An overview. *Morphology* 2020; 30: 263–282. <https://doi.org/10.1007/s11525-020-09371-5>.
15. Chesley P. Lexical borrowings in French: Anglicisms as a separate phenomenon. *J.of French Language Studies*. 2010; 20(3), 231-251. <https://doi.org/10.1017/S0959269510000049>.
16. Estival D., Pennycook A. *L'Académie française and Anglophone language ideologies*. *Language Policy*. Springer. 2011; 10: 325-341. Available at: https://www.researchgate.net/publication/236589607_L'Academie_francaise_and_Anglophone_language_ideologies. Accessed July 17, 2023.

References

1. Hoareau C. Globalization and Modes of Higher Education Policy-Making in France: Love It or Leave It? *French Politics*, 2019. <https://doi.org/9.10.1057/fp.2011.9>.
2. Alekseeva O. English Borrowings in French in the Aspect of Canadian Bilinguism. *Writings in Romance-Germanic Philology*. 2021; 1(46). 1 (46): 4-10. <https://doi.org/10.18524/2307-4604.2021>. (in Ukr).
3. Oakes L. Normative language policy and minority language rights: rethinking the case of regional languages in France. *Language Policy*. Springer. 2017 (16): 365-384. <https://doi.org/9.10.1057/fp.2011.9>.
4. Kravchenko OV. The Language Policy of France to Prevent the Penetration of Foreign Words and Expressions into the Language. *Philological Aspect: An International Scientific and Practical Journal*. Nizhny Novgorod: Scientific and Publishing Center “Open Knowledge”, 2019; 6 (50): 55-63 (in Russ.).
5. Giraud J, Pamart P, Riverain J. *Les Mots Dans Le Vent* Paris, Larousse, 1971.
6. Étiemble R. *Parlez-vous franglais?* Paris, Gallimard Saint-Amand, impr. Bussière, 1964.
7. Larreya P.-R. *Parlez Franglais!* Limoges, Publishing House Lambert Lucas, 2014.
8. Lazarev A. Anglicisms in French Vocabulary in the Early 21st Century. *Journal of History Culture and Art Research*. 2017; 6: 187. <https://doi.org/10.7596/taksad.v6i6.1340> (in Russ.).
9. Minova MV. Morphological Assimilation of Anglicisms in the Process of Their Integration into the Modern French Language. *Philology: Scientific Research*. 2019; 1: 129-143 <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2019.1.29271> (in Russ.).
10. Shalifova ON, Shneidman EL. English Borrowings in French: History and Modernity. *Trends in the Development of Science and Education*. 2021; 75(5): 97-103. <https://doi.org/10.18411/lj-04-2021-199> (in Russ.).
11. Bila E, Bondarenko E, Maslova S. Linguistic Essence of the Process of Borrowing: French and English Language in Contact. *Arab World English Journal*. 2020; Nov.: 294-306. <https://doi.org/10.24093/awej/elt3.24>.
12. Durkin Ph. New Light on Early Middle English Borrowing from Anglo-Norman: Investigating Kinship Terms in grand-. *Anglia*. 2019; 137: 255-277. <https://doi.org/10.1515/ang-2019-0024>.

13. Lobner S. et al. (eds.). *Concepts, Frames and Cascades in Semantics, Cognition and Ontology*. Springer; 2021. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-50200-3>.

14. Gardani F. Borrowing Matter and Pattern in Morphology. An overview. *Morphology* 2020; 30: 263–282. <https://doi.org/10.1007/s11525-020-09371-5>.

15. Chesley P. Lexical Borrowings in French: Anglicisms as a Separate Phenomenon. *J. of French Language Studies*. 2010; 20(3), 231-251. <https://doi.org/10.1017/S0959269510000049>.

16. Estival D, Pennycook A. L'Académie Française and Anglophone Language Ideologies. *Language Policy*. Springer. 2011; 10: 325-341. Available at: https://www.researchgate.net/publication/236589607_L'Academie_francaise_and_Anglophone_language_ideologies. Accessed July 17, 2023.

История статьи:

Получена: 20.07.2023

Принята: 13.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 20.07.2023

Accepted: 13.08.2023

Published online: 25.09.2023

Bionotes:

Tatiana A. Sharapova, PhD in Philology, Associate Professor, Omsk State Technical University, Department of foreign languages; Omsk, Russian Federation; *e-mail*: tnsharapova@omgtu.ru.

Maria A. Fedorova, PhD in Philology, Associate Professor, Omsk State Technical University, Department of foreign languages; Omsk, Russian Federation; *e-mail*: malfedorova@omgtu.ru.

Сведения об авторах:

Шарапова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Омский государственный технический университет, кафедра иностранных языков, Омск, Российская Федерация; *e-mail*: tnsharapova@omgtu.ru.

Федорова Мария Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Омский государственный технический университет, кафедра иностранных языков, Омск, Российская Федерация; *e-mail*: malfedorova@omgtu.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Рецензия

УДК 81`22+ 81`42

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-259-263>

С.Г. Воркачев

Рецензия

на монографию В.И. Карасика «Языковое преобразование реальности»

(М.: Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина, 2023. 500 с.)

Кубанский государственный технологический университет;
350072, Российская Федерация, Краснодар, ул. Московская, д. 2;

ORCID ID: 0000-0002-6290-2582;

Web of Science Researcher ID: W-4122-2017;

Scopus Author ID: 56642838800;

e-mail: svork@mail.ru

Резюме: В монографии обсуждаются вопросы лингвосомиотики, лингвокультурологии, лингвоаксиологии и дискурсологии. Рассматриваются характеристики лингвокультурных концептов, драматургических сюжетов и типов дискурса на материале русского, английского и немецкого языков.

Монография состоит из трех разделов: «Концептуальный функционал языка», «Нарративный функционал языка» и «Дискурсивный функционал языка». Описаны базовые параметрические концепты пространства и времени (бесконечность и вечность), регулятивные концепты поведения (власть, упорство и упрямство, лицо и репутация), концепт освоенного мира (дом, сад, карусель) и природных явлений (огонь и лёд). В качестве иллюстраций рассмотрены сюжеты «путешествие в прошлое», «полет в космос», «вечная молодость», «встреча или совместные приключения близнецов». При описании дискурсивного потенциала языка показаны модусы самовыражения в общении, алогические разновидности мировосприятия в разных типах дискурса (партиципация), особенности проявления мистификации, дискурсивной точности и неточности, объединение в речевом поступке разных типов дискурса (дискурсивная конвергенция).

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих основы интегральной науки о человеке.

Ключевые слова: лингвокультура, семиотика, аксиология, нарратив, жанр, дискурс, концепт, знак.

Для цитирования: Воркачев С.Г. Рецензия на монографию В. И. Карасика «Языковое преобразование реальности». *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 259–263. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-259-263>.

Review

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-259-263>

Sergey G. Vorkachev

Review
of the Monograph “Linguistic Transformation of Reality” by V.I. Karasik
(Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language, 2023. 500 p.)
Sergey G. Vorkachev

Kuban State Technological University; 2 Moscow Str., Krasnodar,
Russian Federation, 350072; ORCID ID: 0000-0002-6290-2582;
Web of Science Researcher ID: W-4122-2017;
Scopus Author ID: 56642838800;
e-mail: svork@mail.ru

Abstract: The monograph discusses the issues of lingua-semiotics, linguaculturology, axiological linguistics and discourse studies. The characteristics of linguistic and cultural concepts, dramatic plots and types of discourse on the material of the Russian, English and German languages are considered.

The monograph consists of three sections: “Conceptual Functionality of Language”, “Narrative Functionality of Language” and “Discourse Functionality of Language”. The basic parametric concepts of space and time (infinity and eternity), regulatory concepts of behavior (power, perseverance and stubbornness, style and reputation), the concept of the mastered world (house, garden, merry-go-round) and natural phenomena (fire and ice) are described. As illustrative material, the plots “journey into the past”, “flight into space”, “eternal youth”, “meeting or joint adventures of twins” are considered. When describing the discourse potential of language, the modes of self-expression in communication, the illogical varieties of world perception in different types of discourse (participation), the peculiarities of mystification, discourse accuracy and inaccuracy, the unification of different types of discourse in a speech act (discourse convergence) are shown.

It is meant for philologists and a wide range of researchers developing the foundations of the integral science of man.

Keywords: anthropological linguistics, semantics, axiology, narrative, genre, discourse, concept, sign.

For citation: Vorkachev SG. Review of the Monograph “Linguistic Transformation of Reality” by V.I. Karasik. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 259–263. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-259-263>.

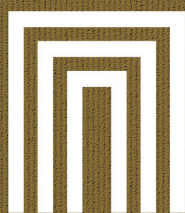

Увидела свет новая книга талантливого российского ученого проф. В. И. Карасика, достойного продолжателя научных идей таких столпов российской лингвистики, как Н. Д. Арутюнова и Ю. С. Степанов. В ней расширяется и углубляется тематика многочисленных предыдущих работ автора, посвященных проблемам современной отечественной антропологической лингвистики (см.: Карасик 2002; 2004; 2009; 2010; 2013; 2015; 2019; 2019а; 2020; 2020а; 2021).

Современная многочленная и разнокачественная парадигма научного знания вышла из когда-то единого «когнитивного» направления – философии, т. е. любви к знанию, из которой на протяжении веков выделялись отдельные дисциплины, естественные и гуманитарные. Как представляется, сегодня уже на новом витке спирали диалектического развития научной мысли начинается процесс реинтеграции и слияния ранее

В. И. Карасик

ЯЗЫКОВОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

выделившихся направлений познания мира и человека. И, если обратиться к науке о языке, то можно увидеть, что с разворотом парадигмы гуманитарных знаний второй половины прошлого века в сторону человека как субъекта речи и мысли появились такие мультидисциплинарные – «гибридные» и синкретические научные направления, как социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, юридическая лингвистика, теологическая лингвистика, политическая лингвистика, аксиологическая лингвистика, экологическая лингвистика, лингвосемиотика и пр., к которым, очевидно, после знакомства с монографией В. И. Карасика можно по праву добавить еще одну лингволитературоведческую дисциплину: аксиологическую лингво-нарратологию как направление антропологической лингвистики, изучающее лингвокультурные драматургические сюжеты и их составляющие – сюжетные мотивы, в которых проявляются универсальные либо этноспецифические нормы поведения персонажей.

Как утверждает «теорема Томаса», «если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» (см.: Гаджиев 2006: 5), и если

эти определения ситуации вербализуются, становятся частью языка, то, действительно, лейтмотив монографии – положение о том, что «язык не только отражает реальность, но и творит ее» (с. 5), получает достаточно устойчивые основания.

Композиционно монография распадается на три раздела, в которых исследуются, как их называет автор, «функционалы языка»: концептуальный, нарративно-сюжетный и дискурсный.

В первом разделе описываются лингвокультурные концепты – культурно значимые сложные смысловые образования, находящие выражение в языке, в которых в соответствии с методикой автора выделяется понятийная, образная и ценностная составляющие. Здесь исследуются *вечность* как один из модусов осмысления времени и *бесконечность* как модус осмысления пространства; *власть* как институализованное принуждение и непреодолимая сила; *упорство* и *упрямство*, отличающиеся друг от друга, главным образом, оценкой; *репутация* как фиксация общественного мнения о достоинствах человека или группы лиц – уважения либо неуважения; *дом* как концентрат «своего», противопоставленного «чужому»; *сад* как участок земли, засаженный плодовыми деревьями и противостоящий лесу и огороду; *карусель* как символ повторяющегося и неподконтрольного движения по кругу, «дурной бесконечности»; *огонь* как источник тепла и света и одновременно опасности и *лед* как символ застывшего положения дел и душевного холода. Концептуальный функционал языка раскрывается в этом разделе монографии в эмблематических, аллегорических и символических способах фиксации познаваемого и моделируемого мира.

Вторая часть монографии посвящена лингвокультурному и аксиолингвистическому описанию авторских и фольклорных нарративов – ценностно отмеченных сюжетов, представляющих собой преобразованные фабулы, которые запечатлены в таких литературных и речевых жанрах, как легенды и мифы, сказки, притчи, пословицы, анекдоты, девизы, лозунги и также различные типы бытовых и художественных текстов, отражающих систему ценностей какого-либо сообщества. Здесь описываются *путешествие в прошлое*, позволяющее критически взглянуть на настоящее, и *полеты в космос*, воплощающие мечту о бесконечном могуществе человека-покорителя природы; сюжеты о *вечной молодости*, отражающие страх человека перед старостью, утратой здоровья и привлекательности; сюжеты о *близнецах* как о разделенном единстве и неизбежном сходстве их судеб; рассматривается сюжетная символика ироничных ирландских и парадоксальных еврейских пословиц, а также противоречивость средневековых армянских басен.

В третьей части монографии, заключительной, рассматриваются проблемы «речи, погруженной в жизнь» (Арутюнова 1990: 137) – коммуникативные, когнитивные, этнокультурные и жанровые характеристики дискурса как коммуникативной практики. Здесь описываются юридические и обиходные аспекты *диффамации* как публичного распространения порочащих сведений о человеке или организации и *мистификации* как преднамеренного обмана широкой публики путем распространения ложных сведений; исследуется феномен *дискурсивной точности* как соотношения содержания речи и целей коммуникативной ситуации; как особые речевые жанры анализируются *читательские комментарии* в Рунете и *настенные изречения*, широко распространенные в современной лингвокультуре многих стран; анализируются дискурсивный феномен *отречения* как сложного коммуникативного действия и коммуникативно-семантическая структура нарратива о *капитуляции* Германии во Второй мировой войне; выявляются лингвокультурные тропеические характеристики и разновидности *поэтического абсурда*, *катахрезы* и *оксюморона*.

К несомненным достоинствам монографии В. И. Карасика можно в первую очередь отнести её последовательно коммуникативную направленность: автор рассматривает моделирование языковых функций как развертывание коммуникативной цели к ее когнитивному воплощению и далее – к знаковой реализации (с. 8), причем эти модели формируются путем выделения ряда «базовых векторов языкового существования» (с. 18–19), открываемого коммуникативным вектором. Другим привлекательным моментом книги можно считать её принципиально аксиологическую ориентацию: рассмотрение духовной культуры, составляющей ядро антропологической лингвистики, как языковое воплощение фундаментальных ценностей этой культуры. Если в первой части работы расширяется и обогащается список анализируемых лингвокультурных концептов, начало которому было положено в «Антологии концептов» (см.: Карасик–Стернин 2005–2011), то во второй части творчески сопрягаются лингвoseмиотика и литературоведение в изучении нарративных сюжетов, а третья часть обогащает лингводискуртологию понятиями *дискурсивной точности*, *фрактального моделирования коммуникативной функции языка*, *дискурсивной конвергенции* и *партиципации*.

Теоретические результаты, приведенные в книге, и тонкие языковые наблюдения её автора, безусловно, заинтересуют всех лингвистов, занимающихся проблемами антропологической лингвистики – отечественной лингвокультурологии и лингвоконцептологии. Хочется от всей души поздравить Владимира Ильича с публикацией этой книги в год его юбилея и пожелать ему дальнейших творческих достижений.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Гаджиев К. С. Масса. Миф. Государство // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 5.
3. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
5. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
6. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.
7. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
8. Карасик В. И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 384 с.
9. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 424 с.
10. Карасик В. И. Языковые мосты понимания. М.: Дискурс, 2019а. 524 с.
11. Карасик В. И. Языковые картины бытия. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 468 с.
12. Карасик В. И. Языковая лестница познания. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020а. 462 с.
13. Карасик В. И. Языковая пластика общения. М.: Гнозис, 2021. 462 с.
14. Карасик В. И., Стернин И. А. Антология концептов: в 8 т. Волгоград: Парадигма, 2005–2011.

История статьи:

Получена: 03.07.2023

Принята: 24.07.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 03.07.2023

Accepted: 24.07.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторе:

Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Российская Федерация; *e-mail*: svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru.

Bionote:

Sergey G. Vorkachev, Prof.Dr.habil.(Philology), Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation; *e-mail*: svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Рецензия

УДК: 81'22 + 81'27

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-264-268>

М.С. Милованова

Рецензия

на монографию С.Г. Воркачева

«В чаще символов: образ в языке и культуре»

(Краснодар: КубГТУ, 2021. 264 с.)

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина;
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6;
ORCID ID: 0000-0002-0204-028X;
e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute

Резюме: В монографии на материале научного и художественного дискурсов, лексикографии и корпусной лингвистики исследуются метафорический перенос и символизация в языке и культуре, а также проводится анализ вербального воплощения идеи суверенитета в национальной геральдике государств бывшего СССР, испаноязычных стран Латинской Америки, англо-, франко- и португальязычных стран.

Ключевые слова: лингвокультура, геральдика, код, семиотика, метафора, символ, концепт.

Для цитирования: Милованова М.С. Рецензия на монографию С.Г. Воркачева «В чаще символов: образ в языке и культуре». *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 264–268. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-264-268>.

Review

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-264-268>

Maria S. Milovanova

Review

of the Monograph by S.G. Vorkachev

“Deep into Symbols: an Image in Language and Culture”

(Krasnodar: KubSTU, 2021. 264 p.)

Pushkin State Russian Language Institute;
6 Academician Volgin Str., Moscow, Russian Federation, 117485;
ORCID ID: 0000-0002-0204-028X;
e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute

Abstract: The monograph uses the material of scientific and artistic discourses, lexicography and corpus linguistics to study metaphorical transfer and symbolization in language and culture, and also analyzes the verbal embodiment of the idea of sovereignty in the national heraldry of the former USSR states, Spanish-speaking Latin American countries, English-, French- and Portuguese-speaking countries.

Keywords: anthropological linguistics, heraldry, code, semiotics, metaphor, symbol, concept.

For citation: Milovanova M.S. Review of the Monograph by S.G. Vorkachev “In “Deep into Symbols: an Image in Language and Culture”/ *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 264–268. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-264-268> (In Engl.).

Всегда интересно следить за развитием научной мысли в новых работах настоящего ученого, каким является доктор филологических наук профессор Кубанского государственного университета С.Г. Воркачев, известный исследователь, посвятивший свою лингвистическую жизнь теории перевода (романские и германские языки), проблемам межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и лингвоконцептологии, в широком смысле – миру идей, обладающих статусом ценных в национальной культуре и воплощенных в материи языка.

Новая монография С.Г. Воркачева посвящена осмыслению научно-теоретических вопросов, вопросов бытия и сознания человека, вместе с тем автор, четко очертив во Введении круг проблем, восходящих к философии, остается в рамках традиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, то есть традиций лингвистических.

В череде, или «в чаше символов», – научных, религиозных, художественных, бытовых, мифологических и других – автора привлекают символы политические (идеологические), фиксирующие идею государственности и патриотизма: гимн, герб, флаг – «ипостаси идеи патриотизма» [1: 5].

Исключительно удачная метафора из Бодлера в названии книги – *в чаше символов* – опровергает распространенный тезис о том, что метафора, по словам Д. Дэвидсона (также несогласного с этой мыслью), «непригодна для серьезного научного и философского разговора» [2: 173]. С.Г. Воркачев изучает высший уровень абстрактной мысли в языке – слова-концепты, носители аксиологически отмеченной мысли; автор осмеливается пройти сквозь *чащу символов*, чтобы дешифровать метафорическое значение слов – *symbola patriae* и других знаков, эксплицирующих мысль-символ, в национальных культурах стран бывшего СССР, испаноязычных, англо-, франко- и португальязычных стран.

Первая глава (**Глава 1. Метафора и символ**) аккумулирует знания о метафоре и отражает собственное видение автора, в чем и заключается подлинная новизна этой части исследования С.Г. Воркачева, обладающего даром слова, когда мысли-истины получают новое словесное оформление, а читатель – новое представление о сложных предметах¹. В монографии представлен оригинальный взгляд на метафору и символ – понятия, ускользающие от окончательной интерпретации. Авторское решение подчеркивает и раскрывает их связь: «Метафоризация символа – это в каком-то смысле метафоризация метафоры – метафора в квадрате, поскольку символ сам по себе представляет перенос одного смысла на другой» [1: 79]. Далее: «Генетически символ представляет собой продукт специфической метафоризации – взаимодействия смыслов, когда какое-либо образное представление переносится на отличное от него семантическое образование» [1: 84].

Материал исследования научного и художественного дискурсов и лексикографических данных дополнен результатами работы с корпусом, и это интереснейшая часть первой главы: анализ корпусных данных позволяет выявить регулярные, актуальные связи (предикативные, атрибутивные, контекстуальные) самого имени-символа *символ*, например с именами составляющих – плана выражения и плана содержания, таких как *знак, метафора, миф, эмблема, образ и прообраз, обряд, иероглиф, ритуал, знамение, иносказание / притча, архетип* и т.д.

¹ «Метафора – это ментальный инструмент воплощения бесплотного (с. 12); «Символ – результат первичной, предметной метафоризации, когда представлению-образу, конкретному уже в силе своей образности, приписывается идеальное, абстрактное содержание» (с. 45); «В гносеологических терминах символ – инструмент наглядного представления сознанию невидимых сущностей» (с. 112); «Символ – единица культурного кода вполне определенной этнической культуры, в другой культуре образ плана выражения символа может отсылать к другому, уже иному смысловому содержанию» (с. 115).

Таким образом, первая глава является теоретическим обоснованием содержания следующей главы, это самостоятельное и глубокое исследование, необходимое для понимания части второй – и в определенном смысле главной. Опыт изучения этических абстрактных смыслов и слов, их представляющих в языке (*любовь, счастье, патриотизм, смысл жизни* и др.), нашел отражение в отдельных монографических изданиях [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9], в настоящей монографии представлена методика описания метафоризации некоторых из них, таких как *любовь, счастье, пошлость, тщеславие, благодарность, справедливость, смысл жизни*.

Если речь идет о метафоризации в области абстрактных смыслов, то «при переносе ... имени с конкретного на абстрактный объект нюансирует смысловое содержание последнего» [1: 12]. Этническое сознание по-разному (по-своему) выделяет конкретные предметы, мотивирующие создание символа и закрепление традицией этой связи. За каждым представленным во второй главе (**Глава 2. Национальная геральдика**) фактом читатель почувствует фундаментальные знания автора в области языка и культуры стран-франкофонов, англоязычных, испано- и португалоговорящих стран и государств, входивших в состав Советского Союза.

Метафорический образ вторичен и предметен – в том смысле, что, будучи отражением / отображением / изображением, обязательно связан с реальным миром [1: 4], ср.: «мадленки» в романе Марселя Пруста, вкус, запах которых рождает у героя воспоминания – *образы* [10]. Подобно прустовским «мадленкам», национальный герб, флаг, гимн способны и должны оживить в сознании (и памяти) человека его связь с родной страной, с соотечественниками, с историей и традициями, носителем и наследником которых он является. Герб («крайне идеологизированный символ» – [1: 131]) сохраняет знаки родины, основной идеей которой может стать монархия (Англия), борьба за справедливость и освобождение (страны Латинской Америки), свобода (Киргизия), а символами этих идей – конкретные предметы: корона, холодное оружие, белый сокол. Другие государственные символы требуют и других предметов изображения, символизирующих в свою очередь мысль – вот этот процесс декодирования (понимания и объяснения) национальных символов осуществлен в рецензируемой монографии.

Методическая интонация позволяет избежать схоластики в освещении таких активно обсуждаемых общих вопросов гуманитарной мысли, как *культурный код, концепт и символ*, что дает возможность представить результирующие выводы компактно и одновременно основательно. Здесь же отметим и чувство юмора автора – интонация, позволяющая сделать серьезную научную мысль более живой, не противоречит серьезности замысла: к примеру, сопоставление человеческого мышления и искусственного интеллекта, генерирующего тексты прямолинейно, без учета метафорических преобразований, в результате чего евангельская сентенция *The spirit is willing, but the flesh is weak* (*Дух бодр, плоть же немощна*) трансформируется в *Водка крепкая, а мясо протухло* [1: 8-9]. См. также остроумные авторские иллюстрации-сопоставления или комментарии: *Вот это стул, на нем сидят* ([1: 136] – мысль о функциональной предназначенности символа); *Герб Канады напоминает то ли гербарий, то ли ботанический сад* ([1: 184] – о разнообразной цветочной символике национального герба Канады). Отдельные замечания неожиданны, но оказываются верными по существу, например, список известных отличий человека от животного в области сознания и способности к мышлению как высшей его форме² автор дополняет «способностью к метафорическому порождению смыслов» [1: 8].

Научное исследование может считаться состоявшимся, если отвечает критерию новизны – рецензируемая научная монография в полной мере следует этому принципу: новая книга профессора С.Г. Воркачева, безусловно, новая с точки зрения затронутых и решенных проблем когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, индивидуальна с точки зрения манеры представления результатов и будет интересна требовательному, подготовленному и неравнодушному читателю.

² А.Ф. Лосев, дифференцируя близкие понятия (языковая синонимия), представляет мышление как упорядоченное, структурированное сознание. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. В 2-х книгах. М.: Искусство. 1988. Losev A.F. History of ancient aesthetics. The last centuries. In 2 books. M.: Art. 1988.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. В чаще символов: образ в языке и культуре. Москва: Флинта; 2023. Доступно по: <https://ibooks.ru/products/390046>. Ссылка активна на: 06.08.2023.
2. Дэвидсон Д. Что означают метафоры. *Теория метафоры*. М.: 1990;172-193. Доступно по: <http://www.philology.ru/linguistics1/davidson-90.htm>. Ссылка активна на 06.08.2023.
3. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис; 2004. Доступно по: <http://lincon.narod.ru/books.htm>. Ссылка активна на 06.08.2023.
4. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис; 2007. Доступно по: https://www.studmed.ru/vorkachev-s-g-lyubov-kak-lingvokulturnyy-koncept_6d1bd0b9d2b.html. Ссылка активна на 06.08.2023.
5. Воркачев С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре. Волгоград: Парадигма; 2008. Доступно по: https://www.studmed.ru/vorkachev-sg-ideya-patriotizma-v-russkoy-lingvokulture_dda9515f170.html. Ссылка активна на 06.08.2023.
6. Воркачев С.Г. Что есть человек и что польза его: идея смысла жизни в лингвокультуре. Волгоград: Парадигма; 2011. Доступно по: <http://lincon.narod.ru/books.htm>. Ссылка активна на 06.08.2023.
7. Воркачев С.Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре. М.: Инфра-М; 2013. Доступно по: <https://fb2lib.ru/obshchie-voprosy/strana-svoya-i-chuzhaya/>. Ссылка активна на 06.08.2023.
8. Воркачев С.Г. Lumen naturale: аксиология интеллекта в языке. М.: Флинта; 2017. Доступно по: <https://znanium.com/catalog/document?id=357860>. Ссылка активна на 06.08.2023.
9. Воркачев С.Г. Счастье Родины: патриотический дискурс (лингвокультурные аспекты): М.: Флинта; 2020. Доступно по: <https://www.litres.ru/book/sergey-vorkachev/schaste-rodiny-patrioticheskiy-diskurs-lingvokulturnye-as-66198478/>. Ссылка активна на 06.08.2023.
10. Моруа А. Марсель Пруст. *Три Дюма. Литературные портреты*. Кишинев, 1974;523-544. Доступно по: <https://www.libex.ru/detail/book393325.html>. Ссылка активна на 06.08.2023.

References

1. Vorkachev SG. In the thicket of symbols: image in language and culture. Moscow: Flinta; 2023. Available at: <https://ibooks.ru/products/390046>. Accessed August 06, 2023. (In Russ.).
2. Davidson D. What metaphors mean. The theory of metaphor. M.: 1990;172-193. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/davidson-90.htm>. Accessed August 06, 2023. (In Russ.).
3. Vorkachev SG. Happiness as a linguacultural concept. Moscow: Gnosis; 2004. Available at: <http://lincon.narod.ru/books.htm>. Accessed August 06, 2023. (In Russ.).
4. Vorkachev SG. Love as a linguacultural concept. Moscow: Gnosis; 2007. Available at: https://www.studmed.ru/vorkachev-s-g-lyubov-kak-lingvokulturnyy-koncept_6d1bd0b9d2b.html. Accessed August 06, 2023. (In Russ.).
5. Vorkachev SG. The Idea of patriotism in Russian linguaculture. Volgograd: Paradigma; 2008. Available at: https://www.studmed.ru/vorkachev-sg-ideya-patriotizma-v-russkoy-lingvokulture_dda9515f170.html. Accessed August 06, 2023. (In Russ.).
6. Vorkachev SG. What is a man and what is his use: the idea of the meaning of life in linguaculture. Volgograd: Paradigma; 2011. Available at: <http://lincon.narod.ru/books.htm>. Accessed August 06, 2023. (In Russ.).
7. Vorkachev SG. Own and Foreign Country: the idea of patriotism in linguaculture. Moscow: Infra-M; 2013. Available at: <https://fb2lib.ru/obshchie-voprosy/strana-svoya-i-chuzhaya/>. Accessed August 06, 2023. (In Russ.).
8. Vorkachev SG. Lumen naturale: axiology of intelligence in language. Moscow: Flinta; 2017. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=357860>. Accessed August 06, 2023. (In Russ.).
9. Vorkachev SG. Happiness of the Motherland: patriotic discourse (linguacultural aspects): Moscow: Flinta; 2020. Available at: <https://www.litres.ru/book/sergey-vorkachev/schaste-rodiny-patrioticheskiy-diskurs-lingvokulturnye-as-66198478/>. Accessed August 06, 2023. (In Russ.).
10. Morois A. Marcel Proust. Three Dumas. Literary portraits. Kishinev, 1974;523-544. Available at: <https://www.libex.ru/detail/book393325.html>. Accessed August 06, 2023. (In Russ.).

История статьи:

Получена: 07.07.2023

Принята: 27.07.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 07.07.2023

Accepted: 27.07.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторе:

Милованова Мария Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация; *e-mail*: MSMilovanova@pushkin.institute.

Bionote:

Maria S. Milovanova, Prof.Dr.habil.(Philology), Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: MSMilovanova@pushkin.institute.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)